РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 82 № 2

Апрель–Май–Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

МОСКВА
2022

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсок* (Принстон), проф. *Д. Браунд* (Эксетер),
проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Калльери* (Болонья), акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск),
акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва), проф. *Г. Парцингер* (Берлин),
проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона), проф. *С. Розен* (Стокгольм),
проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия), проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон),
проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),
проф. *А. Ханиотис* (Принстон), проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим),
проф. *Д. Шарпен* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *И.С. Архипов* (ответственный секретарь, Москва),
д. филол. н. *Л.С. Баюн* (Москва), д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург),
д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва), к.и.н. *В.А. Головина* (зам. главного редактора, Москва),
член-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва), к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.А. Ильин-Томич* (Майнц), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к. филол. н. *П.Б. Лурье* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (Москва), к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к. филол. н. *И.С. Смирнов* (Москва), к.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва),
д.и.н. *А.М. Сморчков* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), член-корр. РАН *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *Е.Н. Андреева*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

© Российская академия наук, 2022
© Редколлегия журнала «Вестник древней истории» (составитель), 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 82 Issue 2

April–May–June

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

MOSCOW
2022

The content is prepared in the Institute of World History (Russian Academy of Sciences)
in cooperation with the State Hermitage and the Lomonosov Moscow State University

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),
Prof. *François de Callataÿ* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),
Prof. *Peter Funke* (Münster), Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg),
Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens), Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint Petersburg),
Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk), Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow),
Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin), Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona),
Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia), Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm),
Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London), Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Andrey Alekseev* (Saint Petersburg), Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow),
Prof. *Liliia Bayun* (Moscow), Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint Petersburg),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Dr. *Alexander Ilin-Tomich* (Mainz),
Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Pavel Lurje* (Saint Petersburg), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),
Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow),
Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Ilya Smirnov* (Moscow),
Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow), Prof. *Andrey Smorchkov* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepantsov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Irina Tunkina* (Saint Petersburg), Prof. *Alexey Vigasin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Evgeniia Andreeva*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Editorial Board of "Vestnik drevney istorii", 2022

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 261–280
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 261–280
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910018058-6

САРГОНОВСКИЕ ПИСЬМА ИЗ ГАСУРА

Е. В. Маркина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: emarkina@hse.ru

ORCID: 0000-0003-1795-9843

Статья предлагает читателю ознакомиться с деловой перепиской, дошедшей до нас в составе архива текстов из древнего Гасура. В письмах затрагивается широкий круг проблем, связанных в основном с сельскохозяйственными практиками, отношениями чиновников друг с другом и организацией визита царя (предположительно, Нарам-Суэна) в Гасур.

Ключевые слова: Месопотамия, аккадский язык, саргоновский диалект, экономическая история, III тысячелетие до н.э.

SARGONIC LETTERS FROM GASUR

Ekaterina V. Markina

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: emarkina@hse.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-012-00577

The article continues a series of commented editions of textual sources dated to the Sargonic era. It offers an annotated translation of a collection of Akkadian letters from the ancient city of Gasur. Most of the texts deal with agricultural practices, relations between officials, and preparations for the visit of a king (likely to be identified as Naram-Su'en) to Gasur.

Keywords: Mesopotamia, Akkadian, Sargonic dialect, economic history, third millennium BCE

Данные об авторе. Екатерина Владимировна Маркина – старший преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 20-012-00577 «Клинописные архивы древней Эблы: язык, история, культура».

Статья продолжает серию комментированных публикаций источников саргоновского времени на аккадском языке (Kogan, Markina 2014a; 2014b, Markina 2018).

Гасурский архив[1] найден между 1925–1931 гг. на городище Йорган-Тепе в иракском Курдистане[2]. Он состоит из чуть более чем 200 текстов, бóльшая часть которых посвящена хозяйственной проблематике – распределению и обработке земли, учету урожая зерна (ячменя и эммера) и его переработке на крупу, муку и солод, учету сельскохозяйственных животных и продуктов животноводства, регистрации продуктовых выдач работникам и др. Картина хозяйственной жизни, восстанавливаемая по этим документам, позволяет охарактеризовать Гасур как крупный сельскохозяйственный центр (возможно, самый крупный из существовавших в эту эпоху в регионе Малого Заба), имеющий тесные связи с Аккаде, столицей Саргоновского царства. Вероятно, что именно высокой хозяйственной значимостью Гасура следует объяснять его упоминания в документах, происходящих из городов шумерского юга – Лагаша, Уммы и Адаба, связь с которыми Гасур сохранил и после падения династии Саргонидов[3].

По сравнению с саргоновскими корпусами из южных областей Саргоновского царства, которые могут включать до нескольких тысяч документов (Адаб, Гирсу), объем гасурского корпуса невелик. Несмотря на это, он до сих пор остается главным источником по истории северной Месопотамии в эпоху Саргонидов, поскольку общее количество текстов этого времени из других городских центров северной Месопотамии[4] не превышает 120. Документы из Эблы и Нагара указывают на то, что уже в Раннединастический период Гасур играл в регионе заметную роль. В эблаитских документах Гасур упоминается, как правило, в связи с Кишем и Нагаром, возможно, в контексте военного союза против Арми[5]. Саргоновская глиняная булла с оттиском печати *энси* Гасура Йитбе-лаббы, найденная при раскопках на городище Телль-Брак (Нагар)[6], свидетельствует о том, что связи между Гасуром и Нагаром пережили падение Эблаитского царства.

Всего в гасурском архиве насчитывается десять писем, написанных, как и все документы архива, на саргоновском диалекте аккадского языка. По своему

---

[1] Здесь и далее термин «архив» применяется к группе текстов, объединенных провенансом и временем создания и связанных между собой просопографически (Pedersén 1998, 2–3). Подробнее о клинописных архивах и реконструируемых архивных практиках см. Veenhof 1986 и Foster 1986 (саргоновский период).

Все саргоновские таблички, обнаруженные на Йорган-Тепе, по завершении раскопок были отправлены в Гарвард. Полная публикация гасурских текстов (в автографиях) была осуществлена Миком в 1935 г. После Второй мировой войны таблички архива были примерно поровну поделены между Гарвардским Семитским музеем и Иракским музеем в Багдаде, где они находятся на хранении до сих пор.

[2] Городище Йорган-Тепе известно прежде всего как место обнаружения около 5 тыс. табличек на вавилонском диалекте аккадского языка, датирующихся серединой XIV в. до н.э. В эту эпоху город назывался Нузи и входил в состав хурритского царства Миттани.

[3] Подробнее об экономической роли Гасура в Саргоновский период и о его контактах с городами юге Месопотамии см. Markina 2021.

[4] В этом регионе тексты саргоновского времени обнаружены в ходе раскопок на городищах Калат-Шеркат (Ашшур), Телль-Брак (Нагар), Телль-Лейлан (Шехна) и Телль-Чагар-Базар.

[5] Biga 2014, 95.

[6] См. Illingworth 1988, 87 и 98–99.

содержанию они тесно связаны с общей проблематикой архива и позволяют подробнее реконструировать отдельные аспекты экономической жизни Гасура, сведения о которых содержатся в документах хозяйственной отчетности, и поместить их в более широкий контекст.

За единственным исключением (HSS 10, 9), адресатом всех гасурских писем, в которых сохранилась адресная формула, выступает человек по имени Или. Из писем следует, что он контролирует распределение городских ресурсов – земли (HSS 10, 11), посевного зерна (HSS 10, 5), продовольствия (HSS 10, 6; 8; 10) и персонала (HSS 10, 7; 10). Поскольку в гасурском архиве засвидетельствован писец с таким же именем, контролирующий операции с зерном в поселениях, расположенных в окрестностях Гасура (т.е. осуществляет функции, сходные с теми, которые исполнял адресат писем), предположение о том, что во всех случаях речь идет об одном и том же человеке, кажется правдоподобным[7].

Гасурские письма следуют принятому в эту эпоху эпистолярному формуляру. Все они за единственным исключением[8] открываются адресной формулой (*enma* PN_1 *ana* PN_2 *qibi-ma* ‘Так (говорит) PN_1, PN_2 скажи’), в которой императив обращен к тому, кто зачитывает письмо адресату. К нему же зачастую обращены употребленные в письме местоименные и глагольные формы третьего лица, чьим референтом выступает адресат. Считается, что такой тип формулировки (вышедший из употребления с концом Саргоновского периода) отражает наиболее архаичную ситуацию передачи сообщения – с участием посредника, который также может выступать гонцом, доставляющим письмо[9]. Подавляющее большинство гасурских писем составлено именно таким образом. Исключением является лишь текст 5, где по отношению к адресату используются формы второго лица[10].

В отдельных случаях (тексты 1 и 3) за адресной формулой следует синтаксически не связанная с основным текстом письма ремарка, задающая основную тему письма[11]. Формула приветствия (пожелания благополучия адресату), характерная для писем более поздних периодов, в них, как и в других письмах саргоновского времени, отсутствует.

Впервые транслитерация и перевод для наиболее сохранных гасурских писем были предложены Т. Миком в предисловии к публикации архива[12]. Впоследствии некоторые из них переводились и комментировались Л. Уотерманом, П. Михаловским и Я. ван дер Вестхёйзеном[13]. Наиболее современным и полным издани-

---

[7] Подробнее см. Visicato 2000, 228.

[8] В письме 1 используется сокращенная версия адресной формулы (без императива) – *enma* PN_1 *ana* PN_2 ‘Так (говорит) PN_1, PN_2 (скажи)’.

[9] Kienast, Volk 1995, 8.

[10] Письма, в которых при обращении к адресату используются формы второго лица, также хорошо представлены в саргоновском эпистолярном корпусе. Этот тип формулировки не учитывает возможного посредника при передаче сообщения, единственной отсылкой к которому остается застывшая форма императива в адресной формуле.

[11] Такие ремарки принято обозначать термином *Betreff* (нем. ‘тема’), см. Kienast, Volk 1995, 13–15.

[12] Meek 1935.

[13] Waterman 1936; van der Westhuizen 1992; Michalowski 1993.

ем гасурских писем является издание Б. Киласта и К. Фолька в рамках сводного издания ранних месопотамских писем[14].

В настоящей статье предложен перевод и историко-филологический комментарий к семи наиболее сохранным письмам из Гасура. Тексты HSS 10, 4, 9 и 121+127 исключены из публикации. Они представляют собой небольшие фрагменты, а текст HSS 10, 9 поврежден настолько, что (за исключением адресной формулы) не поддается прочтению.

1. SM 1998.4.114 (HSS 10, 6)

Письмо Дады, адресованное Шума-илуму и Или. Дада сообщает Шума-илуму о приезде царя и просит его позаботиться о том, чтобы в его распоряжении было достаточно крупы (для обеспечения царя и его сопровождающих). Текст сообщения для Или утрачен практически полностью.

Л.с. 1) [*e*]*n-ma* Da-da
2) *a-na Śú-ma*-DINGIR
3) DABIN *šu iś-te*$_4$*-śu*
4) *li-ṣú-ur*
5) LUGAL-*um*
6) *è-la-kam*
7) *ù a-na Ì-lí*
8) *qí-bí-ma*
9) *S[I$^{?}$] ˹X˺ *˹IN$^{?}$ ŠE$^{?}$˺ (X)[15]
далее разбито

О.с. 1') [...] NI [...]
2') [...] *i-*d*[*i̓-in$^{?}$/nu$^{?}$*]
далее разбито
x') *l*[*i*]*-śè-rí-am*

Л.р. 1) [(X)] ˹*X˺ VḪ *ù* *˹X˺ X

Перевод: Так говорит Дада. Шума-илуму (скажи): «Крупа, которая у него (есть): пусть он (ее) бережет – царь (скоро) сюда приедет. Кроме того, скажи Или: ...пусть он отправит мне» (*далее разбито*).

Комментарий

Л.с.

3. При образовании относительных придаточных в саргоновском диалекте отмечается полное согласование относительного местоимения (*šu*) с определяемым словом в главном предложении[16].

Употребление относительного местоимения *šu* (ед. ч., м.р., номинатив) указывает на то, что его антецедент (DABIN) также оформлен номинативом[17]. Это объясняется тем, что DABIN и относящееся к нему придаточное предложение не

[14] Kienast, Volk 1995.
[15] Здесь и далее знаком * обозначены коллационированные знаки.
[16] Подробнее об этом см. Deutscher 2002, 92–97.
[17] Сходное употребление также засвидетельствовано в HSS 10, 5 л.с. 4–5.

являются объектом глагола *maḫārum* ‘получать’, а представляют собой вынесенную вперед тему (*Betreff*, см. выше).

Сходное употребление *šu* засвидетельствовано в экономических текстах архива[18], где использование номинативной формы (*šu*) обусловлено формуляром документа, включающим список предметов операции (в номинативе), административный термин, указывающий на тип операции (часто выражен глагольной формой, например, *im-ḫur* ‘он получил’), и имя лица, осуществляющего операцию:

1) *śi-tum šu* ŠE.BA *Ìr-e-*^{d}UTU *im-ḫur* ‘(ячмень), остаток от пайков: Йир$^{?}$э-Шамаш получил’ (HSS 10, 63 л.с. 2 – о.с. 1);

2) *śi-tum* ŠE *šu* AŠA$_5$ *A-kà-dè-um im-ḫur* ‘остаток, ячмень с *орошаемого поля*$^{?}$: Аккадеум получил’ (HSS 10, 48 о.с. 3–6);

3) ŠE.BA *šu* 5 ITI *in* KI.SU$_7$ *im-ḫu-ra* ‘(ячмень), паек на 5 месяцев: они двое получили на гумне’ (HSS 10, 77 л.с. 1–4)

4) ŠE.BA *šu* 1 U$_4$ *im-ḫur* ‘(ячмень), однодневный паек: он получил’ (HSS 10, 108 о.с. 13);

5) ŠU+NÍGIN x; y.z ŠE.BA GUR *šu* 4 ITI *Tur-ab-ša-am Ki-na-kum*^{ki} *im-ḫur* ‘Итого: x;y.z ячменя, (зерно) для пайков на 4 месяца: Турабшам (из) Кинакума получил’ (HSS 10, 190 о.с. 3–7).

5–6. Фразу *šarrum yellakam* ‘(сюда) едет царь’ принято интерпретировать как указание на посещение Гасура царем Аккаде[19]. Известно, что путешествия по стране совершали Нарам-Суэн и Шаркалишарре. Об этом рассказывают документы из архивов Ниппура, Гирсу, Уммы, Адаба и Аваля[20]. Упомянутый в настоящем письме визит в Гасур, по мнению Визикато, мог быть связан с военной кампанией[21].

Форма *è-la-kam* относится к немногочисленной группе глагольных форм, в которых для записи глагольного префикса 3 л. ед.ч. м. р. вместо знака I, наиболее употребительного в этой функции[22], используется знак È, указывающий на *e*-вокализм префикса, ср. *è-e-śa-ru-ni* (Eš 2 о.с. 11')[23].

7. В современных изданиях[24] для данного имени принята интерпретация *Ì-lí*[25], восходящая к Мику[26]. В данной работе общепринятое чтение сохранено, но сле-

---

[18] Данное явление также засвидетельствовано в хозяйственных документах из других провинций саргоновского государства, ср. x; y.z ŠE GUR.SAG.GÁL *šu* 3 ITI (PN *im-ḫur*) ‘x; y.z *гура* ячменя за 3 месяца: ИС получил’ (MAD 1, 316: 2–3; ср. также аналогичные пассажи в 1, 292; BIN 8, 130; 8, 247 и др.).

[19] См. Kienast, Volk 1995, 181, Westenholz 1984, 80, n. 14.

[20] О текстах из Ниппура, Гирсу, Уммы и Адаба, в которых упоминается царское путешествие, см. Foster 1980, 29–42. Сходный материал из Аваля и Гасура рассматривается в Visicato 1999, 25–26.

[21] Visicato 2001, 472.

[22] Сюда же относятся формы *è-ra-*[*a*]*-am* ‘он любит’ (MAD 5, 8: 2), *è-rí-šu-kà* ‘они потребуют от тебя’ (Ki 1 о.с. 10), *è-qá-bi* ‘он скажет’ (Si 1 о.с. 8'), *è-ru-ub* ‘он вошел’ (MAD 5, 109: 6).

[23] В том же тексте засвидетельствована аналогичная форма, записанная через знак I: *i-e-śa-ru-ni* (Eš 2 л.с. 13'). Подробнее об употреблении знака È /ye/ в префиксах саргоновских глагольных форм см. Hasselbach 2005, 88.

[24] Например, в Kienast, Volk 1995.

[25] Букв. ‘мой бог’.

[26] См. Meek 1935, xviii–xxii.

дует отметить, что анализ NI-NI как редуплицированного имени (Ni-ni) также вполне допустим (если не более вероятен, особенно ввиду употребительности редуплицированных имен в архиве).

Л.р.

1. Надпись на ребре таблички часто представляет собой постскриптум, т.е. ремарку, связанную с основным содержанием документа (из-за краткости формулировки эта связь не всегда очевидна современному читателю)[27]. В гасурском корпусе постскриптум засвидетельствован также в HSS 10, 5 (на левом ребре таблички).

Плохая сохранность строки препятствует однозначной интерпретации. Чтение, предложенное Михаловским[28], ошибочно, поскольку он не учитывает знак VḪ перед Ù, который присутствует и на фото текста, и в копии Мика. Последний знак в строке представляет наибольшую трудность. Традиционное прочтение (GIŠ) сомнительно: по сравнению с GIŠ данный знак слишком сильно вытянут по горизонтали и больше напоминает GÁ и его производные. Предпоследний знак мог бы быть интерпретирован как NI (со стершимся верхним штрихом), если бы он был у́же по вертикали и длиннее по горизонтали.

2. IM 50640 (HSS 10, 7)

В этом письме, адресованном Или, Дада просит направить к нему человека по имени Цалили.

Л.с. 1) [*e*]*n-ma*
2) *Da-da*
3) *a-na Ì-lí*
4) *qí-bí-ma*
5) *Ṣa-lí-lí*

О.с. 1) *li-li-am*

Перевод. Так говорит Дада. Или скажи: «Цалили пусть поднимется ко мне».

Комментарий

Л.с.

5. Чтение *Ṣa-lí-lí*[29] соответствует принятому в изданиях саргоновских писем[30]. Как и в случае *Ì-lí*, его, возможно, следует интерпретировать как редуплицированное (Za-ni-ni)[31].

Человек с таким именем засвидетельствован в числе земледельцев-*энгар*, получающих серебро (HSS 10, 161 о.с. 23), а также в документе HSS 10, 66 (л.с. 5), где он упомянут сразу после Икунума, сына *энси* Гасура. Если это один человек,

---

[27] Подробнее см. Kienast, Volk 1995, 17–18.

[28] [т]ÚG *ù* ⌜Ì.GIŠ?⌝ ‘garments and oil’, см. Michalowski 1993, 35.

[29] *Ṣālilī*, букв. ‘(Бог) – мой защитник’.

[30] Kienast, Volk 1995, 182; Michalowski 1993, 36.

[31] Имя Za-ni-ni, впрочем, также может быть интерпретировано как аккадское – *Zāninī* ‘(Бог) – мой кормилец’ (так, например, Kraus 1976, 87).

то речь идет об *энгаре*, занимающем высокое положение в административной иерархии.

Деятельности *энгаров* – администраторов среднего звена, контролировавших сельскохозяйственные работы в поселениях в окрестностях Гасура, которые входили в сферу его экономического влияния, посвящено значительное число хозяйственных документов архива. По данным этих текстов известно, что они распоряжались сельскохозяйственными работниками, обеспечивали их продовольствием, инструментами и посевным материалом, следили за сбором урожая и отвечали за переработку зерна.

3. IM 50660 (HSS 10, 5)

Текст представляет собой письмо Дады, адресованное Или, в котором обсуждаются меры, направленные на увеличение фонда посевного зерна. Для этого Дада намерен урезать зерновые выдачи симуррийцам и не отдавать зерно, предназначенное для выдачи в качестве пайков, Пузузу (предположительно, поскольку зерном, составляющим каждый такой паек, можно засеять земельный участок стандартного размера). В случае если окажется, что урезать паек симуррийцам невозможно, Дада рекомендует выделить им зерно для пропитания из получившегося общего посевного фонда и обещает впоследствии восполнить это количество. Также Дада требует от Или постоянно находиться в курсе дел *энгаров*, чтобы их возникающие потребности можно было своевременно удовлетворить.

Л.с. 1) [*e*]*n-ma Da-da*
2) *a-na Ì-lí*
3) *qí-bí-ma*
4) ŠE *šu a-na* ŠE.BA
5) *a-śi-tu*
6) *a-na* ŠE.NUMUN
7) *li-śa-mì-id-ma*
8) *li-dì-in*
9) *ù śum-ma*
10) *Si-mu-ur*$_4$*-rí-ù*^{ki}
11) *a-dì da-ni-iś*

О.с. 1) ŠE *la i-ma-ḫa-ru*
2) *in qer-bí-śu*
3) *a-na* ŠE.BA *li-ʾdìʾ-in*
4) *a-na-ku*$_8$ *a-kà-śa-ar*
5) *ù pá-ni* ENGAR.ENGAR
6) *li-ṣú-ur-ma*
7) *e-re-śu-nu*
8) *li-ṣú-ru da-ni-iś*
9) *ù a-na* ^{I}*Pu-zu-zu*
10) DUMU Zu-zu ŠE.BA *a i-dì-in*
11) *a-na ì-ki-im* SÁ *śum-ma*
12) *e-ra-śi-iś na-ṭú*
13) ŠE.NUMUN *li-zi-ib*

Л.р. 1) *Śú*-BAD-*la*

Перевод. Так говорит Дада. Или скажи: «Зерно, которое я оставил для (выдачи) пайков: пусть он выдаст его как посевное зерно[32]. Если же симуррийцы существенно недополучают зерна, пусть он выдаст из него (необходимое количество зерна) для пайков. (Посевное зерно) я (потом) сам возмещу. Также пусть он *отслеживает намерения энгаров*, и пусть они как следует занимаются своими посевами. Кроме того, пусть он не выдает зерновые пайки Пузузу, сыну Зузу: (каждым из них) *можно засеять участок в 1* ику[33]. *Если* (зерно) подходит для сева, пусть он оставит (это зерно в качестве) посевного». (Постскриптум:) Шу-Ба^{ʕ}ла.

Комментарий

Л.с.

4–5. Строки 4–5 представляют собой Betreff, оформленный как относительное придаточное предложение с антецедентом (см. комментарий к стк.л.с. 3 текста 1), построенное с использованием конструкции casus pendens[34].

7–8. Гендиадис на основе глаголов *šu^{ʕ}mudum* в значении ‘назначать, причислять’[35] и *nadānum* ‘(вы)давать’. В буквальном переводе фраза *li-śa-mì-id-ma li-dì-in* означает ‘пусть он переведет его в категорию посевного зерна и выдаст (по назначению)’.

10. *Si-mu-ur$_4$-rí-ú*^{ki} – нисба от топонима *Simurrum*, наиболее раннее упоминание которого в староаккадских текстах засвидетельствовано в одной из датировочных формул Саргона: mu *Śar-um*-GI Si-mur-um^{ki}-šè ˹ì˺-ĝen-˹na-a˺ ‘год, когда Саргон ходил (в военный поход) в Симуррум’ (ECTJ 151; OSP 1, 145). Орфография со знаком UR$_4$ для данного топонима впервые встречается в текстах, датированных временем Нарам-Суэна, ср. ÉNSI *Si-mu-ur$_4$-ri-im* (Tutub 50: 10'), énsi si-mu-ur$_4$ (Tutub 65: 7). В текстах, не принадлежащих к орфографической традиции региона Диялы, данный топоним было принято записывать без геминации, ср. lú *Si-mu-ru-um*^{ki} (RTC 249 i: 8'; 250 л.с. 3, Гирсу), simug *Si-mu-ru-um* (RTC 249 ii 11', Гирсу). Симуррум располагался за Тигром, к югу от Нижнего Заба (приток Тигра)[36].

О.с.

5–6. Словосочетание *panū* + *naṣārum* не засвидетельствовано вне гасурского корпуса. Принятый в последнем издании перевод фразы *pá-ni* ENGAR.ENGAR *li-ṣú-ur-ma* (‘sich um (die Bauern) kümmern’[37]) следует интерпретации, предложенной в основных словарях (‘Die Landarbeiter überwacher’, AHw 368 sub *ikkaru*(*m*) 1a); ‘He should take care of the plowmen’, CAD I/J 49 sub *ikkaru* 1).

Возможно, в рамках выражения *panū* + *naṣārum* первый элемент следует понимать в смысле ‘план, намерение’ (CAD P 92 sub *panu* A 6. ‘wish, choice, intention, plan, purpose, concern, consideration, opinion’). В этом случае ‘следить за планами

---

[32] Букв. ‘Пусть он переведет это зерно в категорию посевного и выдаст (его)’.

[33] Букв. ‘(каждый из них) *эквивалентен полю в 1* ику’, т.е. каждым таким пайком можно засеять земельный участок стандартного размера в 1 *ику* (см. комментарий).

[34] Kienast, Volk 1995, 15, Deutscher 2002, 93.

[35] Подробнее см. Kogan 2020, 378.

[36] См. Walker 1985, 18–23.

[37] Kienast, Volk 1995, 183.

энгаров’ означало бы ‘быть в курсе того, как *энгары* организуют сельскохозяйственные работы’.

7. Перевод основывается на традиционной интерпретации, в соответствии с которой форма *e-re-śu-nu* понимается как производная от *erēšum* ‘возделывать землю’[38]. Следует отметить, что такая интерпретация может иметь альтернативу, предполагающую деривацию от *erēšum* ‘желать’. Эта возможность подробно рассматривается в комментарии к тексту 4, где также засвидетельствована форма *e-re-śu-nu* (стк. л.с. 4). В этом случае фраза *e-re-śu-nu li-ṣú-ru da-ni-iś* могла бы переводиться ‘Пусть к *их пожеланиям относятся очень внимательно*’ (HSS 10, 5 о.с. 7–8).

11. Ни одну из существующих на сегодняшний день интерпретаций данной строки нельзя признать убедительной. Всего известно пять вариантов ее прочтения[39], в том числе:

1) *a-na ni-ki-im-di* ‘for storage’ (Meek 1933, 5; Meek 1935, xviii);

2) *a-na ni-qí-im* SÁ ‘for the complete[?] libation’ (MAD 3, p. 204);

3) *a-na ni-qí-im* SÁ ‘it is reserved(?) for offering’ (CAD N/2 154; Michalowski 1993, 35);

4) (*a-na ni-qí-im*) *di* ‘leg hin!’ (GAG § 102, p. 137);

5) *a-na ni-qí-im* <*na*>*-di* ‘(Die Gerste) ist für das Opfer bestimmt[?]’[40].

Согласно Мику, *a-na ni-ki-im-di* представляет собой генитивную форму от *nakemtu*/*nekemtu* ‘accumulation of wealth’ (CAD N/2 221) с падением мимации, которое, однако, в саргоновском диалекте категорически невозможно.

Во всех остальных трактовках три знака, следующие за *a-na*, интерпретируются как генитивная форма лексемы *niqûm* ‘жертвоприношение’, что не противоречит орфографическим и грамматическим нормам. Знак DI, напротив, в трех интерпретациях из четырех понимается по-разному: как шумерограмма, как особая староаккадская форма императива от глагола *nadûm* с падением начального *i-* (GAG § 102*f*)[41] или как <*na*>*-di,* статив 3 л. ед.ч.м.р. от *nadûm* ‘бросать’, получающийся в результате эмендации текста.

От чтений, предложенных фон Зоденом и Кинастом и Фольком, следует отказаться, поскольку единственным продуктивным знаком саргоновского силлабария для значений /di/, /ti/ и /ṭi/ является TI (ср. MAD 2, p. 105 n. 266), тогда как DI употребляется либо как CVC-знак со значением /saʿ/, либо как шумерограмма.

Обращает на себя внимание тот факт, что рассматриваемая строка содержит наибольшее количество знаков по сравнению с остальными. Это могло бы объяснить употребление знака DI (в значении SÁ) в качестве идеограммы (для более краткой записи). В целом, как кажется, логографическому пониманию DI в этой строке нет разумной альтернативы.

---

[38] Акк. *eršum* ‘drilled field’ (CAD E315), ‘bestelltes Feld’ (AHw 246), либо *erēšum* ‘Feldbestellung’ (инфинитив), см. Kienast, Volk 1995, 183, 185.

[39] Все они исходят из того, что последовательность знаков в рассматриваемой строке читается как *a-na ni*-KI-*im*-DI. Данная интерпретация восходит к Мику (см. Meek 1933, 5 и 1935, xviii), после которого текст до настоящего времени не коллационировался.

[40] Kienast, Volk 1995, 183.

[41] Данная интерпретация отвергнута в последнем издании грамматики, см. GAG § 102*f*.

Ключевой инновацией нашего чтения данного сегмента является понимание NI как слогового знака со значением *ì*. При таком подходе стк.о.с. 9–11 могли бы быть интерпретированы как *a-na* [1]*Pu-zu-zu* DUMU Zu-zu ŠE.BA *a i-dì-in a-na ì-ki-im* SÁ ‘Пусть он не выдает *зерновые пайки* Пузузу сыну Зузу – (каждый из них) *эквивалентен полю в 1* ику’.

Согласно CAD, слово *ikum* – ‘dike; plot of land surrounded by a dike’ (CAD I/J 66) – в значении ‘земельный участок’ обозначает поле площадью 1 *ику* (36 м^2). Гасурская посевная норма составляет 60 *сила* на 1 *ику*, что эквивалентно двум *банам* на *ику*. Размер пайка в Гасуре варьирует в пределах от 1 до 3 *банов*, причем пайки в 2 *бана* обычно выдаются юношам (DUMU.NITA).

Идеограмма SÁ употребительна в гасурских кадастровых текстах, в которых речь идет об измерении сторон земельных участков. В случае, когда противолежащие стороны участка равны друг другу, используется формула ì.SÁ ‘(они) равны’. Если в нашем тексте SÁ имеет тот же смысл, невыдача пайка могла бы объясняться тем, что этого зерна достаточно, чтобы засеять поле площадью 1 *ику*. Обращает на себя внимание, что речь идет об участке именно этого размера, поскольку стандартное соотношение площади участка к количеству необходимого для него посевного зерна составляет 1 *ику* к 60 *сила*. При таком понимании пассаж следует сквозной тематике текста – мерам, которые следует принять для увеличения фонда посевного зерна.

Пузузу выступает как человек, ответственный за выдачу пайков группе работников. Кроме того, его отец носит то же имя, что и хорошо засвидетельствованный в текстах архива кадастровый чиновник Зузу, занимавший важную позицию в иерархии гасурской сельскохозяйственной службы. Предположение о том, что Пузузу является сыном этого чиновника, косвенно подтверждается данными текста HSS 10, 120, где упоминается кадастровый чиновник Пузузу (Pù-zu-zu SAG.SUG$_5$), т.е. Пузузу наследовал бы своему отцу в его должности.

Интерпретация последовательности ŠUM MA в конце строки не лишена трудностей. Согласно устоявшейся точке зрения, эта последовательность имеет чтение *śum-ma* ‘если’ и вводит условное придаточное, продолжающееся в следующей строке[42]. Такое расположение текста на табличке, при котором союз, вводящий придаточное предложение, отделяется от него и записывается в конце предыдущей строки, выглядит крайне необычно. Во всех известных саргоновских примерах этого типа союз *śumma* либо открывает строку (см. ROM 910×209.625[43], 2 о.с. 8; Gir 7 о.с. 7'; Gir 19 о.с. 9; Ki 3 л.с. 9, о.с. 4; Ga 8 о.с. 1'), либо формирует ее, являясь в ней единственным словом помимо союза *и* ‘и’ (Ga 3 л.с. 9, Ga 5 л.с. 7). Там же, где последовательность ŠUM MA засвидетельствована в конце строки, она представляет собой комбинацию местоименной энклитики дательного падежа *-śum* (ед. ч., м.р.) и частицы *-ma*: *la tá-ad-dì-in-śum-ma* ‘она не дала ему’ (RIME 2.1.4.1, i 3')[44]. Поскольку понимание строки в целом затруднено

[42] См. Kienast, Volk 1995, 183.

[43] См. Kraus 2018.

[44] Если следовать этой линии рассуждения, то строка о.с. 11 может быть прочитана как *a-na ì-ki-im* SÁ-*śum-ma*, где SÁ – идеограмма, скрывающая личную форму глагола,

(см. выше), автор следует традиционной интерпретации *śumma* как союза, вводящего условное придаточное.

12. Традиционно форма *e-ra-śi-iś* понимается как комбинация инфинитива глагола *erēšum* ‘возделывать землю’ и терминативного показателя *-iś*. Данная конструкция является полным смысловым аналогом целевого употребления инфинитива (**ana erēšim* ‘для возделывания’) и засвидетельствована в гасурском архиве еще дважды: *ḫu-sú-sí-iś* ‘для запоминания’ (HSS 10, 197 o.c. 4) и *wu-sú-iś* ‘для идентификации’ (HSS 10, 186 o.c. 1)[45].

Следует отметить, что при такой интерпретации форма *e-ra-śi-iś* (<**ḫrṯ*) отклоняется от саргоновской орфографической нормы, поскольку в ней вместо ожидаемого знака ŠI (**ṯi*) употребляется знак SI (**ši*). В остальных случаях для передачи этимологического **ṯ* в текстах из Гасура последовательно используется ŠV-серия, ср. *i-ba-šè* ‘имеется’ (HSS 10, 46 л.с. 4), *ba-ši-um* ‘имеющийся’ (HSS 10, 71 o.c. 2). Кроме того, для передачи этимологического **ḫ* не используется ожидаемый здесь знак É /ʾà/, ср. AŠA$_5$-*lam ʾà-ru-uš* ‘возделывай поле!’ (Gir 19 л.с. 4, 15), AŠA$_5$-*lí a-na ʾà-ra-šè i-dì-na* ‘Они (дв.ч.) отдали мое поле земледельцам’ (Di 10 o.c. 14'–15'). Вместо него мы находим знак E, который должен отражать не только падение гуттурального, но и превращение следующего за ним этимологического гласного **a* в *e*. Подробнее об этой проблеме и путях ее решения см. в комментарии к следующему письму.

13. Интерпретация формы *li-zi-ib* как производной от *ezēbum* ‘оставлять’ восходит к Мику[46]. Вместе с тем не следует исключать формальную возможность ее возведения к *waṣābum* ‘добавлять, увеличивать’ (*li-ṣí-ib*, ‘пусть он добавит’), который засвидетельствован в корпусе в этом значении в тексте HSS 10, 14 (*u-ṣí-ib* ‘он добавил’ o.c. 4).

Л.р.

1. Имя *Śú*-BAD-*la* неоднократно встречается в текстах архива, преимущественно в связи с проблематикой земледелия. В одном случае данное имя засвидетельствовано с титулом ÁBBA ‘старейшина’ (HSS 10, 158 iv 1), в двух других (HSS 10, 26 и 10, 100) оно упоминается следом за именем Ḫu-ḫi-ir. По данным текстов, в которых отражена деятельность гасурских *энгаров*, и Хухир, и Шу-Баʿла, упомянутые в HSS 10, 26 и 10, 100, являются *энгарами*, ассоциированными с поселением Малый Машкан.

4. IM 50642 (HSS 10, 11)

Письмо, адресованное Или, с просьбой прислать семена порея и распорядиться, чтобы Или, Или-баʿли и Ишма-илум приступали к работе.

чьим референтом является адресат письма. В целом такая интерпретация не выглядит невозможной в свете пассажа из саргоновского текста CUSAS 27, 194 (л.с. 8), в котором форма претерита 1 л. ед. ч. от глагола *šaʾāmum* ‘покупать’ записана при помощи последовательности знаков SA$_{10}$ (ANŠE *a-na* 10 LÁ 1 GÍN KÙ.BABBAR *lu* SA$_{10}$ ‘(клянусь жизнью царя), воистину я купил (этого) осла за девять сиклей серебра’).

[45] Эта конструкция широко употребительна и в других саргоновских текстах (Hasselbach 2005, 210), а также в Эбле.

[46] Ср. его перевод стк.o.c. 11–13 – «If (the time) is suitable for sowing, let him leave the seed-grain» (Meek 1935, xix).

Л.с. 1) [*en-ma*]
2) [...]
3) [*a-na*] ˹*Ì-lí*˺
4) [*qí-b*]*í-ma*
5) [NU]MUN GARAŠ$_4$[sar]
6) [*l*]*i-śè-bi-lam*
7) ˹*ù*˺ *śum-ma*

О.с. 1) *Ì-lí*-BAD-*lí*
2) *ù Iś-má*-DINGIR
3) [*la*] *BA-*a*
4) [*e-r*]*e*-[*ś*]*u-nu*
5) [*l*]*i-iṣ-ba-at*

Перевод. [Так говорит ...] Или скажи: «Семена лука-порея пусть он мне пришлет. И если Или-ba^{ʿ}ли и Ишма-илуму *не выдали* (*необходимое*), пусть он *озаботится их нуждами*».

Комментарий

Л.с.

5. GARAŠ$_4$[sar] (акк. *karašum*) ‘лук-порей’ (*allium porrum*)[47]. В саргоновский период семена порея также засвидетельствованы в относящемся к так называемому «луковому архиву» тексте из Ниппура OSP 2, 184: 1 (numun ga.raš[sar]).

О.с.

3. Транслитерация основана на копии Мика, согласно которой строка содержит три знака LA BA A. Согласно фото, после публикации HSS 10 табличка была повреждена: LA полностью разрушен, BA сохранился лишь частично.

Последовательность BA A обычно интерпретируется как 3 л.м.р. дв.ч. статива от глагола *bâ*^{ʾ}*um*[48] ‘проходить мимо’[49], соответственно стк. л.с. 7 – о.с. 3 переводятся как ‘если Или-ba^{ʿ}ли и Ишма-илум не на месте / отсутствуют’[50].

К сожалению, такая интерпретация не дает удовлетворительного смысла и неубедительна с точки зрения морфологии и семантики *bâ*^{ʾ}*um*: как известно, глаголы движения в принципе не образуют стативных форм, в то время как значение ‘приходить’ для *bâ*^{ʾ}*um* засвидетельствовано только в староассирийском (причем лишь в императиве).

В качестве альтернативы можно рассматривать BA как распространенный административный термин со значением ‘to allot; to distribute, to assign, to give’ (PSD B 2)[51]. В Саргоновский период он засвидетельствован в шумероязычных документах из Ниппура и Гирсу[52]. Поскольку тексты гасурского архива написаны по-аккадски, BA

---

[47] См. Powell 2003–2005, 20–21, Waetzoldt 1987, 30–31.

[48] Подробнее об этимологической и морфологической специфике этого глагола см. Kouwenberg 2010, 475–476, 556.

[49] Kienast, Volk 1995, 185, Hasselbach 2005, 133.

[50] Ср. «Wenn *Ilī-bēli* und *Išma*^{ʾ}*ilum* nicht (rechtzeitig) da sind», Kienast, Volk 1995, 185; «they are coming», Hasselbach 2005, 133.

[51] Тот же термин входит в состав шумерограммы ŠE.BA ‘зерновой паек’.

[52] Например, anše-šè sur-gul ḫé-ba ‘let him allot sufficient chopped straw (?) for the donkeys’ (PSD B2 *ad* 1.1.1.2).

в данном случае может являться шумерограммой и употребляться аналогично SÁ в HSS 10, 5 (стк. о.с. 11, см. комментарий). Знак A, следующий за BA, в этом случае являлся бы фонетическим комплементом, маркером двойственного числа[53].

4. Данная форма также засвидетельствована в HSS 10, 5 (о.с. 7). Согласно традиционной интерпретации, *e-re-śu-nu* в обоих случаях представляет собой *eršum* ‘распаханное и засеянное поле’[54] в *status pronominalis*. Основанием для такого понимания пассажа служит частотное употребление глагола *ṣabātum* в значении ‘вступать во владение (недвижимым) имуществом’ (‘to take possession of real estate, to hold feudal tenure’, CAD Ṣ 14) и его широко засвидетельствованное употребление с *eqlum* ‘поле’[55].

С другой стороны, форма *e-re-śu-nu* формально может быть интерпретирована как инфинитив. Такому пониманию следуют, в частности, Кинаст и Фольк, интерпретирующие *e-re-śu-nu* как инфинитив глагола *erēšum* (*ḫrṯ) ‘возделывать землю’ со значением ‘обработка поля’ (‘Feldbestellung’, Kienast, Volk 1995, 185). В этом случае форма *e-re-śu-nu* не следует орфографической норме, в соответствии с которой ожидалось бы написание *ʾ***à**-*ra-śu-nu*, корректно отражающее открывающий форму сильный ларингал (ʾà (É) = /ḫa/)[56].

Согласно общепринятой точке зрения, у глагола *erēšum* (*ḫrṯ) и его производных в саргоновском корпусе отмечено два типа форм – «канонические», сохраняющие гуттуральный и, как следствие, не демонстрирующие *e*-окрашивания, и «инновативные» *e*-формы (в том числе с гармонией вавилонского типа), свидетельствующие о падении корневого *ḫ[57]. Существенно, что формы первого типа засвидетельствованы как в «официальных»[58] текстах, так и в частной переписке[59]: таким образом, речь идет о явлении, свойственном не только высоким языковым регистрам. Приверженность орфографической норме в текстах разной природы, происходящих из разных регионов, заставляет искать альтернативное объяснение для *e*-форм. Таким объяснением могло бы стать возведение этих форм к *erēšum* (*ʾrš) ‘хотеть, желать, требовать’.

---

[53] По устному замечанию Л.Е. Когана, последовательность знаков в этой строке также может быть интерпретирована как [*iś*]-*ba-a* ‘они оба удовлетворены’ (*šebûm* ‘быть сытым, удовлетворенным’). В этом значении глагол хорошо засвидетельствован в староассирийском диалекте. Поскольку эта интерпретация не согласуется с предложенным здесь для последующих строк пониманием ‘пусть он озаботится их потребностями’, автор по-прежнему придерживается чтения [*la*] BA-*a* (возможно, *lā nadnā* ‘им не дали (требуемое)’).

[54] ‘Drilled field’ (CAD E315), ‘bestelltes Feld’ (AHw 246).

[55] Например, *šanûm warkīšu eqelšu kirīšu u bīssu iṣbat-ma* ‘(если) другой человек после него вступит во владение его полем, садом и домом’ (CH § 30: 61).

[56] Эта проблема также релевантна в случае с *eršum* ‘поле’, имеющим тот же корень, что и *erēšum* ‘возделывать землю’ (*ḫrṯ).

[57] Hasselbach 2005, 269–270.

[58] Под «официальными» текстами понимаются документы, в которых начертания знаков следуют Duktus III (см. Sommerfeld 1999, 13). В таких текстах часто упоминаются саргоновские чиновники высокого ранга, поэтому они нередко характеризуются как документы центральной администрации. В случае *erēšum* (*ḫrṯ) к таким текстам относится письмо Gir 19, где формы этого глагола встречаются трижды (*a-ru-uš* ‘я обработал’, стк.л.с. 9; *ʾà-ru-uš* ‘обрабатывай!’, стк.л.с. 4 и 15).

[59] Письмо Di 10 л.с. 3 (*ʾà-ra-šè* ‘земледельцы’).

В саргоновском диалекте этот глагол также демонстрирует два типа форм (с *e*-окрашиванием и без него), которые распределены по типу документов («официальные» vs. частные)[60]. При этом формы *e*-типа встречаются только в северных текстах (Киш, регион Диялы)[61], поэтому гасурские формы могли бы восприниматься как формы северного типа в полном соответствии с географическим положением Гасура. В гасурском архиве формы *e*-типа засвидетельствованы дважды: *e-re-śu-nu* (HSS 10, 5 o.c. 7–8 и 10, o.c. 4–5). В свете сказанного пассаж [*e-r*]*e*-[*ś*]*u-nu* [*l*]*i-iṣ-ba-at* мог бы переводиться как ‘пусть он озаботится их нуждами’ (HSS 10, 11 o.c. 7–8).

В рамках этой дискуссии особняком стоит форма *e-ra-śi-iś* (HSS 10, 5 o.c. 12), чья орфография трудно объяснима как с точки зрения деривации от *erēšum* (*ḥrṯ), так и с точки зрения деривации от *erēšum* (*ʾrš)[62]. Поскольку эта форма засвидетельствована в сложном для интерпретации контексте (см. комментарий к тексту 3, стк. o.c. 11), что не позволяет сделать однозначных выводов о значении глагола в этом пассаже, для нее в рамках настоящего издания сохранен традиционный перевод ‘для возделывания’.

5. SM 1998.4.2 (HSS 10, 8)

Урса, автор письма, выражает Или свое недовольство действиями пивовара.

Л.с. 1) *ʿen*ˀ*-ma*
2) Ur-sa$_6$
3) *a-na Ì-lí*
4) *qí-bí-ma*
5) *mi-nam tá-mu-ʿur*ˀ*-ma*
6) *ʾÀ-i-śa* LU[NGA]
7) BAPPIR G[I$_6$ʾ]

О.с. 1) *u-śu-ṣi-*[*ma*]
2) *tá-aš-tá-ʿpu*ˀ

Перевод. Так говорит Урса. Или скажи: «Почему ты видел, что Хайййиша, пивовар, *получил / выдал темный «пивной хлеб»*, и промолчал?»

Комментарий

Л.с.

6. Интерпретация имени *ʾÀ-i-śa* как /ḫayyiśśa/ (‘Ради ее (богини) жизни’) восходит к О. Вестенхольцу[63]. В рамках корпуса (как и за его пределами) это имя более не засвидетельствовано.

---

[60] К формам из «официальных» текстов можно отнести *a-rí-iś* ‘я потребую от тебя’ (Gir 19 o.c. 40) и *i-tár-śu-ni-iś* ‘они попросили его’ (RIME 2.1.4.10: 51, надпись из Басетки).

[61] *è-rí-*ŠU-*kà* ‘они потребуют от тебя’ (Ki 1 л.с. 10); *te-er-rí-iś* ‘ты потребуешь’ (Di 7 л.с. 8). Следует помнить, что место обнаружения текстов не всегда совпадает с местом их создания, но не в этом случае, поскольку оба письма просопографически связаны с хозяйственными документами архивов, к которым они принадлежат.

[62] См. комментарий к тексту 3 (стк. o.c. 12).

[63] См. Kienast, Volk 1995, 186.

7. BAPPIR (акк. *bappirum*) – важнейший пивоваренный ингредиент, получаемый из солода[64]. Традиционно BAPPIR интерпретируется как ‘пивной хлеб’ (англ. *beer bread*, нем. *Bierbrot*). Данная интерпретация исходит из буквального понимания идеограммы (KAŠ×NINDA) и, вероятно, не вполне точна[65]. Как отмечает Пауэлл, «‘bread’ (ninda) was in fact made from bappir; and bappir is clearly some kind of loose product that could be easily measured in dry capacity units, which is the only way one encounters it in the Sumerian beer texts».

Идеограмма, следующая за BAPPIR и определяющая его, повреждена. Сохранившееся начало знака можно интерпретировать тремя способами: как GIG (шум. gig, акк. *marṣum* ‘горький’[66]), MI (шум. gi_6, акк. *ṣalmum*, ‘черный, темный’) или DUGUD (шум. dugud, акк. *kabtum* ‘тяжелый’). Традиционный перевод пассажа основан на чтении /gig/ *marṣum*[67].

Сочетание BAPPIR GI_6 засвидетельствовано в одном из старовавилонских экземпляров лексического списка UR_5.RA: *ḫubullum* (Forerunner 15, MSL XI 154, 110) в соседстве с BAPPIR BABBAR (букв. ‘светлый пивной хлеб’)[68], что, возможно, свидетельствует в пользу чтения BAPPIR GI_6 и интерпретации этого термина как ‘темный пивной хлеб’ (вероятно, используемый при изготовлении особого сорта пива).

В этом случае смысл письма состоит не в том, что пивовар произвел некачественный продукт, а в том, что он взял/выдал не то, что требовалось.

O.c.

1. Конец строки, содержащей глагольную форму, разбит и может быть восстановлен либо как *u-śu-ṣi-*[*ma*] ‘он выдал’[69], либо как *u-śu-ṣi-*[*am-ma*] ‘он взял’, в связи с чем для данной формы невозможно предложить однозначную интерпретацию. Глагол *šūṣûm* (букв. ‘выводить’) может трактоваться по-разному. В том случае если получатель предметов, являющихся объектом при этом глаголе, и его субъект – одно и то же лицо, *šūṣûm* имеет значение ‘брать, получать’ (букв. ‘выводить для себя’), ср. KÁ *ša* ŠE *li-ip-te-ù-ma* ŠE.NUMUN ˹*ù*˺ ŠE.BA *li-śé-ṣí-ù-nim-ma* KÁ *in na-ap-ḫa-rí-śu-nu li-ik-nu-ku* ‘Пусть они откроют ворота зерно(хранилища) и возьмут оттуда посевное зерно и пайки, а затем пусть они совместно опечатают ворота’ (Di 8 o.c. 13–17). В случае если получатель и субъект *šūṣûm* являются разными людьми, *šūṣûm* имеет противоположное значение – ‘выдавать, распределять’ (букв. ‘выводить для кого-либо’), в том числе ‘сдавать в аренду’, ср. (земельный участок) PN *ú-śé-ṣí* ‘ИС сдал в аренду (земельный участок)’ (BIN 8, 144: 59). Обращает на себя внимание тот факт, что в процитированных пассажах

---

[64] См. Stol 1987–1990, 325, Powell 1994, 99.

[65] Powell 1994, 97.

[66] Еще один вариант при таком чтении – интерпретировать GIG как *kibtum* ‘пшеница’, что дало бы перевод ‘пшеничный пивной хлеб’. Поскольку не установлено, использовалась ли пшеница для производства BAPPIR, вопрос остается открытым, см. Stol 1987–1990, 325.

[67] Ср. Kienast, Volk 1995, 186.

[68] О BAPPIR BABBAR и его аккадских соответствиях *našpum* и *peṣûm* см. Powell 1994, 105–106.

[69] Так Kienast, Volk 1995, 186.

в первом случае при глаголе присутствует показатель вентива, в то время как во втором случае его нет, что может являться косвенным подтверждением предложенной интерпретации.

2. Наиболее раннее употребление глагола *šapûm* ‘молчать’ в значении ‘бездействовать’ засвидетельствовано в эблаитском корпусе: *wa* DU_{11}.GA *PUZUR*$_4$*-rí si-in ar-rúm wa iš-ʾdaʾ-bù ar-rúm* ‘И рассказал (об этом) Пузри Арруму, а Аррум промолчал’ (ARET 13, 15 v 3–10)[70]. Примечательно, что это значение хорошо представлено в староассирийских текстах и редко встречается в старовавилонском корпусе (см. примеры в CAD Š/1 491).

6. SM 1998.4.3 (HSS 10, 10)

Письмо Урсы, адресованное Или, в котором он просит Или прислать бобы и горох и распоряжается, чтобы Ахушуну, Бисаса и Илиш-такаль оставались в тюрьме до его возвращения.

Л.с. 1) *en-m*[*a*]
2) Ur-sa_6
3) *a-na Ì-lí*
4) *qí-bí-ma*
5) ʾ[1]ʾ*A-ḫu-šú-nu*
6) [1]*Bí-sa-sa*
7) [1]*Ì-lí-iś-tá-kál*

О.с. 1) *in* É *ki-šè-er-tim*
2) [*a-d*]*ì-ma*
3) [*a*]*-la-kam*
4) *li-iš-bu*
5) 0;1.0 GÚ.GÚ GAL.GAL
6) 0;1.0 GÚ.GÚ TUR.TUR
7) *li-śé-bi-lam*
Перевод. Так (говорит) Урса. Скажи Или: «Ахушуну, Бисаса (и) Илиш-такаль пусть сидят в тюрьме, пока я не приду». 1 *барига*[71] *бобов* (и) 1 *барига гороха* пусть он мне пришлет.

Комментарий

О.с.

1. Термин **kišertum*, засвидетельствованный здесь в составе выражения É *kišertim*, вероятно, родственен ассирийскому термину *kišeršum* ‘тюрьма’ и имеет то же значение[72].

5–6. О бобовых культурах GÚ.GAL.(GAL) (akk. *ḫallūrum*) и GÚ.TUR.(TUR) (akk. *kakkûm*) и их предполагаемой идентификации (кормовые бобы (*vicia faba*) и горох (*pisum sativum*) / чечевица (*lens culinaris*) соответственно)[73]. Данные культуры также упоминаются в HSS 10, 61, где описываются операции с большим количеством (от трех до шести гуров) GÚ.GÚ GAL.GAL (л.с. 3') и GÚ.GÚ TUR.TUR (л.с. 4').

---

[70] Sallaberger 2008, 98–99.
[71] Мера объема сыпучих тел, равная приблизительно 60 литрам.
[72] О последнем см. Kogan 2006, 183.
[73] См. Stol 1985, 127.

7. Форма *li-śé-bi-lam* примечательна в орфографическом отношении: для передачи этимологического **š* ожидаемым образом используется знак SV-серии, тогда как для передачи /bi/ употреблен знак BI, который в саргоновском силлабарии обычно употребляется со значением /be/.

7. SM 1998.4.4 (HSS 10, 12)

Отправитель запрещает получателю обращаться к Кин-ушшаму и Пузур-Суэну в отсутствие *энси* и требует дождаться от него соответствующего распоряжения.

Л.с. *начало разбито*
1') *ba-*[*lu*$^{?}$]*-um*
2') ÉNSI
3') *a-na Kí-nu-uś-śa-am*

О.с. 1) *ù* Puzur$_4$-^{d}EN.ZU
2) *a e-ru-ub*
3) *a-dì* ÉNSI
4) *la ù-wa-e-ru-uś*
далее разбито

Перевод. «... Без ведома *энси* к Кин-ушшаму и Пузур-Суэну пусть он не обращается. Пока *энси* ему не прикажет, ... (*далее разбито*)».

Комментарий

Л.с.

1'. Принятое здесь чтение следует реконструкции, предложенной Гельбом: *ba-*[*lu*]$^{?}$*-um* PA.TE.SI ‘without? (the permission?) of the *ensi*’ (MAD 3, p. 95). В рамках саргоновского корпуса предлог *balum* ‘без’ надежно засвидетельствован только в ономастике, где он встречается в двух основных орфографических вариантах, ср. *Ma-**ba-lu**-^{d}Da-gán* (AIA 4, 3 ii 10) и *Ma-**ba-lum**-^{d}Da-gán* (Si 1 л.с. 3'). В позднейших аккадских корпусах *balum*, когда речь идет о людях, обычно употребляется в значении ‘без (чьего-либо разрешения)’, ср. *balum bēl eqlim eqlam ṣēnam uštākil* ‘без (разрешения) хозяина поля он скормил поле скоту’ (CH § 57: 51). При таком понимании употребление здесь предлога *balum* хорошо согласуется с последующим текстом письма: *a-dì* ÉNSI *la ù-wa-e-ru-uś* ‘пока *энси* ему не прикажет’ (об интерпретации *ù-wa-e-ru-uś* как формы 3 л. см. комментарий к о.с. 3–4).

О.с.

2. Запись формы *a e-ru-ub* противоречит нормам саргоновской орфографии, поскольку в глагольных префиксах ожидалось бы употребление знаков I/È, закрепленных за /yi/ и /ye/ соответственно. Ввиду плохой сохранности текста точное значение глагола *erēbum* в данном контексте установить сложно. Кинаст и Фольк предполагают, что глагол здесь употреблен идиоматически в значении ‘поступать на службу’. Для данного пассажа представляется уместным также значение ‘входить (обращаться) к официальному лицу’ (‘to enter (into the presence of a god, king, or an official)’, CAD E 265), ср. *anāku u šū ana šarrim nīrum-ma še*$^{?}$*am u eqlam ul addiššum šarrum išariš ītaplanni* ‘Я и он обратились к царю, и я не отдал

ему ячмень и поле; царь справедливо обошелся со мной' (AbB 14, 35: 6–9). Так как контекст нам не известен, выбор между данными значениями затруднен.

3–4. Поскольку в рамках саргоновского силлабария знак Ù /ʾu/ противопоставлен U /yu/, форму *ù-wa-e-ru-uś* следовало бы интерпретировать как форму 1 л. ед. ч. Такая интерпретация представляется неубедительной, поскольку предполагает, что отправитель письма обладал столь высоким статусом в административной иерархии, что мог отдавать приказы *энси*. Кроме того, при таком понимании оказывается избыточным употребление суффиксального местоимения 3 л. ед.ч.м. р. (*-ś*)[74].

Более привлекательной кажется трактовка *ù-wa-e-ru-uś* как формы 3 л. ед.ч.м.р.,[75] особенно в свете того что примеры на запись глагольного префикса 3 л. *yu-* при помощи знаков для /ʾu/ (Ú, Ù) в саргоновском известны[76]. В этом случае строки о.с. 3–4 можно было бы интерпретировать как отсылку к стк. л.с. 1'–2'.

Литература / References

Biga, M.G. 2014: Inherited space – Third millennium political and cultural landscape. In: E. Cancik-Kirschbaum, N. Brisch, J. Eidem (eds.), *Constituent, Confederate, and Conquered Space. The Emergence of Mittanni State*. Berlin, 93–110.

Deutscher, G. 2002: The Akkadian relative clause in cross-linguistic perspective. *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archeologie* 92, 86–105.

Foster, B.R. 1980: Notes on Sargonic royal progress. *Journal of Ancient Near Eastern Studies* 12, 29–42.

Foster, B.R. 1986: Archives and empire in Sargonic Mesopotamia. In: K.R. Veenhof (ed.), *Cuneiform Archives and Libraries. Papers Read at the 30e Rencontre Assyriologique Internationale, Leiden 4–8 July, 1983*. Leiden, 46–52.

Hasselbach, R. 2005: *Sargonic Akkadian*. Wiesbaden.

Illingworth, N.J.J. 1988: Inscriptions from Tell Brak 1986. *Iraq* 50, 87–108.

Kienast, B., Volk, K. 1995: *Die sumerischen und akkadischen Briefe des III. Jahrtausends aus der Zeit vor der III. Dynastie von Ur*. Stuttgart.

Kogan, L. 2006: Old Assyrian vs. Old Babylonian: the lexical dimension. In: G. Deutscher, N.J.C. Kouwenberg (eds.), *The Akkadian Language in Its Semitic Context*. Leiden, 177–214.

Kogan, L. 2020: Three philological notes on Sargonic royal inscriptions. In: I. Arkhipov, L. Kogan, N. Koslova (eds.), *Studies in Early Mesopotamia and Syria in Honor of Walter Sommerfeld and Manfred Krebernik*. Leiden, 377–382.

Kogan, L., Markina, E. 2006: (Rev.) Hasselbach, R. Sargonic Akkadian. A Historical and Comparative Study of the Syallabic Texts. Wiesbaden, 2005. *Babel und Bibel* 3, 555–588.

Kogan, L.E., Markina, E.V. 2014a: [Akkadian sources of Sargon's (Old Akkadian) dynasty. I. Inscriptions of Sargon of Akkad]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 230–250.
Коган, Л.Е., Маркина, Е.В. Аккадские источники саргоновской (староаккадской) династии. I. Надписи Саргона. *ВДИ* 3, 230–250.

Kogan, L.E., Markina, E.V. 2014b: [Akkadian sources of Sargon's (Old Akkadian) dynasty. II. Inscriptions of Rimuš]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 219–256.
Коган, Л.Е., Маркина, Е.В. Аккадские источники саргоновской (староаккадской) династии. II. Надписи Римуша. *ВДИ* 4, 219–256.

Kouwenberg, N.J.C. 2010: *The Akkadian Verb and Its Semitic Background*. Winona Lake.

---

[74] Об употреблении сокращенных форм местоименных энклитик в саргоновском см. Sommerfeld 2003, 576–577, а также Hasselbach 2005, 156 и Kogan, Markina 2006, 572–573.

[75] Так, в частности, Kienast, Volk 1995, 189.

[76] См. Hasselbach 2005, 88; ср. также орфографию *a e-ru-ub* в стк. 2.

Kraus, F.R. 1976: Einführung in die Briefe in altakkadischer Sprache. *Jaarbericht Ex Oriente Lux* 24, 74–104.
Kraus, N. 2018: The weapon of blood: politics and intrigue at the decline of Akkad. *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie* 108, 1–9.
Markina, E.V. 2018: [Akkadian sources of Sargon's (Old Akkadian) dynasty. II. Inscriptions of Maništušu]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 1081–1093.
Маркина, Е.В. Аккадские источники саргоновской (староаккадской) династии. II. Надпись Маништушу. *ВДИ* 4, 1081–1093.
Markina, E. 2021: Gasur in the IIIrd millennium. In: I. Arkhipov, G. Chambon, N. Ziegler (eds.), *Pratiques administratives et comptables au Proche-Orient à l'âge du Bronze*. Leuven–Paris–Bristol, 171–182.
Meek, T.J. 1933: Some gleanings from the last excavations at Nuzi. *Annual of the American Schools of Oriental Research* 13, 1–11.
Meek, T.J. 1935: *Old Akkadian, Sumerian and Cappadocian texts from Nuzi*. Cambridge.
Michalowski, P. 1993: *Letters from Early Mesopotamia*. Atlanta.
Pedersén, O. 1998: *Archives and Libraries in the Ancient Near East 1500–300 B.C.* Bethesda.
Powell, M. 1994: Metron ariston: Measure as a tool for studying beer in ancient Mesopotamia. In: L. Milano (ed.), *Drinking in Ancient Societies.* Padova, 91–119.
Powell, M. 2003–2005: Obst und Gemüse. A.I. Mesopotamien. *Reallexikon der Assyriologie* 10, 13–22.
Sallaberger, W. 2008: Rechtsbrüche in Handel, Diplomatie und Kult. Ein Memorandum aus Ebla über Verfehlungen Maris (ARET 13,15). *KASKAL* 5, 93–110.
Sommerfeld, W. 1999: *Die Texte der Akkade-Zeit 1. Das Dijala Gebiet: Tutub*. Münster.
Sommerfeld, W. 2003: Bemerkungen zur Dialektgliederung Altakkadisch, Assyrisch und Babylonisch. In: G.J. Selz (ed.), *Festschrift für Burkhart Kienast zu seinem 70. Geburtstag dargebracht von Freunden, Schulern und Kollegen*. Münster, 569–586.
Stol, M. 1985: Beans, peas, lentils and vetches in Akkadian texts. *Bulletin of Sumerian Agriculture* 2, 127–139.
Stol, M. 1987–1990: Malz. *Reallexicon der Assyriologie* 7, 323–329.
Veenhof, K.R. 1986: Cuneiform archives. An introduction. In: K.R. Veenhof (ed.), *Cuneiform Archives and Libraries. Papers Read at the 30[e] Rencontre Assyriologique Internationale, Leiden 4–8 July, 1983.* Leiden, 1–36.
Visicato, G. 1999: The Sargonic a rchive at Tell Suleimah. *Journal of Cuneiform Studies* 51, 17–30.
Visicato, G. 2000: *The Power and the Writing: Early Scribes of Mesopotamia*. Bethesda.
Visicato, G. 2001: The journey of the Sargonic king to Assur and Gasur. In: T. Abusch (ed.), *Historiography in the Cuneiform World. Proceedings of the XLV[e] Rencontre Assyriologique Internationale.* Pt.I. Bethesda, 467–473.
Waetzoldt, H. 1987: Knoblauch und Zwiebeln nach den Texten des 3. Jt. *Bulletin of Sumerian Agriculture* 3, 23–56.
Walker, M.F. 1985: *The Tigris Frontier from Sargon to Hammurabi*. Yale.
Waterman, L. 1936: *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*. Ann Arbor.
Westhuizen, J.P. van der 1992: Seven more Old Akkadian letters. *Acta Sumerologica* 12, 261–269.
Westenholz, A. 1984: (Rev.) Foster, B.R. Umma in the Sargonic Period. Hamden, 1982. *Archiv für Orientforschung* 31, 76–81.

Список сокращений / Abbreviations

ИС	–	имя собственное
AbB	–	*Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung*. Leiden
AHw	–	*Akkadisches Handwörterbuch*, Wiesbaden, 1965–1985
AIA	–	сигла хранения Австралийского института археологии (Australian Institute of Archaeology, Melbourne, Australia)
ARET	–	*Archivi reali di Ebla. Testi*. Roma
BIN	–	*Babylonian Inscriptions in the Collection of J.B. Nies*. New Haven
CAD	–	*The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Chicago, 1956–2010

CH	–	Codex Hammurabi
Di	–	староаккадские письма из долины Диялы (по: Kienast, Volk 1995)
ECTJ	–	Westenholz, A. *Early Cuneiform Texts in Jena: Pre-Sargonic and Sargonic Documents From Nippur and Fara in the Hilprecht-Sammlung Vorderasiatischer Altertumer Institut fur Alterumswissenschaften der Friedrich-Schiller-Universitat, Jena*. Copenhagen, 1975
Eš	–	староаккадские письма из Эшнуны (по: Kienast, Volk 1995)
Ga	–	староаккадские письма из Гасура (по: Kienast, Volk 1995)
GAG	–	Soden, W. von. *Grundriss der akkadischen Grammatik*. 3. Aufl. Roma, 1995
Gir	–	староаккадские письма из Гирсу (по: Kienast, Volk 1995)
HSS	–	*Harvard Semitic Series*. Cambridge (USA)
Ki	–	староаккадские письма из Киша (по: Kienast, Volk 1995)
MAD	–	*Materials for the Assyrian Dictionary*. Chicago, 1952–1970
MSL	–	*Materialien zum sumerischen Lexikon* (=*Materials for the Sumerian lexicon*). Rome
OSP	–	Westenholz, A. *Old Sumerian and Old Akkadian Texts in Philadelphia Chiefly from Nippur*. Pt. 1. Malibu, 1975; Pt. 2. Copenhagen, 1987
PN	–	personal name
PSD	–	*The Pennsylvania Sumerian Dictionary*. Philadelphia
RIME	–	*Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods*. Toronto–Buffalo–London
RTC	–	Thureau-Dangin, F. *Recueil des tablettes chaldéennes*. Paris, 1903
Si	–	староаккадские письма из Сиппара (по: Kienast, Volk 1995)
Tutub	–	староаккадские тексты из Тутуба (по: Sommerfeld 1999)

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 281–302
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 281–302
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910012264-3

«ТАЙНИКИ БАЛЬЗАМИРОВЩИКОВ» В ВОСТОЧНОЙ ГИЗЕ: К ИСТОРИИ ВТОРИЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ГРОБНИЧНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА В I тыс. до н.э.

С. Е. Малых

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: malyh2002@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2077-7285

Статья посвящена вещевым комплексам Позднего периода – раннего Птолемеевского времени (VII–III вв. до н.э.), обнаруженным Российской археологической экспедицией ИВ РАН в египетских скальных гробницах эпохи Древнего царства в восточной части некрополя Гиза. В их состав входят керамические сосуды, иногда запечатанные, с темным или светлым содержимым, тканевые свертки с натроном, обрывки льняных бинтов и др. В специальной литературе подобные комплексы предметов традиционно рассматриваются как embalmers' caches / embalming deposits; они имеют прямое отношение к вторичным погребениям I тыс. до н.э., устроенным в древних гробницах, и наряду с ними иллюстрируют область использования древнего некрополя в указанный период.

Ключевые слова: Древний Египет, Гиза, Поздний период, Птолемеевский период, материальная культура, погребальный обряд, заупокойные представления, мумификация, «тайники бальзамировщиков», древнеегипетская керамика

Данные об авторе. Светлана Евгеньевна Малых – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

“EMBALMING CACHES” IN EASTERN GIZA: TOWARDS THE HISTORY OF SECONDARY USE OF ANCIENT EGYPTIAN OLD KINGDOM BURIAL COMPLEXES IN THE FIRST MILLENNIUM B.C.

Svetlana E. Malykh

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: malyh2002@mail.ru

The article discusses the material complexes of the Egyptian Late Period – early Ptolemaic time (seventh–third centuries B.C.), discovered by the Russian Archaeological Mission (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences) in the Old Kingdom rock-cut tombs of the eastern part of Giza Necropolis. The complexes include ceramic vessels, sometimes sealed, with dark or light contents, textile bags with natron, scraps of linen bandages, etc. In professional literature such complexes are traditionally understood as ‘embalmers’ caches’ or ‘embalming deposits’; they are directly associated with the secondary burials of the first millennium BC arranged in ancient tombs, and along with them illustrate the scope of use of the ancient necropolis in that chronological period.

Keywords: Ancient Egypt, Giza Necropolis, Egyptian Late Period, Ptolemaic Period, material culture, burial rites, funeral beliefs, mummification, “embalming caches”, ancient Egyptian pottery

Российская археологическая экспедиция Института востоковедения РАН в Гизе (Египет) (далее – РАЭГ) работает на восточной оконечности Восточного плато этого древнего некрополя, где в обрыве скального массива были высечены гробницы представителей древнеегипетской знати времени правления V и VI династий (XXV–XXII вв. до н.э.). Однако в некоторых комплексах обнаружены более поздние погребения, сохранившиеся полностью или частично; они относятся к I тыс. до н.э. и были совершены в уже имеющихся помещениях скальных гробниц, вторично используя погребальные камеры или даже шахты, как это произошло с детским погребением в керамической амфоре времени правления XXI династии в безымянной скальной гробнице GE 49 (шахта 1)[1].

Неплохо сохранившиеся погребения найдены в гробнице Каемнефрета (LG 63): пара мумифицированных женских тел была помещена в погребальную камеру 4A. Из инвентаря имелось только проволочное кольцо медного сплава на указательном пальце левой руки одной из мумий. По способу ингумации и характеру мумификации эти погребения могли быть совершены в эпоху Позднего периода[2] (664–332 гг. до н.э.).

Частично сохранившаяся женская мумия с полихромным картонажем обнаружена в погребальной камере 2A гробницы Персенеба (LG 78/GE 20–22), по

[1] Kormysheva *et al.* 2015, 241–242.

[2] Подробнее об этих и других вторичных погребениях (сохранившихся фрагментарно) в Восточной Гизе см. Malykh 2019.

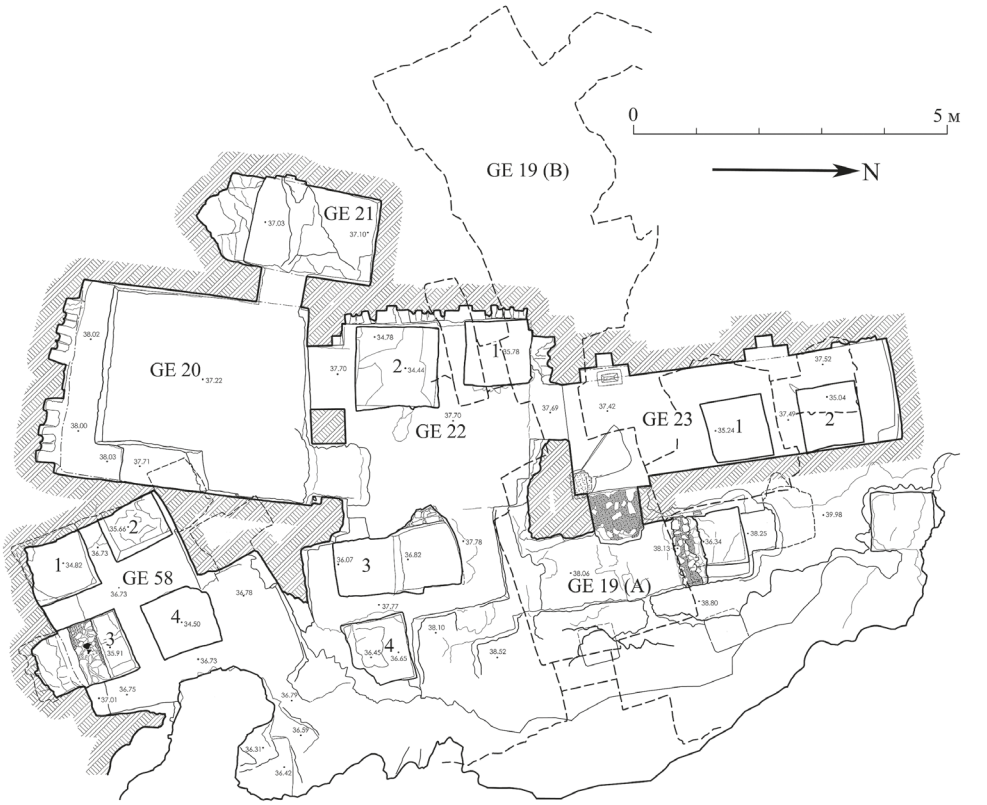


Рис. 1. План скальных гробниц Персенеба (LG 78/GE 20–22) GE 23, GE 58, расположенных в южной части участка РАЭГ в Восточной Гизе. Гробница Перинеджу (GE 19) показана пунктиром. *Рисунок С.В. Ветохова, 2017*

стилистическим особенностям она датируется второй половиной III – первой половиной II в. до н.э.[3] В соседних с гробницей Персенеба безымянных погребальных комплексах GE 23 и GE 58 (рис. 1) отмечены следы других вторичных захоронений, однако представленных значительно хуже из-за действий грабителей: разрозненные части мумифицированных человеческих тел найдены в гробницах GE 23 и GE 58. Наиболее крупное скопление фрагментов мумий находилось в гробнице Перинеджу (GE 19), вырубленной под гробницами Персенеба и GE 23 (рис. 2). Им сопутствовал и весьма примечательный керамический комплекс.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ НИШИ 10 ГРОБНИЦЫ ПЕРИНЕДЖУ

В течение полевых сезонов 2016 и 2017 г. проводилось исследование ниши 10 в скальной гробнице Перинеджу (GE 19). Эта гробница была высечена непосредственно под комплексом Персенеба и также датируется второй половиной V династии. По ряду признаков ниша 10 не является оригинальным архитектурным

[3] Kormysheva *et al.* 2018, 25–27, 297–302.

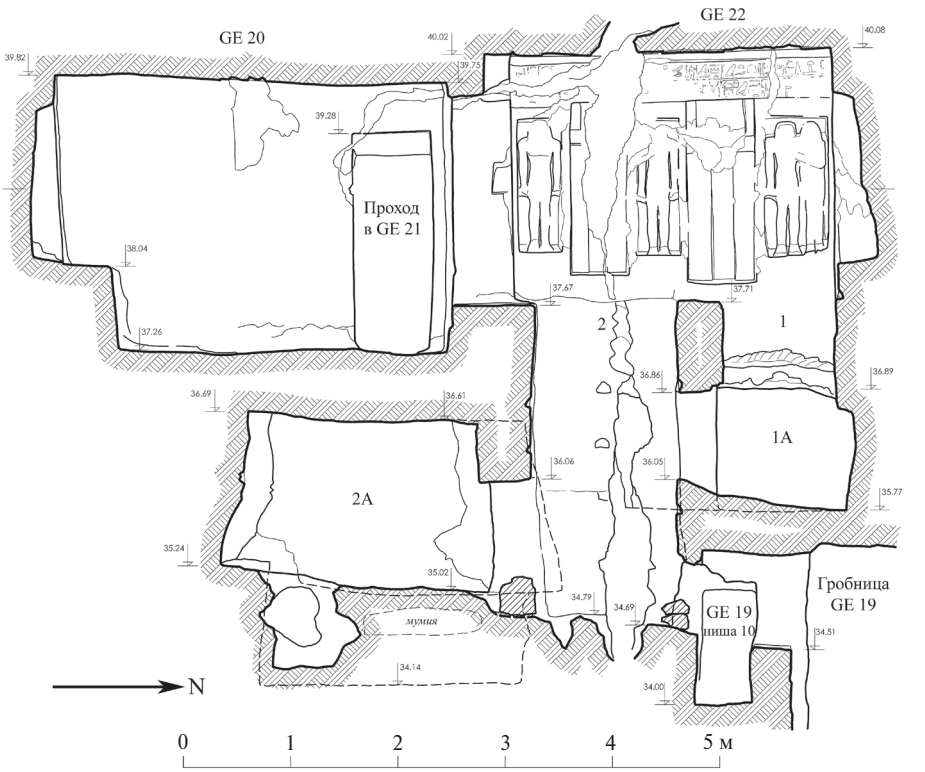


Рис. 2. Разрез скальной гробницы Персенеба (LG 78/GE 20–22): в северной части видно соединение с помещениями гробницы Перинеджу (GE 19), включая нишу 10. *Рис. С.В. Ветохова, 2017*

элементом гробницы эпохи Древнего царства, а была вырублена позже, видимо, для устройства вторичного погребения. Спустя некоторое время ее соединили грабительским проломом с шахтой 2 гробницы Персенеба (рис. 2).

В верхней части заполнения ниши 10 был обнаружен браслет медного сплава с крупной морской раковиной-каури и здесь же – запечатанный тканевой пробкой целый кувшин (рис. 3–4), поверхность которого сильно корродирована. В кувшине оказался порошок молочно-белого цвета – натрон (природная сода). Вероятно, воздействие щелочи изнутри и насыщенной органикой среды снаружи привело к частичному разрушению поверхности сосуда.

Ниже в нише 10 было расчищено скопление человеческих останков: отдельные кости и части тел, некоторые с остатками мягких тканей, волос и бинтов. Здесь же находились целые и разбитые керамические сосуды, фрагмент раскрашенного папируса, обрывки льняной ткани, несколько тканевых свертков с натроном, фаянсовый амулет в виде кобры (рис. 3), сердоликовая и фаянсовые бусины различного цвета и формы. На дне лежала истлевшая тростниковая циновка.

Керамический комплекс, обнаруженный в нише 10 и включавший как целые сосуды, так и их фрагменты (рис. 5–6), можно отнести к V – первой половине

Рис. 3. Медный браслет с раковиной-каури в слое и фаянсовая подвеска-амулет в виде кобры, найденные в нише 10 гробницы Перинеджу. *Фото М.А. Лебедева, С.В. Малых, 2016 и 2017*

Рис. 4. Запечатанный тканевой пробкой кувшин 16/19-10/1 с натроном и он же после вскрытия. *Фото С.Е. Малых, 2016*

Рис. 5. Керамика из ниши 10 гробницы Перинеджу (GE 19). *Фото С.В. Ветохова, 2017*

IV в. до н.э.[4] Однако ряд типов (небольшие арибаллические лекифы, округлый горшок, тарелки и чаши) более узок по датировке и относится к первой половине IV в. до н.э.[5] – т.е. к финальной части Позднего периода (XXVIII–XXXI династии), часто именуемой в зарубежной литературе Предптолемеевским или Позднеперсидским временем[6]. Кроме кувшина с натроном, многие сосуды из этого комплекса имели следы темной смолистой субстанции внутри, а также потеки коричневого цвета снаружи, вероятно, от вытекшего содержимого.

Натрон, или природная сода, использовался при мумификации для обезвоживания тела покойного, о чем сообщал еще Геродот (II. 86–88); это подтверждено химическими анализами, проделанными А. Лукасом, который исследовал содержимое нескольких сосудов и тканевых свертков из «тайников бальзамировщиков»[7]. Темная субстанция, следы которой присутствуют на многих сосудах, в том

[4] Аналоги для небольшого конического сосуда 17/19–10/1, флакона 17/19–10/7 и бутыли 17/19–10/10 см. Aston D.A., Aston B.G. 2010, 15, fig. 1 (no. 133–139, 143); Defernez 2001, 338–340, pl. LXXV (n° 220b); French 1992, 91, fig. 29; French, Bourriau 2018, 79, fig. 10m (no. 983); Hudson 2014b, 257, fig. 7, *45*; 2016, 77, fig. 7, *14*.

[5] Аналоги см. Aston D.A., Aston B.G. 2010, 31, 53, 179–187, fig. 1 (no. 25, 127), 44, 47; Defernez 2001, 80–81, 294–298, 336, pl. IX (n° 25c), LXIV (n° 181), LXXIV (n° 216b); 2012, 49, fig. E-12; French, Bourriau 2018, 50, fig. 3m–n (no. 936), 31 (no. 936); French, Ghaly 1991, 108–109, no. 38; Hudson 2014a, 31, fig. 2 (1.8–1.9); 2014b, 256, fig. 6, *30*; Marchand, Roussel 1994, 16, pl. I, *8*.

[6] См., например, Hudson 2014a, 16–17; 2016, 75–83; French, Bourriau 2018, 28–29, 79, 142.

[7] А. Лукас называл их «отходами от бальзамирования» (Lucas 1958, 427–428).

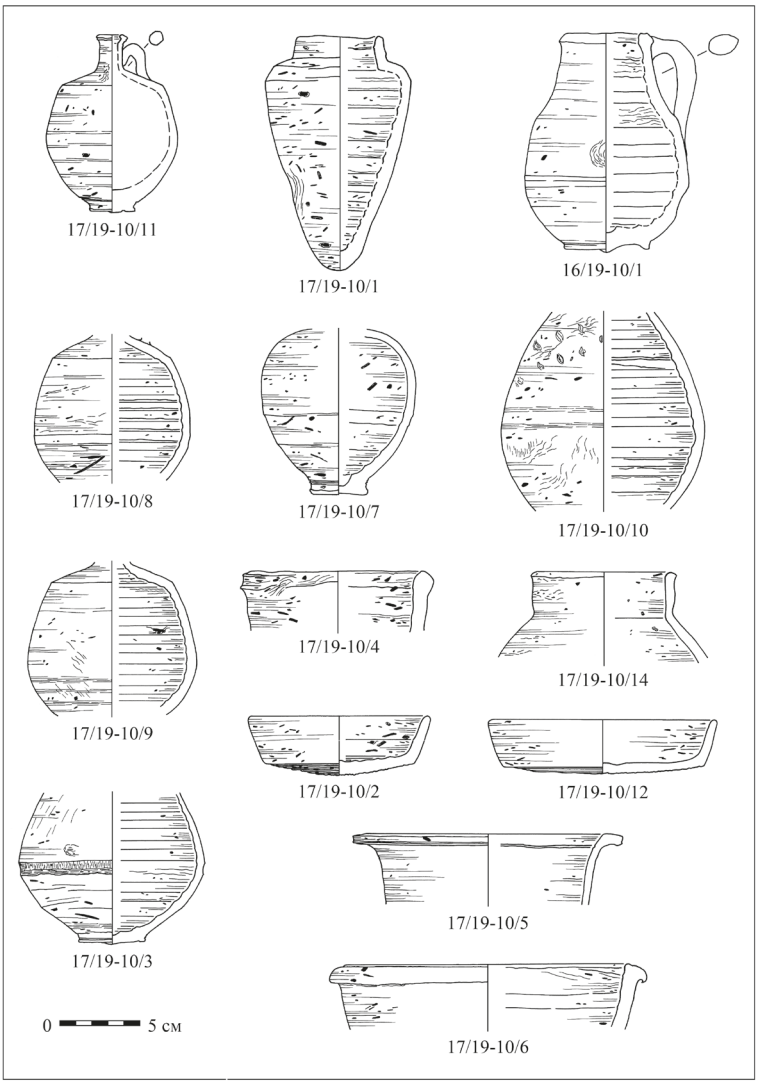


Рис. 6. Керамика из ниши 10 гробницы Перинеджу (GE 19). *Рисунок С.Е. Малых, 2017*

числе из Гизы, могла быть смесью древесных смол и жировых веществ[8], или минеральной смолой (т.е. битумом)[9]. Смесь смол и жировых веществ применялась

[8] Lucas 1958, 482–483. О применении натрона, смол и масел в мумификации также см. Dodson, Ikram 1998, 106; David 2000, 383–385.

[9] А. Лукас опровергал применение битума при мумификации, «по крайней мере до эпохи Птолемеев» (Lucas 1958, 464–465). Более новые исследования удревняют употребление битума в Египте и Нубии при мумификации и относят его к Персидскому времени, а возможно, даже и ранее – к XVIII династии, однако отмечают, что широкое применение битума при бальзамировании тела все же имело место в греко-римское

для умащения тела умершего после дегидратации, а также уже после обертывания тканью, возможно, для склейки бинтов.

Таким образом, можно предположить, что прямоугольная ниша 10 в гробнице Перинеджу первоначально предполагалась для захоронения тела, но впоследствии сюда были сброшены останки нескольких человек, захороненных в помещениях этой гробницы не ранее Позднего периода. Учитывая, что гробница Перинеджу использовалась людьми как жилище, возможно, уже в начале I тыс. н.э. (потолок и стены гробницы покрыты толстым слоем копоти, а в заполнении погребальных шахт присутствует значительное количество кухонной керамики римского и византийского периодов), можно допустить, что жители провели расчистку помещений гробницы, сбросив тела и сопроводительный инвентарь во всевозможные углубления, шахты и трещины. В равной степени можно предположить, что разрушение вторичных погребений в этой гробнице произошло позже – в XIX в., когда по соседству с гробницей Перинеджу обосновались европейские путешественники и местные торговцы древностями, в том числе занимавшиеся «потрошением» мумий в целях вынуть из них различные ценные предметы[10]. Так или иначе, среди перемещенных предметов также был вещевой комплекс, по своему ассортименту наиболее похожий на то, что в специальной литературе называется embalmers' cache, embalming deposit; cache (dépôt) d'embaumeur[11] (т.е. «тайник бальзамировщиков») из-за содержимого, применяемого для мумификации.

После находки в нише 10 стало ясно, что прежде мы уже сталкивались с подобным, однако те «тайники бальзамировщиков» были менее репрезентативными или в худшей сохранности – следовательно, они сложнее поддавались идентификации.

ДРУГИЕ «ТАЙНИКИ БАЛЬЗАМИРОВЩИКОВ» В ВОСТОЧНОЙ ГИЗЕ

В 2009 г. на полу погребальной камеры 1A в безымянной скальной гробнице GE 23, примыкающей к гробнице Персенеба (см. рис. 1) и имеющей грабительский пролом в шахту 1 гробницы Персенеба, был обнаружен комплекс керамических предметов[12] (рис. 7–8), включавший как сосуды, хронологически синхронные комплексу первой половины IV в. до н.э. из гробницы Перинеджу (крупный округлый сосуд, небольшой шарообразный сосуд, тарелка с крышкой, небольшие кувшины, арибаллические лекифы[13], плоскодонная и круглодонная

время (Serpico, White 2000, 465–466). Примечательно, что битум для этих целей привозился из Восточной пустыни (Гебель эль-Зейт на побережье Суэцкого залива), Мертвого моря и, возможно, региона Хит – Абу Джир (центральный Ирак), см. Rullkötter, Nissenbaum 1988; Serpico, White 2000, 466; Barakat *et al.* 2005; Fulcher, Stacey, Spencer 2020. В отсутствие возможности сделать химический анализ темной субстанции на сосудах из Гизы мы не можем точно определить данное вещество.

[10] Подробнее см. Lebedev 2020, 67–72; Lebedev, Malykh 2020, 100–103.

[11] Aston D.A., Aston B.G. 2010, 15; Aston 2011; Defernez 2001, 21; Ikram, López-Grande 2011.

[12] Kormysheva *et al*. 2018, 112–116, fig. 55–57, pl. CXXI–CXXII.

[13] Датировка определена по: Aston D.A., Aston B.G. 2010, 15, 50, 182, 185, 222, 246, 252, fig. 1 (no. 114), 2 (no. 26, 43), 46, pl. 16 (no. 114), 40 (no. 342), 46 (no. 439), 48; Aston 2011, 68–70, fig. 3, *13*; 4, *21*; Defernez 2001, 317–319, pl. LXX (n° 198); French, Ghaly

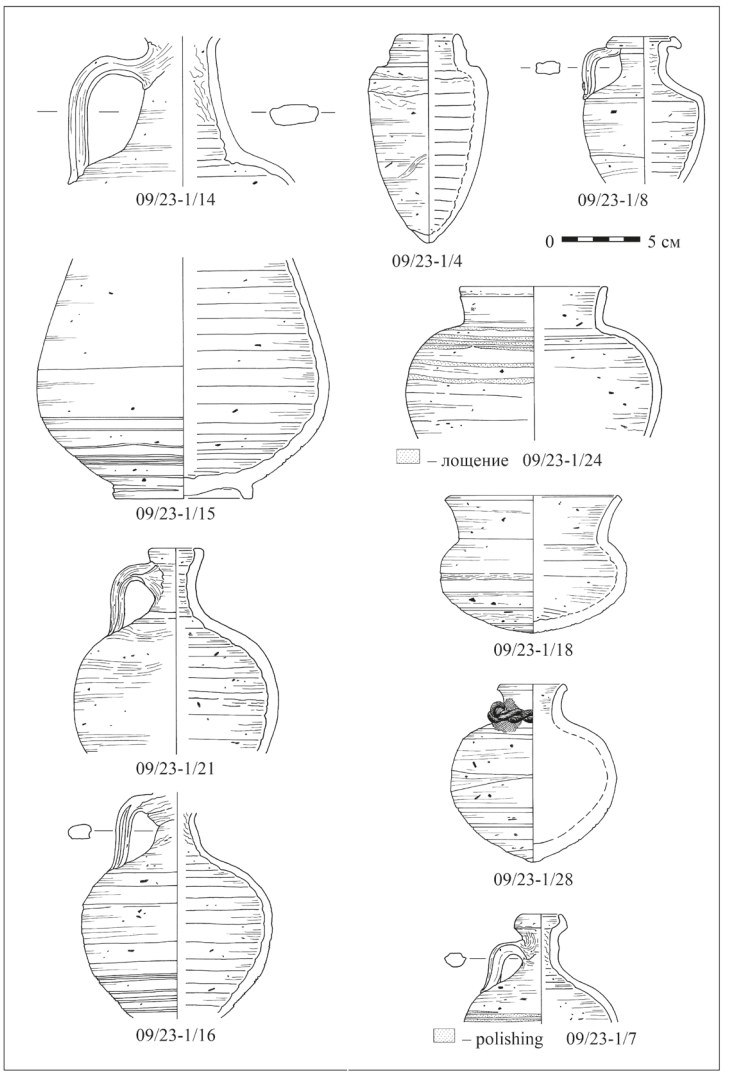


Рис. 7. Керамика из погребальной камеры 1A гробницы GE 23. *Рисунок С.Е. Малых, 2009*

чаши (последняя – так называемого ахеменидского типа[14])), так и датированные III в. до н.э. (т.е. ранним Птолемеевским периодом): краснолощеная чаша

1991, 105, 108, fig. 18a, 37; Gallorini 2007, 792–794, fig. 1b (no. 1054), 2 (no. 1036); Gratien 1997, 72, fig. 5 (nº 5207); Hassan 1944, pl. LXVIII (no. 1121E, H); Leclère, Spencer 2014, 94–95, 107, pl. 37 (no. 23710, 50788).

[14] Параллели для чаши «ахеменидского типа» 09/23-1/18 см. Marchand 2011, 627, fig. 10a, 10c; Masson 2016, 153. О возможных ахеменидских прототипах для египетской керамики см. Adachi 1997, 41–55.

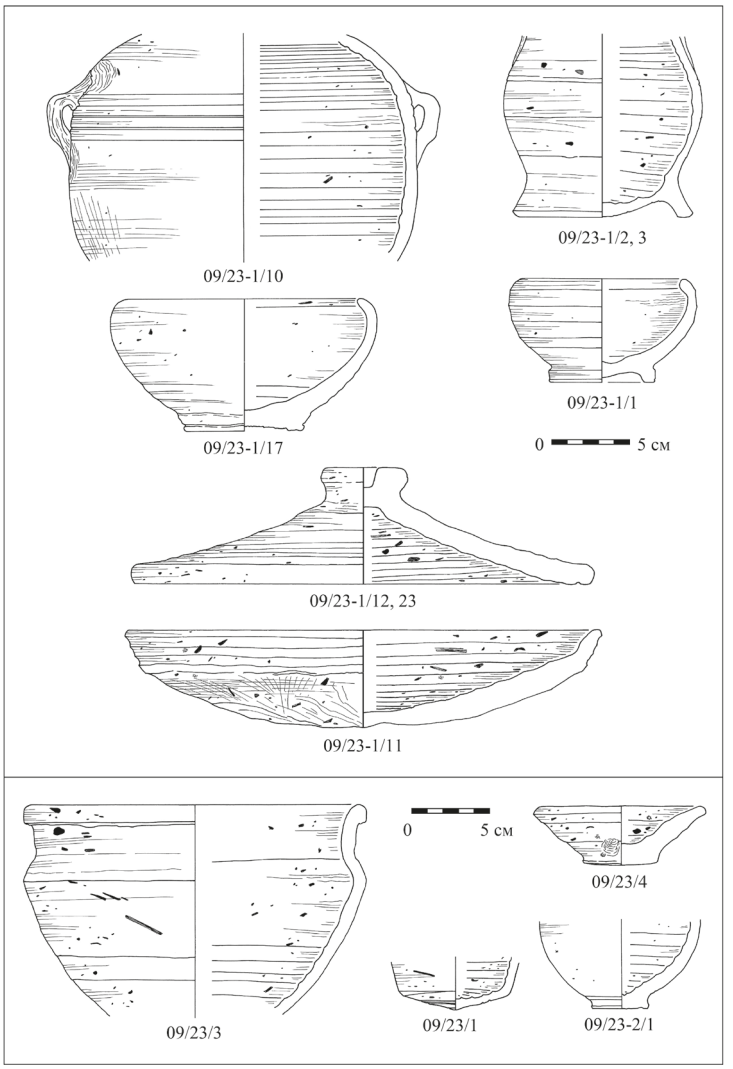


Рис. 8. Керамика из погребальной камеры 1A и шахты 2 гробницы GE 23. *Рисунок С.Е. Малых, 2009*

09/23-1/1, лекиф 09/23-1/8, и столовая амфора 09/23-1/2, 3[15]. Основная часть сосудов имела следы темной смолистой субстанции внутри, а на небольшом шарообразном узкогорлом сосуде 09/23-1/28, также с содержимым темного цвета, сохранились следы веревки, обвязанной вокруг горлышка и придерживавшей ткань, закрывавшую устье.

[15] Ballet, Południkiewicz 2012, 31–32, fig. 25, 32; Consonni 2016, 203, fig. 8, *15*; Licitra, David 2016, 82, fig. 9, *43*; Masson 2016, 152, fig. 5, *2*.

Интервалом от правления XXX династии до раннего Птолемеевского периода датируется керамика со следами темной субстанции из перемешанного заполнения соседней шахты 2 этой же гробницы – GE 23[16]. Здесь, наряду с типичными египетскими формами Позднеперсидского времени, присутствуют типы, демонстрирующие греческое влияние – кратер 09/23/3 и арибаллический лекиф 09/23-2/1 (см. рис. 8).

В погребальной камере 2A соседней скальной гробницы Персенеба также были найдены предметы, которые можно отнести к так называемому «тайнику бальзамировщиков»: тканевые свертки с натроном и соломой, которой могли набивать брюшную полость мумии, многочисленные обрывки бинтов, в том числе с иератическими надписями, керамические сосуды со следами темного смолистого вещества внутри и пробки для них[17]. Хронологически этот комплекс близок комплексу из ниши 10 гробницы Перинеджу – присутствующие здесь арибаллические лекифы, шарообразные горшки, импортная финикийская амфора типа «торпедо», кувшины и чаши (рис. 9) характерны для IV в. до н.э.[18] – интервала от правления XXVIII династии до раннего эллинистического времени. Вероятно, этот комплекс соотносился не с обнаруженной здесь же мумией второй половины III – первой половины II в. до н.э., а с другим, несколько более ранним погребением, впоследствии уничтоженным древними грабителями: размеры погребальной камеры 2A гробницы Персенеба позволяли устроить здесь несколько вторичных коллективных захоронений, что было обычно для египетских некрополей мемфисской области, особенно в Поздний и Птолемеевский периоды[19] (наличие разрозненных костных останков и еще одной (детской) мумии не исключает этой возможности).

Все перечисленные комплексы несли на себе следы грабительского вмешательства: часть сосудов была разбита, перемещена со своих мест и в ряде случаев перемешана с более поздним материалом. Однако по ряду признаков – типам сосудов, следам содержимого и сопутствующим вещам (обрывкам бинтов, запечатывающим пробкам, сверткам с натроном) их можно уверенно интерпретировать как «тайники

---

[16] Kormysheva *et al.* 2018, 117–118, fig. 59. Датировка по: Aston D.A., Aston B.G. 2010, 209, 220, 226, pl. 3 (no. 41–42), 14 (no. 99), 20 (no. 157–159); Ballet, Południkiewicz 2012, 98, fig. 380; French, Bourriau 2018, 33–34, fig. 1i–k (no. 904–906); Gallorini 2007, 792, fig. 1b (no. 1051); Laemmel 2013, 230–232, fig. 19–21; Smoláriková 2016, 552, fig. 4, *3*.

[17] Kormysheva *et al.* 2018, 26–28, 53, fig. 41–42, pl. CIX–CXI. Предметы залегали в слоях 1–16 погребальной камеры 2A, соотносившихся со вторичными погребениями и грабительской деятельностью.

[18] Aston D.A., Aston B.G. 2010, 222, 235, 240, pl. 16 (no. 116), 29 (no. 254), 34; Aston 2011, 68, fig. 1, *2*; Defernez 2001, 294–295, 336–340, 384–385, pl. LXIV (n° 178), LXXV (n° 220a), LXXIV (n° 216a–b), LXXXV (n° 244f–c); 2007, 592, fig. 7 (n° 21); 2012, 39, fig. D.12; French, Ghaly 1991, 108–109, 120, fig. 38, 96; Grataloup 2012, 183–184, fig. 4a, d; Hudson 2014a, 31, fig. 2 (I.9); 2016, 76–78, fig. 7, *14*, 8, *27*; Jacquet-Gordon 2012, 284, 261, fig. 103k, 117c; Laemmel, Simony 2016, 245, fig. 19; Lecuyot 2000, 239, 242, fig. 2 (BE.9, BE.18); Marchand 2011, 627, fig. 10a; Masson 2011, 285, fig. 105; Pichot, Marchand 2016, 255–256, fig. 8h; Rzeuska 2003, 152, fig. 10; 2007, 209, fig. 4.

[19] Zivie-Coche 1991, 94–97, 172–210, 279–281, fig. 16.

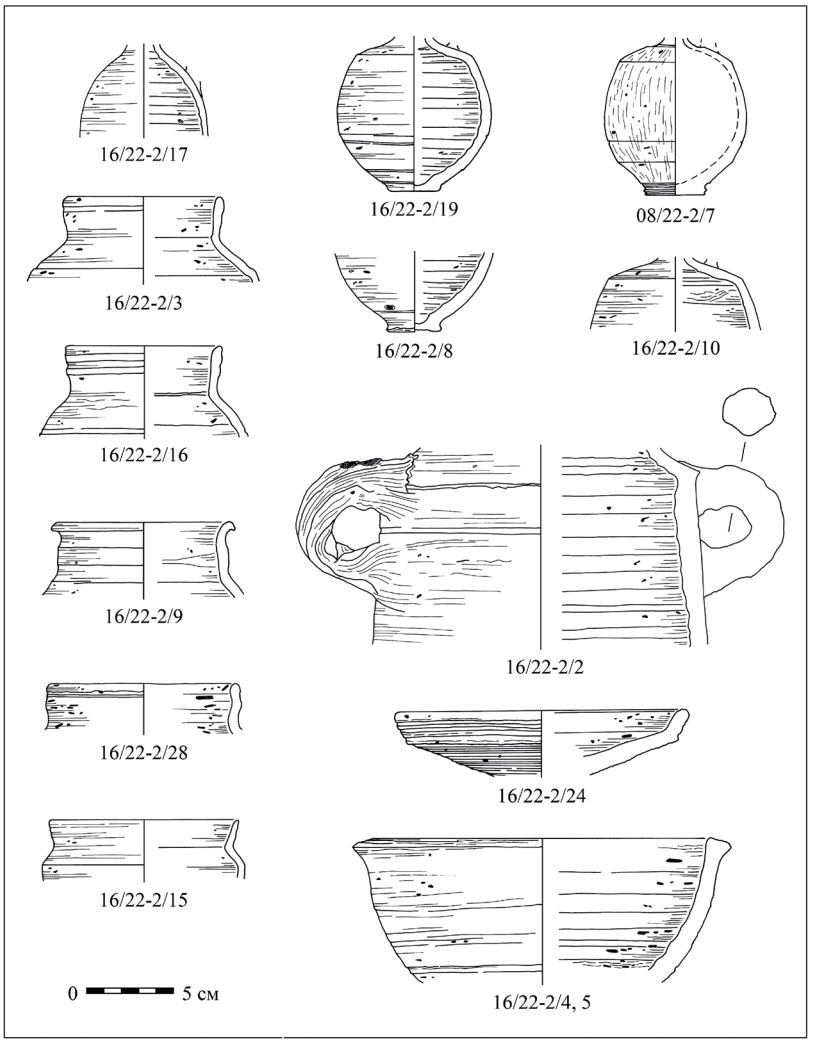


Рис. 9. Керамика из погребальной камеры 2А гробницы Персенеба (LG 78/GE 20–22). *Рисунок С.Е. Малых, 2008, 2016*

бальзамировщиков» – т.е. места компактного складирования остатков от бальзамирования, нередко сопутствовавших египетским погребениям I тыс. до н.э.

Необходимо также отметить, что следы присутствия аналогичного «тайника» фиксируются и по фрагментированным находкам из перемешанного заполнения четырех погребальных шахт безымянной скальной гробницы GE 58, смежной с гробницей Персенеба (см. рис. 1). Кроме остатков вторичных погребений, здесь присутствовали обрывки льняных бинтов, небольшие свертки ткани, фрагменты керамики Позднего периода со следами темного содержимого, пробки для

сосудов, кусочки самородной серы[20]. Все это могло первоначально принадлежать «тайнику бальзамировщиков», устроенному в одной из шахт гробницы, но практически утраченному.

Кроме зоны работ РАЭГ, аналогичные «тайники бальзамировщиков» выявлены на других участках Восточного плато Гизы. Репрезентативный керамический комплекс был найден американской экспедицией Дж.Э. Райзнера в 1925 г. рядом с мастабой Анххафа (G 7510): в погребальной камере шахты Z в эпоху Позднего периода были захоронены три человека. Керамический комплекс включает арибаллические лекифы, так называемые сосуды-*Бэс* (т.е. декорированные налепами в виде лица бога Бэса), конические кувшины, миски, тарелки, крупные и мелкие чаши. На трех чашах, по типу аналогичных сосуду 17/19-10/5, демотикой были написаны однотипные фразы «для жреца Паменеха, сына Харсиесе», «для жреца Хорсематауи, сына Пахаса», в третьем случае имя не читается[21].

Следует отметить, что пространство с западной стороны мастабы визиря Анххафа (G 7510) – крупнейшей частной гробницы эпохи Древнего царства на Восточном плато – было плотно застроено шахтными погребениями, которые во времена Саисской династии и Персидского времени активно использовались для вторичных коллективных захоронений: по несколько человек было положено в погребальные камеры, здесь же было найдено значительное количество керамической утвари указанного периода. Еще западнее, у небольшого храма Исиды, «Владычицы пирамиды», расположенного между пирамидой царицы Хенутсен (G I-c) и двойной мастабой царевича Хуфухафа I (G 7130+7140), также было исследовано значительное количество поздних захоронений[22]. Таким образом, в I тыс. до н.э. Восточное плато некрополя Гизы активно использовалось как кладбище, при этом, учитывая его заполненность уже к концу III тыс. до н.э., логично, что новые могилы были устроены в древних погребальных комплексах. В то же время на Центральном плато Гизы или в более обширных некрополях Абусира и Саккары, где имелось свободное пространство, в Поздний период, наряду с повторным использованием гробниц для подзахоронений[23], для лиц вы-

---

[20] Kormysheva *et al.* 2018, 164–167, pl. CXIV–CXVIII. О сохранившихся in situ оригинальных погребениях второй половины Древнего царства в гробнице GE 58 см. Kormysheva *et al.* 2018, 165–166, 168–169, pl. LXXIXb, LXXXIb–LXXXIV. Составы для бальзамирования тела умершего могли включать в себя серу (Lucas 1958, 466, 468).

[21] The Giza Archives. Photo ID number: B5749_NS, B5724_NS, EG018204; EG018205. URL: http://www.gizapyramids.org/media/view/Sites/1570/127197?t: state:flow=b2842744-ae0d-415a-9880–8218b0a2b01b; Museum of Fine Arts, Boston. Collections. URL: https://collections.mfa.org/objects/146153/embalming-pot-of-the-priest-horsematawy?ctx=295ceb93–5865–4aba-a09e-cabd30bffb1c&idx=0; https://collections.mfa.org/objects/146152/embalming-pot-of-the-priest-pamenekh?ctx=d0dd0f23–95be-443c-95a8–3717415c3379&idx=0; https://collections.mfa.org/objects/146151/embalming-pot-of-a-priest?ctx=598c6a7d-feea-471c-8151-471861a0d985&idx=0 (дата обращения: 22.04.2022). Об ином прочтении написанных на чашах демотических знаков см. Scalf 2017, 315–318: *t3 phr*(*.t*) *yʿy p3 nty*... (the treatment of washing that which... (?)), *t3 phr*(*.t*) *n3 sb3 p3 tp* (the treatment of the openings of the head).

[22] Reisner 1942, 17; Zivie-Coche 1991, 172–210.

[23] Strouhal, Bareš 1993.

сокого социального статуса специально сооружались новые шахтные погребения, выделявшиеся своими гигантскими размерами[24]. Наиболее известное из них – шахтное погребение визиря Уджахорреснета (XXVI–XXVII династии) в Абусире, а также расположенные рядом шахтные погребения чиновника Иуфаа и военачальника Менехибнекау. Если гробничный комплекс Уджахорреснета был сильно потревожен древними грабителями, то погребения Иуфаа и Менехибнекау сохранились лучше. Среди найденной керамики чешские археологи выделили сосуды, содержавшие «материалы для мумификации». Среди них присутствовали как небольшие кувшины и арибаллические лекифы, так и объемная тара, в том числе импортные финикийские, хиосские, самосские и клазоменские амфоры, вторично использованные для хранения в них остатков от бальзамирования тела[25].

ДАТИРОВКА И АРЕАЛ «ТАЙНИКОВ БАЛЬЗАМИРОВЩИКОВ»

Древнейшие «тайники бальзамировщиков» с остатками от мумификации тела были найдены в Фиванском некрополе и датируются временем правления XI династии. Они редки и относятся к гробницам высшей знати (например, распорядителя царского хозяйства и казначея Мекетра, визиря Ипи)[26]. От времени Древнего царства у нас нет ни одного вещевого комплекса, который уверенно можно было бы интерпретировать как «тайник бальзамировщиков»[27]. Их отсутствие в некрополях III тыс. до н.э. закономерно – в это время методика мумификации находилась еще в стадии сложения и бальзамировали лишь тела умерших царей и некоторых представителей знати[28]. Подавляющее число обнаруженных нетронутыми захоронений в гробницах средней и низшей знати III тыс. до н.э. не имеют следов мумифицирования[29].

---

[24] Bareš 1999, 21–29.

[25] Bareš 1999, 88–97, fig. 16–17; Smoláriková 2002, 69–70; 2009; 2016; Bareš, Smoláriková 2008, 192–202; 2011, 81–163. О вторичном использовании импортных амфор в «тайниках бальзамировщиков» также см. Smoláriková 2007, 194; Budka 2010, 35–37.

[26] Winlock 1942, 55–56, 98–99; Eaton-Krauss 2008, 291–292. О других возможных случаях обнаружения «тайников бальзамировщиков» времени правления XII–XIII династий в долине Нила (Фаюм и нубийская Миргисса) см. Knoblauch 2016, 330–353.

[27] См., однако, Ikram, López-Grande 2011, 219, со ссылкой на Hassan 1953, 39. Но в указанной публикации (так же, как и в Hassan 1950, 243) речь идет о керамическом комплексе Позднего периода – раннего Птолемеевского времени (см. ibid., 242–245, pl. CIII.C–CXV.A). Весьма спорную гипотезу о том, что гизехский тайник G 7000 X царицы Хетепхерес I, матери Хуфу, представлял собой «тайник бальзамировщиков», высказал Х.-Х. Мюнх (Münch 2000). Обоснованную критику этого предположения см. у Eaton-Krauss 2008, 292–293. Интересную гипотезу возникновения идеи специально захоранивать остатки мумификации высказал К. Кноблач, предположивший, что сохранение по соседству с погребением остатков от проводимых ритуалов, имевшее место в эпоху Древнего царства, могло естественным образом способствовать появлению практики сохранять и остатки от мумификации тела (Knoblauch 2016, 352).

[28] Подробнее см. Malykh 2010, 102–106.

[29] Kormysheva, Malykh, Vetokhov 2012, 310–312.

Практика сбора и отдельного захоронения остатков от мумификации тела расширяется в эпоху Нового царства и Третьего Переходного периода[30]. Трансформации в материальной культуре, выразившиеся в более широком применении «погребальной и культовой керамики», в том числе складировании в сосудах остатков от мумификации, Ю. Будка связала с фундаментальными изменениями в системе египетских заупокойных верований в начале Нового царства, отмеченными Я. Ассманном[31] и выразившимися в постепенном увеличении роли Амона и Осириса, а позже – с XIX династии – с происшедшей «осиризацией» заупокойных представлений, когда в центре внимания оказалась концепция воскрешения в загробном мире[32].

Наиболее известным является «embalming cache» Тутанхамона (KV 54), обнаруженный в 1907 г. Э. Айртоном в неглубокой яме в Долине царей (Западные Фивы). В керамических сосудах, накрытых плетеными и керамическими крышками, находились остатки от бальзамирования, поминальной трапезы и ритуальных подношений: куски льняной ткани и бинты, части одежды, кости животных, ожерелье из высушенных плодов, цветов и фаянсовых бусин, тканевые мешочки с натроном и опилками, фаянсовые скарабеи, оттиски печатей и модели подносов из необожженной глины. На льняной ткани и оттисках печатей стояло имя Тутанхамона[33].

Подавляющее число «тайников бальзамировщиков» относится к Позднему периоду (как к Саисскому, так и к Персидскому времени)[34]. На некоторых сосудах были указаны имена владельцев, на других сообщалось назначение или название содержимого, например *t3 pḫr.t wty* («средство, служащее для бальзамирования»[35]), «содержимое от жреца-*wʿb* вместе с бинтами», «мешочки», «красный лен», «24-й день, красный лен и мешочки», «32-й день, красный лен и мешочки», «красный лен детей Хора», «натрон», «натрон детей Хора», «натрон из пустыни», «натрон из Вади-Натрун», «бальзам, 52-й день», «36-й день, для обертывания», «45-й день, обертывание тканью *mnḫ.t*», «мирра и приготовленная смола», «смола, свежая мирра», «смола, мирра, 63-й день», «лучшее кедровое масло, прекрасного качества масло-*gbty*, натрон, 16 [мешочков]» и др[36].

Ареал обнаружения «тайников бальзамировщиков» включает, главным образом, Мемфисскую (Саккара, Абусир, Гиза) и Фиванскую области (Западные Фивы, Армант), но единичные схроны найдены в Дельте (Буто) и Среднем Египте (Амарна, Кафр Аммар, Атфия)[37], а также в напатских некрополях эль-Курру, Нури и Мероэ[38]. Большинство «embalming caches» связано с кладбищами Мемфиса и Фив – городов, в разное время бывших столицами, но не терявших свое

---

[30] Ikram, López-Grande 2011, 219.
[31] Assmann 1991, 6–8.
[32] Подробнее см. Budka 2010, 25, 62–64.
[33] Winlock 1941.
[34] Budka 2010, 34–37; Ikram, López-Grande 2011, 219–224.
[35] Scalf 2017, 315, 318 (e).
[36] Перечень см. Töpfer 2015, 336–346; Chapman 2016, 185–189.
[37] Janot 2000, 91–118; Budka 2006; Aston 2011; Ikram, López-Grande 2011, 219–224; Rzeuska 2015, 236–237; Scalf 2017, 312.
[38] Budka 2006, 88.

административное значение и в другие периоды. Характерно, что фиванские тайники в основном относятся ко времени Нового царства, Третьего Переходного и Позднего периодов, тогда как мемфисские, обнаруженные в Саккаре, Абусире и Гизе,– преимущественно датируются Поздним периодом (Саисским и Персидским временем), с захватом раннего Птолемеевского времени. Однако позже эта практика изживает себя, и от позднего Птолемеевского и Римского периодов мы имеем лишь единичные случаи целенаправленного сохранения предметов, использовавшихся при мумификации (в Арманте (Бухеум))[39]. Возможно, это связано с широким распространением дешевых форм мумификации[40], которой подвергались практически все умершие египтяне, и это привело к логичному упрощению связанных с этим процессом обрядов и представлений.

НАЗНАЧЕНИЕ «ТАЙНИКОВ БАЛЬЗАМИРОВЩИКОВ»

Итак, в эпоху Среднего царства возникает и далее получает все большее развитие практика сохранения и отдельного захоронения остатков от мумифицирования тела – тканей и бинтов, тростниковых циновок, натрона, бальзамирующих веществ, что фактически маркирует существование неких воззрений. Во-первых, можно предположить, что существовало некое табу на применение предметов и веществ, уже соприкасавшихся с телом одного покойного, для другого покойного. Во-вторых, обрывки бинтов, использованный натрон и т.д., т.е. то, что соприкасалось с телом умершего, несло его частички и их захоронение рядом с погребением могло быть связано с представлениями о целостности, т.е. со стремлением сохранить в целости тело для воскрешения покойного в загробном мире. И, наконец, это можно рассматривать и шире как запрет (скорее этический, нежели реальный) на вынос предметов с кладбищенской территории. Последнее вообще свойственно природе человека и до сих пор существует.

В 1941 г. Г. Уинлок на основе изучения предметов из «тайника» Тутанхамона (KV 54) предложил первую интерпретацию назначения «тайников бальзамировщиков»: материалы, используемые во время процесса мумификации и находящиеся в непосредственном контакте с телом умершего, считались ритуально нечистыми для повторного использования бальзамировщиками, но при этом сакральными, поэтому их нельзя было просто выбросить. Таким образом, все предметы, что вступали в контакт с умершим во время бальзамирования, должны были быть захоронены в некрополе для сохранения физической целостности умершего. Тем не менее они складировались на отдельном участке у гробницы, а не внутри нее, так как нечистая природа этих материалов не позволяла им быть похороненными рядом с мумией[41].

Дальнейшие археологические исследования показали, что остатки от бальзамирования могли помещаться и в гробницу, т.е. их «нечистая природа» не препятствовала нахождению рядом с телом. Как логично заметил Ф. Жано, что может

---

[39] Ikram, López-Grande 2011, 219.

[40] Об упрощении процесса мумификации в греко-римское время см. Dodson, Ikram 1998, 129–130; David 2000, 374.

[41] Winlock 1941, 6–7.

быть более нечистым, чем инструменты бальзамировщиков, однако их никто не выбрасывал и не хоронил[42].

Ю. Будка на основе изучения «тайников бальзамировщиков» из фиванского некрополя (Мединет Абу, Дейр эль-Бахри, Асасиф, Дра Абу эль-Нага, эль-Тариф) разработала типологию устройства подобных схронов: тип А (дешевые саркофаги, заполненные остатками от мумификации, или деревянные ларцы) и тип В (остатки от мумификации, помещенные в керамические сосуды). Внутри типа В исследовательница выделила подгруппы: В1 – сосуды с остатками от бальзамирования, закопанные неподалеку от погребения в балластном слое; В2 – сосуды, помещенные в погребальные сооружения (в гробничные надстройки (В2а), в помещения для бальзамирования в некрополе (В2b), у гробничных оград (В2с)); В3 – сосуды, помещенные в ниши или шахты, специально сооруженные для этих целей; В4 – отдельные сосуды с остатками от бальзамирования, положенные рядом с телом умершего; В5 – скопления сосудов с остатками бальзамирования, сложенные на территории храмов[43].

Д. Эстон применил эту типологию для саккарских «тайников бальзамировщиков», выяснив, что для данного некрополя фиксируются только типы В1, В2 и В3, наиболее характерные для Саисского и Персидского времени[44]. Остальные типы, выделенные на основе данных фиванского некрополя, относятся в эпохе Нового царства и Третьего Переходного периода, т.е. времени, когда этот способ захоронения в Саккаре еще не практиковался.

Таким образом, часть фиванских и саккарских «схронов» непосредственно относилась к захоронениям, другая была связана с мастерскими бальзамировщиков, расположенными в некрополях[45]. Утилизация отходов, образовавшихся в процессе функционирования таких мастерских, была не просто бытовым действием, а имела «ритуальный, религиозно мотивированный характер»[46].

Подавляющее большинство саккарских «тайников бальзамировщиков» отнесено Д. Эстоном к типу В1, и лишь четверть анализируемых случаев пришлась на тайники, устроенные в специально предназначенных для них местах (типы В2 и В3)[47]. Гизехские тайники, хотя и перемещенные со своих мест, видимо, также можно отнести к типу В1, т.е. группы предметов, закопанные поблизости от погребений в подходящих для этого местах, которыми послужили укромные уголки в шахтах и гробничных часовнях. У нас нет оснований связывать их с мастерскими бальзамировщиков, т.к. на Восточном плато Гизы таковые пока не обнаружены.

Относительно содержимого «тайников бальзамировщиков» С. Икрам и М. Лопез-Гранде сделали важное наблюдение, полученное опытным путем: большинство тайников содержат гораздо меньше материалов, чем необходимо при мумификации человека. Соответственно, в тайники складывалась лишь часть отходов от бальзамирования, возможно, от последней стадии высушивания тела

---

[42] Janot 2000, 115.
[43] Budka 2006, 99, Abb. 1.
[44] Aston 2011, 50, 64–65.
[45] Budka 2006, 94–97; Aston 2011, 48–49.
[46] Budka 2006, 95.
[47] Aston 2011, 51–64.

и его умащения[48]. Но тогда возникает вопрос, кто и по какому принципу отбирал вещества и предметы для захоронения. Возможно, материалы для мумификации являлись собственностью семьи покойного и по указанию родственников неиспользованные остатки от бальзамирования погребали в специально отведенных для этого местах?

Все же идея сохранения целостности тела умершего кажется нам предпочтительной, т.к. вещества и предметы, найденные в «тайниках бальзамировщиков», носят следы контакта с телом: в публикациях отмечается, что натрон – нередко потемневший от соприкосновения с останками; на тканях, циновках и бинтах присутствуют следы биоматериалов и паразитов, как и на мешочках с опилками, служивших для временного набивания полостей тела во избежание его деформации при высушивании[49].

С.Л. Чапмэн провела интересную аналогию между сохранением материалов от бальзамирования и древнеегипетским понятием *rḏw* («соки тела»), имевшиеся как у людей, так и у богов, в том числе у Осириса. Исследовательница предлагает соотносить *rḏw* с жидкостями, выделявшимися в результате разложения тела и поглощавшимися натроном и опилками, которые также нуждались в сборе и сохранении, как и внутренности, вынутые из тела и помещенные в канопы[50]. Соответственно, сохранение остатков от мумификации должно было логично сочетаться с обрядом бальзамирования, который включал в себя не только технические действия, но и сакральные, например ритуалы очищения и «отверзания уст и очей», а сохранение целостности тела было напрямую связано с культом Осириса, которому уподоблялся умерший в загробном мире.

Выявленные РАЭГ в гизехских гробницах Перинеджу, Персенеба, GE 23 и GE 58 частично сохранившиеся «тайники бальзамировщиков» Персидского – раннего Птолемеевского времени, как и остатки собственно погребений, демонстрируют компактность залегания. То есть группа расположенных рядом скальных гробниц, вырубленная еще в эпоху Древнего царства, была повторно использована для погребения, в отдельных случаях подвергаясь более поздним архитектурным изменениям. Наглядная компактность залегания предметов из «тайников бальзамировщиков» может свидетельствовать в пользу того, что данная территория была занята некой обособленной группой населения, возможно, представителями одной семьи, которые при захоронении своих родственников стремились соблюсти одно из главных древнеегипетских заупокойных представлений о воскрешении покойного в ином мире, которому должно было способствовать сохранение целостности его тела.

Такие семейные некрополи известны в Гизе, начиная уже с упомянутого комплекса у мастабы G 7510, включавшего как захоронения, так и «тайник бальзамировщиков» Позднего периода с подписанными сосудами, и заканчивая несколько более ранним грунтовым могильником у скальной гробницы Кахерптаха

[48] Ikram, López-Grande 2011, 218.
[49] Chapman 2016, 196–197.
[50] Chapman 2016, 200–221; 233–234.

(G 7721)[51], где детские погребения содержали однотипные фаянсовые украшения, а сам некрополь располагался поверх погребений эпохи Древнего царства.

Все эти данные наглядно свидетельствуют об активном использовании территорий древнеегипетских кладбищ второй половины III тыс. до н.э. в I тыс. до н.э., когда древние сооружения и свободные пространства компактно занимались вторичными захоронениями. Косвенно это указывает на значительную человеческую активность в Мемфисе (чьим некрополем, среди прочих, была Гиза), который, периодически меняя статус от столичного города к провинциальному центру, никогда не терял своей главенствующей роли на границе долины и дельты Нила.

Литература / References

Adachi, T. 1997: The fine carinated bowl in the Iron Age. *Bulletin of the Ancient Orient Museum* 18, 41–55.

Assmann, J. 1991: *Das Grab des Amenemope TT 41.* (Theben, 3). Mainz.

Aston, D. 2011: *t3 pḫrt wty*. The Saqqara embalmers' caches reconsidered; typology and chronology. In: D. Aston, B. Bader, C. Gallorini, P. Nicholson, S. Buckingham (eds.), *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday*. Leuven–Paris–Walpole, 45–79.

Aston, D.A., Aston, B.G. 2010: *Late Period Pottery from the New Kingdom Necropolis at Saqqâra. Egypt Exploration Society – National Museum of Antiquities, Leiden, Excavations 1975–1995.* (Excavation Memoir, 92). London–Leiden.

Ballet, P., Południkiewicz, A. 2012: *Tebtynis V. La céramique des époques hellénistique et impériale. Campagnes 1988–1993. Production, consommation et réception dans le Fayoum méridional.* Le Caire.

Barakat, A.O., Mostafa, A., Qian, Y., Kim, M., Kennicutt II, M.C. 2005: Organic geochemistry indicates Gebel El Zeit, Gulf of Suez, is a source of bitumen used in some Egyptian Mummies. *Geoarchaeology: An International Journal* 20/3, 211–228.

Bareš, L. 1999: *Abusir IV. The Shaft Tomb of Udjahorresnet at Abusir.* Prague.

Bareš, L., Smoláriková, K. 2008: *Abusir XVII. The Shaft Tomb of Iufaa I. Archaeology*. Prague.

Bareš, L., Smoláriková, K. 2011: *Abusir XXV. The Shaft Tomb of Menekhibnekau*. Vol. I. *Archaeology*. Prague.

Budka, J. 2006: Deponierungen von Balsamierungsmaterial und Topfnester im spätzeitlichen Theben (Ägypten). Befund, Kontext und Versuch einer Deutung. In: J. Mylonopoulos, H. Roeder (Hrsg.), *Archäologie und Ritual. Auf der Suche nach der rituellen Handlung in den antiken Kulturen Ägyptens und Griechenlands*. Wien, 85–103.

Budka, J. 2010: The use of pottery in funerary contexts during the Libyan and Late Period: a view from Thebes and Abydos. In: L. Bareš, F. Coppens, K. Smoláriková (eds.), *Egypt in Transition. Social and Religious Development of Egypt in the First Millennium BCE. Proceedings of an International Conference, Prague, September 1–4, 2009.* Prague, 22–72.

Chapman, S.L. 2016: *The Embalming Ritual of Late Period through Ptolemaic Egypt*. (PhD Thesis, University of Birmingham). Birmingham.

Consonni, A. 2016: Ptolemaic pottery from the area of the Temple of Millions of Years of Amenhotep II: an overview. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 10, 193–213.

David, A.R. 2000: Mummification. In: P.T. Nicholson, I. Shaw (eds.), *Ancient Egyptian Materials and Technology.* Cambridge, 372–389.

Defernez, C. 2001: *La céramique d'époque perse à Tell el-Herr. Étude chrono-typologique et comparative*. Vol. I–II. Lille.

Defernez, C. 2007: Le mobilier amphorique provenant d'un édifice monumental découvert sur le site de Tell el-Herr (Nord-Sinaï). *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 8/2, 547–620.

[51] Некрополь обнаружен в 2017 г. РАЭГ, не опубликован.

Defernez, C. 2012: Remarques à propos du mobilier récent découvert sur le site de Tell el-Herr (saison 2010). *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne* 23, 19–50.
Dodson, A., Ikram, S. 1998: *The Mummy in Ancient Egypt. Equipping the Dead for Eternity*. Cairo.
Eaton-Krauss, M. 2008: Embalming cache. *Journal of Egyptian Archaeology* 94, 288–293.
French, P. 1992: A preliminary study of pottery in Lower Egypt in the Late Dynastic and Ptolemaic periods. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 3, 83–93.
French, P., Bourriau, J. 2018: *The Anubieion at Saqqara IV. Pottery of the Late Dynastic Period with Comparative Material from the Sacred Animal Necropolis*. London.
French, P., Ghaly, H. 1991: Pottery chiefly of the Late Dynastic Period, from excavations by the Egyptian Antiquities Organization at Saqqara, 1987. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 2, 93–124.
Fulcher, K., Stacey, R., Spencer, N. 2020: Bitumen from the Dead Sea in Early Iron Age Nubia. *Scientific Reports* 10, 1–12.
Gallorini, C. 2007: Late Period and Ptolemaic pottery from the work of Saqqara Geophysical Project. In: J.-Cl. Goyon, Ch. Cardin (eds.), *Proceedings of the Ninth International Congress of Egyptologists / Actes du neuvième congrès international des égyptologues. Grenoble, 6–12 septembre 2004*. Vol. II. Leuven–Paris–Dudley, 789–798.
Grataloup, C. 2012: Céramiques calcaires d'époque perse et des dernières dynasties indigènes a Thônis-Héracléion. *Égypte Nilotique et Méditerranéenne* 5, 167–194.
Gratien, B. 1997: Tell el-Herr – Sondage stratigraphique. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 5, 71–80.
Hassan, S. 1944: *Excavations at Giza 1933–1934*. Vol. V. Cairo.
Hassan, S. 1950: *Excavations at Giza 1934–1935*. Vol. VI. Part III. Cairo.
Hassan, S. 1953: *Excavations at Giza 1936–1937*. Vol. VIII. *The Great Sphinx and its Secrets. Historical Studies in the Light of Recent Excavations*. Cairo.
Hudson, N. 2014a: Preliminary report on the pottery at Tell Timai (Thmuis). *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne* 24, 15–49.
Hudson, N. 2014b: Late 4th century BC pottery from Tell Timai (Thmuis). *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne* 24, 241–266.
Hudson, N. 2016: Late Persian and Early Hellenistic pottery at Tell Timai. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne* 26, 75–108.
Ikram, S., López-Grande, M.J. 2011: Three embalming caches from Dra Abu el-Naga. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 111, 205–228.
Jacquet-Gordon, H. 2012: *Karnak-Nord X. Le trésor de Thoutmosis Ier. La céramique*. Vol. I. *Texte*. Vol. II. *Figures et planches*. Le Caire.
Janot, F. 2000: *Les instruments d'embaumement de l'Egypte ancienne*. (Bibliotheque d'Etude, 125). Le Caire.
Knoblauch, C. 2016: A new group of Middle Kingdom embalming deposits? Another look at pottery dumps and repositories for building materials in Middle Kingdom cemeteries. *Ägypten und Levante / Egypt and the Levant* 26, 329–356.
Kormysheva, E., Malykh, S., Lebedev, M., Vetokhov, S. 2015: *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufuhotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow.
Kormysheva, E., Malykh, S., Lebedev, M., Vetokhov, S. 2018: *Giza. Eastern Necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and Anonymous Tombs GE 23, GE 40, GE 56, GE 57, and GE 58*. Moscow.
Kormysheva, E., Malykh, S., Vetokhov, S. 2012: *Giza. Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948*. Moscow.
Laemmel, S. 2013: A pottery assemblage from the Tomb of Harwa (Western Thebes): mortuary and cultic reuse of a 25th Dynasty funerary structure. In: B. Bader, M.F. Ownby (eds.), *Functional Aspects of Egyptian Ceramics in their Archaeological Context. Proceedings of a Conference held at the McDonald Institute for Archaeological Research, Cambridge, July 24th–25th, 2009*. Leuven–Paris–Walpole, 217–247.
Laemmel, S., Simony, A. 2016: Early Ptolemaic and Ptolemaic pottery from the Tomb of Harwa (TT 37). *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 10, 241–266.
Leclère, F., Spencer, J. 2014: *Tell Dafana Reconsidered: The Archaeology of an Egyptian Frontier Town*. London.
Lecuyot, G. 2000: La céramique du mastaba d'Akhethetep à Saqqâra. Observations préliminaires. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 6, 235–260.

Lebedev, M.A. 2020: [G.B. Caviglia and the beginning of the archaeological study of rock-cut tombs of the Eastern escarpment of Giza]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* [*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*] 3 (13), 63–76.
Лебедев, М.А. Дж.Б. Кавилья и начало археологического изучения скальных гробниц восточной окраины Гизы. *Вестник Института востоковедения РАН* 3 (13), 63–76.

Lebedev, M.A., Malykh, S.E. 2020: [The source of mysteries: the unusual history of an ancient Egyptian burial shaft in Giza]. *Vostochnyy Kur'er* [*Oriental Courier*] 1–2, 99–108.
Лебедев М.А., Малых С.Е. Источник загадок: необычная история одной древнеегипетской погребальной шахты в Гизе. *Восточный курьер* 1–2, 99–108.

Licitra, N., David, R. 2016: L'évolution des céramiques ptolémaïques à Karnak d'après la documentation du Trésor de Chabaka. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 10, 77–121.

Lucas, A. 1958: *Materialy i remeslennyy proizvodstva Drevnego Egipta* [*Ancient Egyptian Materials and Industries*]. Moscow.
Лукас, А. *Материалы и ремесленные производства Древнего Египта*. М.

Malykh, S.E. 2010: [New data on the use of canopic jars in the Old Kingdom]. *Vestnik drevnei istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 96–111.
Малых, С.Е. Новые данные об использовании каноп в эпоху Древнего царства. *Вестник древней истории* 4, 96–111.

Malykh, S.E. 2019: [Secondary burials of the Late Period and Ptolemaic time in the rock-cut tombs of the Eastern Giza]. In: I.A. Ladynin (ed.), *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti*. Vyp. 4. *Sbornik nauchnykh trudov Sergeevskikh chteniy na kafedre istorii drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova* [*Orient, Europe, America in Antiquity*. Issue 4. *Proceedings of Sergeyev's readings at the Department of the History of the Ancient World, Department of History, Moscow State Lomonosov University*]. Moscow–Saint Petersburg, 28–41.
Малых, С.Е. Вторичные погребения Позднего и Птолемеевского периодов в скальных гробницах восточной Гизы. В сб.: И.А. Ладынин (ред.), *Восток, Европа, Америка в древности*. Вып. 4. *Сборник научных трудов Сергеевских чтений на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова* (Труды исторического факультета МГУ, 147. Серия II. Исторические исследования, 89). М.– СПб., 28–41.

Marchand, S. 2011: La transposition céramique dans l'Égypte Ancienne. In: D. Aston, B. Bader, C. Gallorini, P. Nicholson, S. Buckingham (eds.), *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday*. Leuven–Paris–Walpole, 603–631.

Marchand, S., Roussel, D. 1994: Tanis: la céramique d'un bâtiment de la XXXe dynastie. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne* 18, 12–18.

Masson, A. 2011: Persian and Ptolemaic ceramics from Karnak: change and continuity. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 9, 269–310.

Masson, A. 2016: Ptolemaic ceramics of the Theban Region. Between tradition, imitation and innovation: the Priests' Quarter as a study case. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 10, 149–164.

Münch, H.-H. 2000: Categorizing archaeological finds: the funerary material of Queen Hetepheres I at Giza. *Antiquity* 74/286, 898–908.

Pichot, V., Marchand, S. 2016: Le complexe funéraire royal d'Abou Rawash après l'Ancien Empire. Forges et tessons du IVe s. av. J.-C. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne* 26, 251–276.

Reisner, G.A. 1942: *A History of the Giza Necropolis*. Vol. I. Cambridge.

Rullkötter, J., Nissenbaum, A. 1988: Dead Sea asphalt in Egyptian mummies: molecular evidence. *Naturwissenschaften* 75, 618–621.

Rzeuska, T.I. 2003: The pottery, 2002. *Polish Archaeology in the Mediterranean* 14, 144–150.

Rzeuska, T.I. 2007: Amphorae from the Upper Necropolis at West Saqqara: 1996–2003. Preliminary report. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 8/1, 207–226.

Rzeuska, T.I. 2015: Saqqara 2012: The pottery. *Polish Archaeology in the Mediterranean* 24/1, 230–238.

Scalf, F. 2017: An embalmer's bowl with demotic inscription (Oriental Institute Museum (E9115). In: R.K. Ritner (ed.), *Essays for the Library of Seshat. Studies presented to Janet H. Johnson on the Occasion of her 70th Birthday*. (SAOC, 70). Chicago, 311–323.

Serpico, M., White, R. 2000: Resins, amber and bitumen. In: Nicholson P.T., Shaw I. (eds.), *Ancient Egyptian Materials and Technology*. Cambridge, 430–474.

Smoláriková, K. 2002: *Abusir VII. Greek Imports in Egypt. Graeco-Egyptian Relations During the First Millennium B.C.* Prague.

Smoláriková, K. 2007: Egyptian and Aegean amphorae from the Saite shaft tombs at Abusir. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 8/1, 189–197.

Smoláriková, K. 2009: Embalmers' deposits of the Saite Tombs at Abusir. *Göttinger Miszellen* 223, 79–88.

Smoláriková, K. 2016: Late Saite – Early Persian assemblages of pottery from Abusir. In: B. Bader, Chr.M. Knoblauch, E.C. Köhler (eds.), *Vienna 2 – Ancient Egyptian Ceramics in the 21st Century. Proceedings of the International Conference held in the University of Vienna, 14th–18th of May, 2012.* Leuven–Paris–Bristol, 545–555.

Strouhal, E., Bareš, L. 1993: *Secondary Cemetery in the Mastaba of Ptahshepses at Abusir.* Prague.

Töpfer, S. 2015: *Das Balsamierungsritual. Eine (Neu-)Edition der Textkomposition Balsamierungsritual (pBoulaq 3, pLouvre 5158, pDurham 1983.11 + pSt. Petersburg 18128).* (Studien zur spätägyptischen Religion, 13). Wiesbaden.

Winlock, H.E. 1941: *Materials Used at the Embalming of King Tūt-'Ankh-Amūn*. (The Metropolitan Museum of Art Papers, 10). New York.

Winlock, H.E. 1942: *Excavations at Deir el Bahri: 1911–1931.* New York.

Zivie-Coche, C.M. 1991: *Giza au premier millénaire. Autour du temple d'Isis Dame des pyramides.* Boston.

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 303–318
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 303–318
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910015749-6

ГЕЛЛАНИК И АНДОКИД

И. Е. Суриков

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Лишь в нескольких фрагментах Гелланика Лесбосского мы встречаем упоминания реальных лиц, и именно они по понятной причине представляют наибольший интерес для историка. В статье анализируется один из таких фрагментов (Hellan. *FGrHist.* 4. F170 = 323a. F24, из трактата «Аттида»), в котором фигурирует Андокид. Предлагается решение вопроса о том, какого именно носителя этого имени имел в виду Гелланик: кроме оратора Андокида, в Афинах известно несколько его тезок, все – выходцы из одной и той же знатной семьи. Делаются наблюдения в связи с рядом деталей просопографии и генеалогии этой семьи. Кроме того, с фрагментом, являющимся предметом рассмотрения в статье, сопоставляется другой фрагмент Гелланика (Hellan. *FGrHist.* 4. F156) и предлагается считать его происходящим тоже из «Аттиды» (а не из «Троянских дел», как обычно полагают).

Ключевые слова: раннее греческое историописание, мифография, генеалогия, Афины, Гелланик Лесбосский, «Аттида», Андокид, Одиссей

HELLANICUS AND ANDOCIDES

Igor E. Surikov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for Humanities, Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-09-00022a

---

Данные об авторе. Игорь Евгеньевич Суриков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-00022а «“Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки».

Only a few fragments of Hellanicus of Lesbos contain mentions of real persons, and these fragments, for a obvious reasons, are of the greatest interest for a historian. The article analyzes one of such fragments (Hellan. *FGrHist.* 4. F170 = 323a. F24, from his *Atthis*), which mentions Andocides. The author makes a suggestion as to which of this name's bearers could be the one Hellanicus wrote about, as besides the orator Andocides, several of his namesakes are known in Athens, all of them members of the same aristocratic family. The article offers some observations on the details of that family's prosopography and genealogy. In addition, the author matches the fragment in question with another fragment of Hellanicus (Hellan. *FGrHist.* 4. F156) and argues that the latter also comes from the *Atthis* rather than from Hellanicus' *Troica,* as is usually believed.

Keywords: early Greek historical writing, mythography, genealogy, Athens, Hellanicus of Lesbos, *Atthis*, Andocides, Odysseus

Среди двухсот с небольшим фрагментов, дошедших от Гелланика Лесбосского[1], подавляющее большинство, к сожалению, дает не столь уж и много информации, ценной с собственно исторической точки зрения, поскольку эти фрагменты посвящены мифографической и/или хорографической тематике. Лишь буквально в единичных из них мы встречаем упоминания реальных лиц, и именно они по понятной причине представляют наибольший интерес для историка. В данной статье будет рассмотрен один из таких фрагментов (Hellan. *FGrHist.* 4. F170 = 323a. F24, из трактата «Аттида»), в котором фигурирует Андокид.

Обычно считается, что это – известный оратор и политик конца V – начала IV в.[2] (годы его жизни в справочных пособиях обозначают как «около 440 – после 391 г.»[3]), включенный александрийскими филологами в канон десяти величайших аттических мастеров красноречия, хотя и считавшийся, пожалуй, самым слабым из этой десятки (уже античные критики давали о нем весьма уничижительные отзывы: Hermog. *De id.* II. 11; Philostr. *Vitae soph.* II. 1. 564). Он и в современной исследовательской литературе не привлекает большого внимания[4], тем более что его наследие не слишком велико: всего лишь четыре речи, одна из которых (IV, «Против Алкивиада») к тому же традиционно считается не принадлежащей ему[5] (хотя мы в свое время доказывали, что Андокид все-таки является автором

[1] Jacoby 1995, 104–152; Fowler 2007, 147–231. Впрочем, в издании Р. Фаулера как раз тот фрагмент, о котором далее пойдет речь, отсутствует, в связи с чем см. ниже.

[2] Тут и далее, если не указано обратного, все даты – до нашей эры.

[3] В 390-х годах Андокид стал одной из ключевых фигур в политической жизни Афин (Strauss 1986, 99–103), но в 392/391 г. после неудачного посольства в Спарту был отдан под суд и бежал из города, не дожидаясь процесса. О его дальнейшей судьбе нет никаких сведений.

[4] Нами было просмотрено на этот предмет немалое количество общих трудов по различным аспектам древнегреческого (или античного в целом) ораторского искусства. В них, как правило, Андокид либо просто мимоходом упомянут (как, например, в Kennedy 1994, 64), либо, в лучшем случае, ему посвящаются короткие пассажи на несколько страничек (Roisman 2005, 60–63; Wohl 2010, 206–217; Serafim 2020, 37–38). Об Андокиде как авторе см. также MacDowell 1998; Edwards 2004.

[5] Burn 1954; Feraboli 1972; Heftner 1995; 2001; Murphy 2019; Gribble 1997. Соответственно, автор речи обозначается как «Псевдо-Андокид».

этого памятника, который, однако, представляет собой не речь в собственном смысле слова, а замаскированный под речь политический памфлет инвективного характера[6]). Чаще Андокида вспоминают в связи с известными скандальными судебными процессами религиозно-политического характера (415 г. о повреждении герм и 399 г. о мистериях), в которых он действительно сыграл весьма видную роль и, соответственно, столь же видную роль играет в работах об этих событиях[7]; есть даже специальная монография о месте Андокида в процессе гермокопидов[8].

Впрочем, действительно ли Андокид, о котором говорится во фрагменте Гелланика, тождествен оратору? В афинской истории известно, помимо оратора Андокида, еще несколько носителей того же имени. Все они принадлежали к одной семье, исключительно знатной, богатой и влиятельной («семье Андокидов – Леогоров», как ее часто называют, ввиду того что в ней чаще всего встречались именно эти два антропонима)[9]. Сам Андокид-оратор говорит о своей семье так: «Наш дом – древнейший из всех»[10] (οἰκία πασῶν ἀρχαιοτάτη, Andoc. I. 147); с некоторыми нюансами ее истории нам предстоит ознакомиться.

Неясна, к сожалению, родовая аффилиация этой семьи, и в эту неясность, даже путаницу, вносит свою лепту и пресловутый фрагмент Гелланика (в том коррумпированном виде, в котором мы его имеем, где ни с того ни с сего всплывает род Кериков – см. ниже). Д. Нейлс в своем просопографическом исследовании совершенно безосновательно называет Андокида выходцем из рода Алкмеонидов[11]; это заведомо неверно, к Алкмеонидам он не имел ровно никакого отношения. Высказывалась также точка зрения, что семья оратора принадлежала к роду Кефалидов; вопрос давно уже разобрал Дж. Дейвис[12] и обоснованно вынес по нему отрицательный вердикт. Никакого рода Кефалидов в Афинах исторической эпохи, похоже, вообще не было, хотя его существование и постулировано в очень старом труде Тепфера по аттической генеалогии[13] (к которому ныне мало кто относится всерьез). Со стороны матери Андокид, как мы предположили в другом месте[14], был связан с Филаидами; но здесь мы будем заниматься только его происхождением по мужской линии.

В любом случае не приходится сомневаться в том, что интересующая нас семья входила в состав самого верхнего слоя афинской аристократической элиты. Ее представители с достаточного раннего времени играли активную роль

---

[6] Surikov 2006a, 429–442.

[7] Таких как Aurenche 1974; Murray 1990; McGlew 1999; Graf 2000; Todd 2004; Rubel 2014; Kousser 2015. В отечественной историографии см. Nikityuk 2018 (со ссылками на основную литературу вопроса).

[8] Furley 1996.

[9] Наиболее подробный очерк ее истории: Davies 1971, 27–32.

[10] Андокид здесь и далее цитируется в переводе Э.Д. Фролова.

[11] Nails 2002, 25. Книга Нейлс вообще не чужда погрешностей, вызванных несколько поверхностным подходом к материалу. Не можем не отметить, что количество этих погрешностей катастрофически возросло в русском издании книги (Nails 2019), – естественно, по вине коллектива переводчиков.

[12] Davies 1971, 27.

[13] Toepffer 1889, 255–267.

[14] Surikov 2009.

в общественной жизни полиса, занимали высокие посты. Так, уже около 550 г. член семьи – Андокид (I) по просопографической номенклатуре, восходящей к «Аттической просопографии» Кирхнера[15],– являлся казначеем Афин, о чем известно из эпиграфического памятника (*IG* I³ 510). Из этого, кстати, следует, что он принадлежал к пентакосиомедимнам – высшему солоновскому имущественному классу, т.е. входил в число наиболее состоятельных граждан. Это первый известный представитель семьи, а среди его потомков самой видной фигурой был Андокид (III) – дед Андокида (IV), оратора. На важнейших перипетиях биографии этой неординарной личности мы остановимся ниже.

Но обратимся, наконец, к фрагменту Гелланика, которому посвящена статья и который, подчеркнем, не столько дает какую-то новую и ценную информацию о самом ораторе Андокиде, сколько привносит определенные нюансы в просопографию «семьи Андокидов – Леогоров». Источниками фрагмента являются три разных сочинения. Во-первых, это биографический цикл «Жизнеописания десяти ораторов», сохранившийся в составе «Моралий» Плутарха, но Плутарху не принадлежащий, а составленный каким-то неизвестным автором несколько позже (но тоже в пределах II в. н.э.). Этот Псевдо-Плутарх, как его называют, весьма склонен к разного рода неаккуратностям, квипрокво, даже прямым ошибкам[16], что, однако, не отменяет источниковедческой значимости памятника, поскольку наряду с погрешностями в нем наличествует также и ценный, вполне достоверный материал. Второй источник – биография Алкивиада, написанная уже настоящим Плутархом; третий – статья «Андокид» в византийском лексиконе «Суда».

Соответственно, фрагмент дается Якоби в трех вариантах (F170a, F170b, F170c); впрочем, мы назвали бы их скорее не вариантами (прямых текстуальных пересечений между ними практически нет), а тремя самостоятельными фрагментами,– правда, тесно связанными друг с другом и взаимодополняющими: только когда читаешь их вместе, в полной мере понимаешь многие детали изложения. Самый пространный из трех – тот, который почерпнут из Псевдо-Плутарха (Ps.-Plut. *Vitae X or.* 834b = Hellan. *FGrHist.* 4. F170a), с него мы и начнем. Фрагмент должен быть достаточно подробно прокомментирован. Поэтому мы будем приводить его по частям, буквально по фразам, и к каждой давать пояснения. В частности, необходимо будет оговорить ошибки и неточности, принадлежащие, впрочем, не Гелланику, а ссылающемуся на него писателю.

᾽Ανδοκίδης Λεωγόρου μὲν ἦν πατρὸς [τοῦ ᾽Ανδοκίδου] τοῦ θεμένου ποτὲ πρὸς Λακεδαιμονίους εἰρήνην ᾽Αθηναίοις... «Андокид был сыном Леогора, [сына Андокида,] некогда заключившего для афинян мир с лакедемонянами». «Сына Андокида» – необходимое добавление издателей, поскольку дальнейшая информация о заключении мира относится именно к Андокиду (III), деду оратора, а не к Леогору, его отцу. Это Тридцатилетний мир 446/445 г., завершивший Малую

[15] Kirchner 1901–1903.

[16] Так, оратор Антифонт, казненный в 411 г., смешан у него с двумя другими Антифонтами – второстепенным политиком, казненным «Тридцатью тиранами», и драматургом, казненным Дионисием Старшим в Сиракузах в начале IV в. См. к этому Surikov 2006b, 56–59.

Пелопоннесскую войну[17]. Из некорректной формулировки Псевдо-Плутарха можно сделать заключение, будто Андокид-старший был единственным послом, заключавшим мир. На самом же деле он являлся лишь одним из членов посольства, отправившегося в Спарту для подписания договора.

Об этом известно из нескольких авторов, в том числе из оратора Андокида – внука того афинянина, о котором идет речь: «Из всех афинян выбрали тогда десять граждан, десять полномочных послов, которых и отправили в Лакедемон для ведения переговоров о мире; в их числе был Андокид – наш дед. От нашего имени они заключили с лакедемонянами мир на тридцать лет» (Andoc. III. 6). Далее оратор Эсхин сообщает: «И тут, немало пострадав, мы захотели заключить мир. Отправив к лакедемонянам Андокида с товарищами (Ἀνδοκίδην... καὶ τοὺς συμπρέσβεις), мы заключили на тридцать лет тот мир, который высоко поднял благосостояние народа» (Aeschin. II. 174; пер. Н.И. Новосадского под ред. К.М. Колобовой). Из подобного выражения можно, пожалуй, сделать вывод, что Андокид возглавлял посольство. Но это не является безоговорочно установленным фактом: Эсхин мог просто опираться на данные речи Андокида-младшего, в которой, как мы видели, по имени из послов назван только его дед. А в то же время известно, что в посольство входил знаменитейший дипломат Каллий (Старший), за несколько лет до того подписавший в Сузах названный его именем мирный договор 449 г., которым завершились Греко-персидские войны. Об этом говорит Диодор (Diod. XII. 7), который притом называет имя еще одного посла, Харета, а вот об Андокиде-старшем даже не упоминает. Поэтому иногда именно Каллия считают главой посольства[18].

Продолжим цитирование и анализ фрагмента Гелланика: ...τῶν δήμων δὲ Κυδαθήναιος ἢ Θορεύς, γένους εὐπατριδῶν, ὡς δ' Ἑλλάνικος καὶ ἀπὸ Ἑρμοῦ. «Он (Андокид. – *И. С.*) был из дема Кидафины или Торы и принадлежал к роду евпатридов, а по словам Гелланика – происходил от Гермеса». Из других источников совершенно точно известно, что демом всей семьи Андокида были Кидафины, и вызывает некоторое удивление, что Псевдо-Плутарх предлагает еще какой-то второй, альтернативный вариант. Это может быть связано с тем, что из дема Торы, как считается, происходил Драконтид, которого, как мы увидим, путали с Андокидом в связи с экспедицией 433/432 г. на Керкиру, о которой речь еще пойдет.

Евпатриды,– строго говоря, не род, а всё сословие высшей афинской аристократии[19], так что Псевдо-Плутарх здесь терминологически неточен. Правда, ранее некоторые исследователи считали, что в Афинах был и отдельный знатный род Евпатридов[20], но эта точка зрения не имеет достаточного основания и ныне

---

[17] Сводку источников об этом договоре и его условиях см. в Bengtson 1962, 74–77.

[18] Например: Rahe 2020, 143.

[19] Wade-Gery 1958, 86–115; Sealey 1961; Bourriot 1976, 421–425; Gallotta 1979; Hemmerdinger 1984.

[20] Например: Nikitskiy 1919.

ее мало кто придерживается[21]. Далее наконец появляется имя Гелланика, который, как здесь сказано, считал Андокида потомком Гермеса.

Καθήκει γὰρ εἰς αὐτὸν τὸ Κηρύκων γένος – «Ведь к нему имеет отношение род Кериков». Это место Якоби вслед за Блассом предлагает атетировать, поскольку род Кериков хотя и возводили к Гермесу, но через элевсинского героя Евмолпа, а не через Одиссея, в отличие от рода Андокида (см. ниже, F170b и F170c). В «Библиотеке» патриарха Фотия содержится очень похожий пассаж (Phot. *Bibl.* cod. 261, p. 488a23), но сформулировано несколько иначе: «...будучи из людей благородных; а Гелланик говорит, что его родословная в далеких временах от его рождения восходит к Гермесу».

Διὸ καὶ προεχειρίσθη ποτὲ μετὰ Γλαύκωνος σὺν ναυσὶν εἴκοσι Κερκυραίοις βοηθήσων διαφερομένοις πρὸς Κορινθίους – «Из-за этого он однажды и отправился вместе с Главконом на двадцати кораблях на помощь керкирянам, у которых была вражда с коринфянами». Эта фраза во всем фрагменте является самой проблемной, а, кроме того, ее содержание имеет наиболее прямое отношение к вопросу о том, о каком Андокиде писал Гелланик. Она требует максимально пристального рассмотрения, каковое удобнее будет предпринять несколько позже, в отдельном экскурсе, а пока закончить с фрагментом F170a.

Μετὰ δὲ ταῦτα αἰτιαθεὶς ἀσεβεῖν ὡς καὶ αὐτὸς τοὺς Ἑρμᾶς περικόψας καὶ εἰς τὰ τῆς Δήμητρος ἁμαρτῶν μυστήρια, κριθεὶς ἐπὶ τούτοις ἀπέφυγεν ἐπὶ τῶι μηνύσειν τοὺς ἀδικοῦντας – «А после этого, будучи обвинен в нечестии за то, что он и собственноручно изувечил гермы, и согрешил против мистерий Деметры, и предан суду за это, он спасся тем, что указал преступников». Здесь картина событий сильно упрощена (разумеется, Псевдо-Плутархом, а не Геллаником). Знаменитые судебные процессы о повреждении герм и о профанации мистерий имели место в 415 г. Андокид был в числе обвиняемых и арестованных только по делу о гермах, да и в этом кощунстве, кажется, в действительности лично не участвовал. Однако он, находясь под арестом, чтобы спасти от казни себя и своих близких (прежде всего отца, Леогора), пошел, как ныне выражаются, на сделку со следствием[22]: признал себя частично виновным (заявил, что знал о преступном замысле, вызревшем в гетерии, членом которой он был, и не донес о нем властям), назвал имена нескольких лиц, совершивших, по его словам, это злодеяние, в результате сохранил жизнь и отделался изгнанием. Во всяком случае, так он сам излагает события в своей произнесенной в 399 г. речи «О мистериях» (Andoc. I), которая содержит наиболее подробный рассказ об этой истории. Насколько данный рассказ правдив (ясно, что он, во всяком случае, тенденциозен), был ли искренен Андокид и в 415 г., и в 399 г. – дело темное, и, поскольку оно не имеет прямого

---

[21] В некоторых старых работах к роду Евпатридов относили Алкивиада (например: Toepffer 1889, 175–180; Hatzfeld 1940, 5), но в дальнейшем от этого отказались (Ellis 1989, 99–102).

[22] Следствие вели радикальные демагоги Писандр и Харикл (Andoc. I. 36), которые уже вскоре парадоксальным образом круто поменяли свою политическую позицию и вошли в число лидеров олигархического движения (Lehmann 1997, 43–44).

отношения к предмету нашей статьи, мы не будем в него углубляться[23], тем более что по вопросу существует обильная литература (см. ссылки выше, в прим. 7–8).

* * *

Итак, можно ли заключить, что в «Аттиде» в какой-то связи упоминался оратор Андокид, который не просто являлся современником Гелланика, но был намного моложе историка – более чем на полвека? Он был еще жив в момент написания трактата в последнем десятилетии V в.[24] Более того, он был жив и позже, вернулся из изгнания в Афины по амнистии 403 г.[25] и занимался достаточно активной политической деятельностью в 390-х годах. Скорее всего он пережил Гелланика: вряд ли можно допустить, что последний, родившись в самом начале V в., перешагнул рубеж следующего столетия.

Что же касается оратора Андокида, в его биографии, написанной Псевдо-Плутархом, сказано, что он родился в 78-ю олимпиаду, в архонтство Феогенида (Ps.-Plut. *Vitae X or.* 835a). Этому архонтскому году в нашем летосчислении соответствует 468/467 г.[26] Иными словами, Андокид оказывается почти ровесником Сократа. Но эти данные представляют собой грубую ошибку и никак не могут соответствовать действительности. Сам оратор говорит в одной из своих речей (Andoc. II. 7), что на момент процесса гермокопидов (415 г.) он был очень молод; тогда был еще жив и деятелен его отец. А в речи на процессе о мистериях 399 г. он утверждает (Andoc. I. 148), что у него пока нет детей, но он, как понятно из контекста, еще надеется их иметь. Такое мог сказать о себе человек лет сорока, сорока с небольшим, но, понятно, не человек, которому под семьдесят.

Кроме того, от процесса 399 г. сохранилась и обвинительная речь. Она по ошибке попала в корпус Лисия (как речь VI), но в действительности ему не принадлежит. Как обоснованно считает Д. Нейлс[27], это именно та речь, которую произнес против Андокида его официальный обвинитель на суде – Мелет. С этим последним, кстати, связан интереснейший вопрос[28]: тождествен ли он Меле-

---

[23] Упомянем только, поскольку об этом факте пока мало кто знает, что недавно на Керамике была открыта табличка-defixio с надписью [Ἀ]νδοκ<ί>δης ἑρμοκο[πίδης] (Papakonstantinou 2021, 95–97). Что интересно, она датируется началом IV в., т.е. надпись была сделана не в связи с процессом гермокопидов, а в связи, видимо, с процессом 399 г.

[24] В сохранившихся фрагментах «Аттиды» упоминаются события 407/406 г. (Hellan. *FGrHist.* 4. F171–F172). Часто считается, что трактат доведен автором до конца Пелопоннесской войны, и это вполне может соответствовать действительности. Во всяком случае, он был завершен очень старым, более чем девяностолетним автором в самом конце V в. Весь этот круг вопросов, связанных не только с временем написания «Аттиды», но и в целом с датировками жизни Гелланика, детально разобран нами в Surikov 2021; из выкладок, сделанных в этой работе, мы здесь исходим, когда дело касается хронологии.

[25] Наиболее фундаментальное исследование об этой амнистии – Carawan 2013.

[26] Develin 2003, 70. Имя архонта в разных источниках фигурирует то как «Феогенид», то как «Феагенид».

[27] Nails 2002, 199.

[28] Подробнее мы останавливаемся на нем в Surikov 2011, 299–304. Поэтому здесь затронем его лишь вкратце.

ту, который ровно в том же самом году обвинял Сократа? Спектр мнений по этой проблеме разошелся до полярно противоположных[29]: одни исследователи признают тождество двух лиц, другие его решительно отрицают. Мы, со своей стороны, такое тождество не исключаем. Довольно вероятно, что перед нами сикофант, обслуживавший интересы видных политиков, которые по той или иной причине не желали рисковать своей репутацией, выступая в роли официальных обвинителей в судебных делах сомнительного характера. В процессе Сократа за спиной обвинения стоял Анит, – по сути, второй тогда человек в Афинах, а в процессе Андокида – дадух Каллий (Младший) из рода Кериков, тоже один из самых влиятельных граждан. Не можем не упомянуть и о том, что Мелет, обвинявший Андокида, в период правления «Тридцати тиранов» участвовал в аресте Леонта Саламинского (Andoc. I. 94) – как раз тогда, когда Сократ от этого демонстративно отказался (Plat. *Apol.* 32cd; Diog. Laert. II. 24). У него, таким образом, появился мотив для неприязни к философу, и это тоже может косвенно свидетельствовать в пользу того, что Мелет в двух судах – один и тот же.

Но вернемся к речи «Против Андокида». В ней прямо указан возраст обвиняемого: «Он никогда не выступал из города ни в один поход, ни кавалеристом, ни гоплитом, ни командиром судна, ни флотским солдатом, ни раньше нашего несчастия (поражения в Пелопоннесской войне. – *И. С.*), ни после несчастия, хотя ему от роду уже сорок лет с лишним (πλέον ἢ τετταράκοντα ἔτη γεγονώς)» (Ps.-Lys. VI. 46; пер. С.И. Соболевского). Здесь много беспочвенной хулы (от своего изгнания в ранней молодости в 415 г. до возвращения по амнистии в 403 г. Андокид, естественно, не мог принимать участия ни в каких военных предприятиях полиса, а на хронологическом отрезке 403–399 гг. Афины не вели войн), но главное не в этом. Способ выражения обвинителя таков, что ясно: его оппоненту сорок *с небольшим* (иначе было бы сказано «под пятьдесят»). Таким образом, всё указывает на то, что принимаемая в литературе датировка рождения оратора – около 440 г.– вполне верна.

Мы сомневаемся в том, что Гелланик в «Аттиде» писал именно об этом Андокиде, да и что он мог бы о нем сказать? Андокид-младший стал персоной, достаточно известной в политической жизни, только в первое десятилетие IV в., а до этого времени и «Аттида» не была доведена, да и Гелланика, несомненно, не было уже тогда в живых, так что он не мог знать о будущем «карьерном росте» Андокида. Нам представляется более вероятным, что в трактате Гелланика об истории Афин на самом деле фигурировал не Андокид-оратор, а его дед, который, как мы видели, тоже звался Андокидом и был политиком, дипломатом, полководцем. На деятельности этого Андокида-старшего мы теперь и остановимся.

Исходя из того что около 440 г. (или чуть раньше) у него родился внук, время рождения этого афинянина относят к периоду 510–500 гг.[30] Как известно из надписи (*IG* I³ 1353), в 447/446 и 446/445 гг. он входил в состав коллегии стратегов[31] и командовал афинским походом на Мегары, который стал одной из последних

---

[29] Рассмотрение основных точек зрения см. в Nails 2002, 199–202.
[30] Davies 1971, 29.
[31] Develin 2003, 83, 84.

кампаний Малой Пелопоннесской войны. Во второй из двух вышеназванных лет Андокид, оставаясь стратегом, одновременно был включен в состав посольства в Спарту, которое подписало Тридцатилетний мир, завершивший эту войну (о данном факте его биографии уже говорилось выше).

Далее, на одном остраконе с Керамика фигурирует Андокид, сын Леогора[32]. Остракон датируется 440-ми годами и, стало быть, несомненно принадлежит той остракофории, которую мы датируем весной 444 или 445 г.[33] Главными кандидатами на изгнание были тогда Перикл и Фукидид, сын Мелесия; остракизму подвергся последний. Над Андокидом-старшим, ясно, всерьез такая угроза нависать не могла, однако налицо тот факт, что по крайней мере один из сограждан потребовал его удаления из полиса, а для этого он во всяком случае должен был быть знатным, известным, влиятельным политиком – иных лиц в качестве потенциальных жертв остракизма не видели. Впрочем, и знатность, и известность, и влиятельность Андокида прекрасно подтверждаются данными источников и без этого остракона.

В 441/440 г. наш герой – вновь член коллегии стратегов[34]. Это та самая знаменитая коллегия, которая отправилась во главе флота на Самос в связи с началом войны Афин против этого острова. Уникальным образом сохранился ее полный список (для остальных лет имеются только имена отдельных стратегов), в который, помимо Андокида, входят и Перикл, и драматург Софокл, а также Главкон, сын Леагра (запомним это имя, оно встретится нам и в дальнейшем). Список этот поместил в своей «Аттиде» писавший в IV в. Андротион[35] (Androt. *FGrHist.* 324. F38), и у него есть одна странность – перечислено не десять, а одиннадцать человек. Почему это так – достаточно занятная проблема, которую пытались решать самыми разнообразными путями: от атетирования одного из имен из перечня[36] вплоть до выдвижения гипотезы о том, что Перикл в годы своего наибольшего влияния избирался стратегом не *в числе* ординарной коллегии десяти, а *вдобавок* к этой коллегии, extra ordinem[37]. Впрочем, положение Андокида-старшего в списке в любом случае вполне прочно.

А вот теперь мы переходим к едва ли не самому сомнительному событию в его биографии, которое имело (или не имело) место в 433/432 г. Оно к тому же самым непосредственным образом связано с тем фрагментом, который мы сейчас рассматриваем. Напомним самое проблемное место во фрагменте: «Из-за этого он (Андокид. – *И. С.*) однажды и отправился вместе с Главконом на двадцати кораблях на помощь керкирянам, у которых была вражда с коринфянами».

Что имеет в виду выражение «из-за этого» (διό) – с этим еще предстоит разбираться. А пока процитируем Фукидида, рассказывающего об афинской помощи керкирянам: «Упомянутые же двадцать афинских кораблей под начальством Главкона, сына Леагра, и Андокида, сына Леогора (ὧν ἦρχε Γλαύκων τε ὁ Λεάγρου καὶ Ἀνδοκίδης ὁ Λεωγόρου), продолжали свой путь» (Thuc. I. 51. 4; пер.

---

[32] Brenne 2001, 101.
[33] Рассмотрение этого хронологического вопроса см. в Surikov 2006a, 139–141.
[34] Develin 2003, 89.
[35] Об этом авторе см. прежде всего Harding 1994.
[36] Так поступает, например, Р. Девелин, исключая Главкета (Develin 2003, 89).
[37] Эта гипотеза разбирается и отвергается в Fornara 1971, 19–27.

Г.А. Стратановского). Перед нами те же два имени. Главкон, сын Леагра, напомним, уже был коллегой Андокида-старшего в 441/440 г.

Итак, совершенно несомненно, что Псевдо-Плутарх почерпнул эту информацию именно из Фукидида. Но отнес ее к Андокиду-оратору, ввиду своего ошибочного мнения, согласно которому последний родился в 468/467 г. А коль скоро дата рождения Андокида-младшего в действительности находится в районе 440 г., его участие в данной экспедиции совершенно исключено: он был тогда ребенком.

Вроде бы ситуация предельно ясна: поздний биограф опять, по своему обыкновению, напутал, и мы, опираясь на Фукидида, должны признать одним из предводителей афинской экспедиции 433/432 г. Андокида (III), деда оратора. Однако же в современных справочниках Андокид, сын Леогора, из Кидафин не фигурирует в перечне стратегов этого года[38]. Дело в том, что возникает серьезнейшее препятствие для включения его туда, и ставит это препятствие эпиграфический памятник, данные которого приходят в прямое противоречие с текстом Фукидида.

Существует декрет об отправке эскадры на Керкиру (*IG* I³ 364), и в нем названы следующие имена стратегов, назначенных командовать этой эскадрой: Главкон из Керамика (это тот же самый Главкон, сын Леагра, что и у Фукидида), Метаген (строго говоря, это имя реконструируется издателями, в тексте надписи сохранилось только]ένει, в дативе) из Келы, Драконтид. Демотик последнего не сохранился, восстанавливается как «из Тор» – с опорой как раз на Псевдо-Плутарха. Никакого Андокида из Кидафин, как видим, здесь нет.

Соответственно, предлагается считать[39], что Андокид на Керкиру не плавал, а плавал туда человек, чье полное имя – Драконтид, сын Леогора, из Тор: верить нужно версии декрета, а не версии Фукидида. Однако нам совершенно непонятно, каким образом мог совершить столь грубую ошибку (назвать одного полководца вместо другого) Фукидид,– автор, который, как правило, безупречен во всем, что касается фактов (нередко пишут, что это – вообще едва ли не единственная ошибка в его труде). В 433/432 г. будущий историк Пелопоннесской войны был в Афинах, готовился начать или уже начал военную и политическую карьеру. Он являлся очевидцем событий, весь ход керкирского конфликта знал великолепно[40]. Предположить, что здесь перед нами не погрешность Фукидида, а порча в рукописной традиции, опять же затруднительно: мы видели, что уже Псевдо-Плутарх во II в. н.э. читал в фукидидовской истории имя Андокида, а не Драконтида (другое дело, что он соотнес это имя не с тем его носителем, с которым следовало бы).

А нельзя ли поискать такого решения проблемы, которое примирило бы данные Фукидида и данные афинского декрета? Отметим здесь, что, вообще говоря, к рассматриваемому в нашей статье фрагменту исследователи обращаются чрезвычайно редко и едва ли не самый дельный известный нам его анализ

---

[38] Например: Fornara 1971, 51; Davies 1971, 30; Develin 2003, 99.
[39] Gomme 1945, 188–189; Davies 1971, 173; Hornblower 2003, 95–96.
[40] Morrison 1999.

принадлежит Л. Пирсону[41]. Именно этот ученый справедливо отметил, что Андокид у Фукидида не назван стратегом, его статус вообще не обозначен. Фукидид и в принципе не говорит о том, какие стратеги были назначены для командования экспедицией, а Андокида упоминает мимоходом, в связи с одним конкретным эпизодом керкиро-коринфского столкновения.

Соответственно, Пирсон предположил, что Андокид плыл с эскадрой не в качестве стратега (потому его имени и нет в декрете), а в качестве, так сказать, прикомандированного военачальника. В принципе, такое в Афинах практиковалось[42]. В данном случае опытного политического и военного деятеля могли отправить в поход, чтобы он консультировал более молодого Главкона, а также выполнял дипломатические функции: напомним, что он уже задолго до того зарекомендовал себя как дипломат при заключении Тридцатилетнего мира со Спартой.

Это – одна возможность, но, как нам представляется, есть и другая. Декрет демонстрирует только некое намерение, но он не может быть свидетельством реализации этого намерения. Можно допустить, что стратег Драконтид был поставлен народным собранием на должность одного из командиров афинской эскадры, но не смог отправиться с ней в силу каких-то форс-мажорных обстоятельств (например, заболел или даже скончался) и его пришлось в последний момент заменить другим человеком.

Против участия Андокида в экспедиции выдвигают еще такой аргумент, как его слишком преклонный для этого возраст. Если он, как говорилось выше, родился на хронологическом отрезке 510–500 гг., то на момент керкирского конфликта ему должно было быть около семидесяти лет или больше. Для полководца это действительно многовато (хотя Фокиона избирали стратегом даже тогда, когда ему было за восемьдесят), а вот если на него, по догадке Пирсона, была возложена не военная, а дипломатическая миссия, то для нее солидный возраст не был столь же серьезным препятствием. Вспомним хотя бы об упоминавшемся выше Каллии Старшем, заключившем мир с Персией. В молодости он одержал три победы в Олимпийских играх. Первая из них имела место в 500 г.[43], а значит, родился он никак не позже 520 г.[44] Иными словами, в пору заключения Каллиева мира ему уже было за семьдесят, а ведь это был еще не конец его карьеры как дипломата: в 446/445 г., когда ему было, как минимум, семьдесят пять лет, он вошел в состав посольства, направленного в Спарту для подписания Тридцатилетнего мира, о чем мы уже знаем. В этом назначении сыграли свою роль, очевидно, и его огромный опыт, и авторитет в греческом мире (он считался, заметим, еще и самым богатым человеком в Элладе, с состоянием, оценивавшимся в 200 талантов, в то время как, скажем, у Никия, этого ходячего воплощения богатства, оно составляло 100 талантов; эти цифры вкупе с данными по некоторым другим богачам см. в Lys. XIX. 46–48).

---

[41] Pearson 1975, 222–223.
[42] Nails 2002, 236.
[43] Moretti 1957, 80.
[44] Ср. Davies 1971, 258.

* * *

Что касается другого конкретного случая – с Андокидом-старшим,– то его назначение тоже могло обусловливаться какими-то особыми резонами. Л. Пирсон, помимо прочего, выдвигает и гипотезу относительно причины, по которой именно он был послан на Керкиру. Обратимся и мы к этому вопросу. Как мы видели, Псевдо-Плутарх, апеллирующий к Гелланику, употребляет выражение «из-за этого» (διό). Из-за чего же? Непосредственно перед тем во фрагменте говорится о том, что Андокид, по словам Гелланика, происходил от Гермеса (и есть еще атетируемая фраза о его мнимой принадлежности к Керикам, которая Гелланику явно не принадлежит). Получается, керкирская миссия была как-то связана с происхождением Андокида. Как конкретно – из фрагмента F170a непонятно: здесь Псевдо-Плутарх, очевидно, неудачно эпитомировал свой источник, сократив некоторые релевантные подробности. Но какие? И тут нам приходят на помощь два сопряженных с F170a пассажа. Они пока нами не затрагивались, а теперь их необходимо привести.

Hellan. *FGrHist.* 4. F170b = Plut. *Alc.* 21: τῶν οὖν δεθέντων καὶ φυλαττομένων ἐπὶ κρίσει τότε καὶ ᾿Ανδοκίδης ἦν ὁ ῥήτωρ, ὃν ῾Ελλάνικος ὁ συγγραφεὺς εἰς τοὺς ᾿Οδυσσέως ἀπογόνους ἀνήγαγεν. «Итак, среди арестованных и охраняемых в ожидании суда был тогда и оратор Андокид, которого историк Гелланик относит к потомкам Одиссея».

Hellan. *FGrHist.* 4. F170c = *Suid.*s.v. Ἀνδοκίδης: ᾿Αθηναῖος, ῥήτωρ τῶν πρωτευόντων δέκα εἷς, υἱὸς Λεωγόρου, ἀπόγονος Τηλεμάχου τοῦ ᾿Οδυσσέως καὶ Ναυσικάας, ὥς φησιν ῾Ελλάνικος. «Андокид. Афинянин, оратор, один из десяти первенствующих, сын Леогора, потомок Телемаха, сына Одиссея, и Навсикаи, как говорит Гелланик».

Вот что вырезал Псевдо-Плутарх, сокращая текст Гелланика, и вот где кроется ключ к разгадке! Лесбосский историк сообщал не просто о происхождении семьи Андокида от Гермеса, а о происхождении ее от Гермеса через Одиссея. Да, между этими данными нет противоречия. Одиссея возводили к Гермесу по женской линии: его мать Антиклея была дочерью известного вора и мошенника Автолика (от него Одиссей и унаследовал свое пресловутое «хитроумие»), который в традиции выступает сыном Гермеса. По мужской же линии род Одиссея возводили к Зевсу. Об этом сказано, в частности, у того же Гелланика в другом фрагменте (F156), который мы в дальнейшем еще затронем. Но героев, считавшихся потомками Зевса, было в Элладе буквально море, Гермес же в мифологии отнюдь не столь чадообилен[45], и указание на него как предка лучше служило идентификационным целям.

По мнению Л. Пирсона, которое представляется нам достаточно убедительным, именно с данным обстоятельством был связан выбор Андокида для керкирской миссии. Из того варианта фрагмента Гелланика, который сохранил Псевдо-Плутарх, такого вывода не сделаешь: там упоминается только Гермес, который никаких специальных ассоциаций с Керкирой не вызывает. Совсем другое

[45] Очень короткий перечень его детей (к тому же несколько испорченный) см. в Hygin. *Fab.* 160.

дело – Одиссей, одним из самых известных приключений которого было посещение им Схерии, острова сказочных феаков, который в классическую эпоху устойчиво отождествлялся с Керкирой. Более того, в числе предков политика в этой версии оказывается не только Одиссей, но и Навсикая, феакийская царевна, и, таким образом, Андокид – прямой потомок феаков и, стало быть, дальний родственник керкирян. Так кого же отправить к ним, как не его? Такого рода нюансы у греков, как известно, очень даже принимались во внимание.

Родословную, которая делает супругом Навсикаи не кого иного, как Телемаха, Пирсон называет «поразительной»[46]; Р. Фаулер считает, что она не берет своих истоков в архаической мифологии, а является чисто афинским, относительно поздним изобретением[47]. Более поздней, чем время жизни Гелланика, она, впрочем, в любом случае быть не может, а Гелланик, что ни говорить, автор достаточно ранний. А «поразительных» версий в изложении круга сюжетов, связанных с Одиссеем и его близкими, вообще говоря, немало. Некоторые даже намного поразительнее,– например, та, в которой Телемах женится на Кирке, а Телегон, сын Одиссея от Кирки (Одиссея же и убивший),– на самой Пенелопе (Eustath. *Schol. Hom. Od.* XVI. 118, включено Якоби во фрагмент F156 Гелланика, но к Гелланику не относится, см. ниже). Предложенную же Геллаником версию с браком Телемаха и Навсикаи, кстати говоря, принял Аристотель в «Итакийской политии» (Arist. fr. 506 Rose).

Интерпретация Пирсоном оригинального контекста пассажа из «Аттиды» Гелланика, сохранившегося как фрагмент F170(a–c), такова: историк писал об экспедиции афинской эскадры на Керкиру, упомянул об участии в ней Андокида и, чтобы не казалось странным привлечение к мероприятию такого все-таки пожилого человека, объяснил мотивацию афинян, заключавшуюся в родстве Андокида с жителями Керкиры, показав далее природу этого родства (через Гермеса, Одиссея, Навсикаю)[48]. Интерпретация эта может быть верной, а может быть и ошибочной, категоричные суждения pro или contra здесь вряд ли уместны, тем более что из всего фрагмента с полной безусловностью восходит к Гелланику только информация о происхождении семьи Андокида. Но в любом случае эта информация давалась историком, видимо, все-таки в связи с Андокидом-дедом, а не с Андокидом-внуком (оратором), о чем говорилось и выше.

Итак, фрагмент имеет самое прямое отношение к генеалогической мифографии, и совершенно напрасно Р. Фаулер не включил его в свой свод текстов ранних мифографов[49]. В заключение статьи мы попробуем связать с ним другой

---

[46] Pearson 1975, 192.

[47] Fowler 2013, 557.

[48] Pearson 1975, 223.

[49] Он, кстати, не включил в него и еще один фрагмент из издания Якоби, на котором считаем нелишним вкратце остановиться хотя бы в формате подстрочной сноски, поскольку он может иметь отношение к Гелланику, хотя находится в корпусе фрагментов Акусилая – историка еще более древнего, писавшего в VI в. (Acusil. *FGrHist.* 2. F35 = Schol. Thuc. I. 51. 4): «Андокид. Один из десяти ораторов, как говорит Акусилай». Это, кстати, комментарий к тому самому месту из Фукидида, о котором говорилось выше, так что схолиаст тоже спутал Андокида-оратора с его дедом. Однако

фрагмент Гелланика, который ранее не относили к «Аттиде» (Hellan. *FGrHist.* 4. F156 = Eustath. *Schol. Hom. Od.* XVI. 118). И Якоби, и Фаулер рассматривали его как происходящий из трактата «Троянские дела»[50].

«А следует знать, что Аркисия[51] производят от Зевса и Евриодии; от него и Халкомедусы – Лаэрта; а от того и Антиклеи – Одиссея; а от того и Пенелопы – Телемаха; а от того и Поликасты, дочери Нестора,– Персептолида, как пишет Гесиод... Аристотель же в "Итакийской политии" и *Гелланик говорят, что Телемах женился на Навсикае, дочери Алкиноя, и породил Персептолида* (курсив наш. – *И.С.*)... А колофонец, который написал "Возвращения"[52], говорит, что Телемах позже женился на Кирке, Телегон же, рожденный Киркой, в свою очередь, женился на Пенелопе. Всё это излишняя и пустая болтовня».

Если читать этот фрагмент изолированно, то действительно вроде бы ничто не дает права предположить, что он может принадлежать к «Аттиде». Но стоит сопоставить его с вышерассмотренным фрагментом F170 – и сразу становится, на наш взгляд, предельно ясным, что именно в «Аттиде»-то он и содержался, тоже имея самое непосредственное отношение к генеалогии «семьи Андокидов – Леогоров». Далее Гелланик, видимо, объяснял, как конкретно родословная этой семьи восходит к Одиссею и Телемаху через Персептолида, давая столь типичную для этого автора длинную цепочку имен, охватывавшую ряд поколений.

Литература / References

Aurenche, O. 1974: *Les groupes d'Alcibiade, de Léogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J.C.* Paris.

Bengtson, H. 1962: *Die Staatsverträge des Altertums.* Bd. 2. *Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v.Chr.* München–Berlin.

Bourriot, F. 1976: *Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique.* Lille–Paris.

Brenne, S. 2001: *Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka.* Wien.

Burn, A.R. 1954: A Biographical source on Phaiax and Alkibiades? ([Andokides] IV and Plutarch's Alkibiades). *Classical Quarterly* 4/3–4, 138–142.

Carawan, E. 2013: *The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law.* Oxford.

Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford.

Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.

Акусилай по хронологическим соображениям не мог упоминать ни того, ни другого Андокида, поэтому Якоби предположил, что он здесь назван по ошибке вместо Гелланика (Jacoby 1995, 58). В принципе, это не является невозможным. Ранних историков позднейшие античные авторы нередко путали друг с другом. Так, с тем же Геллаником смешивали и Гекатея (Hecat. *FGrHist.* 1. T2), и Геродота (Hellan. *FGrHist.* 4. T6), и даже Фукидида (Hellan. *FGrHist.* 4. T7). Почему с ним не могли смешать и Акусилая? И все же фрагмент в любом случае является крайне сомнительным: канон десяти великих ораторов, в который входил и Андокид, был составлен гораздо позже времени жизни и Акусилая, и Гелланика.

[50] Jacoby 1995, 143; Fowler 2007, 214.

[51] Аркесий (Аркисий) – дед Одиссея.

[52] Почему колофонец – непонятно. Автором киклической поэмы «Возвращения» обычно называли Гагия Трезенского.

Edwards, M. 2004: Andocides. In: I. de Jong, R. Nünlist, A. Bowie (eds.), *Narrators, Narratees, and Narratives in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*. Vol. 1. Leiden–Boston, 325–331.
Ellis, W.M. 1989: *Alcibiades*. London–New York.
Feraboli, S. 1972: Lingua e stile della orazione "Contro Alcibiade" attribuita ad Andocide. *Studi italiani di filologia classica* 44, 5–37.
Fornara, C.W. 1971: *The Athenian Board of Generals from 501 to 404*. Wiesbaden.
Fowler, R.L. 2007: *Early Greek Mythography*. Vol. I. *Texts*. Oxford.
Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography*. Vol. II. *Commentary*. Oxford.
Furley, W.D. 1996: *Andokides and the Herms: A Study of Crisis in Fifth-Century Athenian Religion*. London.
Gallotta, B. 1979: Basileís ed eupatrídai. *Istituto lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche* 113, 261–276.
Gomme, A.W. 1945: *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. I. *Introduction and Commentary on Book I*. Oxford.
Graf, F. 2000: Der Mysterienprozeß. In: L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (eds.), *Große Prozesse im antiken Athen*. München, 114–127.
Gribble, D. 1997: Rhetoric and history in [Andocides] 4, *Against Alcibiades*. *Classical Quarterly* 47/2, 367–391.
Harding, P. 1994: *Androtion and the Atthis*. Oxford.
Hatzfeld, J. 1940: *Alcibiade. Étude sur l'histoire d'Athènes à la fin du Ve siècle*. Paris.
Heftner, H. 1995: Ps.-Andokides' Rede gegen Alkibiades ([And.] 4) und die politische Diskussionen nach dem Sturz der 'Dreißig' in Athen. *Klio* 77, 75–104.
Heftner, H. 2001: Die pseudo-andokideische Rede "Gegen Alkibiades" ([And.] 4) – ein authentischer Beitrag zu einer Ostrakophoriedebatte des Jahres 415 v. Chr.? *Philologus* 145/1, 39–56.
Hemmerdinger, B. 1984: Le régime des eupatrides dans Athènes (621–594). *Quaderni di storia* 10/19, 165–170.
Hornblower, S. 2003: *A Commentary on Thucydides*. Vol. 1. *Books I–III*. Oxford.
Jacoby, F. 1995: *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist)*. Tl. 1. *Genealogie und Mythographie. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz*. Leiden–New York–Köln.
Kennedy, G.A. 1994: *A New History of Classical Rhetoric*. Princeton.
Kirchner, I. 1901–1903: *Prosopographia Attica*. Vol. 1–2. Berlin.
Kousser, R. 2015: The mutilation of the Herms: Violence toward images in the late 5th century BC. In: M.M. Miles (ed.), *Autopsy in Athens: Recent Archaeological Research on Athens and Attica*. Oxford, 76–84.
Lehmann, G.A. 1997: *Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr.* Wiesbaden.
MacDowell, D.M. 1998: Andocides: Introduction. In: M. Gagarin, D.M. MacDowell (eds.), *Antiphon & Andocides*. Austin, 95–98.
McGlew, J.F. 1999: Politics on the margins: The Athenian *Hetaireiai* in 415 B.C. *Historia* 48/1, 1–22.
Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma.
Morrison, J.V. 1999: Preface to Thucydides: Rereading the Corcyrean conflict (1. 24–55). *Classical Antiquity* 8/1, 94–131.
Murphy, D.J. 2019: Socrates in early fourth-century rhetoric: Polycrates, Lysias, Isocrates, and Pseudo-Andocides. In: C. Moore (ed.), *Brill's Companion to the Reception of Socrates*. Leiden–Boston, 75–97.
Murray, O. 1990: The affair of the mysteries: Democracy and the drinking group. In: O. Murray (ed.), *Sympotica: A Symposium on the Symposion*. Oxford, 149–161.
Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.
Nails, D. 2019: *Lyudi Platona: Prosopografiya Platona i drugikh sokratikov* [*The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*]. Moscow.
Нейлз, Д. *Люди Платона. Просопография Платона и других сократиков*. М.
Nikitskiy, A.V. 1919: [Dracon the Eupatrid]. *Izvestiya RAN* [*Transactions of the Russian Academy of Sciences*] 13, 601–614.
Никитский, А.В. Драконт Евпатрид. *Известия РАН* 13, 601–614.
Nikityuk, E.V. 2018: *Afinskie nechestivtsy: protsessy po obvineniyu v religioznom nechestii v Afinakh v kontse V v. do n.e.* [*The Athenian Profanes: The Trials on Religious Impiety in Athens in Late 5th Century B.C.*]. Saint Petersburg.
Никитюк, Е.В. *Афинские нечестивцы: процессы по обвинению в религиозном нечестии в Афинах в конце V в. до н.э.* СПб.

Papakonstantinou, Z. 2021: *Cursing for Justice: Magic, Disputes, and the Lawcourts in Classical Athens*. Stuttgart.
Pearson, L. 1975: *Early Ionian Historians*. Westport.
Rahe, P.A. 2020: *Sparta's Second Attic War: The Grand Strategy of Classical Sparta, 416–418 B.C*. New Haven–London.
Roisman, J. 2005: *The Rhetoric of Manhood: Masculinity in the Attic Orators*. Berkeley.
Rubel, A. 2014: *Fear and Loathing in Ancient Athens: Religion and Politics During the Peloponnesian War*. London–New York.
Sealey, R. 1961: Eupatridai. *Historia* 10/4, 512–514.
Serafim, A. 2020: *Religious Discourse in Attic Oratory and Politics*. London–New York.
Strauss, B.S. 1986: *Athens After the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy, 403–386 BC*. London–Sydney.
Surikov, I.E. 2006a: *Ostrakizm v Afinakh* [*Ostracism in Athens*]. Moscow.
Суриков, И.Е. *Остракизм в Афинах*. М.
Surikov, I.E. 2006b: [Antiphontea I: Narrative tradition on life and work of the orator Antiphon]. *Studia historica* 6, 40–68.
Суриков, И.Е. Antiphontea I: Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта. *Studia historica* 6, 40–68.
Surikov, I.E. 2009: [New observations on the onomastical and prosopographic information of the Athenian *ostraka*]. *Voprosy epigraphiki* [*Problems of Epigraphy*] 3, 102–127.
Суриков, И.Е. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов. *Вопросы эпиграфики* 3, 102–127.
Surikov, I.E. 2011: *Sokrat* [*Socrates*]. Moscow.
Суриков, И.Е. *Сократ*. М.
Surikov, I.E. 2021: [Towards the chronology of the life and work of the historian Hellanicus]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 81/4, 837–862.
Суриков, И.Е. К хронологии жизни и творчества историка Гелланика. *ВДИ* 81/4, 837–862.
Todd, S. 2004: Revisiting the herms and the mysteries. In: D.L. Cairns, R.A. Knox (eds.), *Law, Rhetoric and Comedy in Classical Athens: Essays in Honour of D.M. MacDowell*. Swansea, 87–102.
Toepffer, J. 1889: *Attische Genealogie*. Berlin.
Wade-Gery, H.T. 1958: *Essays in Greek History*. Oxford.
Wohl, V. 2010: *Law's Cosmos: Juridical Discourse in Athenian Forensic Oratory*. Cambridge.

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 319–328
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 319–328
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910017870-0

АМФИТЕЙ В «АХАРНЯНАХ» АРИСТОФАНА

Б. М. Никольский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия;
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0266-421X

В статье разобрана сценка из пролога «Ахарнян» Аристофана, в которой участвует персонаж Амфитей. Существующие представления об этом персонаже (как о шарже на реального современника Аристофана или же как о важном участнике действия, действительно стремящемся к заключению мира) оказываются неубедительными. Предложена новая интерпретация, объясняющая сцену как сатиру на обыкновение обманом, под видом участия в посольствах, добывать деньги.

Ключевые слова: Аристофан, «Ахарняне», комедия, Амфитей

AMPHITHEOS IN ARISTOPHANES' *ACHARNIANS*

Boris M. Nikolsky

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;
A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

Acknowledgements: Russian Federation Government grant, project no. 075-15-2021-571

Данные об авторе. Борис Михайлович Никольский – доктор филологических наук, заведующий отделом античной литературы ИМЛИ РАН, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Правительства Российской Федерации (соглашение № 075-15-2021-571 от 3 июня 2021 г. «Цифровые комментарии к античным текстам: древнегреческая комедия», срок реализации 2021–2023 гг.).

The article deals with a scene from the prologue of Aristophanes' *Acharnians*, where a character named Amphitheos appears. The current views on this character, either as a parody on a certain contemporary of Aristophanes or as an important participant of the play's action, striving for peace, prove to be unconvincing. A new interpretation of the character's comic role is proposed, which explains the scene as a satire on a practice of getting money by fraud, namely, by alleged participation in embassies.

Keywords: Athens, Aristophanes, *Acharnians*, comedy, Amphitheos

В прологе «Ахарнян» Аристофана есть несколько небольших комических сценок, одна из которых посвящена персонажу по имени Амфитей. Этот персонаж прибегает на народное собрание с опозданием (45), вызывается выступить, когда глашатай приглашает выступить желающих (Κη. τίς ἀγορεύειν βούλεται; / Αμ. ἐγώ, 45–46), и затем вступает с глашатаем в диалог (46–55):

Κη. τίς ὤν;
Αμ. Ἀμφίθεος.
Κη. οὐκ ἄνθρωπος;
Αμ. οὔ,
ἀλλ' ἀθάνατος. ὁ γὰρ Ἀμφίθεος Δήμητρος ἦν
καὶ Τριπτολέμου· τούτου δὲ Κελεὸς γίγνεται·
γαμεῖ δὲ Κελεὸς Φαιναρέτην τήθην ἐμήν,
ἐξ ἧς Λυκῖνος ἐγένετ'· ἐκ τούτου δ' ἐγώ.
ἀθάνατός εἰμ'· ἐμοὶ δ' ἐπέτρεψαν οἱ θεοὶ
σπονδὰς ποιῆσαι πρὸς Λακεδαιμονίους μόνῳ.
ἀλλ' ἀθάνατος ὤν, ἄνδρες, ἐφόδι' οὐκ ἔχω·
οὐ γὰρ διδόασιν οἱ πρυτάνεις.
Κη. οἱ τοξόται.
Αμ. ὦ Τριπτόλεμε καὶ Κελεέ, περιόψεσθέ με;

(Глашатай) Ты кто?
(Амфитей) Амфитей.
(Глашатай) Не человек?
(Амфитей) Нет,
Я бессмертный. Тот Амфитей был сыном Деметры
И Триптолема. От него рождается Келей.
И Келей женится на Фенарете, моей бабке,
От которой родился Ликин, а от него я.
Я бессмертный, и мне одному поручили боги
Устроить мир со спартанцами.
Но хотя я бессмертный, господа, у меня нет дорожных денег:
Не дают пританы.
(Глашатай) Лучники!
(Амфитей) Триптолем и Келей, вы позволите, чтобы так со мной!

Лучники, т.е. полиция, лишают Амфитея слова, уводя с ораторского места, что вызывает возмущение главного героя комедии Дикеополя, мечтающего о скорейшем заключении мира (56–58):

ὦνδρες πρυτάνεις, ἀδικεῖτε τὴν ἐκκλησίαν
τὸν ἄνδρ' ἀπάγοντες, ὅστις ἡμῖν ἤθελε
σπονδὰς ποιῆσαι καὶ κρεμάσαι τὰς ἀσπίδας.

Господа пританы, вы причиняете вред собранию,
Уводя этого человека – ведь он собирался
Устроить для вас мир и повесить щиты.

Позже Дикеополь именно Амфитея отправит к спартанцам, чтобы заключить свой собственный, частный мир (129–133).

Эта сценка остается непонятой. У ученых нет единого мнения о том, в чем состоит драматическая и комическая роль Амфитея и в чем здесь заключается шутка. Существующие интерпретации строятся на двух основных предположениях, изначально совсем разных и даже взаимоисключающих, но теперь порой одновременно принимаемых одними и теми же учеными.

1. Согласно первому предположению, целью сценки было вывести в комедии Амфитея, который будто бы являлся реальным историческим лицом. Логика комментаторов такова. Они полагают, что длинный генеалогический рассказ Амфитея не движет действие, и делают из этого вывод о том, что смыслом появления персонажа могла быть только аллюзия на какого-либо современника; ср. замечание Олсона: «Ни повторяемые заявления персонажа о его мнимом бессмертии (47, 51, 53), ни подробности элевсинской генеалогии, которые должны подтверждать его претензии (47–50), никак не движут вперед действие комедии. Потому кажется ясным, что этот пассаж введен только ради аллюзии на реального современника»[1].

Усилия комментаторов, принимающих эту точку зрения, обращены на то, чтобы выяснить, какого именно современника здесь имеет в виду Аристофан. Старые комментаторы, Ренни и ван Леувен[2], принимали гипотезу, предложенную Мюллером-Штрюбингом[3], и считали, что под Амфитеем Аристофан подразумевал ученика Сократа Гермогена – участника диалога Платона «Кратил», сына Гиппоника из Алопеки и брата Каллия.

Для такого отождествления они находили следующие основания. Во-первых, Ксенофонт в «Греческой истории» VI. 3. 6 приводит речь брата Гермогена Каллия, обращенную к спартанцам, где Каллий рассказывает об особенном расположении к Спарте всего их рода, члены которого из поколения в поколение были проксенами спартанцев; упоминает Каллий и о своем неоднократном участии в мирных переговорах со Спартой. Здесь же, в этой речи Каллий называет Триптолема «нашим предком». Объясняя, почему афинянам и спартанцам не стоит воевать друг с другом, Каллий говорит: δίκαιον μὲν οὖν ἦν μηδὲ ὅπλα ἐπιφέρειν ἀλλήλοις ἡμᾶς, ἐπεὶ λέγεται μὲν Τριπτόλεμος ὁ ἡμέτερος πρόγονος τὰ Δήμητρος καὶ Κόρης ἄρρητα ἱερὰ πρώτοις ξένοις δεῖξαι Ἡρακλεῖ τε τῷ ὑμετέρῳ ἀρχηγέτῃ καὶ Διοσκούροιν τοῖν ὑμετέροιν πολίταιν, καὶ τοῦ Δήμητρος δὲ καρποῦ εἰς πρώτην τὴν Πελοπόννησον σπέρμα δωρήσασθαι. πῶς οὖν δίκαιον ἢ ὑμᾶς, παρ' ὧν ἐλάβετε σπέρματα, τὸν τούτων ποτὲ καρπὸν ἐλθεῖν δῃώσοντας, ἡμᾶς τε, οἷς ἐδώκαμεν, μὴ οὐχὶ βούλεσθαι ὡς πλείστην τούτοις ἀφθονίαν τροφῆς γενέσθαι; – «Было бы справедливее всего, если бы мы вовсе не подымали оружия друг против друга, так как, по сказанию, наш предок Триптолем открыл сокровенные дары Деметры и Коры из всех иностранцев прежде всего вашему родоначальнику Гераклу и вашим согражданам Диоскурам, а семя злака Деметры прежде всего было подарено Пелопоннесу. Так разве же справедливо было, что вы пришли

[1] Olson 2002, 83, ad 46.
[2] Rennie 1909; van Leeuwen 1901.
[3] Müller-Strübing 1873, 697–699.

уничтожать посевы тех, у кого вы получили семена, и что мы не желаем, чтобы вы имели в изобилии тот плод, который мы вам когда-то дали?» (пер. С.Я. Лурье). По мнению сторонников отождествления Амфитея с Гермогеном, Каллий говорит здесь о Триптолеме как предке их рода. В подтверждение своей гипотезы эти комментаторы приводят несколько аргументов. Во-первых, оба имени одинаково указывают на божественное происхождение – как имя Амфитея («имеющий богов в качестве предков с двух сторон»), так и имя Гермогена («рожденный от Гермеса»). Во-вторых, в «Пире» Ксенофонта (4. 48) Гермоген рассказывает о своих близких отношениях с богами: боги всегда опекают его и посылают ему различные знаки, указывая, что ему стоит и чего не стоит делать. В-третьих, по свидетельству Платона («Кратил» 384c) и Ксенофонта («Воспоминания о Сократе» 2. 10), Гермоген находился в стесненных финансовых обстоятельствах, что вроде бы соответствует замечанию Амфитея ἐφόδι᾽ οὐκ ἔχω. В-четвертых, имена бабушки и отца Амфитея указывают на Гермогена как на ученика Сократа: Λυκῖνος должно вызывать ассоциацию с Ликеем, гимнасием, в котором учил Сократ, а Φαιναρέτη – имя матери Сократа.

Вся эта научная конструкция не выдерживает критики. В основе ее, собственно говоря, лежат два предположения: о том, что род Гермогена, как и Амфитея, восходит к Триптолему, и о том, что имена смертных предков Амфитея связывают его с учителем Гермогена Сократом. Оба эти предположения неверны. Уже Старки в своем комментарии[4] справедливо заметил, что в пассаже из «Греческой истории» Ксенофонта Каллий, называя Триптолема «нашим предком», имеет в виду прародителя не только своей семьи, но вообще всех афинян – точно так же, как и Геракл упомянут здесь как родоначальник всех спартанцев. Весьма сомнительной кажется и ассоциация Ликина и Фенареты с Сократом и его матерью. Эти имена были очень распространены в Аттике. Имя Фенареты встречается в надписях в Афинах (в предположительно афинской надписи 5 в. *IG* II^2 12846; в 4 в. в надписи *IG* II^2 1524, 211, 334/3 гг.), в Афидне (3 в., *IG* II^2 5771), в Галах (*IG* II^2 5469, ок. 360 г.), в Рамнунте (IV в., *SEG* XXVI 302, 11), см. *LGPN* II, s.v. Имя Λυκῖνος даже в одних Афинах упоминается многократно (в V в. у Антифонта 5. 53, 60, 62, на вазе 420–400 гг. *ARV*^{2} p. 1556, в надписи *IG* I^3 1190, 1, ок. 411 г.; в IV в. у Эсхина 2. 14, 3. 26, 348/7 гг., и в надписи *IG* II^2 1580, 9), и мы находим множество примеров и в других районах Аттики (см. *LGPN* II, s.v.). Эти два имени должны были восприниматься публикой как обычные афинские имена, не вызывающие никаких особенных ассоциаций; тем более странно находить в одном из них намек даже не на определенного носителя имени, а на название места. Таким образом, стоит отказаться от желания увидеть в последних строчках отсылку к Сократу. Наконец, Гермоген не был столь популярной фигурой, чтобы публика могла понять такие тонкие намеки на него; не вполне понятна и причина, по которой Аристофан должен был намекать на Гермогена таким косвенным образом, прибегая к другому имени – к способу, который совсем не свойствен комедиографу[5].

---

[4] Starkie 1909, *ad loc*.

[5] См. возражения против отождествления Амфитея с Гермогеном в статье Méautis 1932, 241–242.

Большинство современных комментаторов[6] придерживаются иной гипотезы о личности Амфитея. Они предполагают, что Аристофан изобразил здесь реального человека по имени Амфитей, по-видимому, происходившего из того же дема, что и Аристофан, и потому хорошо ему знакомого. Эта идея основана на одной надписи, которая давно была известна ученым, но которую прежде никак не связывали с текстом Аристофана. Это надпись рубежа V–IV вв. на аттическом культовом столе (*IG* II^2 2343), содержащая список из шестнадцати имен. Здесь перечислены участники культа Геракла вместе со жрецом. С. Дау в 1969 г. обратил внимание на то, что эти имена могут иметь некоторое отношение к Аристофану[7]. Первым в списке стоит имя жреца Симона с указанием его дема Кидафинея – того же дема, из которого происходит Аристофан. Второе имя, Филонида, совпадает с именем комического поэта Филонида из Кидафинея, который поставил комедии Аристофана «Облака» и «Лягушки». Еще два имени, Амфитей и Антитей, встречаются в комедиях Аристофана (Амфитей в нашем месте, Антитей в «Женщинах на празднике Фесмофорий» 898), как и имя Симона («Всадники» 242). Дау предположил, что эти имена упомянуты Аристофаном не случайно. По его мнению, в образе Амфитея поэт вывел своего товарища, того самого Амфитея, который присутствует в надписи.

Эту гипотезу, разделяемую многими современными учеными, все же едва ли можно принять. Действительно, Аристофан нередко выводил на сцене реальных персонажей, однако все они – Сократ, Еврипид, Ламах – были хорошо известны всем афинянам. Сложно представить себе, чтобы поэт решил вдруг показать всем своего друга, мало кому известного Амфитея. К тому же непонятна цель, с которой он мог бы это сделать. Обычно Аристофан представляет реальных исторических лиц для того, чтобы подвергнуть их критике или посмеяться над их недостатками; это имеет смысл в том случае, если публика знает высмеиваемых людей. Но едва ли кто-нибудь мог понять шутку о незначительном частном лице. Непонятной эта шутка остается и для современных комментаторов. Уилсон признается в этом, замечая, что поэт изобразил на сцене одного из своих друзей «по какой-то причине, догадаться о которой мы уже не можем» («for some reason which we cannot now guess»).

Итак, попытки увидеть в Амфитее и Гермогена, и реального Амфитея кажутся необоснованными. Но более того, неоправданно вообще само стремление комментаторов соотнести этого персонажа с каким-либо реальным историческим лицом. Как я постараюсь показать, оно происходит от непонимания комического смысла нашего пассажа.

2. Согласно второму предположению комментаторов, Амфитей играет в комедии серьезную и важную роль. Его появление и его слова показывают всем, что заключение мира санкционировано богами. Все следующее сюжетное движение, все действия Дикеополя проистекают из этой идеи. Такая трактовка была предложена Ж. Меотисом[8], возражавшим против желания большинства ученых увидеть в Амфитее реальное историческое лицо: по его мнению, пассаж с Амфитеем был

---

[6] Olson 2002, *ad loc.*; Wilson 2007, 17; Kanavou 2011, 31–32.
[7] Dow 1969, 234–235.
[8] Méautis 1932, 241–244.

неотъемлемой частью сюжета, а отнюдь не странным отступлением, и потому, с его точки зрения, нет никакой необходимости искать здесь комические намеки на современников. Современным ученым (Канаву и Олсону)[9], однако, ничто не мешает принимать сразу оба предположения: о том, что за Амфитеем стоит реальный Амфитей, и о том, что Амфитей нужен для движения комедии к миру.

Меотис и его последователи полагают, что, согласно сюжету комедии, боги действительно послали Амфитея заключить мир, его желание совершенно искренне, но пританы настроены против мира и поэтому лишают Амфитея слова. Такое отношение к Амфитею и его словам мы встречаем у целой группы современных ученых. По мнению Эдмундса[10], повторяемому затем и Канаву[11], глашатай не принимает Амфитея всерьез, подтрунивая над его именем, но Амфитей в своей реплике доказывает правильность своего имени: у него действительно божественная генеалогия, боги взаправду посылают его для переговоров о мире; этот подлинный смысл имени увидел Дикеополь, что определило все последующее развитие сюжета. Олсон полагает, что пританы отказали Амфитею в средствах на дорожные расходы (οὐ γὰρ διδόασιν οἱ πρυτάνεις), чтобы сделать заключение мира невозможным («effectively rendering achievement of an armistice impossible»).

Интерпретация сценки как столкновения миролюбивого Амфитея и противников мира пританов хорошо сочетается со старым толкованием ее концовки, которого придерживался еще Пейли и против которого не возражают и современные комментаторы. По мнению Пейли[12], пританы в конце сценки зовут через глашатая лучников, афинский вариант полиции, поскольку они не хотят допустить обсуждения в народном собрании вопроса о мире. В подтверждение этой интерпретации Пейли ссылался на следующую реплику Дикеополя, протестующего против лишения Амфитея слова (56–58):

> ὦνδρες πρυτάνεις, ἀδικεῖτε τὴν ἐκκλησίαν
> τὸν ἄνδρ’ ἀπάγοντες, ὅστις ἡμῖν ἤθελε
> σπονδὰς ποιῆσαι καὶ κρεμάσαι τὰς ἀσπίδας.
>
> Господа пританы, вы причиняете вред собранию,
> Уводя того человека, который собирался
> Устроить для вас мир и повесить щиты.

По мнению Пейли, относительное местоимение ὅστις имеет здесь дополнительный причинно-объяснительный смысл, как бывает часто, когда это местоимение относится к определенному лицу или предмету («вы совершаете преступление против собрания, уводя этого человека, поскольку он собирался заключить для вас мир и повесить щиты»). Пейли полагает, что фраза ὅστις ἡμῖν ἤθελε σπονδὰς ποιῆσαι καὶ κρεμάσαι τὰς ἀσπίδας «поскольку он собирался заключить для вас мир и повесить щиты» указывает на причину, по которой Амфитея уводят (τὸν ἄνδρ’ ἀπάγοντες).

Такая интерпретация и всего пассажа, и завершающего его призыва к лучникам едва ли может быть верной. Начнем с последнего вопроса – почему именно

---

[9] Olson 2002, *ad loc*.; Kanavou 2011, 31–32.
[10] Edmunds 1980, 4.
[11] Kanavou 2011, 30–32.
[12] Paley 1876, *ad loc*.

глашатай зовет полицию. Грамматическое толкование Пейли ответной реплики Амфитея в ст. 56–58 ошибочно. Придаточные предложения, вводимые обобщающим местоимением ὅστις и относящиеся при этом к конкретному лицу, действительно, обычно предполагают обобщение и имеют дополнительный обстоятельственный оттенок, но этот оттенок совсем не обязательно причинный, он может быть и уступительным. Это уступительное значение видно, например, в пассаже из «Прометея» Эсхила: τί τὸν θεοῖς ἔχθιστον οὐ στυγεῖς θεόν, ὅστις τὸ σὸν θνητοῖσι προύδωκεν γέρας; «Почему ты не питаешь отвращения к богу, ненавистному богам – тому, кто отдал смертным твой почетный дар?», т.е. «хотя он отдал смертным...». Тот же уступительный оттенок подходит и нашему контексту. Если же обратиться к смыслу, то едва ли намерение афинянина обсудить политический вопрос, пусть даже и не разделяемое кем-то из его сограждан или пританами, могло быть основанием для вызова полиции. Значительно более веская причина выражена в ст. 53–54 ἀλλ' ἀθάνατος ὤν, ἄνδρες, ἐφόδι' οὐκ ἔχω· / οὐ γὰρ διδόασιν οἱ πρυτάνεις «Но хотя я бессмертный, господа, у меня нет дорожных денег: / Не дают пританы», которые стоит рассмотреть внимательнее.

Прежде всего объяснения требует фраза ἐφόδι' οὐκ ἔχω. Те комментаторы, которые понимают ее как указание на бедность Амфитея и потому предполагают в ней возможный намек на небогатого Гермогена, толкуют ее неверно. Под ἐφόδια здесь понимаются не собственные средства Амфитея, будто бы скудные и недостаточные для путешествия в Спарту, а общественные средства, на которые он рассчитывает. ἐφόδια должно обозначать именно общественные деньги, даваемые послам в качестве «командировочных» или «суточных»; ср., например, Демосфен 19.311 νῦν τοίνυν ὑμᾶς οὐκ εἰς Πελοπόννησον δεῖ πρεσβείαν πέμπειν, οὐδ' ὁδὸν μακρὰν βαδίσαι, οὐδ' ἐφόδι' ἀναλίσκειν «Не нужно вам теперь ни посылать посольство на Пелопоннес, ни проходить длинный путь, ни тратить деньги на дорогу». Амфитей и сам именно так объясняет необходимость обратиться с просьбой об ἐφόδια к народному собранию: он ссылается не на свою бедность, а на то, что в этих деньгах ему отказывают пританы (οὐ γὰρ διδόασιν οἱ πρυτάνεις).

Замечание об отказе пританов тоже требует объяснения. У нас нет никаких свидетельств о том, что пританы решали вопросы о предоставлении денег послам или самостоятельно посылали посольства. Таким образом, очевидно, прав Роудс[13], полагающий, что пританы не дают Амфитею денег, отказываясь поставить вопрос об этом перед народным собранием. Едва ли это мог быть вопрос только о деньгах: дорожные деньги необходимо причитались послам. Значит, Амфитей должен был просить отправить его в посольство, а пританы отказались включить этот вопрос в повестку народного собрания. Настоящее время глагола διδόασιν показывает, что просьбы Амфитея были настойчивыми и пританы отказывали ему постоянно.

Мы можем заключить, что проступок Амфитея, вызвавший возмущение пританов и заставивший их через глашатая позвать на помощь лучников, заключается в нарушении регламента – в попытке обратиться со своим вопросом непосредственно к народному собранию в обход пританов и без предварительного обсуждения в совете. Такое обращение было возможно, только если речь шла о частной

[13] Rhodes 1972, 22.

просьбе. Таким образом, Амфитей представляет свой вопрос как личную просьбу, и просьба эта касается не столько мира со Спартой, сколько денег. Реплика Амфитея построена так, что весь ее смысл заключен именно в просьбе о деньгах.

Эта просьба о деньгах и является средоточием всей шутки. Наш пассаж содержит насмешку над теми из афинян, кто стремился под предлогом участия в посольстве поживиться за счет казны. Эта тема развивается и дальше. Несколькими стихами ниже афинский посол, возвратившийся из Персии, начинает свою речь словами (65–67):

ἐπέμψαθ’ ἡμᾶς ὡς βασιλέα τὸν μέγαν
μισθὸν φέροντας δύο δραχμὰς τῆς ἡμέρας
ἐπ’ Εὐθυμένους ἄρχοντος

Вы послали нас к великому царю
С оплатой по две драхмы в день
При архонте Эвтимене, –

в ответ на что Дикеополь восклицает: οἴμοι τῶν δραχμῶν («Ох, драхмы!»). Этот ответ Дикеополя драматически схож с ответом глашатая на слова Амфитея: они оба занимают конец стиха, и оба выражают возмущение склонностью тратить общественные деньги.

Слова Амфитея, предшествующие его просьбе о деньгах, т.е. его заявление о близости и родстве с богами, служат обоснованием этой просьбы. Выстраиваемая им генеалогия нелепа и фантастична, ее никак нельзя принимать всерьез, а оттого и просьба выглядит абсурдной и особенно наглой[14].

Три мифологических персонажа, упоминаемых здесь, Деметра, Триптолем и Келей, связаны с Элевсином. Триптолем был одним из легендарных древних царей Элевсина. Обычно его считали смертным, но он получил особенные почести, в Элевсине находился посвященный ему храм (Павсаний I. 14. 1), так что, возможно, объяснение имени Амфитея, «божественного с двух сторон», происхождением от Триптолема звучало вполне убедительно. Триптолем был любимцем Деметры; с помощью богини он изобрел плуг и обучил всех греков искусству земледелия. Как мы видели в приведенном выше пассаже из «Греческой истории» Ксенофонта (VI. 3. 6), афиняне считали его прародителем всего своего народа. Миф о Келее, еще одном древнем элевсинском правителе, также связанном с Деметрой, рассказан в гомеровском гимне к Деметре. Когда Деметра странствовала в поисках похищенной Аидом Персефоны, она получила кров в доме Келея и стала ухаживать за сыном Келея Демофонтом; Деметра хотела сделать Демофонта бессмертным, закаляя его тело в огне, но мать Демофонта Метанира, не знавшая, что перед ней богиня, не дала ей довести ее замысел до конца. В поздних изложениях мифов о Деметре эти две традиции, о Триптолеме и о Келее, иногда соединяются. Триптолем оказывается одним из сыновей Келея, получающим дары

[14] Как справедливо предположил мой анонимный рецензент, у генеалогии Амфитея может быть еще одна комическая функция: Аристофан может высмеивать здесь длинные генеалогии аристократов, возводивших свой род к героям и через них к богам. См. замечания о происхождении Андокида от Одиссея и тем самым от Гермеса у Гелланика (*FGrHist.* 323a. F 24), Алкивиада – от Еврисака и Зевса (Plat. *Alc.* 1. 121a), Платона – от Солона и Кодра (Plut. *Sol.* 1. 2).

от Деметры, после того как не удалась ее первая попытка вознаградить Келея и его семью. В «Фастах» Овидия (IV. 507–560) Триптолем выступает в качестве сына Келея вместо Демофонта. У Аполлодора (I. 5. 2) Триптолем оказывается старшим братом Демофонта; Демофонт погибает в пламени, куда он был положен Деметрой и откуда Метанира попыталась его вытащить; после этого Деметра дала старшему сыну Метаниры Триптолему колесницу, запряженную крылатыми драконами, и зерна пшеницы, чтобы он засеял всю землю. Хотя все эти примеры поздние, по мнению Пирсона, соединить Триптолема и Келея в одном сюжете мог уже Софокл в своем «Триптолеме»[15].

Существовавшее с самых ранних времен разнообразие версий заставляет нас воспринимать божественную генеалогию в изложении Амфитея как хоть и не ортодоксальную, но не совсем абсурдную: слышать вместе имена Деметры, Триптолема и Келея афинянам не было удивительно. Аристофан использует здесь имена таких мифологических персонажей, которые имели особенное значение для афинской религии (в Элевсине был храм Деметры и Коры и храм Триптолема, Павсаний, I. 14. 1), были связаны между собой в сознании зрителей, и один из которых считался прародителем всех афинян. Затем Аристофан соединяет эти имена случайным образом. Но самая нелепая часть генеалогии Амфитея следует дальше. Персонажей божественных, легендарных и почитаемых в самом важном для афинян культе Амфитей соединяет с обычными и распространенными афинскими именами, с Фенаретой и Ликином. У нас не только нет нужды искать в этих именах намека на Сократа, но всякий подобный намек уничтожил бы главный их смысл. Комизм возникает из сочетания самых обычных имен, подходивших для бабушки и отца любого из афинян, с именами из легенд и культов. Ложь Амфитея, очевидная всем зрителям, звучит еще более вызывающе оттого, что божественные и легендарные предки совсем не удалены от него во времени: Келей оказывается ему не каким-нибудь древним предком, а дедушкой.

Персонаж Амфитей, как мы видим, сводится к вполне определенной комической функции. Он нужен, чтобы осмеять желание некоторых афинян поживиться за счет государственной казны. Весь пассаж с его участием ведет к просьбе о деньгах для дорожных расходов; для большей убедительности он придумывает фантастическую генеалогию, связывающую его с богами. Эта генеалогия комически сочетается и с его именем. Аристофан выбирает имя действительно существовавшее, но достаточно редкое, этимологическое значение которого («божественный с обеих сторон») не было стерто. В этом, этимологическом, смысле толкует имя Амфитея глашатай (οὐκ ἄνθρωπος;), и затем от этого значения имени отталкивается и сам Амфитей. Этот Амфитей, обычный афинянин, сын Ликина и внук Фенареты, не может быть «совершенно божественным». Потому, чтобы связать себя с богами, но при этом объяснить точное значение имени, Амфитей придумывает себе предка-тезку, которого он изображает действительно божественным и по отцу, и по матери: это Амфитей, сын Деметры и Триптолема. Наш Амфитей, как выясняется, назван по имени своего прадеда, что в общем соответствует обычному правилу давать ребенку имя его предка (чаще, правда, имя деда).

[15] См. Pearson 1917, II, 242.

Итак, оба традиционных представления об Амфитее, господствующие в научной литературе, неверны. Во-первых, Амфитей не должен отсылать ни к какому реальному историческому лицу, это персонаж вымышленный. Во-вторых, не стоит видеть в Амфитее действительного сторонника мира: сценка с ним должна выявить не его пацифизм, а его жадность до общественных денег. Но в то же самое время Дикеополь воспринял слова Амфитея о мире всерьез; именно Амфитея решил он послать к спартанцам, чтобы заключить свой собственный мирный договор (129–133). Эта роль Амфитея, роль посредника в договоре о мире, как кажется, противоречит его комическому изображению, и это противоречие нуждается в объяснении.

Одна из частых ошибок комментаторов и критиков греческой комедии заключается в стремлении увидеть в персонажах Аристофана законченные характеры, подобные персонажам литературы Нового времени. Когда Аристофан создает своих героев, его интересуют не их характеры, а их комические функции – их роль в построении конкретной шутки, роль в комической ситуации и роль в сюжете. В данном случае Амфитей наделен сразу двумя функциями: во-первых, он оказывается в центре шутки, обыгрывающей стремление некоторых афинян присваивать себе общественные деньги, и во-вторых, он играет сюжетную роль, заключая мир для Дикеополя. Обе эти функции присутствуют в нашем пассаже: Амфитей просит денег, и эти деньги нужны ему для переговоров со спартанцами. Первая роль требует от автора изображать Амфитея в комических красках, как обманщика и фантазера. Вторая роль Амфитея, сюжетная, заставляет Дикеополя отнестись к его мирному плану всерьез и осуществить его. Особенность поэтики Аристофана – в том, что эти две разные функции могут существовать вместе и независимо друг от друга, не соединяясь в единый целостный характер.

Литература / References

Dow, S. 1969: Some Athenians in Aristophanes. *American Journal of Archaeology* 73, 234–235.
Edmunds, L. 1980: Aristophanes' Acharnians. *Yale Classical Studies* 26, 1–36.
Kanavou, N. 2011: *Aristophanes' Comedy of Names: A Study of Speaking Names in Aristophanes*. Berlin–New York.
Leeuwen, J. van (ed.) 1901: Aristophanes. *Acharnenses*. Leiden.
Méautis, G. 1932: L'épisode d'Amphithéos dans les Acharniens d'Aristophane. *Revue des études anciennes* 34, 241–244.
Müller-Strübing, H. 1873: *Aristophanes und die historische Kritik: Polemische Studien zur Geschichte von Athen im 5. Jahrhundert vor Chr.* Leipzig.
Olson, S.D. (ed.) 2002: Aristophanes. *Acharnians*. Oxford.
Paley, F.A. (ed.) 1876: *The Acharnians of Aristophanes*. Cambridge.
Pearson, A.C. (ed.) 1917: *The Fragments of Sophocles*. Vol. I–III. Cambridge.
Rennie, W. (ed.) 1909: *The Acharnians of Aristophanes*. London.
Rhodes, P.J. 1972: *The Athenian Boule*. Oxford.
Starkie, W.J.M. (ed.) 1909: *The Acharnians of Aristophanes*. London.
Wilson, N. 2007: *Aristophanea. Studies on the Text of Aristophanes*. Oxford.

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 329–345
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 329–345
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910016862-1

ВЗГЛЯДЫ ПОЛИБИЯ НА ТАКТИКУ: ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ

Е. Г. Тейтельбаум

Казанский филиал Всероссийского государственного университета юстиции, Казань, Россия

E-mail: eugteit@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-5570-2857

Статья посвящена проблеме соотношения традиций и инноваций во взглядах Полибия на тактику. Оставаясь в целом в рамках традиционного греческого взгляда на тактику, историк привносил туда ряд новых моментов. В своем труде он демонстрировал возросшее значение легкой пехоты, слонов, кавалерии и их взаимодействия с тяжелой пехотой. Полибий считал, что военачальники должны не только заблаговременно выбирать удобную позицию для сражения, но и уметь пользоваться особенностями местности уже в ходе битвы. Подобные взгляды были вызваны реалиями эллинистического времени. В этой ситуации возрастала и роль командиров всех рангов. Успеха достигало то войско, в котором эффективное командование сочеталось с автономными действиями отдельных подразделений. Полибий показывал возможность использования подобных инноваций в эллинистическом мире, но там они еще не вошли в систему и не стали нормой. Римляне же применяли данные новшества наиболее полно и успешно, в результате чего римская армия стала эффективным механизмом, способным одерживать верх над самыми разными противниками.

Ключевые слова: Полибий, эллинизм, историография, военное дело, военная теория, стратегия, тактика, легион, фаланга

POLYBIAN VIEWS ON TACTICS: THE PROBLEM OF TRADITIONS AND INNOVATIONS

Evgeny G. Teytelbaum

Russian State University of Justice, Kazan branch, Kazan, Russia

E-mail: eugteit@yahoo.com

Данные об авторе. Евгений Григорьевич Тейтельбаум – кандидат исторических наук, преподаватель колледжа Казанского филиала ВГУЮ, доцент кафедры теории, истории государства и права и философии Казанского филиала ВГУЮ.

The article is devoted to the problem of traditions and innovations in Polybian views on tactics. Remaining generally within the framework of the traditional Greek view of tactics, the historian introduced a number of new elements. In his work Polybius demonstrated the growing significance of cavalry, elephants and light infantry, and of their coordination with heavy infantry. Polybius believed that the generals must not only choose a favorable position before the battle but also be competent enough to use the favorable terrain depending on the circumstances of the battle. Such views resulted from the realities of the Hellenistic period when importance of military leadership of all ranks increased. The key factor for success was an effective centralized command which was combined with the autonomous actions of individual units and flexibility in their use. The historian clearly showed the understanding and the possibility of using such innovations in the Hellenistic world. At the same time, they did not become the generally accepted norm among the Hellenes. On the contrary, Romans used the above mentioned improvements systematically and methodically. As a result, the Roman army became an effective mechanism capable of defeating different adversaries.

Keywords: Hellenistic Age, historiography, military science, military theory, strategy, tactics, legion, phalanx

На протяжении долгого времени исследователи римского и эллинистического военного дела анализировали прежде всего действия крупных подразделений накануне и во время сражений. Авторы, работавшие в рамках данной парадигмы (Г. Дельбрюк[1], Й. Кромайер и Г. Вейт[2], П. Коннолли[3]), традиционно высоко оценивали «Всеобщую историю» Полибия и во многом основывали свои построения и выводы на данных именно этого источника. Вместе с тем в последние годы появились основательные монографии Г. Дэйли[4] и С. Куна[5], а также концептуальные статьи Ф. Сэбина[6] и Дж. Лендона[7], где была отмечена ограниченность традиционного подхода к военной истории. Авторы этих работ считают, что в военно-исторических исследованиях необходимо учитывать прежде всего психологию рядовых участников битв. При этом их недоверие к прежней методике автоматически перенеслось и на труд Полибия: греческий автор критикуется ими за схематичный подход к тактике и недооценку влияния психологического фактора на исход сражений.

В данной статье, анализируя проблему соотношения традиций и инноваций во взглядах Полибия на тактику, а также обстоятельства, повлиявшие на них, мы планируем показать, что подход ахейского историка к тактике был более сложным и многогранным, чем это принято считать. Мы сосредоточимся на анализе описаний крупных сражений, так как именно в этих фрагментах тактические взгляды Полибия проявились наиболее полно. Во «Всеобщей истории»

[1] Delbrück 1997.
[2] Kromayer, Veith 1903–1907; 1928.
[3] Connolly 2001.
[4] Daly 2002.
[5] Koon 2010.
[6] Sabin 2000.
[7] Lendon 1999.

относительно подробно описываются 19 значительных битв[8]. Бесспорно, детали этих столкновений довольно сильно различались: в них противостояли друг другу армии с различными вооружением, тактикой, структурой и качеством командования[9]. Тем не менее детальный анализ вышеуказанных проблем позволит сделать ряд обобщающих суждений о взглядах Полибия на тактику.

* * *

На первый взгляд может показаться, что тактические воззрения Полибия не слишком отличались от общепринятых в Греции. Будучи автором несохранившегося труда по тактике (IX. 20. 4)[10], Полибий отводил решающую роль в военном деле искусству боевых построений (Ael. Tact. 3. 4). Примечательно, что в своих теоретических рассуждениях о методике историописания (XII. 25. F 3) Полибий считал, что в повествовании о военных действиях необходимо прежде всего описать развертывание армий накануне и во время сражений. Яркими примерами подобных описаний во «Всеобщей истории» было сравнение легиона с фалангой (XVIII. 28–32), а также освещение историком конкретных битв (I. 33. 10; II. 28. 6; II. 33; IV. 11. 7–9; XII. 17–22; XVI. 18–19). Сильно повлияли на Полибия и господствовавшие в Элладе представления о решающей роли тяжелой пехоты в битвах (Arist. *Pol.* 1297b)[11].

Ярко иллюстрирует взгляды автора используемая им терминология. По словам Полибия, в сражениях при Тунете в 255 г.[12] (I. 34. 5), Селласии в 222 г. (II. 68. 9; 69. 8), Каннах в 216 г. (III. 113. 3; 115. 5) и Киноскефалах в 197 г. (XVIII. 24. 8; 25. 2; 26. 2) армии делали ставку прежде всего на массивность строя (βάρος) и густоту рядов (βάθος)[13] с целью оттеснения неприятеля (ἐνέκειντο – XVIII. 22. 3, πιεζούμενοι – II. 69. 8–9; III. 73. 6; 74. 2–3; XVIII. 24. 4). Говоря о сражении при Рафии в 217 г., Полибий отмечает, что схватки продолжались до тех пор, пока обе стороны были способны выдерживать натиск неприятеля (ἀντέστησαν – V. 85. 10). Весьма характерно, что при описании сражения у Киноскефал Полибий образно

---

[8] Их перечень см. в Приложении. Об обстоятельствах сражений того периода (продолжительность, соотношение потерь, роль разных родов войск и т.д.) и факторах, влиявших на их результат, см. Sabin 1996; 2008.

[9] Среди них – римская, карфагенская, армии эллинистических государств и различных «варваров», прежде всего кельтов и иберов.

[10] Об этом труде см. Samokhina 2007.

[11] О столкновениях тяжеловооруженных воинов в древней Греции см. Anderson 1970, 111–164; Pritchett 1972, 44–76; Hanson 1989, 35–197; van Wees 2005, 184–199.

[12] Все даты, если не указано иное, – до н.э.

[13] В двух из 19 сражений неспособность одной из сторон построиться автоматически привела ее к поражению – в случае с карфагенянами в битве при Утике в 203 г. (XIV. 2.1–5.15) и в сражении при Бекуле в 208 г. (X. 39. 5), когда карфагеняне не успели выстроиться к бою (παρὰ τὴν προσδοκίαν καθυστέρει τῆς ἐκτάξεως) и в результате их ряды были расстроены (X. 39. 7). Тит Ливий (XXVII. 18) помимо неготовности карфагенян к сражению объясняет победу римлян при Бекуле их психологическим превосходством и умением действовать на пересеченной местности. Скорее всего пассивность карфагенян была вызвана их нежеланием вступать в битву в данной конкретной ситуации (Seibert 1993, 371).

сравнивает боевое построение с весовой гирей (βαρέως ἐπέκειντο – XVIII. 24. 5). Полибий подчеркивал, что именно потеря строя (προδιαλελυκότες – XI. 16. 2; IV. 12. 3), случившаяся в сражениях при Кафиях в 220 г. и Мантинее в 208 г., или его смятие (κατεβαροῦντο – XVIII. 21. 4; 8), произошедшее в сражении при Киноскефалах, приводит к отступлению одной из сторон. Не случайно именно расстройство неприятельских рядов (συνταράξαι καὶ διασπάσαι τὰς τάξεις τῶν ὑπεναντίων) было главной целью Ганнибала в сражении при Заме в 202 г. (XV. 16. 3–6)[14].

Среди других факторов, влиявших на исход битвы, историк отмечал физическое изнурение (κακοπαθούντων) и падение сил (κλινούσας καὶ διατετραμμένας) сражающихся, произошедшее, например, в битвах при Треббии и Мантинее (III. 73. 3; XI. 16. 2–3).

При этом в ряде аспектов взгляды Полибия на тактику отличались от тех, которые господствовали в классической Греции. Значительно более активную и деятельную роль в битвах играют легковооруженные пехотинцы[15]. Интересно, что Полибий в общем приводит мало данных о прямом ущербе от применения метательного оружия: только в одном из описанных историком сражений – в битве у Теламона в 225 г.[16] – дротики римских пехотинцев[17] действительно нанесли большие потери неприятелю[18] (II. 30. 3). Несмотря на это, легкая пехота серьезно затрудняла и сковывала действия неприятеля в ходе битвы при Илипе в 208 г. (XI. 22. 3) и Треббии (III. 74. 2). Даже потенциальная угроза действий со стороны вражеских легковооруженных воинов могла отразиться на ходе и исходе сражения. Полибий отмечал, что именно из-за страха окружения со стороны легкой пехоты неприятеля спартанский царь Клеомен III в неблагоприятных обстоятельствах ввел в бой фалангу и в итоге потерпел сокрушительное поражение при Селласии (II. 67. 1–69. 3).

---

[14] Неудача подобного плана была вызвана тем, что карфагенский военачальник лишь недавно вернулся в Африку из Италии и не сумел наладить взаимодействие с большей частью своей армии (за исключением ветеранов, с которыми он воевал вместе много лет) (Seibert 1993, 467–469).

[15] В классический период их функция сводилась скорее к прикрытию развертываний перед битвами (Anderson 1970, 42; Pritchett 1972, 51–53; van Wees 2005, 64).

[16] Даже в этой ситуации эффективность обстрела римскими дротиками объяснялась лишь полным отсутствием доспехов у кельтов.

[17] Подобные взгляды Полибия на значение метательного оружия подтверждаются выводами современных исследователей, согласно которым сам по себе обстрел дротиками не имел значения и прямой урон от действий легковооруженных был несущественен: Daly 2002, 170–178; Sabin 2008, 414; Koon 2010, 54.

[18] Нам представляется, что реальные потери от метательного оружия несколько занижались Полибием. Так, например, во «Всеобщей истории» не упоминаются даже достаточно известные случаи ранений Филопемена метательным копьем в битве при Селласии (Plut. *Philop*. 6) и Луция Эмилия Павла (Liv. XXII. 49. 1) камнем из пращи в битве при Каннах. Примечательно, что в случае с Луцием Эмилием Павлом Полибий упоминал о его тяжелом ранении (III. 116. 9), но не называл вид оружия, которым оно было нанесено.

Еще большую роль Полибий отводит кавалерии. Он считает, что «для победы в битве можно иметь в полтора раза меньше пехоты, но решительно превосходить неприятеля числом всадников»[19] (ὅτι κρεῖττόν ἐστι πρὸς τοὺς τῶν πολέμων καιροὺς ἡμίσεις ἔχειν πεζούς, ἱππικρατεῖν δὲ τοῖς ὅλοις, μᾶλλον ἢ πάντα πάρισα τοῖς πολεμίοις ἔχοντα διακινδυνεύειν[20], – III. 117. 6). Действительно, конница играла во многих сражениях если не решающую, то значительную роль.

В битвах при Тунете (I. 34. 7), Баграде[21] в 240 г. (I. 76. 8) и Треббии (III. 74. 7) конница и слоны нанесли огромные потери римской армии[22]. В сражении при Киноскефалах храбрость этолийской кавалерии в начале боя спасла римлян от катастрофы[23] (XVIII. 24. 5). Относительно эффективно действовали селевкидские катафракты в битвах при Панионе в 200 г. (Polyb. XVI. 18–19)[24] и при

---

[19] Можно предположить, что при описании подобных акций на Полибия вполне мог повлиять собственный опыт участия в осаде Карфагена, которая, как известно, была очень тяжелой для римлян и сопровождалась рядом внезапных и успешных нападений карфагенской конницы (App. *Lib*. 97; 102), а также вылазок защитников города (124). О роли кавалерии в военном деле того времени см. Gaebel 2002, 230–263; Burgh 2020, 65–80; Nefedkin 2019). Исследователи отмечают, что со времен Александра значение конницы упало (Gaebel 2002, 239), но вместе с тем в период эллинизма растет специализация кавалерии (Nefedkin 2019, 408; Burgh 2020, 65–81). Стоит отметить также общий престиж службы в данном роде войск (Nefedkin 2019, 407).

[20] Здесь и далее перевод Ф.Г. Мищенко.

[21] Более подробно об этом сражении см. Thompson 1986, 111–117. Последние исследования показывают, что Полибий представил действия Гамилькара в несколько приукрашенном виде и главной причиной победы карфагенян был не столько талант их военачальника, сколько низкий уровень подготовки и дисциплины наемников (Hoyos 2007, 115–124). Примечательно, что успешные действия слонов в этих сражениях не произвели на историка особого впечатления. То же самое можно сказать и про отмеченную Полибием успешную атаку селевкидских слонов против конницы при Рафии (V. 85. 5). Судя по всему, он считал, что слоны успешно действуют лишь на деморализованную или беспорядочную толпу солдат. Напротив, сплоченные подразделения способны легко отбивать атаки слонов, как это произошло в битве при Заме (XV. 12. 1–6). В то же время современные исследователи отмечают, что слоны были способны к эффективным действиям в самых разных ситуациях, включая атаки против тяжелой пехоты и кавалерии (Abakumov 2012, 76–82; 99–104).

[22] Существует точка зрения, согласно которой свою роль в поражении римлян при Тунете сыграла их усталость от долгого перехода к месту сражения (App. *Lib*. 3). Об этом сражении см. также Tipps 2003, 375–385. В битве при Треббии немалое значение в успехе карфагенской элефантерии имел страх лошадей перед слонами (XXI. 54–56). Античные авторы многократно отмечали большое психологическое воздействие, которое слоны оказывали на воюющие армии; см., например, Polyaen. VIII. 23. 5; Caes. *Bell. Afr*. 72.

[23] Современные исследования подтверждают высокую боеспособность этолийской кавалерии: Nefedkin 2019, 270–273.

[24] Стоит отметить также, что битва при Панионе – это редкий пример действия кавалерии на обоих флангах; обычно же в сражениях кавалерия преследовала вражескую конницу, чтобы она не вернулась к полю боя (Gaebel 2002, 245). Впрочем, детали этого сражения известны лишь из Полибиевой критики произведений других историков, почему многое остается не вполне ясным (Meister 1975, 177–179).

Магнесии в 190 г. (Liv. XXXVII. 42. 7–8)[25]. Успешные действия ахейской конницы сыграли огромную роль и в битве при Селласии (II. 68. 2)[26]. Именно атака нумидийских всадников решила исход битвы при Заме (XV. 14)[27]. Роль кавалерии была значительной даже в тех ситуациях, когда она не наносила непосредственного урона неприятелю. В сражении при Треббии нумидийская конница[28] причинила римлянам урон, мешая сражаться с неприятелем (III. 73. 7; 74. 1) и наводя на них замешательство и тревогу (ταραχὴν καὶ δυσχρηστίαν)[29]. Полибий отмечал деморализующее воздействие, которое оказывала на римскую пехоту своими атаками с тыла карфагенская конница в битве при Каннах (III. 116. 8)[30].

Полибий оставил также ряд интересных наблюдений относительно общего характера сражений III–II в. до н.э. Так, в повествовании Полибия битвы обычно начинаются со стычек отдельных отрядов (как правило, легковооруженных солдат) и лишь постепенно перерастают в сражение с участием главных сил. В своем описании сражения при Мантинее Полибий отмечал, что «вначале сражались легкие войска по отдельности или массами» (πάντῃ δὲ τούτων συμπλοκῆς ἀθρόως καὶ κατ' ἄνδρα – XI. 13. 2). Полибий отмечает маневренный характер таких схваток[31], в ходе которых, по его словам, отступления сменялись нападением (ἐξ ἀναστροφῆς καὶ μεταβολῆς ὁ κίνδυνος – III. 115. 1). Эти столкновения имели важное значение для подъема боевого духа остальных солдат. Полибий рассказывает, что остальные воины смотрели на исход стычки сквозь пыль, колеблясь между страхом и надеждой (ἀμφηρίστους ἔχουσαι τὰς ὑπὲρ τοῦ μέλλοντος ἐλπίδας – V. 85. 7). Историк уделял внимание и другим средствам психологической

[25] Рассказ Ливия о битве при Магнесии заимствован из Полибия (Bar-Kochva 1976, 165). При этом современные исследователи (Bar-Kochva 1976, 170; Gaebel 2002, 245) подтверждают имеющуюся в источниках информацию о том, что катафракты обратили в бегство один из римских легионов (Iust. XXXVI. 8. 6), хотя использование катафрактов против вражеской пехоты было довольно нетипичным (Nefedkin 2019, 432–435). Из всех эллинистических государств царство Селевкидов обладало наиболее многочисленной и боеспособной конницей (Nefedkin 2019, 348–383).

[26] Исследователи, впрочем, считают, будто Полибий преувеличил роль Филопемена в этой битве (Delbrück 1997, 185–188; Kromayer, Veith 1903–1907, I, 238; Errington 1969, 22), тем более что кавалерия не играла значительной роли в армии Ахейского союза (Nefedkin 2019, 274–302).

[27] Роль конницы была решающей, поскольку римлянам удалось нейтрализовать карфагенских слонов и предотвратить обходной маневр Ганнибала против второй и третьей линий римской пехоты (Gaebel 2002, 274–275).

[28] Огромная роль кавалерии в карфагенской армии была вызвана, с одной стороны, возможностью привлекать к службе нумидийцев, а с другой – слабостью пунийской пехоты по сравнению с римской (Gaebel 2002, 268). О тактике нумидийской конницы см. также Diod. XX. 39. 2; Caes. *B.C.* II. 41; *Bell. Afr.* 14–15; Sall. *Iug.* 50. 4–6; 97. 4; App. *Hisp.* 25; *Pun.* 11.

[29] В сражениях Второй Пунической войны роль конницы, как правило, заключалась в психологическом воздействии на противника и развале его строя (Daly 2002, 175–184).

[30] Впрочем, Тит Ливий (XXII. 48. 5) признавал и значительные потери от подобных нападений.

[31] Современные исследователи (Zhmodikov 2000, 67–78; Sabin 2000, 1–17) приходят к аналогичным выводам.

мотивации солдат – боевому кличу[32] (I. 34. 2–3), а также звукам свирелей и труб (II. 29. 6–8). Тяжеловооруженные солдаты вступали в битву лишь на ее завершающем этапе (X. 25).

Имеется еще одно обстоятельство, демонстрирующее внимание Полибия к психологии сражающихся. Говоря о сражениях при Заме и Киноскефалах, он отмечал ту роль, которую в противоборстве сторон играют ярость, стремительность и воодушевление (ὁρμῆ καὶ προθυμία φρονήμασι), а также высокий боевой дух (φιλοτιμία) (XVIII. 22. 4). Существует точка зрения, что в своем повествовании Полибий передавал особенности именно римской тактики[33]. Однако Полибий признавал роль таких психологических факторов, как ревность и ожесточение сражающихся (ἐκθύμως... καὶ βίαιος – II. 67. 7; XI. 14. 1), а также ярость и упорство (θύμος... ὁρμὴ καὶ προθυμία – V. 85. 8), и в своих описаниях битв при Селласии и Рафии, в которых участвовали исключительно эллинистические армии.

И все же роль психологического фактора не была решающей. Для Полибия мотивация солдат зависела от умения командиров разных рангов контролировать и вдохновлять своих подчиненных. При этом на боевой настрой воинов мог повлиять сам факт наличия или отсутствия военачальника на месте решающего боевого столкновения. Полибий специально подчеркивал (V. 85. 8), что в битве при Рафии простое появление царя Птолемея IV на месте противоборства фаланг значительно подняло боевой дух его солдат. С другой стороны, отсутствие Антиоха III в той же схватке[34] привело к тому, что боевой дух его солдат начал падать (κατεπλήξατο – V. 85. 8). Аналогичным образом в сражениях при Кафиях и Мантинее именно потеря управления со стороны военачальников вызвала у солдат панику (ἐκπλήττοντες – IV. 12. 12) и трусость (ἀποδειλιάσαντες – XI. 15. 2). Стоит отметить еще одно важное обстоятельство: в представлении Полибия большую роль в сражениях играли действия отдельных отрядов. Описывая атаки с фланга и тыла в сражениях Пунических войн (III. 73. 7; 74. 2–5; 84. 2–3; 115. 8–12; X. 39. 4–6; XI. 24. 4–6; XV. 14. 8), историк уделял особое внимание тому эффекту, который оказывали эти маневры на отдельные подразделения[35]. Самым ярким примером тому были сражения при Тразименском озере в 217 г. (III. 84. 2–3) и при

---

[32] О большой роли боевого клича см. также Caes. *B.C.* III. 92. Интересное наблюдение о преимуществе слаженного боевого клича над разноголосым приводил Тит Ливий (XXX. 34. 1). Современные исследования (Koon 2010, 56; Danilov 2007, 175–176) подтверждают подобные наблюдения.

[33] Koon 2010, 68–72.

[34] Данное свидетельство представляется особенно ценным с учетом неприязненного отношения Полибия к Птолемею IV (Bar-Kochva 1976, 128). Антиох III не появился на месте решающего столкновения из-за участия в конной схватке и последующей погоне, целью которой было пленение либо убийство Птолемея, который, по мнению селевкидского царя, мог находиться в тылу своих войск (Bar-Kochva 1976, 137; Gaebel 2002, 241). Весьма обоснованной представляется мысль о том, что Антиох был хорош как кавалерийский командир, но не мог координировать действия разных родов войск (Gaebel 2002, 253–254).

[35] Это ярко показывает, что неустойчивость перед атаками с фланга, являющаяся типичной чертой фаланги (Echeverría 2011, 56–58, 68, 75), была присуща и легионам.

Каннах (III. 115. 8–12). По словам Полибия, в битве при Каннах (III. 115. 12)[36], не имея более возможности вести сражение по всей линии, римляне в одиночку (κατ' ἄνδρα) и отдельными манипулами (καὶ κατὰ σπείρας) дрались с неприятелями, теснившими их с флангов[37]. Эффективность же отдельных подразделений зависела от умений их командиров. Полибий подчеркивал, что одним из обстоятельств, приведших римлян к катастрофическому поражению при Тразимене[38], наряду с ошибками консула Фламиния, была утрата контроля над солдатами со стороны военных трибунов в результате одновременной атаки карфагенян с тыла и фланга (III. 84. 2–3).

Чем же были вызваны подобные взгляды историка? Нам представляется, что целью Полибия было приспособить традиционные тактические модели к новым историческим условиям. Современные исследователи отмечают, что ополченский характер армий классической Греции затруднял эффективное командование ими[39]. Именно поэтому военно-теоретическая мысль того периода сосредотачивалась на выборе подходящей местности для битвы, удобной для руководства войсками (Xen. *Cyrop*. I. 6. 35–63; Aen. Tact. I. 2; XVI. 7–10)[40]. Самым подходящим рельефом для действий фаланги считалась равнина[41]. Сражения на пересеченной местности порой случались, но были редким исключением: яркими примерами тому были битва при Немее в 394 г. и при Мантинее в 362 г.[42]

Отмечаемый современными исследователями рост профессионализма греческих армий в эпоху поздней классики и эллинизма[43] привел к тому, что зависимость успеха сражения от рельефа местности значительно снизилась. Известно, что в сражении при Гранике в 334 г. и при Иссе в 333 г. армия Александра Македонского эффективно сражалась на пересеченной местности[44].

Все это не могло не оказать влияние на тактические взгляды Полибия. Так, в современной литературе[45] отмечается большое внимание историка к военной

---

[36] В этом сражении римляне оказались неспособны использовать свое численное преимущество и возможность обходного маневра, предпочтя лобовую атаку (Seibert 1993, 196–197). Большую роль сыграл низкий уровень боеспособности и воинского духа римской армии, значительную часть которой составляли новобранцы (Samuels 1990, 7–29).

[37] О роли фланговых атак в античном военном деле см. Sabin 1996, 65. По мнению Ф. Сэбина, ни до, ни после Пунических войн в военном деле античности фланговые маневры и операции на окружение неприятеля не использовались так широко.

[38] Тит Ливий более снисходительно относился к действиям римских командиров в этом сражении, делая акцент на их храбрости. См. Seibert 1993, 151–156; Connolly 2001, 172.

[39] Anderson 1974, 165, 181–191, 211–212, 217–219; Wheeler 1993, 120–170; Konijnendijk 2017, 128.

[40] Pritchett 1972, 76–80; Konijnendijk 2017, 83.

[41] Konijnendijk 2017, 84.

[42] Более подробно об этом см. Konijnendijk 2017, 85–86. См. также Pritchett 1972, 76–80.

[43] Chaniotis 2005, 131–133.

[44] Pritchett 1972, 85; Konijnendijk 2017, 77–91.

[45] Konijnendijk 2017, 86. В связи с этим довольно спорной представляется точка зрения, согласно которой Полибий отводил топографии сражений второстепенную роль (Pease 1931, 143).

топографии. По мнению Полибия (V. 21. 6), большинство сражений было проиграно из-за незнания местности. Вместе с тем подход историка к данной проблеме отличался рядом особенностей. Полибий критиковал военачальников как за неумение найти подходящую местность до сражения, так и за неспособность использовать благоприятный рельеф в ходе самой битвы. Примером подобного рода были действия Евклида в битве при Селласии (II. 68. 3), ахейских стратегов при Кафиях (IV. 11. 1–8), лакедемонян при Мантинее (XI. 16. 7)[46]. Наоборот, активное использование особенностей местности Ксантиппом при Тунете (I. 32. 1–5) или Ганнибалом при Тразимене (III. 83. 1–5) были для Полибия образцом умелого командования.

При обращении к тексту «Всеобщей истории» нельзя не отметить того внимания, которое Полибий уделяет характеру рельефа, где происходили сражения эллинистических армий. Если при Мантинее[47] фаланги сражались в овраге (τάφρος – XI. 16–17), а при Панионе – у подошвы горы (ὑπώρεια – XVI. 18. 4), то при Селласии фаланги действовали на холмистой возвышенности (λόφος – II. 65. 8)[48]. Проблема сохранения командующими контроля над ситуацией оставалась актуальной и в эллинистический период[49]. Об этом ярко свидетельствуют произведения военных теоретиков – Асклепиодота и, с некоторыми оговорками, Онасандра[50]. Оба эти автора признавали сложность успешного управления армией в ходе сражения (Onas. VI. 1–14; Asclep. XII. 10–11). Поэтому для более эффективного контроля над солдатами они предлагали заблаговременно выбрать наиболее подходящее построение (Asclep. XII.1–9; Onas. XXX. 1–XXXI. 2) с учетом местности (Onas. XV. 1) и соотношения родов войск у себя и противника (XVI. 1–XVIII. 1). Другим средством была также мотивация солдат в ходе сражения (XIII. 1–XIV. 4). При этом инициатива командующих отдельных отрядов как таковая не предусматривалась.

Полибий в целом придерживался схожих взглядов на руководство войсками. У него исход сражений при Тунете (I. 33. 1–11), Треббии[51] (III. 71. 1–10), Каннах[52] (III. 113. 6–8), Кафиях (IV. 11. 1–9) был определен именно эффективным развертыванием войск накануне битвы. Полибий ясно демонстрировал: успех

---

[46] Что же касается роли топографии местности в битве при Киноскефалах (XVIII. 22. 9; 25. 6–7), то она не была единственным фактором. Полибий отмечал, что в данном случае свою роль сыграла неподготовленность к бою одного из флангов македонской армии и ошибки его командования.

[47] О сражении при Мантинее см. Kromayer, Veith 1903–1907, I, 281–314; Walbank 1957–1979, II, 283. Исследователи отмечают явную тенденцию Полибия к затушевыванию ошибок Филопемена в этом сражении.

[48] О топографии битвы при Селласии см. Kromayer, Veith 1903–1907, I, 210–244.

[49] Beston 2000, 321; Poznanski 1993, 206–209.

[50] Труд Онасандра, жившего в I в. н.э., относится уже к Римской империи. Тем не менее Онасандр во многом опирался на эллинистический опыт (Peters 1972, 253).

[51] Боевое построение, использовавшееся Ганнибалом в битве при Треббии, с рядом изменений применялось им и в последующих сражениях (Seibert 1993, 128).

[52] При этом Полибий не разделял существовавшие в античной традиции (App. *Hann*. 23; Plut. *Fab*. 16), но оказавшиеся вымышленными (Seibert 1993, 192) представления о том, что в этом сражении римлянам мешал ветер, который дул им в лицо и ослеплял поднимаемой пылью.

одерживала та армия, командование которой сохраняло управление над своими подразделениями. В то же время нельзя не отметить ряд нюансов у Полибия. Так, он считал, что даже в случае удачного развертывания перед битвой большую роль играют действия командиров отдельных отрядов, примером чему были действия Гасдрубала при Каннах (III. 116. 5)[53], Магона при Треббии (III. 74. 1) и Лелия при Бекуле (X. 23. 1–6) и Илипе[54] (X. 39. 4). Еще больше возрастает значение этого фактора в случае неясного исхода битвы. При этом решающая роль принадлежит инициативе командиров подразделений, координирующих действия со своим главнокомандующим и использующих ошибки вражеских полководцев. В битве при Рафии все решила инициатива Эхекрата (V. 85. 1) и отсутствие Антиоха в решающей схватке. Поражение спартанцев в битве при Мантинее было вызвано тем, что лакедемонский тиран Маханид отправился в погоню за бегущими легковооруженными ахейскими солдатами, вместо того чтобы руководить главными силами своей армии (XI. 16. 3.). Противник Маханида ахейский стратег Филопемен, напротив, эффективно координировал свои действия с командующими отдельных отрядов (XI. 15. 1–5).

Таким образом, во времена Полибия проблема управления отдельными подразделениями продолжала оставаться актуальной как для римлян, так и для греков. Но в чем же заключался секрет римских успехов? Этот вопрос издавна волновал историков, включая самого Полибия. Общеизвестно, что рассказ про римскую армию в VI книге, равно как и сравнение легиона с фалангой в XVIII книге, являются, пожалуй, одними из наиболее знаменитых частей «Всеобщей истории». Впоследствии эти фрагменты труда Полибия стали одними из основных источников по истории римской армии времен Пунических войн и расцвета республики. Именно поэтому данная проблема заслуживает специального рассмотрения.

Во «Всеобщей истории» описываются следующие генеральные сражения между римлянами и эллинистическими армиями – Киноскефалы, Фермопилы (191 г.)[55], Магнесия и Пидна (168 г.). Стоит сразу отметить, что широко распространенные представления о подавляющем тактическом превосходстве легиона над фалангой «вообще» как о главной причине римских побед в этих сражениях не подтверждаются конкретными фактами. В реальности каждое из этих столкновений сопровождалось серьезными временными неудачами римлян. В битве при Пидне отдельные подразделения римлян отступали, а при Киноскефалах обращались в бегство под натиском фаланги. В сражении при Магнесии часть римских солдат обратилась в бегство под натиском катафрактов (Liv. XXXVII. 42. 7–8). В битве при Фермопилах

---

[53] По мнению Г. Дельбрюка (Delbrück 1997, 236), Гасдрубал выполнял указание Ганнибала.

[54] Примечательно, что действия Лелия при Илипе тщательно координировались с главнокомандующим армией и были частью единого тактического плана по окружению неприятеля (Seibert 1993, 395–396).

[55] Как уже отмечалось нами раньше, описание битвы при Магнесии взято Титом Ливием из несохранившихся фрагментов труда Полибия. Описание битв при Фермопилах также заимствовано Титом Ливием из Полибия (Briscoe 1981, 241). Насчет заимствования описания сражения при Пидне Плутархом у Полибия см. Walbank 1957–1979, III, 378; Reiter 1988, 94.

численно превосходящая римская армия некоторое время безуспешно атаковала селевкидскую фалангу (XXXVI. 18). Особенно критическим было положение римской армии в начале сражения при Киноскефалах. Один из флангов римской армии был разбит македонянами, и лишь действия этолийской кавалерии выправили положение (XVIII. 22. 4)[56], а инициатива неизвестного римского трибуна решила исход сражения[57]. Сам Полибий при описании этой битвы всячески подчеркивал, что македонская армия была не готова к бою и ее подразделения вступали в сражение разрозненно (XVIII. 24. 4–8), но даже в этой ситуации македоняне были близки к победе. В связи с этим стоит отметить: выводы Полибия о превосходстве легиона над фалангой, сделанные на основании исхода битвы при Киноскефалах (XVIII. 28–32), представляются нам достаточно спорными и опираются не столько на конкретные факты, сколько на традиционные греческие представления о тактике, согласно которым победу обеспечивает более эффективное боевое построение.

Тем не менее римляне одержали победы во всех этих битвах. Сложно отрицать и тот факт, что, несмотря на отдельные неудачи в ходе сражений, легионы в целом действовали более эффективно. В чем же была причина их успехов?

Долгое время было принято объяснять успехи римской армии ее дисциплиной[58]. Вместе с тем есть немало данных о высокой дисциплинированности и македонской армии. По мнению Полибия, македоняне являлись великолепными солдатами: «Бесстрашные в сухопутных открытых битвах, македоняне, когда того требуют обстоятельства, с не меньшею готовностью несут службу на море, с величайшим прилежанием копают канавы, роют окопы, исполняют и все другие тяжелые работы» (πρός τε γὰρ τοὺς ἐν γῇ κινδύνους ἐκ παρατάξεως γενναιότατοι πρός τε τὰς κατὰ θάλατταν ἐκ τοῦ καιροῦ χρείας ἑτοιμότατοι, λειτουργοί γε μὴν περὶ τὰς ταφρείας καὶ χαρακοποιίας καὶ πᾶσαν τὴν τοιαύτην ταλαιπωρίαν φιλοπονώτατοί τινες – V. 2. 5–6). Полибий характеризовал македонских солдат словами Гесиода про Эакидов: «Они радуются войне, как пиршеству» – πολέμῳ κεχαρηότας ἠΰτε δαιτί (V. 2. 5–6). Им свойственно ограждать свои стоянки рвами и окопами (V. 3. 5–6; Liv. XXXI. 34. 7–8; 39. 8–9; XXXII. 5. 11–12)[59]. О систематических мерах по поддержанию дисциплины в македонской армии говорит знаменитый Амфипольский военный устав, содержащий детальный список наказаний за нарушение дисциплины, существовавших в македонской армии[60]. Показателем дисциплины в македонской армии

---

[56] В связи с этим несколько преувеличенной представляется точка зрения (Eckstein 1995, 183–192), согласно которой действия Тита Фламинина при Киноскефалах были образцом военного командования. О сражении при Киноскефалах см. также Hammond 1988, 60–82. Автор статьи отмечает хаотичный характер этого сражения и ограниченную роль Фламинина в успехе римлян.

[57] Его имя не сообщает даже официальный римский историк Тит Ливий (XXXIII. 9. 8). В связи с этим существует точка зрения, что в реальности инициатором этой атаки был сам Тит Фламинин (Pfleischtifter 2005, 105; Kromayer, Veith 1903–1907, II, 84.; *contra*: Hammond 1988, 76).

[58] Типичные примеры подобных взглядов: Delbrück 1997, 215–217; Kromayer, Veith 1928, 1; Connolly 2001, 127.

[59] Данные фрагменты заимствованы Титом Ливием у Полибия (Briscoe 1973, 115).

[60] Более подробно см. об этом Hatzopoulos 2001, 141–145; 161–164; Juhel 2002, 401–412.

является тот факт, что, даже разбежавшись после неудачного столкновения на реке Аой в 198 г., уже на следующий день все воины, за исключением погибших в битве, собрались, как будто им подали сигнал (Liv. XXXII. 12. 9)[61].

Нам представляется, что причиной римских побед была бóльшая, нежели у эллинистических армий, эффективность и гибкость на уровне отдельных подразделений. Полибий сам отмечал умение римского войска в зависимости от обстоятельств эффективно действовать как в едином строю, так и отдельными отрядами (XV. 15. 7–8); именно это, по мнению Полибия, отличает легион от фаланги (XVIII. 32. 10–12)[62]. Действительно, в сражениях при Пидне и Киноскефалах именно маневры отдельных подразделений смогли переломить инициативу в пользу римлян. В битве при Пидне заметна координация действий между Эмилием Павлом и его младшими военачальниками и отсутствие таковой в македонской армии (Plut. *Aem.* 19–20)[63].

Подобные обстоятельства не стоит абсолютизировать. Полибий ясно показывает, что и фаланга, в принципе, способна действовать отдельными подразделениями. Говоря о тренировках армии Ахейского союза под руководством Филопемена, он отмечает особое внимание, уделяемое искусству командиров отдельных отрядов (τῶν κατὰ μέρος ἡγεμόνων ἐμπειρίας – X. 23. 9). Данные «Всеобщей истории» показывают, что именно эти меры способствовали последующим победам ахейской армии (самая известная из которых – битва при Мантинее). В этом сражении эффективное взаимодействие командиров разных рангов позволяло переломить ход столкновения даже после первых неудач. На несколько частей была разделена и селевкидская фаланга в битве при Магнесии[64]. Но если в эллинистических армиях все зависело от умения конкретного командира, то для римлян подобное ведение сражений носило характер устоявшейся и отработанной системы, сводившей к минимуму роль неблагоприятных случайностей.

Современные исследования отчасти подтверждают подобное восприятие Полибием римской тактики. Долговременный бой в плотных построениях требовал огромной психологической и физической нагрузки[65], и потому сражения с участием римской армии на протяжении большей части времени представляли собой столкновения отдельных отрядов[66]. Атаки с участием всего войска следовали лишь на заключающей стадии сражения. Исход битвы в таких ситуациях решали атаки мелких подразделений[67], в чем римская армия имела существенное преимущество[68].

---

[61] О заимствовании данного эпизода из Полибия см. Eckstein 1995, 172.

[62] О римской тактике этого времени см. Konolly 2002, 129–142.

[63] Данный эпизод заимствован Плутархом из несохранившихся частей труда Полибия (Reiter 1988, 96). Существует точка зрения, что подобные действия были заранее спланированы римским военачальником (Morelli 2021, 124–125). Но даже в этом случае успех не был бы возможен без умелых действий командиров отдельных отрядов.

[64] Впрочем, в условиях равнинной местности, на которой проходило это сражение, действие фаланги в ее стандартном построении могло быть гораздо более эффективным (Bar-Kochva 1976, 172).

[65] Sabin 2000, 12.

[66] Koon 2010, 93.

[67] Koon 2010, 97.

[68] Sabin 2000, 16.

Однако причина подобного преимущества римлян трактуется исследователями иначе. Дж. Лендон объяснял римские успехи присущим римской армии особым наступательным духом, обеспечивавшим ей превосходство над противниками[69]. Полибий, наоборот, говорит о деморализации римлян в начале сражения (Liv. XXXII. 14. 3; XXXVII. 19. 2[70]; Plut. *Aem.* 24). Это показывает, что представления об изначально более высоком боевом духе римлян являются, как минимум, преувеличенными. Исходя из сообщений Полибия, причины римских успехов следует искать прежде всего в особенностях римского подхода к тактической подготовке и, главное, к действиям отдельных подразделений. Говоря о роли, которая отводилась центурионам, Полибий указывает на особое внимание, уделяемое римлянами подбору начальников отдельных отрядов, причем принципиальными здесь являются не столько сила и отвага, сколько умение командовать, а также стойкость и душевная твердость (οὐχ οὕτως θρασεῖς καὶ φιλοκινδύνους ὡς ἡγεμονικοὺς καὶ στασίμους καὶ βαθεῖς μᾶλλον ταῖς ψυχαῖς – VI. 24. 9). Стоит отметить, что довольно схожим образом роль римских центурионов описывал в своем труде Вегеций (II. 14), отражавший типичные римские взгляды (пусть и более позднего времени) на все вопросы, связанные с военным делом[71].

Помимо этого, в своем рассказе о римской армии Полибий подчеркивает, что вся система поощрений была направлена, с одной стороны, на стимулирование доблести воинов, а с другой – на развитие в них взаимовыручки[72]. В случае подвига консул всячески прославлял воинов (VI. 39. 1). Богатые награды вручались и тем, кто спас своих товарищей во время сражения. После завершения битвы спасенный был обязан оказывать своему спасителю почет на протяжении всей жизни. Одной из почетнейших наград в римской армии был золотой венок за спасение товарища. Все это побуждало солдат к соревнованию в воинской доблести. В результате, по словам Полибия, «при столь внимательном и заботливом отношении к наградам и наказаниям неудивительно, что военные предприятия римлян увенчиваются блестящими успехами» (τοιαύτης δ' ἐπιμελείας οὔσης καὶ σπουδῆς περί τε τὰς τιμὰς καὶ τιμωρίας τὰς ἐν τοῖς στρατοπέδοις, εἰκότως καὶ τὰ τέλη τῶν πολεμικῶν πράξεων ἐπιτυχῆ καὶ λαμπρὰ γίνεται δι' αὐτῶν – VI. 39. 11).

---

[69] Lendon 1999. Ключевая идея данной работы заключается в том, что для римлян важное значение на войне имела доблесть (virtus), которую они считали врожденным качеством, тогда как для греков главным фактором успеха в сражении была хорошая физическая подготовка солдат и тактически грамотное командование. Похожие идеи высказывали ранее Кромайер и Вейт (Kromayer, Veith 1928, 253), противопоставлявшие «солдатский дух» римлян «несолдатскому духу» греков.

[70] Данный фрагмент труда Тита Ливия заимствован из Полибия (Briscoe 1981, 8).

[71] Kuchma 2001, 121. Современные исследования подчеркивают огромную роль центурионов в римской армии (Gilliver 2007, 187).

[72] Данная черта была присуща римской армии на протяжении всей ее истории (Makhlayuk 1999). См. также об этом Steele 2019, 171–189. По мнению автора, и римляне, и македоняне отличались высокой мотивацией, но римлян стимулировал еще и дух состязательности, присущий политической системе Римской республики. Он также считает, что сочетание дисциплины и индивидуализма было уникальной чертой именно римской армии.

Таким образом, подобное двойственное видение Полибием тактики армий Рима и эллинистических государств отражает переходный дух того времени. Историк ясно показывал, что военные инновации, заключавшиеся в расчленении боевого порядка на самостоятельно действующие подразделения и активном использовании особенностей местности, практиковались и в эллинистических армиях. Однако у эллинов данные нововведения еще не вошли в систему и не стали общепринятой и стандартной нормой. В римской же армии, наоборот, эти тенденции получили наиболее полное развитие. Привнесение подобных изменений в тактику позволяло им сохранять контроль над армией, поддерживать высокую мотивацию, оперативно реагировать на изменения ситуации и в большинстве битв добиваться успеха даже после первоначальных неудач.

* * *

В нашем исследовании мы рассмотрели проблему соотношения традиций и инноваций во взглядах Полибия на тактику. Итоговый вывод видится следующим: сохраняя в целом традиционные греческие взгляды на тактику, Полибий все же привносил ряд новшеств. В своем труде он демонстрировал возросшее значение легкой пехоты, слонов, кавалерии и важность их взаимодействия с тяжелой пехотой. Отличались и взгляды Полибия на топографию места битвы. Историк полагал, что военачальники должны не только заблаговременно выбирать удобную позицию для сражения, но и уметь использовать особенности местности уже в ходе битвы в зависимости от возникающих ситуаций. Подобные взгляды были вызваны реалиями того времени, когда профессионализация армий привела к изменениям в тактике. Возросла и роль командиров всех рангов, начиная от военачальников и кончая командующими отдельными подразделениями. Успех ждал ту армию, в которой эффективное централизованное командование сочеталось с возможностью автономных действий отдельных подразделений. Полибий показал, что именно римская армия наиболее полно и успешно применяла данные нововведения, что позволяло ей одерживать верх над самыми разными противниками и в конечном итоге подчинить себе все Средиземноморье.

Приложение

СПИСОК СУХОПУТНЫХ БИТВ, ОПИСАННЫХ ПОЛИБИЕМ
(в хронологическом порядке)

№ п/п	Событие	Событийный контекст и дата	Источник	Итог
1	Битва при Тунете	Первая Пуническая война, 255 г.	Polyb. I. 33. 1–34. 12	Победа карфагенян над римлянами
2	Битва при Баграде	Наемническая война, 240 г.	Polyb. I. 75. 4–76. 10	Победа карфагенян над восставшими наемниками
3	Битва при Теламоне	Войны римлян с галлами в Северной Италии, 225 г.	Polyb. II. 27. 4–31. 1	Победа римлян над кельтами
4	Битва при Селласии	Клеоменова война, 222 г.	Polyb. II. 66. 4–69. 11	Победа македонян и ахейцев над спартанцами

№ п/п	Событие	Событийный контекст и дата	Источник	Итог
5	Битва при Кафиях	Союзническая война, 220 г.	Polyb. IV. 11. 1–12. 13	Победа этолийцев над ахейцами
6	Битва при Треббии	Вторая Пуническая война, 218 г.	Polyb. III. 71. 1–74. 10	Победа карфагенян над римлянами
7	Битва при Тразимене	Вторая Пуническая война, 217 г.	Polyb. III. 80. 3–84. 15	Победа карфагенян над римлянами
8	Битва при Рафии	Четвертая Сирийская война, 217 г.	Polyb. V. 82. 1–86. 7	Победа птолемеевской армии над селевкидской
9	Битва при Каннах	Вторая Пуническая война, 216 г.	Polyb. III. 113. 1–117.12	Победа карфагенян над римлянами
10	Битва при Бекуле	Вторая Пуническая война, 208 г.	Polyb. X. 38. 7–39. 9	Победа римлян над карфагенянами
11	Битва при Мантинее	Война Спарты и Ахейского союза, 208 г.	Polyb. XI. 11. 1–18. 10	Победа ахейцев над спартанцами
12	Битва при Илипе	Вторая Пуническая война, 206 г.	Polyb. XI. 20. 1–24. 9	Победа римлян над карфагенянами
13	Битва при Утике	Вторая Пуническая война, 203 г.	Polyb. XIV. 2. 1–5. 15	Победа римлян над карфагенянами
14	Битва при Заме	Вторая Пуническая война, 202 г.	Polyb. XV. 9. 2–16. 6	Победа римлян над карфагенянами
15	Битва при Панионе	Пятая Сирийская война, 200 г.	Polyb. XVI. 18–19	Победа селевкидской армии над птолемеевской
16	Битва при Киноскефалах	Вторая Македонская война, 197 г.	Polyb. XVIII. 21. 2–26. 12	Победа римлян над македонянами
17	Битва при Фермопилах	Сирийская война, 191 г.	Liv. XXXVI. 18–19	Победа римлян над селевкидской армией
18	Битва при Магнесии	Сирийская война, 190 г.	Liv. XXXVII. 39–44	Победа римлян над селевкидской армией
19	Битва при Пидне	Третья Македонская война, 168 г.	Plut. Aem. 17–22	Победа римлян над македонянами

Литература/References

Abakumov, A.A. 2012: *Boevye slony v istorii ellinisticheskogo mira* [*The Elephantry in Hellenistic Warfare*]. Moscow.

Абакумов, А.А. *Боевые слоны в истории эллинистического мира*. М.

Anderson, J.K. 1970: *Military Theory and Practice in the Age of Xenophon*. Berkeley–Los Angeles–London.

Bar-Kochva, B. 1976: *The Seleucid Army: Organization and Tactics in the Great Campaigns*. Cambridge.

Beston, P. 2000: Hellenistic military leadership. In: H. van Wees (ed.), *War and Violence in Ancient Greece*. London, 315–335.

Briscoe, J. 1973: *A Commentary on Livy. Books XXXI–XXXIII*. Oxford.

Briscoe, J. 1981: *A Commentary on Livy. Books XXXIV–XXXVII*. Oxford.

Burgh, G.R. 2020: Greek cavalry in the Hellenistic world: a review and reapprisal. In: L.L. Brice (ed.), *New Approaches to Greek and Roman Warfare*. Hoboken, 65–80.

Chaniotis, A. 2005: *War in the Hellenistic World: A Social and Cultural History*. Oxford.

Connolly, P. 2001: *Gretsiya i Rim: evolutsiya voennoy istorii* [*Greece and Rome. Evolution of Military History*]. M.

Коннолли, П. *Греция и Рим. Эволюция военной истории*. Пер. с англ. С. Лопуховой, А. Хромовой. М.

Daly, G. 2002: *Cannae*. London.
Danilov, E.S. 2007: [Ancient battle cry: Historical-psychological excursus]. *Yaroslavskiy psikhologicheskiy vestnik* [*Psychological Journal of Yaroslavl*] 22, 175–176.
Данилов, Е.С. Боевой клич древности: историко-психологический экскурс. *Ярославский психологический вестник* 22, 175–176.
Delbrück, H. 1997. *Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoy istorii*. T.I. *Antichnyy mir* [*History of Warfare in the Context of Political History*. Vol. I. *Ancient World*]. Saint Petersburg.
Дельбрюк, Г. *История военного искусства в рамках политической истории*. Т.I. *Античный мир*. СПб.
Errington, R.M. 1969: *Philopoemen*. Oxford.
Echeverría, F. 2011: *Taktikè technè* – the neglected element in classical 'Hoplite' battles. *Ancient Society* 41, 45–82.
Eckstein, A.M. 1995: *Moral Visions in the Histories of Polybius*. Berkeley–Los Angeles–London.
Gaebel, R. 2002: *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman.
Gilliver, K. 2007: Augustan reform and the structure of Roman army. In: P. Erdkamp (ed.), *A Companion to the Roman Army*. Oxford, 181–200.
Hammond, N.G.L. 1988: The campaign and the battle of Cynoscephalae in 197 BC. *Journal of Hellenic Studies* 108, 60–82.
Hanson, V.D. 1989: *The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece*. New York.
Hatzopoulos, M.B. 2001: *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides. Problèmes anciens et documents nouveaux*. Athenes.
Hoyos, B.D. 2007: *Truceless War. Carthage's Fight for Survival, 241–237 BC*. Leiden.
Juhel, P. 2002: 'On orderliness with respect to the prizes of war': the Amphipolis regulation and the management of booty in the army of the last Antigonids. *Annual of the British School at Athens* 97, 401–412.
Konijnendijk, R. 2017: *Classical Greek Tactics: A Cultural History*. Leiden, 2017.
Koon, S. 2010: *Infantry Combat in Livy's Battle Narratives*. Oxford.
Kromayer, J., Veith, G. 1903–1907: *Antike Schlachtfelder. Bausteine zu einer antiken Kriegsgeschichte*. Bd. I–II. Berlin.
Kromayer, J., Veith, G. 1928: *Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer*. München.
Kuchma, V.V. 2001: [*Epitoma rei militaris* of Vegetius as an example of synthesis of ancient military theory]. In: V.V. Kuchma (ed.), *Voennaya organizatsiya Vizantiyskoy imperii* [*Military Organization of the Byzantine Empire*]. Saint Petersburg, 118–139.
Кучма, В.В. «Краткое изложение военного дела» Вегеция как синтез военно-теоретической мысли античности. В кн.: В.В. Кучма (ред.), *Военная организация Византийской империи*. СПб., 118–139.
Lendon, J.E. 1999: The rhetoric of combat: Greek military theory and Roman culture in Julius Caesar's battle descriptions. *Classical Antiquity* 18, 273–329.
Makhlayuk, A.V. 1999. ["A contest in bravery" within the context of Roman military traditions]. In: A.V. Makhlayuk (ed.), *Iz istorii antichnogo obschetva. Mezhvuzovskiy sbornik*. Vyp. 6 [*From the History of Ancient Society. Inter-University Collection of Scientific Works.* Issue 6]. Nizhniy Novgorod, 64–81.
Махлаюк, А.В. «Состязание в доблести» в контексте римских военных традиций. В сб.: А.В. Махлаюк (ред.), *Из истории античного общества. Межвузовский сборник*. Вып. 6. Нижний Новгород, 64–81.
Meister, K. 1975: *Historische Kritik bei Polybios*. Wiesbaden.
Morelli, D. 2021: La battaglia di Pidna. Aspetti topografici e strategici. *Klio* 103/1, 97–132.
Nefedkin, A.K. 2019: *Konnitsa epochi ellinizma* [*Hellenistic Cavalry*]. Saint Petersburg.
Нефедкин, А.К. *Конница эпохи эллинизма*. СПб.
Pease, S. 1931: *The Techniques of Battle Descriptions in the Greek Historians*. Chicago.
Peters, W. 1972: *Untersuchungen zu Onasander*. Bonn.
Pfeilschifter, R. 2005: *Titus Quinctius Flamininus. Untersuchungen zur römischen Griechenlandpolitik*. Göttingen.
Poznanski, L. 1993: Commander, contrôler, communiquer: Polybe, de la tradition à la modernité. *Les Études classiques* XLI/3, 205–220.
Pritchett, K.W. 1972: *The Greek City-State at War*. Vol. II. Berkeley–Los Angeles–London.

Reiter, W. 1988: *Aemilius Paulus. Conqueror of Greece*. London.
Sabin, P. 1996: The mechanics of battle in Second Punic War. In: P. Sabin (ed.), *Second Punic War. A Reappraisal.* (Bulletin of the Institute of Classical Studies. Supplement, 67). London, 59–79.
Sabin, P. 2000: The face of Roman battle. *Journal of Roman Studies* 90, 1–17.
Sabin, P. 2008: Battle. In: P. Sabin, H. van Wees, M. Whitby (eds.), *Cambridge History of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. *Greece, The Hellenistic World and the Rise of Rome.* Cambridge, 399–460.
Samokhina, G.S. 2007: [Polybian "Tactics" and Greek-Roman literature on warfare]. *Antiquitas aeterna* 2, 305–324.
Самохина, Г.С. «Тактика» Полибия и греко-римская литература по военному искусству. *Antiquitas aeterna* 2, 305–324.
Samuels, M. 1990: The reality of Cannae. *Militärgeschichte Mitteilungen* 47/1, 7–31.
Seibert, J. 1993: *Hannibal*. Darmstadt.
Steele, B. 2019: *Killing for the Republic: Citizen-Soldiers and the Roman Way of War*. Baltimore.
Thompson, H. 1986: The battle of the Bagradas. *Hermes* 114/1, 111–117.
Tipps, G. 2003: The defeat of Regulus. *Classical World* 96/4, 375–385.
Van Wees, H. 2005: *Greek Warfare: Myths and Realities*. London.
Walbank, F.W. 1957–1979: *A Historical Commentary on Polybius*. Vol. I–III. Oxford.
Wheeler, E. 1993: The general as a hoplite. In: V.D. Hanson (ed.), *Hoplites: The Classical Greek Battle Experience*. London, 121–170.
Zhmodikov, A. 2000: Roman republican heavy infantrymen in battle (IV–II centuries B.C.). *Historia* 49/1, 67–78.

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 346–359
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 346–359
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910011890-2

АНТОНИЙ ГИБРИДА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА ДО ЗАГОВОРА КАТИЛИНЫ

Д. Д. Дымская

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: cromwell@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-7222-8392

В статье рассматриваются ключевые проблемы политической карьеры Г. Антония Гибриды вплоть до так называемого заговора Катилины. На основании проведенного анализа делаются следующие выводы: своими карьерными успехами Антоний был обязан главным образом своему происхождению и связям с Суллой и высокопоставленными сулланцами. Сулланское прошлое не оказало негативного влияния на его карьеру, а его неудачи можно скорее объяснить объективными причинами, нежели враждебностью какой-либо группировки к нему лично. Во время проскрипций Антоний, возможно, скупал имущество проскрибированных, но к убийствам отношения скорее всего не имел. Наиболее вероятно, что обмен провинциями между ним и Цицероном был инициирован последним, с тем чтобы заручиться нейтралитетом Антония на время обсуждения законопроекта Рулла. После этого Гибрида уже не обязан был сохранять нейтралитет, и если своими действиями он так или иначе наносил ущерб интересам оптиматов, которые защищал Цицерон, то причиной тому были либо семейные связи, либо стремление к личной выгоде.

Ключевые слова: Гай Антоний Гибрида, cursus honorum, Поздняя Римская республика

ANTONIUS HYBRIDA: POLITICAL CAREER BEFORE THE CATILINARIAN CONSPIRACY

Dariya D. Dymskaya

Library of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

E-mail: cromwell@inbox.ru

Данные об авторе. Дарья Дмитриевна Дымская – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела научной систематизации литературы Библиотеки РАН.

Мы хотели бы выразить благодарность А.В. Короленкову и В.К. Хрусталеву за ценные советы и замечания, высказанные в ходе работы над статьей.

The paper addresses core issues of C. Antonius Hybrida's political career up to the so-called Catilinarian conspiracy. The analysis leads to the following conclusions: Antonius' career success was largely due to his descent as well as to his connections with Sulla and with high-ranking Sullans. The Sullan past had no negative impact on his career, and his failures can be explained by objective reasons rather than by the hostility of any group to him personally. During the proscriptions, Antonius might have been buying up the property of the proscribed, but more likely was not involved in the murders. The exchange of provinces between him and Cicero was most probably initiated by the latter in order to secure Antonius' neutrality during the discussion of Rullus' agrarian proposal. After that Hybrida was not bound to maintain neutrality, and if he ever hurt the optimates' interests defended by Cicero, it was due to his family ties or the search for personal gain.

Keywords: Caius Antonius Hybrida, cursus honorum, Late Roman Republic

В рамках данной статьи мы хотели бы проанализировать карьерный путь Гая Антония Гибриды[1] до осени 63 г.[2] и либо усилить аргументацию, либо предложить возможное решение ряда важных вопросов, которые имеют значение для понимания его места на римской политической сцене, но по сей день остаются дискуссионными.

Гай Антоний происходил из старинного, но не особенно знатного рода. Выдающихся предков у него было немного[3], а первым консулом в роду стал только его

---

[1] Об этом прозвище (когноменов в роду Антониев, как правило, не было) пишет только Плиний, указывающий на то, что словом hybrida (полудикий) обычно обозначалась помесь дикой и домашней свиньи, но иногда этот термин использовался и по отношению к людям, примером чего как раз и является Гай Антоний (*NH*. VIII. 13). В историографии существует две точки зрения относительно причины, по которой Антоний получил такое прозвище. Первая восходит к Ж. Ардуэну и заключается в том, что родители Гибриды принадлежали к разным народам или обладали разным социальным статусом: Hardouin 1831, 541 (т.е. мать, например, могла быть неримлянкой или вольноотпущенницей), а вторая – к В. Друману, который предполагает, что Гибридой Антоний был прозван из-за жестокости, проявленной им во время грабежей в Греции (этот сюжет более подробно рассматривается ниже): Drumann 1899, 390, Anm. 3. Гипотеза В. Друмана является чисто умозрительным построением и не находит подтверждения в источниках. Что же касается версии Ж. Ардуэна, то пример наделения подобным прозвищем по сходной причине упоминается у Валерия Максима (VIII. 6. 4: propter obscurum ius civitatis Hybrida cognominatus), а у Светония (*Aug*. 19: Asinius Epicadus, ex gente Parthina ibrida) и Горация (*Serm*. I. 7. 2: hybrida... Persius) слово hybrida (ibrida) используется как характеристика людей смешанного происхождения. Однако нельзя не признать, что называть так нобиля и консуляра было бы по меньшей мере странно. Показательно и молчание на сей счет Цицерона и Аскония, при том что в речи «In toga candida» оратор приложил все силы к тому, чтобы очернить Антония. Впрочем, возможно, Цицерон не стал затрагивать этот сюжет потому, что не хотел оскорблять память его отца, к которому относился с большим уважением, а вот другие политические противники Антония могли оказаться менее щепетильными и распространять (скорее всего надуманные) слухи о его сомнительном происхождении, что и нашло отражение у Плиния.

[2] Здесь и далее все даты – до н.э.

[3] Тит Антоний Меренда был децемвиром (Liv. III. 35. 11; 38; 41. 10; 42; Dionys. *AR*. X. 58. 4; XI. 33. 2–5), Квинт Антоний Меренда – военным трибуном с консульской властью в 422 г. (Liv. IV. 42. 2), Марк Антоний – начальником конницы при диктаторе Публии Корнелии Руфине в 334–333 гг. (VIII. 17. 3).

отец – знаменитый оратор Марк Антоний[4]. Дата рождения Гая неизвестна, но очевидно, что он родился не позднее 106 г., так как в противном случае к 63 г. не успел бы достигнуть возраста, необходимого для выдвижения своей кандидатуры в консулы.

Отец Гая Марк Антоний на протяжении ряда лет сотрудничал с Марием, однако в 87 г. после взятия Рима войсками Цинны и Мария был убит по приказу последнего. В результате Гай Антоний оказался в уязвимом положении и, вероятно, именно тогда он и его брат Марк бежали на Восток к Сулле[5]. Во всяком случае, Асконий передает, что Гибрида находился при войске будущего диктатора в провинции Ахайя, где в его распоряжение был предоставлен конный отряд (Ascon. P. 84, 88 Cl.)[6], с которым Антоний грабил местных жителей. А это значит, что он должен был появиться там не раньше 87 г. и не позднее весны 83 г., ибо потом Сулла уже отправился в Италию[7].

О дальнейших действиях Гибриды можно судить по данным Цицерона и Аскония. В речи «In toga candida» оратор называет Гибриду «разбойником в войске Суллы» (in exercitu Sullano praedonem), «гладиатором при вступлении [в Город]» (in introitu gladiatorem) и, наконец, «возницей [во время празднования] победы» (in victoria quadrigarium: Ascon. P. 88 Cl.). Асконий же поясняет, что фразой о гладиаторе Цицерон намекает на проскрипции, которые тогда совершались (quae tum facta est), а под победой подразумеваются учрежденные в ее честь цирковые игры, т.е. ludi Victoriae (впоследствии – ludi Victoriae Sullanae). Из этого следует, что Антоний вернулся в Город во время проведения проскрипций. Проскрипции начались в ноябре 82 г., а прекратиться должны были к лету 81 г., так что Антоний скорее всего прибыл в конце 82 – начале 81 г., а осенью 81 г. поучаствовал в играх в качестве возничего (Ascon P. 88; 93 Cl.)[8]. Обращает на себя внимание, что уже тогда он обладал статусом сенатора (Ascon P. 93 Cl.), и это вызывает закономерный вопрос: когда, в таком случае, Антоний успел пройти квестуру?

Х. Муньис Коэльо предлагает решение, связанное с переносом дат: он считает, что Антоний исполнил данную магистратуру за один, два или три года до 81 г., а уже в 80 г. отправился в Грецию вместе с Долабеллой. Там он мог в самом деле командовать сулланской конницей (которая не переставала быть таковой даже

---

[4] Марк Антоний был консулом 99 г.: Broughton 1952, 1 (с указанием источников).

[5] Meier 1966, 229–230, Anm. 143; Keaveney 1984, 126 (А. Кивни высказывает эту гипотезу применительно к брату Антония – Марку).

[6] Из чего следует, что скорее всего он был префектом конницы: Broughton 1952, 61–62; Badian 1964, 82; Marshall 1985, 282, 293; Khrustalev 2012, 50; Moore 2013, 260; Keaveney 2018, 54. М. Гельцер называет Антония легатом (Gelzer 1985, 23), а В. Друман считает, что тот был военным трибуном или находился в составе преторской когорты (Drumann 1899, 390), хотя для подобных выводов источники, как представляется, не дают оснований. По мнению же С. Деймон и К. Маккея, Антоний не состоял в войске Суллы, а просто находился при нем, ибо, будь он в самом деле префектом конницы, Асконий бы так и написал, поскольку обычно он указывает должности, если они ему известны (Damon, Mackay 1995, 39). Однако в республиканское время поручение командовать конницей было по сути равнозначно назначению префектом, а потому данное предположение кажется не вполне обоснованным.

[7] Keaveney 2018, 54.

[8] Возможно, не только поучаствовал, но и одержал победу: Marshall 1985, 315.

в отсутствие самого Суллы), правда, префектом не был, поскольку это всадническая должность[9].

Однако эта версия выглядит неубедительно, поскольку порядок, в котором Цицерон награждает его различными обидными прозвищами – in exercitu Sullano praedonem, in introitu gladiatorem, in victoria quadrigarium, по логике должен был соответствовать последовательности действий самого Антония[10]. А кроме того, если Антоний прибыл в Город тогда, когда там проводились проскрипции, значит, до этого он отсутствовал. Резонно предположить, что причиной тому было его пребывание в Греции.

Ф. Сантанджело указывает на существование целой категории людей, о которых известно, что они были сенаторами в конце 80-х годов и в 70-е годы, но данных о прохождении ими магистратур не сохранилось, и потому по крайней мере некоторых из них мог ввести в сенат Сулла. К таковым исследователь среди прочих относит и Гибриду, хотя и оговаривает, что это лишь гипотеза, ибо никого из тех, кто в 81 г. попал в сенат благодаря Сулле, идентифицировать невозможно[11]. В случае с Антонием подобная осторожность представляется излишней, поскольку иных вариантов здесь и не остается. Если учесть, что после убийства отца Антоний присоединился к Сулле в Ахайе, то самое позднее, когда он мог стать квестором – в 87 г., но тогда родиться он должен был в 117-м, в крайнем случае – в 115 г. Поскольку же Цицерон, родившийся в 106 г., проходил все свои магистратуры suo anno, а претуру и консулат они с Антонием исполняли в один год, логично предположить, что они не сильно отличались друг от друга по возрасту, может быть, даже были ровесниками, иначе великий оратор обязательно отметил бы столь существенную разницу в годах, тем более что он хвастался, что помог Гибриде в достижении претуры (Ascon. P. 85; 92–93 Cl.). Следовательно, в 80-е годы Антоний был еще слишком молод для избрания в квесторы[12], а значит, включение его в сенат Суллой в обход данной магистратуры является единственным возможным объяснением наличия у него сенаторского статуса в 81 г.

Не исключено, что карьерному росту Антония диктатор способствовал в том числе и из пропагандистских соображений, желая подчеркнуть контраст между тем, как отнесся к своему союзнику из того же рода Марий и как возвышает его потомка, принявшего его сторону, он сам. Гибрида же отплатил ему публичной

---

[9] Muñiz Coello 2000, 329.

[10] Keaveney 2018, 55–56.

[11] Santangelo 2006, 17–19. При этом ученый пишет, что Гибрида точно был сенатором к 70 г. (p. 19), хотя, как говорилось выше, это произошло гораздо раньше – еще в 81 г.

[12] Именно поэтому мы склонны отвергнуть гипотезу Х. Хилла, который считает, что Антоний был одним из тех молодых представителей сенаторских семей, которые сами еще не исполняли должностей, но, присоединившись к Сулле до гражданской войны, лишили себя возможности делать сенаторскую карьеру при циннанцах и потому были первыми претендентами на включение в восстановленный Суллой сенат: Hill 1932, 175. Габба, анализируя взгляды Хилла на сулланский сенат и в отдельных случаях его исправляя, не обратил внимания на данное обстоятельство и не включил Антония в свои списки тех, кто с большей или меньшей вероятностью был введен в сенат Суллой: Gabba 1976, 59–67.

демонстрацией верности, приняв участие в ludi Victoriae (Sullanae) в качестве возничего, несмотря на то что для сенаторов такое поведение считалось позорным.

Отдельную проблему представляет вопрос об участии Антония в проскрипциях. Любопытно, что, хотя Цицерон называет Гибриду в этой связи гладиатором, т.е. по сути убийцей или головорезом, в убийствах проскриптов он его тем не менее не обвиняет, хотя об аналогичных действиях Катилины говорит много и подробно (Ascon. P. 84 Cl.). В ‘Commentariolum petitionis’ просто сказано, что Катилина и Антоний ambo a pueritia sicarii, но об убийствах, совершенных Катилиной, в дальнейшем рассказывается, а об убийствах Антония – нет. Кроме того, как известно, Катилина впоследствии предстал перед судом inter sicarios (Ascon. P. 90–91 Cl.), Антония же сия участь миновала. Все это наводит на мысль о том, что убийствами во время проскрипций Гибрида (по крайней мере лично) не занимался, а автор «Краткого наставления», возможно, имел в виду грабежи, которые Гибрида учинил в Греции и которые вполне могли сопровождаться насилием.

Высказывалось предположение, что Антоний обогатился за счет скупки имущества проскрибированных[13]. Правда, Б. Маршалл лишь постулирует это соображение, но не приводит никаких доказательств в его пользу, а Х. Муньис Коэльо обосновывает его тем, что после смерти Суллы имущество людей, нажившихся подобным образом, стали конфисковывать в судебном порядке и имущество Антония как раз было «внесено в списки» (Ascon. P. 84 Cl.; *Comm. Pet.* 8). Это не совсем верно: при сопоставлении данных источников видно, что автор «Краткого наставления» называет данную процедуру просто proscriptio bonorum (*Comm. Pet.* 8), зато Асконий более точен – он прямо пишет, что Гибрида «из-за множества долгов продал поместья» (Ascon. P. 84 Cl.: propter aeris alieni magnitudinem praedia manciparit), т.е. причиной, по которой ему пришлось расстаться с землями, был не судебный процесс, связанный с участием в проскрипциях, а долги. Впрочем, несмотря на ошибочное доказательство, гипотеза выглядит вполне правдоподобной. Если в убийствах Антоний замечен не был, но в проскрипциях каким-то образом участвовал, причем, судя по его поведению в Греции, а затем и в Македонии, не гнушался недостойными средствами обогащения, то вариант с покупкой имущества проскриптов позволяет объяснить, чем он вызвал к себе такую ненависть, что Цицерон в угоду слушателям назвал его гладиатором, приравняв тем самым к убийцам.

ПРОЦЕСС 76 г.

Дурное обхождение Антония с греками не осталось без последствий. В 76 г. греки[14] подали на него жалобу претору по делам перегринов Марку Теренцию Варрону Лукуллу, а вести их дело взялся Юлий Цезарь. Гибрида был привлечен к суду, однако обвинительного приговора не признал и подал апелляцию плебейским трибунам, поклявшись, что отрицает правомочность суда, ибо «не может пользоваться равными правами [с противной стороной]» (aequo iure uti non

---

[13] Marshall 1985, 302; Muñiz Coello 2000, 330.

[14] В «Кратком наставлении по соисканию» речь идет только об одном греке: iurantis se Romae iudicio aequo *cum homine Graeco* certare non posse (*Comm. Pet.* 8; курсив наш. – *Д. Д.*).

posset) (Ascon. P. 84 Cl.)[15]. Исход процесса неясен, так как точные указания на сей счет в источниках отсутствуют. М. Александер полагает, что Антоний все-таки был признан виновным[16], однако большинство исследователей склоняются к мысли о том, что ему удалось этого избежать[17], поскольку процесс, по-видимому, пришлось прервать по техническим причинам[18].

Могут возникнуть вопросы – почему греки столь долго ждали со своей жалобой и почему Цезарь решил им помочь. Х. Муньис Коэльо связывает это с датой возвращения Антония из Греции – по мнению ученого, он приехал в Рим примерно тогда же, когда и Долабелла, и Цезарь последовательно привлек к суду сначала одного, затем другого[19]. Однако, как было показано выше, столь поздняя датировка пребывания Антония в Греции выглядит маловероятной, а потому мы бы скорее согласились с теми учеными, которые полагают, что решающую роль здесь сыграло именно вмешательство Цезаря. Светоний пишет, что он дождался, пока будет подавлен мятеж Лепида, и решил обратить на себя внимание, инициировав процесс de repetundis против Долабеллы (Suet. *Iul*. 4). Однако подсудимый был оправдан, и тогда Цезарь попытался разыграть гамбит, перейдя к делу Антония[20].

Э.С. Грюэн придает большое значение политической подоплеке обоих дел, видя в них нападки на сулланскую политическую систему в лице ее представителей[21]. Однако, как показал А. Тейн, в данном случае Цезарь скорее просто преследовал собственные интересы, так как, во-первых, он уже в некотором роде достиг компромисса с новым режимом, а во-вторых, тогда каждый в той или иной степени мог считаться сулланцем и потому не стоит рассматривать процессы двух человек как выступление против системы в целом[22]. Таким образом, можно заключить, что лично против Гибриды или Долабеллы Цезарь ничего не имел, а просто хотел сделать себе имя и начал с судебных процессов против известных личностей, как часто поступали в таких случаях представители знатной римской молодежи (Cic. *Cael*. 73; Plut. *Luc*. 1; Apul. *Apol*. 66). Причем Антоний, судя по всему, был для него просто запасным вариантом, так как его дело, в отличие от знаменитого процесса Долабеллы, получило гораздо меньшую огласку и гораздо реже упоминается в источниках.

---

[15] Юридической стороне этого дела посвящено немало исследований. Поскольку данный вопрос выходит за рамки нашей статьи, мы не будем останавливаться на нем подробно. Отметим лишь, что наиболее убедительной нам представляется гипотеза С. Деймон и К. Маккея, предположивших, что поскольку Антония нельзя было осудить de repetundis, ибо во время совершения грабежей он не был магистратом, Лукулл предложил дать грекам фиктивное римское гражданство и таким образом перенести процесс в сферу гражданского права. Именно это и вызвало замечание Антония о том, что он не может судиться с греками на равных, и заставило его подать апелляцию против такого новшества: Damon, Mackay 1995, 47–51.

[16] Alexander 1990, 71–72.

[17] Drumann 1899, 390; Gruen 1966, 389; Damon, Mackay 1995, 48; Khrustalev 2012, 50.

[18] Thein 2019, 75.

[19] Muñiz Coello 2000, 329.

[20] Damon, Mackay 1995, 54.

[21] Gruen 1966, 387–389.

[22] Thein 2019, 76.

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ СЕНАТА

Как складывалась карьера Гибриды в течение следующих шести лет, неизвестно, но, судя по всему, в 70-е годы он все-таки прошел квестуру (ибо в противном случае не смог бы впоследствии претендовать на более престижные магистратуры). По-видимому, Антоний вел достаточно расточительный образ жизни, ибо оказался в таких долгах, что к 70 г. был вынужден продать имущество, чтобы их выплатить (Cic. *In tog. cand*. Fr. 7 apud Ascon. P. 87 Cl.; P. 84 Cl.). Впрочем, на этом его неприятности не закончились: в 70 г. его вместе с 63 другими patres исключили из сената (Liv. *Per.* XCVIII). А. Тейн полагает, что своих мест лишились преимущественно сулланские ставленники[23], но, судя по общему их числу и известным примерам, пострадали далеко не все выдвиженцы диктатора, а только наиболее одиозные из них, да и причиной их исключения явилась не политическая принадлежность, а безнравственное поведение[24]. В частности, Гибрида, как сообщает Асконий, был удален из сената за грабежи союзников, отвержение судебного приговора и за отсутствие собственности (Ascon. P. 84 Cl.). Что означает последнее положение, не вполне понятно. Б. Маршалл допускает, что Антоний мог не обладать достаточными средствами для того, чтобы иметь право состоять в сенате; в то же время ученый отмечает, что неясно, существовал ли в эпоху Республики формальный имущественный ценз для сенаторов[25]. С другой стороны, и это представляется более вероятным, мотовство и большие долги сами по себе могли дать повод цензорам для исключения из сената, и для этого им не требовалось никаких формальных юридических оснований. К тому же отсутствие собственности стало лишь одной из причин исключения Антония, а все они в совокупности носили скорее моральный характер, нежели юридический или политический.

ТРИБУНАТ И ПРЕТУРА

Эта неудача не помешала Антонию продолжить карьеру. Уже в 68 г. он смог вернуться в сенат, став народным трибуном[26], а в 67 г. был избран претором[27] на 66 г.

---

[23] Thein 2002, 175.

[24] Korolenkov, Smykov 2011, 202.

[25] Marshall 1985, 294.

[26] Lex Antonia и, соответственно, трибунат Гибриды датируются по-разному – от 72 до 68 г. В основном предпочтение отдается 68 г.: Broughton 1952, 138; Syme 1979, 561; Marshall 1985, 294; Brennan 2000, 450. С точки зрения интересующего нас сюжета в пользу более поздней датировки говорит то, что трибунат, судя по всему, нужен был Антонию главным образом для возвращения в сенат, ибо кроме закона о термессийцах, по которому граждане Термесса в Писидии за помощь в войне против Митридата получали привилегию «быть свободными друзьями и союзниками римского народа» (*CIL* I 589), он больше ничем в этой должности не отметился. Следовательно, до того, как его исключили, трибунат едва ли мог представлять для него интерес.

[27] Возможно, даже praetor urbanus: Broughton 1952, 151–152 (с указанием источников). Броутон исходит из того, что в год своей претуры Антоний устроил роскошные игры, и отождествляет их с ludi Apollinares. В. Друман полагает, что игры Антоний дал в качестве эдила (Drumann 1899, 391), но, как справедливо указывает Бреннан, эдилитет не вписывается в cursus honorum Гибриды, который, как мы видели, в 70 г. был исключен из сената, в 68 г. стал плебейским трибуном, а уже в 66 г. – претором. Фразу же Цицерона о том, что он «испытывал беспокойство» из-за устроенных Антонием

В этой связи автор «Краткого наставления по соисканию» бросает загадочную фразу о том, что Гибрида, которого in praetura competitorem habuimus, amico Sabidio et Panthera, cum ad tabulam quos poneret non haberet (*Comm. Pet.* 8). Смысл данного высказывания зависит от перевода слова tabula. Одни ученые считают, что имеются в виду аукционные таблички и, соответственно, речь идет не только о дружбе Антония с некими Сабидием и Пантерой, но и об отсутствии у него рабов, которых он мог бы выставить для продажи[28]. Другие полагают, что под tabula подразумеваются таблички для подсчета голосов на выборах, т.е. в упрек Антонию ставится лишь то, что при внесении его имени в списки кандидатов его свидетелями выступали только Сабидий и Пантера[29]. Впрочем, существует достаточно радикальная гипотеза, выдвинутая Й. Плачеком, который считает, что никаких Сабидия и Пантеры не было, а текст дошел до нас в искаженном виде и на самом деле должен читаться следующим образом: in praeturae petitione maluit amicos abdere et clam habere, cum ad tabulam quos poneret non haberet[30], – т.е. «при соискании претуры он предпочел скрыть друзей и держать их втайне, так как не имел таких, [чьи имена] мог поместить на таблички».

Какому из вариантов перевода следует отдать предпочтение? Трактовка Плачека, насколько нам известно, в литературе не обсуждалась. Первая версия представляется не вполне корректной, поскольку в латинском тексте отсутствует слово, которое обозначало бы рабов[31] и было бы связано с табличками, а без него рушится вся конструкция, даже несмотря на продолжение фразы, где речь идет о том, что после получения магистратуры Антоний все-таки купил себе рабыню (quo tamen in magistratu amicam quam domi palam haberet de machinis emit). Й. Плачек понимает это указание в том смысле, что Антоний дружил с «неприличными» людьми, но на время выборов ему пришлось от них дистанцироваться, чтобы другие от него не отвернулись; зато стоило ему получить магистратуру, как он сразу показал свое истинное лицо, связавшись с рабыней[32]. Эту интерпретацию трудно признать удовлетворительной: учитывая, что автор «Краткого наставления», кем бы он ни был, в данном фрагменте убеждает великого оратора не бояться Катилину и Антония и расписывает слабость их позиций, резонно было бы ожидать, что он скажет не о дурновкусии Антония, а о чем-то более существенном, тем более что Цицерон потом утверждал, будто Антоний, если бы не его помощь, занял бы на этих выборах последнее место (Ascon. P. 85; 92–93 Cl.). Было бы странно, если бы автор «Краткого наставления» пропустил этот момент. Кроме того, стоит отметить, что и предлагаемая Й. Плачеком правка текста, на наш взгляд, слишком

игр (Cic. *Mur.* 40), на которой строят свои доказательства сторонники теории об эдилитете (ибо Цицерон, будучи в 69 г. эдилом, тоже давал игры), следует рассматривать в контексте борьбы за консулат 63 г.: Brennan 2000, 450. К этому можно добавить, что данная магистратура, как известно, не была обязательной.

[28] Platschek 2014, 598, Anm. 4 (с библиографией). Аналогичным образом понимает данную фразу и В.О. Горенштейн.

[29] Platschek 2014, 605, Anm. 10 (с библиографией).

[30] Platschek 2014, 605.

[31] Platschek 2014, 598–599.

[32] Platschek 2014, 605–606.

масштабна, чтобы быть оправданной. Более логичным и точным выглядит вариант перевода с сохранением упоминания о Сабидии и Пантере как свидетелях Антония, ибо он и соответствует форме исходного текста, и делает инсинуацию более серьезной: из него следует не только то, что сам Гибрида был неразборчив в связях, но и то, что никто из порядочных людей не желал иметь с ним дело, вследствие чего для карьеры ему пришлось воспользоваться услугами сомнительных личностей (при этом не важно, кем они были – достаточно того, что, судя по тексту, репутация у них была плохая), а для личной жизни – купить рабыню.

СВЯЗИ С НОБИЛИТЕТОМ

Впрочем, факты свидетельствуют о том, что писавший это ошибался или, что более вероятно, намеренно искажал действительность: могущественные друзья у Антония явно были, иначе его карьерный рост вряд ли оказался бы настолько быстрым и успешным. Если «Краткое наставление» написал сам Марк Цицерон[33], то вполне может быть, что он просто хотел преувеличить собственные заслуги и для этого изобразил положение Антония гораздо худшим, чем оно было на самом деле[34]. О настоящих же «друзьях» Гибриды он мог умолчать еще и потому, что, поскольку они были людьми влиятельными (причем скорее всего сулланцами), портить с ними отношения ему было невыгодно. Х. Муньис Коэльо выдвигает логичное предположение, что это Красс оказывал Антонию поддержку на всем протяжении 60-х годов[35]. И хотя Асконий намекает на его содействие Гибриде лишь во время борьбы за консулат, не исключено, что Марк Лициний помогал ему и в получении претуры – особенно если Антоний был его должником и производил впечатление перспективной кандидатуры.

Стоит также обратить внимание на родственные связи Гибриды. Юлия – сестра консула 64 г. Луция Юлия Цезаря была замужем за братом Антония, а когда тот умер, на ней женился Публий Корнелий Лентул Сура (Plut. *Ant*. 2.1) – консул 71 г.[36] и бывший сулланец, который так же, как и Гибрида, в 70 г. был исключен из сената (Dio Cass. XXXVII. 30; Plut. *Cic*. 17), но столь же быстро смог восстановить свое положение. Надо полагать, подобные альянсы в известной степени приближали Гибриду к правящей группе нобилитета, а также, возможно, и к потенциальным заговорщикам. По крайней мере Лентул впоследствии, как известно, стал одним из руководителей катилинариев и был за это казнен.

Что же касается самого Катилины, то Саллюстий пишет, что Антоний был его familiaris (Sall. *Cat*. 21. 3), из чего следует, что их дружба, если таковая в самом деле имела место (ибо в других источниках на сей счет ничего не говорится), носила личный, а не политический характер.

---

[33] Обоснование данной точки зрения см., например, Vainio *et al.* 2019, 37.
[34] Moore 2013, 262.
[35] Muñiz Coello 2000, 331.
[36] Broughton 1952, 121.

БОРЬБА ЗА КОНСУЛЬСТВО НА 63 г.

По завершении претуры и Антоний, и Цицерон отказались от управления провинциями и, по-видимому, стали готовиться к консульским выборам на 63 г. Антоний подошел к этой проблеме со всей серьезностью и, вместо того чтобы остаться в Риме и «умолять римский народ», предпринял некую служебную поездку, в ходе которой, как язвительно замечает автор «Краткого наставления», «предпочел ограбить всех трактирщиков» (*Comm. Pet.* 8: in petitione autem consulatus caupones omnis compilare per turpissimam legationem maluit quam adesse et populo Romano supplicare). Эту фразу можно понимать по-разному. Некоторые ученые считают, что вместо caupones в тексте должно быть caupodoces или Cappadoces, т.е. «каппадокийцы», и тогда получается, что Антоний отправился в качестве легата в провинцию, подведомственную другому командующему – в данном случае Помпею[37], чтобы получить возможность расплатиться с кредиторами[38]. Однако эта гипотеза представляется нам недостаточно аргументированной, к тому же из источника не следует, что цель поездки была связана с финансами. Более логичной, на наш взгляд, является версия о том, что поездка Антония представляла собой legatio libera, т.е. попытку найти себе сторонников в муниципиях[39].

Обстоятельства предвыборной борьбы неоднократно обсуждались в историографии, поэтому здесь мы лишь вкратце их обозначим. Как известно, кандидатов было семь, но шансы на победу имели лишь трое – Цицерон, Антоний и Катилина. Антоний заключил союз с Катилиной, а Красс и Цезарь, если верить Асконию, поддержали их обоих (Ascon. P. 83 Cl.).

Стремясь достигнуть цели, Цицерон не жалел слов, чтобы очернить своих соперников. В частности, про Антония он заявил, что тот будто бы похвалялся своим намерением организовать восстание, задействовав в нем своих рабов-пастухов (Ascon. P. 87 Cl.). Конечно, маловероятно, чтобы Гибрида мог публично сказать такую глупость, да еще и накануне выборов, так что, возможно, Цицерон либо просто неверно интерпретировал его слова[40] (умышленно или нет – вопрос отдельный), либо сам додумал причинно-следственную связь имеющихся фактов и выразил ее вслух. Во всяком случае, источники ничего не сообщают об использовании пастухов или гладиаторов в насильственных целях перед выборами.

Дело кончилось тем, что Цицерон получил голоса всех центурий, а за Антония проголосовало всего лишь на несколько центурий больше, чем за Катилину, и в результате он стал вторым консулом[41]. Античные авторы единодушно пишут

---

[37] Bücheler 1869, 29; Brennan 2000, 400, 450. Броутон находит предложенную Ф. Бюхелером правку интересной, но отмечает, что ее следовало бы лучше обосновать: Broughton 1952, 161, n. 4.

[38] Brennan 2000, 450. По мнению же Бюхелера, Антоний отправился в Каппадокию, чтобы уладить там дела после восстановления на престоле Ариобарзана: Bücheler 1869, 29–30.

[39] Tyrrell, Purser 1904, 158; Till 1962, 325; Muñiz Coello 2000, 334.

[40] Х. Муньис Коэльо пишет, что Антоний как бывший сулланец не чувствовал себя в безопасности и держал вооруженную челядь для защиты: Muñiz Coello 2000, 330. Возможно, нечто подобное говорил и сам Гибрида, а Цицерон извратил высказывания последнего, превратив его в потенциального агрессора.

[41] Ascon. P. 94 Cl.; App. *BC*. II. 5; Liv. *Per*. CII.

о том, что в самом начале консулата – очевидно, в январе – Цицерон поменялся с Антонием назначенными им по жребию провинциями. В результате ему самому досталась бедная Цизальпинская Галлия, а Антонию – богатая Македония, за счет которой он мог бы решить свои финансовые проблемы[42]. В историографии этот шаг иногда рассматривается как удачная превентивная мера, предпринятая Цицероном для удержания коллеги от участия в заговоре Катилины[43]. Однако в то время заговора еще не существовало[44], так что у Цицерона не было оснований его опасаться[45], как бы ни старался он впоследствии доказать обратное[46], а потому данное предположение представляется маловероятным. Согласно иной точке зрения, соглашение носило исключительно финансовый характер, поскольку великий оратор присмотрел себе роскошный дом на Палатине и надеялся за счет предоставления коллеге богатой провинции получить от него крупную сумму, чтобы иметь возможность купить предмет своих мечтаний[47]. Однако это также маловероятно, поскольку известно, что для покупки дома Цицерону пришлось занять более половины требуемой суммы (Cic. *Fam.* V. 6. 2) у своего подзащитного Публия Корнелия Суллы (Gell. *Noct. Att.* XII. 12. 2)[48], причем, возможно, под проценты. К тому же политическая ситуация на момент обмена провинциями была достаточно непростой для великого оратора, и в источниках сообщается, что основной его целью было сделать так, чтобы Антоний ему не мешал. При этом, правда, не уточняется, распространялось ли данное условие на всю их совместную деятельность в течение консулата или только на какое-то определенное предприятие. Посему представляется, что обмен провинциями был связан

---

[42] Cic. *Leg. agr.* I. 25. II. 103; *Fam*. XV. 4. 13; Sall. *Cat*. 26. 4; Plut. *Cic*. 12. 4. Лишь Дион Кассий утверждает, что соглашение между Цицероном и Антонием было заключено после отъезда Катилины из Города: Dio Cass. XXXVII. 33. 4. Однако это противоречит словам самого оратора, который в первой речи о земельном законе намекает на возможность сделки, а уже во второй дает понять, что она заключена: Allen 1952, 235.

[43] Например, Klebs 1894, 2579; Kaster 2006, 129; Vacanti 2018, 129. Формулировка М. Гельцера более осторожна – он говорит о стремлении Цицерона ослабить «тесную связь» Антония с Катилиной: Gelzer 1939, 865.

[44] О том, что до поражения на выборах на 62 г. Катилина не собирался организовывать заговор, см., например, John 1876, 754–755.

[45] Существует точка зрения, что Цицерон просто хотел удержать Антония от поддержки Катилины на выборах на 62 г.: John 1876, 754. Однако из речи за Мурену следует, что накануне выборов Гибрида пообещал Катилине что-то, что очень того воодушевило (Cic. *Mur.* 49),– очевидно, как раз свою поддержку, и Цицерону было об этом известно. Поскольку же договор с Антонием он не расторг, можно предположить, что вопрос о содействии Катилине не входил в условия их сделки.

[46] Например, в речи против Пизона (Cic. *Pis.* 5), на фразе из которой, очевидно, и основывается данная точка зрения. Однако указанная речь относится к 55 г., и к тому времени ничто не мешало Цицерону задним числом представить все так, будто благодаря этой сделке ему удалось удержать Антония именно от сотрудничества с Катилиной.

[47] Khrustalev 2012, 55, прим. 26.

[48] Таким образом, как верно отмечает П. Буонджорно, покупка Цицероном дома была скорее одним из следствий сделки с Антонием, нежели ее причиной: Buongiorno 2010, 29, n. 2.

главным образом с готовившимся в это время (даже еще до консульских выборов) законопроектом Рулла (Plut. *Cic*. 12. 2–4)[49], который был чрезвычайно опасен для Цицерона и, напротив, выгоден для Антония в том случае, если бы ему удалось войти в состав комиссии десяти. В пользу данной версии свидетельствуют слова самого оратора, который во Второй речи об аграрном законе описывал свои успехи в противостоянии Руллу как достигнутые «на основании согласия с коллегой» (Cic. *Leg. Agr.* II. 103)[50]. Кроме того, именно в этом деле Гибрида действительно сохранил нейтралитет и не мешал Цицерону, тогда как во время других событий его поведение, судя по косвенным признакам, было несколько менее благожелательным по отношению к коллеге, хотя если бы договор касался их деятельности на протяжении всего консулата, в его интересах было бы его соблюдать.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА КОНСУЛАТА

После обещанного невмешательства в борьбу вокруг законопроекта Рулла Гибрида, по словам Диона Кассия, поддержал ряд провокационных инициатив различных трибунов, один из которых даже предложил отмену долгов – меру, которая впоследствии станет основным пунктом предвыборной агитации Катилины и в которой Антоний был лично заинтересован. Однако Цицерону и его политическим единомышленникам удалось пресечь реализацию этих предложений (Dio Cass. XXXVII. 25. 4).

Не исключено, что и в деле Рабирия Антоний мог некоторым образом посодействовать своим родственникам в ущерб коллеге. Ведь Лабиену, пусть даже после жарких дебатов в сенате и при поддержке Цезаря, все-таки удалось провести предложение о том, чтобы дело рассматривалось в соответствии со старинной процедурой, т.е. чтобы praetor urbanus назначил duoviros perduellionis, которые получат право выносить приговор (Dio Cass. XXXVII. 27; Cic. *Rab. Perd*. 11–12, 17). В этой связи сразу возникает вопрос: почему Цицерон как консул это допустил? Нам представляется весьма правдоподобной гипотеза М. Гельцера, который осторожно замечает, что переговоры в сенате, возможно, вел не Цицерон, а Антоний[51]. К тому же П. Виллемс показывает, что скорее всего консул не имел права мешать своему коллеге, если тот намеревался созвать сенат или же выступить перед ним с докладом[52].

---

[49] Вероятно, Плутарх ошибается, когда говорит, что в то же время Цицерон отказался и от собственной провинции. Скорее всего это произошло уже в мае 63 г., поскольку великий оратор хотел, чтобы Цизальпийскую Галлию в качестве преторской провинции получил Метелл Целер (Cic. *Fam*. V. 2. 3). Ему это было нужно для того, чтобы в 62 г. эта стратегически важная провинция оказалась в руках надежного человека на тот случай, если консулом на 62 г. все-таки выберут Катилину: Allen 1952, 236–239. Если Цицерон в самом деле рассматривал возможность победы Катилины на следующих выборах и по этой причине столь поздно отказался от провинции, то это может служить дополнительным аргументом в пользу того, что в начале своего консулата он не опасался угрозы со стороны Катилины и нейтралитет Антония нужен был ему совсем для других целей.

[50] Manuwald 2018, 416–417.

[51] Gelzer 1939, 870.

[52] Willems 1883, 127.

Если это в самом деле было так, то, вероятно, именно по этой причине Цицерон и не смог воспрепятствовать принятию предложения Лабиена.

Таким образом, мы видим, что в течение первой половины совместного с Цицероном консулата Антоний не всегда шел в фарватере политики коллеги – впрочем, ничто его к этому и не обязывало. Он шел на компромисс лишь в том случае, если с ним достигали договоренность, но в остальном действовал, исходя из личных побуждений.

Подведем итоги. Думается, что карьерные успехи Антония были во многом обусловлены его происхождением, а также связями с Суллой и с высокопоставленными сулланцами, хотя нельзя сказать, что он пользовался большим влиянием. При этом сулланское прошлое, как представляется, не имело отрицательных последствий для карьеры Гибриды, а его неудачи объяснялись не враждебностью какой-либо группировки к нему лично, а объективными причинами и политическими традициями.

Не исключено, но недоказуемо, что во время проскрипций Антоний мог заниматься скупкой имущества проскрибированных, однако в убийствах скорее всего не участвовал, а слова Цицерона и автора «Краткого наставления по соисканию», прямо или косвенно на это указывающих, по-видимому, либо относятся к его деятельности в Греции (ибо грабежи вполне могли сопровождаться насилием), либо, как и фраза Цицерона о намерении Антония использовать рабов-пастухов для организации восстания, являются характерным для инвективы искажением действительности.

Соглашение же о провинциях, заключенное им с Цицероном, скорее всего было инициировано оратором главным образом для того, чтобы заручится нейтралитетом коллеги в ходе борьбы вокруг законопроекта Рулла. В прочих делах во время их совместного консулата Гибрида нейтралитет уже не соблюдал, а все его действия, задевавшие интересы оптиматов, которые отстаивал Цицерон, были, по-видимому, обусловлены родственными связями или соображениями личной выгоды.

Литература / References

Alexander, M.C. 1990: *Trials in the Late Roman Republic, 149 BC to 50 BC*. Toronto.

Allen, W. Jr. 1952: Cicero's provincial governorship in 63 B.C. *Transacations and Proceedings of the American Philological Association* 83, 233–241.

Badian, E. 1964: *Studies in Greek and Roman History*. Oxford.

Brennan, C.T. 2000: *The Praetorship in the Roman Republic*. Vol. I–II. New York.

Broughton, T.R.S. 1952: *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. *99 BC-31 BC*. New York.

Buongiorno, P. 2010: "Teukris". Alle radici di uno pseudonimo dell'epistolario ciceroniano. *Latomus* 69/1, 29–37.

Bücheler, F. (ed.) 1869: *Quinti Ciceronis Reliquiae*. Lipsiae.

Damon, C., Mackay, Ch. 1995: On the prosecution of C. Antonius in 76 B.C. *Historia* 44/1, 37–55.

Drumann, W. 1899: *Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung*. Bd. I. 2. Aufl. Berlin.

Gabba, E. 1976: *Republican Rome, the Army and the Allies*. Trans. by P.J. Cuff. Berkeley–Los Angeles.

Gelzer, M. 1939: Tullius (29). In: *RE* II. Reihe. Hlbd. 13, 827–1021.

Gelzer, M. 1985: *Caesar: Politician and Statesman*. Trans. by P. Needham. Cambridge.

Gruen, E.S. 1966: The Dolabellae and Sulla. *American Journal of Philology* 87/4, 385–399.

Hardouin, J. (ed.) 1831: *Caii Plinii Secundi Historia naturalis ex recensione I. Harduini et recentiorum adnotationibus*. T. 3. Torino.

Hill, H. 1932: Sulla's New Senators in 81 BC. *Classical Quarterly* (N.S.) 26, 170–177.
John, C. 1876: *Die Entstehungsgeschichte der Catilinarischen Verschwörung; ein Beitrag zur Kritik des Sallustius. Besonderer Abdruck aus dem achten Supplementbande der Jahrbücher für classische Philologie*. Leipzig.
Kaster, R.A. (ed.) 2006: *Cicero's Speech on Behalf of Publius Sestius. Translated with Introduction and Commentary*. New York.
Keaveney, A. 1984: Who were the Sullani? *Klio* 66, 114–150.
Keaveney, A. 2018: Notes on the First Mithridatic War in Macedonia and Greece. *Syllecta Classica* 29, 29–65.
Khrustalev, V.K. 2012: [Gaius Antonius Hybrida, Macedonian proconsul, on trial in 59 BC]. *Problemy istorii, filologii i kultury* [*Problems of History, Philology and Culture, Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 35/1, 49–61.
Хрусталев, В.К. К вопросу о суде над проконсулом Македонии Гаем Антонием Гибридой в 59 г. до н.э. *Проблемы истории, филологии, культуры* 35/1, 49–61.
Klebs, E. 1894: Antonius 19. In: *RE*. Bd. I, 2, 2577–2582.
Korolenkov, A.V., Smykov, E.V. 2011: [Sulla and elites (an essay on the most recent literature)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 194–203.
Короленков, А.В., Смыков, Е.В. Сулла и элиты (из новейшей литературы). *ВДИ* 2, 194–203.
Manuwald, G. (ed.) 2018: *Cicero: Agrarian Speeches. Introduction, Text, Translation, and Commentary*. Oxford.
Marshall, B. 1985: *A Historical Commentary on Asconius*. Columbia.
Meier, Chr. 1988: *Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik*. Berlin.
Moore, L. Ch. 2013: *Ex senatu eiecti sunt: Expulsion from the Senate of the Roman Republic, c. 319–50 BC.* PhD Thesis, University College London. URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1407932/
Muñiz Coello, J. 2000: La carrera política de C. Antonio Hybrida, consul del 63 a. C. *Hispania Antiqua* 24, 319–*338.*
Platschek, J. 2014: Die Freunde des C. Antonius Hybrida. Versuch über Q. Cicero, Commentariolum petitionis 8. In: J. Hallebeek, M.J. Schermaier, R. Fiori, E. Metzger, J.P. Coriat (eds.), *Inter cives necnon peregrinos. Essays in honour of Boudewijn Sirks.* Göttingen, 597–606.
Santangelo, F. 2006: Sulla and the senate: a reconsideration. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 17, 7–22.
Syme, R. 1979: Ten Tribunes. In: R. Syme, *Roman Papers.* Ed.E. Badian. Vol. II. Oxford, 557–565.
Thein, A. 2002: *Sulla's Public Image and the Politics of Civic Renewal.* PhD Thesis, University of Pennsylvania. URL: https://www.proquest.com/docview/305503682; accessed on: 3.05.2022
Thein, A. 2019: Dolabella's naval command. In: A. Eckert, A. Thein (eds.), *Sulla. Politics and Reception*. Berlin–Boston, 71–88.
Till, R. 1962: Ciceros Bewerbung ums Konsulat (ein Beitrag zum commentariolum petitionis). *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 11/3, 315–338.
Tyrrell, R.Y., Purser, L. Cl. (eds.) 1904: *The Correspondence of M. Tullius Cicero: Arranged According to its Chronological Order*; *with a Revision of the Text, a Commentary, and Introductory Essays.* Vol. I. Dublin.
Vacanti, C. 2018: *I Catilinari. Progetto di una congiura*. Napoli.
Vainio R., Vlimki R., Vesanto A., Hella A., Ginter F., Kaartinen M., Immonen T. *2019: Reconsidering authorship in the Ciceronian corpus through computational authorship attribution. Ciceroniana online III/1, 15–48.*
Willems, P. 1883: *Le sénat de la République romaine, sa composition et ses attributions.* Vol. I. Paris.

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 360–368
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 360–368
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910014051-9

КОНСУЛЬСКИЕ ВЫБОРЫ 82 г. до н.э.

А. В. Короленков[1], В. К. Хрусталёв[2]

[1] *Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия*
[2] *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург*;
Псковский государственный университет, Псков, Россия

[1] *E-mail*: sallust@list.ru [2] *E-mail*: vyacheslav2511@gmail.com

[1] *ORCID*: 0000-0002-3628-2754 [2] *ORCID*: 0000-0002-3174-9028

В статье рассматриваются первые выборы во время господства Суллы, состоявшиеся в 82 г. до н.э. По мнению авторов, именно тогда был убит по приказу Суллы Квинт Лукреций Афелла за отказ снять свою кандидатуру. По-видимому, он был преторием, а не простым всадником, как считает большинство ученых. Авторы пытаются выяснить, почему избраны оказались Гней Корнелий Долабелла и Марк Туллий Декула, а не более знатные и/или заслуженные Квинт Метелл Пий, Публий Сервилий Ватия и Аппий Клавдий Пульхр. По-видимому, они не желали быть сугубо зависимыми фигурами при Сулле. Скорее всего они не сомневались, что смогут стать консулами, когда захотят (это вскоре и произошло). В то же время Долабелла и Декула готовы были стать консулами при любых обстоятельствах, чего и добились. Сулла не отдал приказа избрать именно их, но и не препятствовал им быть избранными, поскольку они вполне устраивали его.

Ключевые слова: диктатура Суллы, консульские выборы, Луций Корнелий Сулла, Гней Корнелий Долабелла, Марк Туллий Декула

THE CONSULAR ELECTIONS OF 82 B.C.

Anton V. Korolenkov[1], Wjatscheslaw K. Chrustaljow[2]

[1] *State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia*
[2] *Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia*;
Pskov State University, Pskov, Russia

[1] *E-mail*: sallust@list.ru [2] *E-mail*: vyacheslav2511@gmail.com

Данные об авторах. Антон Викторович Короленков – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ГАУГН; Вячеслав Константинович Хрусталёв – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена; научный сотрудник ПсковГУ.

The article is devoted to the first consular elections under Sulla's rule, which took place in 82 B.C. In the authors' view, that is when Lucretius Afella was killed on Sulla's order for his refusal to withdraw his candidacy. They argue that Afella was an ex-praetor rather than a mere equestrian as most researchers believe. The authors attempt to ascertain why it was Cn. Cornelius Dolabella and M. Tullius Decula who won the elections and not Q. Metellus Pius, P. Servilius Vatia or Ap. Claudius Pulcher, who were more distinguished and/or noble. Presumably, the latter three persons did not want to be fully dependent on Sulla during his dictatorship. They might not have doubted they would become consuls whenever they wanted to (and that did happen when they were elected a little later). As regards Dolabella and Decula, figures of the second rank, they were eager to become consuls by any means, and so they did. Sulla did not order the centuriate assembly to elect them, yet he did not prevent them from being elected.

Keywords: Sulla's dictatorship, consular elections, Lucius Cornelius Sulla, Gnaeus Cornelius Dolabella, Marcus Tullius Decula

В битве у Коллинских ворот 1 ноября 82 г.[1] войска Суллы нанесли решающее поражение марианцам и их италийским союзникам. Суллу провозгласили диктатором. Вскоре оба консула, Гай Марий Младший и Гней Папирий Карбон, погибли[2]. Консулами на следующий, 81, год были избраны Гней Корнелий Долабелла и Марк Туллий Декула[3].

В историографии эти факты обычно просто констатируются, а между тем с ними связано немало любопытных обстоятельств. Прежде всего обращает на себя внимание то, что ни Марию, ни Карбону после их гибели не избрали преемника – суффекта. По-видимому, именно тогда[4], а не в следующем году[5], как нередко считается, попытался стать консулом Квинт Лукреций Афелла (Офелла)[6], который, если верить Аппиану (*BC*. I. 101), не был даже сенатором (ἔτι ἱππέα ὄντα, πρὶν ταμιεῦσαι καὶ στρατηγῆσαι). Он дважды проигнорировал приказ диктатора снять свою кандидатуру, за что и был убит по его распоряжению прямо на Форуме центурионом Луцием Беллиеном[7]. Однако, согласно сообщению Веллея Патеркула (II. 27. 6), Афелла, который прежде принадлежал к марианской «партии», уже занимал должность претора (cum ante Marianarum fuisset partium praetor). Поэтому некоторые авторы полагают, что причиной гнева Суллы стало несоблюдение им предусмотренного lex annalis двухлетнего интервала (biennium)

---

[1] Все даты в статье – до н.э.

[2] Liv. *Per.* 88–89; App. *BC*. I. 94; 96; Gabba 1958, 235.

[3] Broughton 1952, 74 (с указанием источников).

[4] Lange 1871, 152; Fröhlich 1900, 1556–1557; Last 1932, 285; Seager 1994, 200; Brennan 2000, 384; Lundgreen 2011, 114, 317; Steel 2013, 107–108; Syme 2016, 58.

[5] Neumann 1881, 622; Mommsen 1887, I, 539, Anm. 1; Münzer 1927, 1687; Schur 1942, 206; Hinard 1985, 239–240; Keaveney 2005, 164; Fündling 2010, 150; Rosillo-López 2019, 65.

[6] Источники дают два варианта его когномена. Обоснование в пользу принятой нами формы Afella см. Heraeus 1934, 63–65.

[7] Источники см. Münzer 1927, 1687. Действия Суллы напоминают легендарную историю об убийстве в 439 г. Спурия Мелия Гаем Сервилием Агалой по приказу также бывшего диктатором Луция Квинкция Цинцинната (Fröhlich 1900, 1557).

между претурой и консулатом[8]. Обычно принимается, впрочем, версия Аппиана[9], а указание на претуру в тексте Веллея считается результатом ошибки[10]. А. Кивни отстаивает высказывавшееся издателями Веллея мнение, что под претором в этом месте понимается просто военачальник, и тогда противоречие между сообщениями римского и греческого авторов снимается[11].

Тем не менее трудно представить, чтобы Афелла решился на такую авантюру, как попытка добиться консулата, без предварительного исполнения даже квестуры – это слишком напоминало бы поведение им же разгромленного Мария Младшего. На то, что он ранее исполнял какие-то магистратуры, может косвенно указывать следующее сообщение Цицерона (*Brut*. 178): Афелле лучше удавались речи на contiones, чем в суде. Хотя частные лица тоже могли выступать на народных сходках, но Лукреций, коль скоро о нем составили определенное мнение как об ораторе, выступал на них не раз, а на это имел преимущественное право созывавший contio магистрат. Кроме того, даже если организаторы сходок решали, как это иногда делалось, дать слово частным лицам, такую возможность, да еще неоднократно, они скорее предоставили бы сенатору, а не простому всаднику. Если Афелла, домогаясь консулата, каким-либо образом нарушал закон Виллия, Сулла как председательствующий на выборах[12] мог отказаться одобрить его кандидатуру[13], чего, однако, не сделал: последний, не считая Лукреция достойным консулата,

---

[8] Sumner 1973, 106–107; Brennan 2000, 382, 384.

[9] Lange 1871, 152; Mommsen 1887, I, 539, Anm. 1; Fröhlich 1900, 1556; Schur 1942, 206; Sumner 1973, 107; Nicolet 1974, 206; Hinard 1985, 239; Keaveney 2005, 164; Lundgreen 2011, 72, 81, 317; Rosillo-López 2019, 65.

[10] См. Münzer 1927, 1686 (результат повтора из-за соседства слов partium, proditor или, что менее вероятно, fautor). Но с таким же успехом можно поставить под сомнение, например, характеристику Веллеем Марка Перперны как praetorius e proscriptis (II. 30. 1), также усмотрев здесь диттографию.

[11] Keaveney 2003, 85–86. Однако примеров использования слова praetor для обозначения военачальника вообще, независимо от его ранга, в статье не приводится. В подобном широком смысле термин praetor в эпоху Республики и Раннего принципата употреблялся только для обозначения должности наместника провинции (см. Mommsen 1887, II, 240–241. Anm. 5), которым Афелла, очевидно, не был.

[12] К. Росильо-Лопес замечает, что нам неизвестно, кто председательствовал на консульских выборах 82 г. (Rosillo-López 2019, 66). Однако предположение, что это был именно Сулла (Vervaet 2004, 41, n. 14), представляется наиболее правдоподобным: после гибели консулов Мария и Карбона провести выборы мог либо интеррекс, либо диктатор, но об избрании других интеррексов, помимо Луция Валерия Флакка, источники не сообщают.

[13] См. Rosillo-López 2019, 63. Конечно, это не означает, что в таком случае Афелла непременно отказался бы от соискания, но то, что Сулла даже не попытался использовать такой инструмент, показателен – вероятно, у него просто не было для этого формальных оснований. О том, что возможности председательствующего на консульских выборах по своему произволу не допустить неугодного ему кандидата к соисканию или воспрепятствовать его избранию были серьезно ограничены, см. в первую очередь Rilinger 1976.

просто воспользовался диктаторской властью[14]. Судя по всему, Афелла действовал как человек, полностью уверенный в своем праве, да и возмущение сторонников последнего легче понять, если они считали его действия вполне легитимными – потому-то диктатору и пришлось объяснять свой поступок[15]. Вполне возможно, что Аппиан в данном случае опирался на просулланский источник, который, чтобы оправдать убийство Афеллы[16], изобразил его простым всадником[17] и тем самым нарушителем всех норм. И хотя рассказ александрийского историка о диктатуре Суллы в целом довольно точен[18], в таком сугубо второстепенном вопросе, как почти никому не известная карьера победителя Пренесты, он вполне мог положиться на недостоверное сообщение, сочтя его логичным и правдоподобным.

Так или иначе, Афелла был убит. В пользу датировки его гибели 82 г. говорят два обстоятельства. Во-первых, если бы он выдвинул свою кандидатуру в консулы на 80 г., ему пришлось бы состязаться с Суллой и Метеллом Пием[19], что выглядело бы явной дерзостью и гарантировало провал. Во-вторых, его главным известным нам козырем на выборах[20] было взятие им Пренесты – главного очага марианского сопротивления в Италии после битвы у Коллинских ворот, и наиболее вероятно, что Афелла стал бы бороться за консулат, пока память об этом успехе была еще свежа[21]. Вряд ли убийство

---

[14] О том, что Сулла был назначен диктатором sine provocatione и потому имел право по своему усмотрению казнить без суда любого римского гражданина, в контексте данного эпизода см. Vervaet 2004, 51–56.

[15] Ф. Инар пишет, что Сулла представил свой поступок как строгое следование закону (stricte application de la loi constitutionelle), только что утвержденному комициями (Hinard 1985, 239; также см. Vervaet 2004, 48, n. 39), т.е. lex annalis. Однако в источниках ничего подобного не говорится. К. Росильо-Лопес также ошибочно утверждает, будто Аппиан пишет, что Афелла действовал вопреки «неназванному новому закону» (Rosillo-López 2019, 66). Однако этот new law имеется лишь в переводе Г. Уайта для ‘Loeb Classical Library’ (White 1964, 187), а не в древнегреческом тексте: Аппиан (*BC*. I. 101) говорит только, что Сулла пытался помешать Афелле и убедить его отступиться от соискания, но, не сумев сделать это, убил его прямо посреди Форума (ἐπεὶ κωλύων καὶ ἀνατιθέμενος οὐ μετέπειθεν, ἐν ἀγορᾷ μέσῃ κτεῖναι), а затем пишет о выступлении Суллы перед народом и пересказывает басню о земледельце и вшах.

[16] Вполне возможно, что к нему же восходит сцена у Плутарха (*Sull*. 33. 5), когда Афелла врывается с толпой приверженцев на Форум (ἐκεῖνος ὑπὸ πολλῶν σπουδαζόμενος εἰς τὴν ἀγορὰν ἐνέβαλε), т.е. выглядит как seditiosus.

[17] Это могло подразумевать его принадлежность к семье, где прежде не было сенаторов.

[18] Keaveney 2003, 85.

[19] Э. Габба на этом основании относит роковые для Афеллы выборы и вовсе к 80 г. (Gabba 1958, 277; с ним склонен согласиться К. Николе: Nicolet 1974, 206), считая, что за короткий срок после вступления в должность диктатора Сулла вряд ли успел бы провести закон о занятии магистратур. Однако стоит напомнить, что lex Villia annalis в любом случае продолжал действовать. К тому же слава Афеллы как победителя Пренесты в 80 г. уже успела бы сильно потускнеть (см. ниже).

[20] Другое известное нам достоинство Афеллы – ораторские способности, особенно ярко проявлявшиеся в выступлениях на contiones (Cic. *Brut*. 178), – само по себе едва ли могло обеспечить ему успех на выборах.

[21] Last 1932, 285; Seager 1994, 200. Й. Фюндлинг считает, что Афеллу могло подтолкнуть к столь дерзким действиям нарушение Суллой собственного lex annalis, когда тот стал консулом в 80 г. без соблюдения 10-летнего интервала (Fündling 2010, 150).

Афеллы верно считать предупреждением Суллы своим сторонникам не злоупотреблять собственными заслугами и соблюдать установленные им правила, как считают некоторые исследователи[22]: незадачливый кандидат в консулы был перебежчиком (Vell. Pat. II. 27. 6), к тому же незнатным, и диктатор просто избавился от малопочтенного политического попутчика[23], который позволил себе недопустимую, с его точки зрения, дерзость (не послушался приказа диктатора). В конце концов, можно было просто не признать результаты выборов, но Сулла предпочел пойти на физическое устранение. Не исключено, что этому способствовала явная популярность Афеллы[24], в пользу чего говорит рассказ о его появлении на Форуме во главе толпы приверженцев и их возмущении поступком центуриона, убившего Лукреция (Plut. *Sull.* 33. 5–6), да и после убийства Сулла, как уже говорилось, выступил с речью перед народом, объясняя свои действия. Вероятно, Афелла пользовался значительной поддержкой, игнорировать которую диктатор не счел возможным во избежание беспорядков[25].

Кем же были победившие на выборах? Гней Корнелий Долабелла принадлежал к старинной, но «захудавшей» патрицианской семье, представители которой впервые добились консулата еще в III в. (в 283 г.), во второй же и последний раз до описываемых событий им это удалось в 159 г., т.е. почти за 80 лет до выборов 82 г.[26] Плутарх упоминает о нем в связи с битвами при Сакрипорте и Коллинских воротах[27], но не сообщает о каких-то его особых успехах. В то же время, по мнению Э. Грюена, на человека, перешедшего на сторону Суллы в последний момент, он не похож[28]. Однако это соображение опирается на сообщение Плутарха (*Sull.* 40. 7) о его командовании на море, которое равным образом могло относиться к другому Гнею Корнелию Долабелле – претору 81 г.[29]

---

[22] Last 1932, 280–281; Lundgreen 2011, 81. К. Нойман вообще числит Афеллу среди «друзей» Суллы (Neumann 1881, 622), к каковым его можно отнести лишь с большой натяжкой.

[23] К. Стил резонно сравнивает судьбу консула 83 г. патриция Луция Корнелия Сципиона Азиатского, внесенного в проскрипционные списки, однако отделавшегося изгнанием, с участью Афеллы – хотя и сторонника Суллы, но человека незнатного (Steel 2014, 328, n. 29).

[24] Carcopino 1947, 131.

[25] Примечательно, что у Аппиана Сулла, рассказав басню о сожжении земледельцем своей рубашки для избавления от вшей, припугнул собравшихся: «И я советую тем, кто дважды побежден мною, не просить у меня на третий раз огня (κἀγὼ τοῖς δὶς ἡττημένοις παραινῶ τρίτου πυρὸς μὴ δεηθῆναι)» (пер. С.А. Жебелёва). Здесь видят намек на разгромленных Суллой марианцев (Gabba 1958, 277). Если это так, то перед нами классический образец «черного пиара», поскольку сторонники Афеллы, победителя Мария Младшего, никак не могли быть марианцами, особенно если принять весьма вероятное предположение о его популярности среди вчерашних воинов (см. Carcopino 1947, 131).

[26] Gruen 1966, 386. К слову сказать, консул 159 г. не был прямым предком консула 81 г. (Badian 1965, 49, 51; Thein 2019, 74, n. 18).

[27] Plut. *Sull.* 28.8; 29.8. Строго говоря, Плутарх не пишет прямо, что этот Долабелла – будущий консул 81 г., но не вызывает сомнений, что речь идет именно о нем (Thein 2019, 74).

[28] Gruen 1966, 386. По мнению А. Кивни, достаточных оснований считать, что Долабелла вместе с Суллой находился на Востоке, нет (Keaveney 1984, 139).

[29] Thein 2019, 71–88. Иначе см. Drumann 1902, 482; Münzer 1900, 1297; Broughton 1952, 65, 71; Gruen 1966, 386; Ghilli 2001, 504, n. 917; Vervaet 2004, 57, n. 80; Steel 2013, 107.

Коллегой его стал Марк Туллий Декула – личность почти неизвестная. По-видимому, именно о нем упоминает Цицерон (*Planc*. 51) как о неудачливом соискателе эдилитета[30]. Вполне возможно, что он не был homo novus в узком смысле, принадлежа к неизвестному нам сенаторскому роду[31]. О каких-либо его заслугах перед Суллой данных нет[32]. Как показывают достаточно убедительные расчеты Ф. Райана, Декула родился не ранее 131 г., т.е. на момент соискания ему было около 50 лет[33].

Мы не знаем, можно ли называть обоих консулов «ничтожествами»[34], но к фигурам первого ряда они явно не относились. О Долабелле известно лишь, что после консулата он был наместником Македонии (80–77 гг.) и воевал с фракийцами, над которыми по возвращении отпраздновал триумф. В 77 г. он попал под суд за вымогательство, будучи обвинен молодым Цезарем, но был оправдан[35]. В связи с политическими дебатами и мероприятиями 70-х годов его имя не упоминается (в отличие, например, от Катула, Куриона или братьев Лукуллов). О Декуле после 81 г. сведений нет вообще.

Почему же именно эти люди стали консулами? Почему вместо них высшую должность не попытались занять Квинт Цецилий Метелл Пий, Аппий Клавдий Пульхр, Публий Сервилий Ватия, которым удалось сделать это лишь через год или два[36]? Насколько известно, этот немаловажный вопрос в историографии даже не ставился. Напомним, что все они к тому времени уже побывали преторами: первые двое – в 89 г., третий – в 90 (?) г.[37] Причем Сервилий успел отпраздновать триумф – последний перед гражданской войной[38] (следующим окажется триумф Суллы в январе 81 г.). Метелл Пий, двоюродный брат жены Суллы, отличился в Союзнической и гражданской войнах и успел побывать в ранге проконсула[39]. Аппий Клавдий, правда, ничем особенным похвастаться не мог. Напротив, видимо, именно он командовал в ранге пропретора легионом, который переманил на свою сторону в 87 г. Цинна[40], а затем его лишили империя и не включили

---

[30] Lange 1871, 152; Münzer 1948, 1312; Wiseman 1971, 108. Предполагается, что это произошло не позднее 95 г. (Ryan 1997, 236).

[31] Wiseman 1971, 109. Его отцом, возможно, был монетарий 120 г. Марк Туллий (Crawford 1974, 297).

[32] Münzer 1948, 1312.

[33] Ryan 1997, 235–236.

[34] Ghilli 2001, 477, n. 796. Ж. Каркопино более осторожно пишет о «посредственностях»: Carcopino 1947, 131. То, что К. Нойман именует Долабеллу «весьма уважаемым Суллой оптиматом» (Neumann 1884, 39),– другая крайность. Пожалуй, наиболее справедлива характеристика Долабеллы, которую дает К. Росильо-Лопес: «сторонник Суллы второго ряда» (Rosillo-López 2019, 64).

[35] Münzer 1900, 1297 (с указанием источников).

[36] Метелл Пий стал консулом в 80 г., Аппий Клавдий и Сервилий Ватия – в 79 г. (Broughton 1952, 79, 82).

[37] См. Broughton 1952, 26, 33.

[38] Badian 1964, 83. Весьма вероятно, что именно Сервилий Ватия потерпел поражение на консульских выборах 88 г. (Plut. *Sull*. 10.5), баллотируясь в расчете на политические дивиденды от триумфа (дискуссию см. Katz 1976, 538–539).

[39] Münzer 1897, 1221–1222 (с указанием источников).

[40] Liv. *Per*. 79; Münzer 1899, 2849; Broughton 1952, 48.

во время lectio senatus 86 г. в число сенаторов[41]. Однако он принадлежал к одному из знатнейших родов Рима. Вполне вероятно, что кто-то из них победил бы на выборах 81 г., если бы принял в них участие. Но сведений о том, что они в этом году добивались консулата, нет.

Нередко избрание Долабеллы считают наградой за его заслуги в гражданской войне[42]. Но у Метелла таких заслуг было гораздо больше[43]. В. Шур пишет о консулах как о преданных офицерах армии победителей, чья безусловная верность и в то же время незначительность как личностей гарантировала их безусловное сотрудничество с диктатором. В том же духе рассуждает и К. Стил, предполагая, что Сулла поспешил вознаградить людей подобающей репутации и преданности, которые не стали бы препятствовать его всеохватному контролю; дополнительным плюсом Долабеллы был его патрицианский статус[44]. Однако перечисленные сподвижники диктатора, надо полагать, обладали репутацией ничуть не худшей, причем Аппий Клавдий также являлся патрицием. Сведений о том, что Декула служил в армии Суллы, нет. Наконец, не очень понятно, в чем состояло «сотрудничество» консулов с диктатором – все известные нам законы 81 г. были проведены не ими, а лично Суллой[45]. Цицерон (*Leg. agr.* II. 35) упоминает senatus consulta о продаже каких-то земель, принятые в консульство Долабеллы и Декулы (M. Tullio Cn. Cornelio consulibus), но ничего не говорит о каких-либо их собственных действиях.

С учетом сказанного заслуживает внимания тезис К. Стил о том, что консулы не стали бы мешать полному контролю Суллы над res publica. Однако дело, видимо, не в том, что другие сторонники диктатора начали бы препятствовать человеку, чья власть превосходила их собственную и de iure, и de facto. Суть вопроса, думается, в другом. Аппиан (*BC.* I. 100) пишет, что Сулла восстановил выборы, чтобы вернуть видимость государственного строя предков (πρόσχημα τῆς πατρίου πολιτείας). Таким образом, и сами консулы оказались избраны только для видимости, поскольку все дела в res publica вершил диктатор. Вряд ли триумфатор Сервилий Ватия, проконсул Метелл Пий и отпрыск знатнейшего рода Аппий Клавдий согласились бы играть в государстве чисто декоративную роль при всевластном диктаторе. Кроме того, они могли не сомневаться, что смогут занять высшую магистратуру через год или два, как это и произошло. Правда, то же самое можно предположить и в отношении Долабеллы, но, как уже говорилось, судя по последующим событиям, он являлся менее влиятельной фигурой и, возможно, не имел уверенности, что через несколько лет сумеет добиться консулата. Это было важно не только для него лично, но и для всей фамилии, представитель

---

[41] Cic. *Dom.* 83–84. Можно не сомневаться, что после этого Аппий Клавдий отбыл на Восток к Сулле (Keaveney 1984, 118).

[42] Drumann 1902, 482; Münzer 1900, 1297; Gruen 1966, 385, 386; Keaveney 2005, 164.

[43] По мнению К. Стил, Метелл Пий к моменту выборов еще не успел вернуться из Галлии (Steel 2014, 329, n. 30). Но даже если так, ничто не мешало подождать несколько дней или, в крайнем случае, выдвинуть его кандидатуру заочно.

[44] Schur 1942, 185; Steel 2013, 107.

[45] См. их список: Williamson 2005, 464–465.

которой, напомним, в последний раз занимал консульскую должность в 159 г.[46] К тому же один из Долабелл погиб во время расправы с Сатурнином[47], что пятном ложилось на всю фамилию, и консулат помог бы восстановить ее честь. Наконец, Гней Корнелий, по-видимому, жаждал поскорее получить провинцию, чтобы добиться там славы военачальника и нажиться – недаром после наместничества в Македонии он справил триумф и попал под суд за вымогательство. Неудивительно, что Долабелла готов был стать консулом даже в том случае, если это сулило лишь роль статиста при всесильном диктаторе.

Тем более не приходится удивляться, что консулата на 81 г. добивались куда менее знатные Лукреций Афелла и Туллий Декула, у которых при иных обстоятельствах практически не было шансов занять высшую магистратуру. Однако если для первого это кончилось гибелью, то второй оказался единственным консулом в своем роду.

И еще несколько слов о роли Суллы в этих событиях. Из приводившихся выше рассуждений можно заключить, что диктатор, по сути, сам назначал консулов. Но скорее его влияние сказывалось лишь в заблаговременном устранении неугодных кандидатов, как в случае с Афеллой[48], нежели в прямых указаниях комициям, кого именно им следует выбрать – сведений об этом нет, хотя обвинения такого рода со стороны антисулланских авторов были бы вполне логичны. Сомнительно, что Сулла хотел избрания непременно Декулы – скорее всего тот его просто устраивал (несмотря, кстати сказать, на недостаточную знатность). То же, видимо, можно сказать и о Долабелле. Последний мог снискать признательность избирателей участием в битве у Коллинских ворот, избавившей Город от опасностей войны, в отношении же его коллеги неизвестно вообще ничего. Так или иначе, оба добились высшей магистратуры, а Сулла получил консулов, удобных ему своей несамостоятельностью и отсутствием чрезмерных, с его точки зрения, политических амбиций.

---

[46] Правда, из прямых предков Сервилия Ватии консулом (в 202 г.!) был лишь его прадед М. Сервилий Пулекс Гемин (Badian 1984, 51), но сам он мог испытывать особую гордость из-за триумфа (первый триумф pro praetore более чем за десять лет: Katz 1976, 522).

[47] Oros. V. 17. 10. Высказывалось мнение, что этот Долабелла был отцом консула 81 г. (Drumann 1902, 482; Münzer 1900, 1297), но равным образом он мог быть родителем другого Гнея Долабеллы, претора того же 81 г. (Badian 1965, 49–50; Gruen 1966, 389–392), или вообще не иметь сыновей. Предположение, что сподвижник Сатурнина был отцом Гнея Долабеллы – претора 81 г., кажется более вероятным: позднее последний жестоко враждовал с принцепсом сената Марком Эмилием Скавром, инициировавшим senatus consultum ultimum, на основании которого произошла расправа над Сатурнином и его сторонниками (Ascon. 26 C). Эту вражду можно объяснить как раз желанием отомстить за погибшего отца.

[48] Этого не учитывает Ф. Верват, по мнению которого судьба Афеллы и сообщение Плутарха (*Sull.* 34. 6) о передаче выборов народу лишь после отказа Суллы от власти ясно говорит о том, что последний сам решал, кого должны избрать центуриатные комиции (Vervaet 2004, 48). Схожей точки зрения придерживался и Р. Сайм (Syme 2016, 58).

Литература / References

Badian, E. 1964: *Studies on Greek and Roman History*. New York.

Badian, E. 1965: The Dolabellae of the Republic. *Papers of the British School at Rome* 33, 48–51.

Badian, E. 1984: The house of the Servilii Gemini: A study in the misuse of 'Occam's Razor'. *Papers of British School at Rome*, 52, 49–71.

Brennan, T.C. 2000: *The Praetorship in the Roman Republic*. Vol. 1. Oxford.

Broughton, T.R.S. 1952: *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. New York.

Carcopino, J. 1947: *Sylla ou la monarchie manquée*. Paris.

Crawford, M. 1974: *Roman Republican Coinage*. Vol. I. Cambridge.

Drumann, W. 1902: *Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen*. 2. Aufl. Hrsg. P. Groebe. Bd. II. Leipzig.

Fröhlich, F. 1900: Cornelius (392). In: *RE*. Hlbd. 7, 1522–1566.

Fündling, J. 2010: *Sulla*. Darmstadt.

Gabba, E. 1958: Commento. In: E. Gabba (a cura), *Appiani bellorum civilium liber primus*. Firenze, 3–336.

Ghilli, L. 2001: Commento [alla biografia di Silla]. In: Plutarco, *Vite parallele. Lisandro. Silla*. Milano, 300–514.

Gruen, E.S. 1966: The Dolabellae and Sulla. *American Journal of Philology* 87, 385–399.

Heraeus, W. 1934: FURIUS PILUS u.a. (Zu Ciceros Brutus). *Rheinisches Museum für Philologie* 83, 53–65.

Hinard, F. 1985: *Sylla*. Paris.

Katz, B.R. 1976: Studies on the period of Cinna and Sulla. *L'Antiquité classique* 45, 497–549.

Keaveney, A. 1984: Who were the Sullani? *Klio* 66, 114–150.

Keaveney, A. 2003: The short career of Q. Lucretius Afella. *Eranos* 101, 84–93.

Keaveney, A. 2005: *A. Sulla: The Last Republican*. London–New York.

Lange, L. 1871: *Römische Alterthümer*. Bd. III. Berlin.

Last, H. 1932: The setting of the Sullan legislation. Sulla's dictatorship. In: *The Cambridge Ancient History*. Vol. IX. Cambridge, 280–285.

Lundgreen, C. 2011: *Regelkonflikte in der römischen Republik: Geltung und Gewichtung von Normen in politischen Entscheidungsprozessen*. Stuttgart.

Mommsen, T. 1887: *Römisches Staatsrecht*. Bd. I–II. Leipzig.

Münzer, F. 1897: Caecilius (98). In: *RE*. Hlbd. 5, 1221–1224.

Münzer, F. 1899: Claudius (296). In: *RE*. Hlbd. 6, 2848–2849.

Münzer, F. 1900: Cornelius (134). In: *RE*. Hlbd. 7, 1297.

Münzer, F. 1927: Lucretius (25). In: *RE*. Hlbd. 30, 1686–1687.

Münzer, F. 1948: Tullius (34). In: *RE*. 2. R. Bd. 7, 1312.

Neumann, C. 1881–1884: *Geschichte Roms während des Verfalls der Republik*. Bd. I–II. Breslau.

Nicolet, C. 1974: *L'ordre équestre à l'époque républicaine (312–43 av. J.-C.)*. T. II. Paris.

Rilinger, R. 1976: *Der Einfluß des Wahlleiters bei den römischen Konsulwahlen von 366 bis 50 v. Chr*. München.

Rosillo-López, C. 2019: Can a dictator reform an electoral system? A reassessment of Sulla's power over institutions. In: A. Eckert, A. Thein (eds.), *Sulla: Politics and Reception*. Berlin–Boston, 55–70.

Ryan, F.X. 1997: The birth-date of M. Tullius Decula. *Hermes* 125, 235–236.

Schur, W. 1942: *Das Zeitalter der Marius und Sulla*. Leipzig.

Seager, R. 1994: Sulla. In: *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. IX. Cambridge, 165–207.

Steel, C. 2013: *The End of the Roman Republic 146 to 44 BC: Conquest and Crisis*. Edinburgh.

Steel, C. 2014: The Roman senate and the post-Sullan *res publica*. *Historia* 63.3, 323–339.

Sumner, G.V. 1973: *Orators in Cicero's Brutus: Prosopography and Chronology*. Toronto.

Syme, R. 2016: The abdication of Sulla. In: R. Syme, *Approaching the Roman Revolution. Papers on Republican History*. Ed. by F. Santangelo. Oxford.

Thein, A. 2019: Dolabella's Naval Command. In: A. Eckert, A. Thein (eds.), *Sulla: Politics and Reception*. Berlin–Boston, 71–88.

Vervaet, F. 2004: The lex Valeria and Sulla's empowerment as dictator. *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 15, 37–84.

White, H. (trans.) 1964: Appian. *Civil Wars*. Vol. III. Cambridge (Mass.)–London.

Williamson, C. 2005: *The Laws of the Roman People. Public Law in the Expansion and Decline of the Roman Republic*. Ann Arbor.

Wiseman, T.P. 1971: *New Men in the Roman Senate (139 B.C. – A.D. 14)*. Oxford.

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 369–391
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 369–391
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910014990-2

САРМАТСКАЯ ЖИЗНЬ ГРЕЧЕСКОЙ ФИАЛЫ С ПОСВЯЩЕНИЕМ АПОЛЛОНУ ПРЕДВОДИТЕЛЮ

С. В. Воронятов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: s.voroniatov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7096-4468

На серебряной фиале (вторая пол. V в. до н.э.) с греческим посвящением из сарматского погребения кургана 1 (вторая пол. I в. до н.э.) на Зубовском хуторе в Закубанье присутствуют серебряные петли. Долгое время эти детали не привлекали специального внимания исследователей. Предположительно петли предназначались для подвешивания фиалы на стене храма. Автор предлагает атрибутировать их как вторичные приспособления для использования фиалы в сарматском конском снаряжении в качестве украшения подперсья. Аналогии переделанных сарматами в I в. н.э. позднеэллинистических чаш допускают такую реконструкцию. В пользу альтернативной точки зрения также свидетельствуют повреждения и деформации фиалы, ее топография в могиле и другие элементы конского убора из богатого погребения на Зубовском хуторе.

Ключевые слова: сарматы, Закубанье, Зубовский хутор, курган, торевтика, фиала, греческая эпиграфика, конское снаряжение, подперсье

SARMATIAN LIFE OF A GREEK PHIALE WITH A DEDICATION TO APOLLO HEGEMON

Sergey V. Voroniatov

The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia

E-mail: s.voroniatov@gmail.com

There are silver loops on a silver phiale (second half of the fifth century BC) with a dedication in Greek, found in a Sarmatian burial of mound 1 (second half of the first century BC) on the Zubovskij Farm in the Trans-Kuban region. For a long period these loops have not attracted scholars' attention. Supposedly, the loops were intended to hang the phiale

Данные об авторе. Сергей Вячеславович Воронятов – кандидат исторических наук, научный сотрудник, хранитель Отдела археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ.

on a temple's wall. The author suggests considering them as later adaptations introduced to the original design for using the phiale in Sarmatian horse harness as a breastgirth decoration. This kind of reconstruction seems plausible due to analogies, e.g. Late Hellenistic bowls reused by the Sarmatians in the first century AD. This alternative point of view is supported by several factors such as damage, defects, and deformations of the phiale, its topography in the grave and other elements of the horse harness from the rich grave on the Zubovskij Farm.

Keywords: Sarmatians, Kuban River region, Zubovskij Farm, barrow, toreutics, phiale mesomphalos, Greek epigraphy, horse harness, breastgirth decorations

Посвящается 85-летию со дня рождения
Марка Борисовича Щукина

Серебряная фиала (phiale mesomphalos) из сарматского комплекса кургана 1 на Зубовском хуторе в Закубанье (рис. 1) хорошо известна антиковедам нескольких поколений. С момента введения в научный оборот в 1901 г.[1] чаша с греческой маюскульной надписью (рис. 2) ΑΠΟΛΛΩΝΟΣ ΗΓΕΜΟΝΟΣ ΕΙΜΙ ΤΟΜ ΦΑΣΙ («Я есть (собственность) Аполлона Предводителя в (на) Фасисе»[2]) неоднократно упоминалась в работах, посвященных античной торевтике[3], истории Скифии и Боспора[4], греческой колонизации Колхиды[5], эпиграфике[6], греческой религии[7] и сарматской археологии[8]. В ряде статей художественное оформление фиалы или текст посвящения являются предметами специального исследования[9].

Уникальность чаши, хранящейся сегодня в собрании Государственного Эрмитажа (Инв. № 2234/18), заключается не только в своеобразном декоре и греческой надписи с одним из самых ранних упоминаний Фасиса (реки или города на восточном побережье Черного моря), но и в необычном контексте ее обнаружения[10].

---

[1] Dumberg 1901, 98–100, рис. 18; von Kieseritzky 1901, 56; Ebert 1929, 548, Taf. 68, *f*.

[2] Благодарю к.филол.н. В.Т. Мусбахову за уточнение формулировки перевода.

[3] Luschey 1939, 138; Strong 1966, 75–76, pl. 14B; Vickers, Gill 1994, 57, 58, fig. 3.1; Treister 2002, 354–355, fig. 3; 2005, 239; 2007, 92, 94–97, fig. 19, *1*; 2010, 544, рис. 12; 2019, 314; Mordvintseva, Treister 2007, I, 31, 207, II, 119, III, таб. 51, *B13.1*; Boltryk, Treister 2012, 15–16.

[4] Minns 1913, 231–232, fig. 136, 137; Rostovtzeff 1922, 128; Rostovtsev 1925, 571; Rostowzew 1931, I, 567; Potratz 1963, Taf. 72.

[5] Melikishvili 1959, 242–243; Inadze 1968, 177–178; 1982, 209; Berdzenishvili 1969, 123–125; Lordkipanidze 1970, 114–115, таб. XXI; Boardman 1994, 340, n. 58; Braund 1994, 98; Tsetskhladze 1998, 9–10, Abb. 6–8; Musbakhova 2013, 304–305.

[6] Kaukhchishvili 1951, XI; Jeffery 1961, 368; Vinogradov 1997, 80.

[7] Vinogradov, Rusyaeva 1980, 31, 55, прим. 70; Lordkipanidze 2000, 62–77.

[8] Veselovskiy 1905, 369; Skalon 1941, 190; Smirnov 1953, 20; Kaposhina 1967, 149; Raev 1986, 68; Gushchina, Zasetskaya 1989, 84, 115, таб. XII, *120*; Shchukin 1992, 107; 1994, 177; Raev, Yatsenko 1993, 117, Sergackov 1994, 272, Marčenko, Limberis 2008, 336, Taf. 9, *6*; Zasetskaya 2010, 281–282, рис. 3.

[9] Tsetskhladze 1994, 199–213; Lordkipanidze 1997, 15–34; 2000, 62–77; Braund 2009, 533–537.

[10] Незаконные раскопки четырех курганов на Зубовском хуторе станицы Тенгинской в Закубанье производил мещанин С.С. Забродин по соглашению с местными жителями в 1899 г. В литературе распространена информация о доисследовании курганов Н.И. Веселовским, что не подтверждается архивными источниками.

Рис. 1. Серебряная фиала из сарматского погребения кургана 1 на Зубовском хуторе © Государственный Эрмитаж. Инв. № 2234/18. *Фото В.С. Теребенина, 2020 г.*

Рис. 2. Текст посвящения на внешней стороне бортика фиалы © Государственный Эрмитаж. Инв. № 2234/18. *Фото В.С. Теребенина, 2020 г.*

Происходя из сарматского мужского погребения второй пол. I в. до н.э.[11], сама фиала по оценкам разных специалистов датируется в пределах второй V в. до н.э.[12]

В подавляющем большинстве перечисленных статей и книг выдающаяся находка всего лишь упоминается в том или ином контексте исследования. Те же работы, которые посвящены непосредственно сосуду, рассматривают проблемы раннего – греческого – периода его бытования: место и дата изготовления, время нанесения надписи и различные аспекты ее толкования. Поздний – сарматский – период жизни единственной в своем роде чаши рассматривался в меньшей степени. Исследователи в основном кратко останавливались на вопросе времени, места и обстоятельств попадания фиалы к сарматам. Можно даже сказать, что изучение проблем греческого периода изначально привлекло львиную долю внимания исследователей, оставив в тени вопросы, связанные с использованием фиалы номадами. Они же, на мой взгляд, также представляют интерес. Прежде

Н.И. Веселовский прибыл на Зубовский хутор уже после окончания работ и лишь зафиксировал факт раскопок и составил опись найденных предметов (Voroniatov 2022, 132–135).

[11] Shchukin 1992, 107.

[12] Strong 1966, 19; Lordkipanidze 1997, 22; Mordvintseva, Treister 2007, II, 119.

чем к ним перейти, остановимся на рассуждениях и выводах, звучавших относительно сарматского периода бытования чаши.

В скором времени после раскопок курганов на Зубовском хуторе в 1899 г. хранитель Отделения древностей Императорского Эрмитажа Г.Е. Кизерицкий опубликовал в «Ежегоднике императорского германского археологического института» заметку о полученных материалах. В ней он ошибочно распространил дату греческого серебряного сосуда на весь комплекс варварского погребения и предположил его попадание к погребенному в результате грабежа древних гробниц или святилища. Однако, подразумевая под Фасисом не город, а реку Кубань, хранитель считал, что святилище Аполлона нужно искать в Прикубанье. Обитателям этой территории осуществить грабительский рейд к предполагаемому святилищу было бы не так затруднительно, как к удаленному восточному побережью Черного моря[13].

К.Е. Думберг, впервые опубликовавший изображение фиалы, и Э. Миннз пессимистически высказывались о возможностях прояснить обстоятельства ее попадания из святилища в г. Фасис в погребальное сооружение Прикубанья[14]. М.И. Ростовцев, напротив, сформулировал отчасти схожую с мнением Г.Е. Кизерицкого мысль о контексте находки как о прямом свидетельстве набегов «кубанцев или их соседей» на Кавказское побережье и на ограбление ими святилища Аполлона в Фасисе[15]. Основа этой гипотезы надолго закрепилась в научном обороте и лишь в XXI в. появилась альтернативная версия, позволяющая вернуться к размышлениям Г.Е. Кизерицкого о местонахождении храма Аполлона на реке Кубань.

Д. Браунд, анализируя аналогии посвятительной надписи на фиале, пришел к выводу, что посвящение совсем не обязательно происходило в г. Фасис. Человек, его совершавший, мог происходить из Фасиса, бывать в нем. Но это не означает, что жертвенная чаша сама когда-либо там находилась. Исследователь допускает, что фиала из кургана 1 на Зубовском хуторе была посвящена Аполлону где-то на Таманском полуострове[16].

В.Т. Мусбахова также пришла к выводу, что конструкция надписи с посвящением фиалы в милетской колонии Фасис не бесспорна, поскольку допускает возможность толкования слова «Фасис» не как топоним, а как гидроним. Соответственно, речь в надписи может идти о Фасисе-Кубани. Местом пожертвования сосуда в данном случае может быть Семибратнее городище, на котором, возможно, существовал храм Аполлона[17].

Но вернемся к гипотезе, сформулированной М.И. Ростовцевым. За прошедшие 100 лет исследователи называли возможные конкретные исторические события, в ходе которых могло быть разграблено святилище на Черноморском побережье. К.Ф. Смирнов считал, что находку фиалы в кургане 1 на Зубовском хуторе следует связывать с участием кубанских сарматов в третьей Митридатовой

---

[13] Von Kieseritzky 1901, 55–56.

[14] Dumberg 1901, 100; Minns 1913, 232. И сегодня этот вопрос считает загадкой И.П. Засецкая (Zasetskaya 2010, 282).

[15] Rostovtzeff 1922, 128; Rostovtsev 1925, 571.

[16] Braund 2009, 535–537.

[17] Musbakhova 2013, 304–305.

войне (73–64 гг. до н.э.) на стороне Митридата[18]. Позже С.И. Капошина писала об этом как об установленном факте[19]. Б.А. Раев, констатируя сложности определения узкой даты зубовского комплекса, допускал связь фиалы с аланскими набегами I в. н.э.[20] М.Б. Щукин предполагал, что разграбление сокровищницы храма Аполлона в Фасисе могло произойти в 48–46 гг. до н.э., когда кочевники участвовали в малоазиатском походе Фарнака II, пытавшегося восстановить былое величие отцовского царства[21]. Эту версию аргументированно посчитал наиболее вероятной М.Ю. Трейстер[22].

Следует упомянуть рассуждения О.Д. Лордкипанидзе, которые могли бы перечеркнуть высказанные варианты обстоятельств грабительского рейда. Исследователь призывал к осторожности и считал данные о находке фиалы именно в сарматском комплексе неубедительными, допуская разрушение этим захоронением более ранней могилы[23]. Основания для скепсиса, несомненно, есть. Курган был раскопан дилетантом, никакой документированной фиксации не велось. Мы располагаем лишь рассказом о топографии находок, записанным Н.И. Веселовским[24], посетившим Зубовский хутор уже после того, как работы были завершены. Но следует учитывать, что такое явление, как «реликтовые» предметы в кубанских варварских комплексах рубежа эр, было отмечено еще М.И. Ростовцевым[25]. Сейчас случаев наличия вещей, негармонирующих своей ранней датировкой с остальными предметами сарматских комплексов, известно несколько больше, чем в начале XX в. Далее мы увидим, что результат настоящего исследования исключает сомнения по поводу принадлежности фиалы сарматскому захоронению.

Итак, на что нужно обратить внимание, чтобы узнать больше о сарматском периоде бытования серебряной чаши? В первую очередь на ее состояние в момент обнаружения. На фотографии из архивного дела[26], воспроизведенной в первой публикации[27] и многократно фигурировавшей в книгах и статьях различных авторов[28], можно заметить, что фиала закреплена на проволочном каркасе, поскольку имеет существенные повреждения и утраты. Вероятно, проволочный каркас – это самая первая реставрационная мера по сохранению предмета в относительной целости, предпринятая Императорской археологической комиссией. Также на фотографии видно,

---

[18] Smirnov 1953, 20.

[19] Kaposhina 1967, 149.

[20] Raev 1986, 68.

[21] Shchukin 1992, 107.

[22] Treister 2005, 239.

[23] Lordkipanidze 1997, 19; 2000, 64.

[24] *Дело Императорской археологической комиссии о раскопках старшего члена комиссии профессора Н.И. Веселовского в Кубанской обл. и Ставропольской губ.* Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 96. С. 51–53. 1899; Dumberg 1901, 94.

[25] Rostovtsev 1925, 571.

[26] *Дело Императорской археологической комиссии о раскопке курганов, предпринятой на собственной земле жителями хутора Зубова, Темрюкского отд., Кубанской обл.* Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 137. С. 49. 1899.

[27] Dumberg 1901, 99, рис. 18, *а*.

[28] Minns 1913, 231, Fig. 136; Ebert 1929, Taf. 68, *f*; Potratz 1963, Taf. 72; Tsetskhladze 1994, 201, fig. 2; 1998, Abb. 6; Lordkipanidze 1997, 16, рис. 1; Braund 2009, 537, fig. 2;

Рис. 3. Серебряная фиала (вид сбоку) из сарматского погребения кургана 1 на Зубовском хуторе © Государственный Эрмитаж. Инв. № 2234/18. *Фото Ю.В. Петровой, 2021 г.*

что фиала деформирована и утратила правильную форму круга. Изображение ее схематичного разреза, также многократно публиковавшееся, нисколько не отражает искривление, которое хорошо фиксируется в профиле (рис. 3; 4). Повреждения, утраты и деформацию можно списать на процесс археологизации хрупкого серебряного сосуда, что подтверждается другими случаями находок фиал (phiale mesomphalos) в скифских и античных комплексах Северного Причерноморья и синдо-меотских памятниках Северного Предкавказья: Чмырева могила[29], Семыкина могила[30], Нимфей[31], фиала из района р. Белой[32], курган Карагодеуашх[33], Семибратний курган[34]. Но в случае с фиалой из кургана 1 на Зубовском хуторе деформация и часть повреждений могут быть обусловлены другой причиной, понимание которой вытекает из деталей чаши, не привлекавших внимания большинства исследователей.

Речь идет о двух серебряных петлях, приклепанных к краю бортика сосуда. Одна из них сохранилась полностью (рис. 4; 5, *a*, *b*), вторая лишь частично (рис. 4; 5, *c*, *d*). Несмотря на то что целая петля хорошо просматривается на уже упомянутой, многократно публиковавшейся фотографии и сделанных с нее прорисовках[35], до недавнего времени ее существование никак не оговаривалось в исследованиях. Более того, на редких рисунках чаши обе петли отсутствуют[36].

На описываемые детали фиалы обратил внимание М.Ю. Трейстер, предположивший, что они, «вероятно, служили для подвешивания ее на стенке храма»[37]. Эта версия функционального назначения петель на первый взгляд логична. Но лишь отчасти. Для подвешивания фиалы на стене достаточно одной петли, а их на ней две.

Среди находок фиал на территории Греции, Фракии, Малой Азии, Северного Причерноморья и Кавказа, с которыми мне удалось ознакомиться de visu и по литературе, присутствуют еще два сосуда, на которых есть петли. Первым из них

---

[29] Onayko 1970, таб. XIV, *396*, *398*.
[30] Boltryk, Treister 2012, 10, fig. 4, 5.
[31] Silant'eva 1959, 58, рис. 26.
[32] Ksenofontova 2005, 151.
[33] Mal'mberg 1894, 152, табл. VI, *4*.
[34] Mal'mberg 1894, 153, рис. 24, 25; Anfimov 1987, 111.
[35] Lordkipanidze 1970, таб. XXI; Tsetskhladze 1998, Abb. 8.
[36] Gushchina, Zasetskaya 1989, таб. XII, *120*; Marčenko, Limberis 2008, Taf. 9, *6*.
[37] Mordvintseva, Treister 2007, T. I, 31.

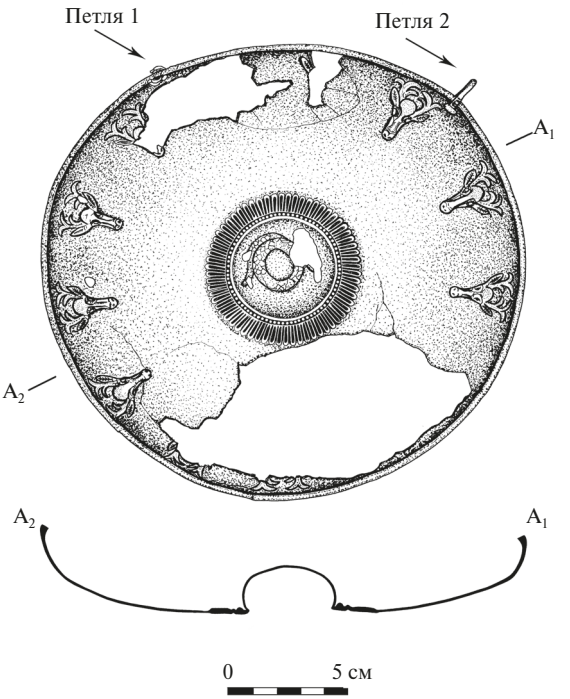


Рис. 4. Серебряная фиала из сарматского погребения кургана 1 на Зубовском хуторе. *Рисунок С.В. Воронятова, 2021 г.*

является золотая, единственная в своем роде, фиала из тайника центральной могилы Братолюбовского кургана (вторая четверть – сер. IV в. до н.э.) в Нижнем Поднепровье[38]. С внешней стороны бортика фиалы закреплено колечко. На противоположной стороне от этого места сохранились следы крепления, вероятно, второго колечка[39]. Вторым сосудом является золотая фиала из мужского погребения кургана Куль-Оба (сер. IV в. до н.э.) в окрестностях Керчи[40]. К краям ее бортика припаяно две маленькие проволочные петельки, противопоставленные друг другу на максимальном расстоянии по окружности[41]. Ю.П. Калашник предполагает, что они были небрежно добавлены местным мастером к греческому произведению торевтики для подвешивания к поясу, обозначая высокий статус владельца. Эта гипотеза подкрепляется сведениями Геродота (IV. 5, 10, 71) о том, что

[38] Благодарю д.и.н. А.Ю. Алексеева, обратившего мое внимание на материалы Братолюбовского кургана.

[39] Kubyshev *et al*. 2009, 78, прим. 101, 144, рис. 12; Rolle, Müller-Wille, Schietzel 1991, 318, 370–371, Nr. 120e.

[40] *Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа*. Т. III. Атлас. СПб., 1854. таб. XXV.

[41] Благодарю хранителей Ю.П. Калашника и А.В. Катцову за возможность осмотреть фиалу в Галерее драгоценностей № 2 Государственного Эрмитажа.

Рис. 5. Петли на фиале: *a* – петля 2, вид сбоку, *b* – петля 2, вид с внутренней стороны бортика фиалы, *c* – петля 1, вид с внутренней стороны бортика фиалы, *d* – петля 1, вид с внешней стороны бортика фиалы © Государственный Эрмитаж. Инв. № 2234/18. *Фото Ю.В. Петровой, 2021 г.*

фиала была одним из символом царской власти у скифов, носивших ее на поясе[42]. Применительно к фиале из Куль-Обы рассказ Геродота оригинально проинтерпретировал Д. Ботмер, посчитав, что она использовалась в качестве застежки ремня или перевязи[43].

В приведенных примерах с петлями и кольцами на фиалах место их крепления на краях бортика отличается от ситуации на зубовской чаше. Если на сосудах из курганов Куль-Оба и Братолюбовский они расположены друг напротив друга, то в нашем случае петли удалены друг от друга всего лишь на расстоянии 80° по окружности (рис. 4). Это обстоятельство скорее всего исключает функциональное назначение петель на зубовской фиале, изредка практиковавшееся скифами[44].

[42] Kalashnik 2014, 128–129, 131.

[43] Bothmer 1962, 163; Du Brux 2010, 184, 202, прим. 33.

[44] Интересная тема функционального назначения петель на фиалах из богатых скифских курганов, на мой взгляд, не исчерпана и нуждается в отдельном исследовании.

Но остается еще одно предположение, способное объяснить наличие петель на анализируемой чаше. Если допустить, что петли к ней были приклепаны мастером в поздний – сарматский – период ее бытования, то она попадает в число редких случаев переделки античных чаш в украшение подперсья – т.е. в нагрудник лошадиной сбруи, который как элемент церемониального конского снаряжения появляется у сарматов в I в. н.э. Подперсье с тремя кольцами, закрепленными по Y-образной схеме, одновременно выполняло функции эффектного украшения и распределителя трех ремней. Два из них, отходя от верхней части нагрудника, пристегивались к седлу у передней луки. Третий отходил вниз между передними ногами лошади и соединялся с подпругой[45]. Именно результатом использования зубовской фиалы в качестве украшения подперсья могут быть те повреждения и деформации, которые можно видеть на ней сейчас (см. рис. 3; 4).

На сегодняшний момент А.В. Симоненко отмечено шесть случаев использования блях подперсья в конском сарматском снаряжении. В трех из них с уверенностью можно говорить о приспосабливании для этой цели античных чаш. Первая – серебряная позднеэллинистическая чаша конца II – I в. до н.э. (рис. 6, *1*) из сарматского погребения I в.н.э. у с. Весняное на Южном Буге, к венчику которой приклепаны три Х-видных атташа с серебряными кольцами[46]. Вторая – серебряная чаша с тремя приклепанными петлями с кольцами (рис. 6, *4*) из комплекса сарматского погребения конца I – начала II в. н.э. около с. Козырка (?) недалеко от Ольвии[47]. Третья – серебряная эллинистическая чаша из сарматского погребения второй пол. I – начала II в. н.э. некрополя Старокорсунского городища в Прикубанье. К противоположным краям чаши приклепано по одной петельке с кольцами круглой и овальной формы[48]. В данном случае наличие в верхней части бляхи только одного кольца компенсируется тем, что оно овальное. Вероятно, именно с ним соединялись два ремня, направляемые к седлу[49].

В двух случаях бляхи подперсья изготовлялись мастерами специально для их использования по прямому назначению. Золотой богато украшенный экземпляр (рис. 6, *3*) из тайника сарматского кургана «Дачи» второй пол. I в. н.э. у г. Азов имеет

---

[45] Simonenko 2015, 290.

[46] Simonenko 1997, 392, 395, Abb. 5; 2012, 209, рис. 2, *5*; 2015, 292, рис. 107, *1*.

[47] Simonenko 1999, 109, рис. 4, *4*; 2004, 204–205, Abb. 4, *1*; 2015, 292–293, рис. 107, *3*. Следует отметить, что у А.В. Симоненко есть сомнение о первичном использовании этого предмета именно как чаши. Напротив, М.Ю. Трейстер называет этот предмет чашей (Mordvintseva, Treister 2007, II, 120).

[48] Limberis, Marchenko 2012, 148, рис. 3, *1*.

[49] Simonenko 2015, 293. В дополнение к перечисленным трем случая уместно вспомнить еще одно исследование, в результате которого выяснялось, что древние сосуды использовались кочевниками предыдущего периода сарматской культуры не по назначению. Речь идет о паре серебряных ахеменидских блюд из кургана 1 у с. Прохоровка в Оренбургской области (дискутируемая датировка – от IV до II вв. до н.э.), на одном из которых есть арамейская надпись. Анализируя их повреждения в виде трех пар отверстий на каждом, В.И. Мордвинцева пришла к выводу, что они использовались сарматами в качестве наплечных фаларов конского снаряжения (Mordvintseva 1996, 155–157, рис. 1).

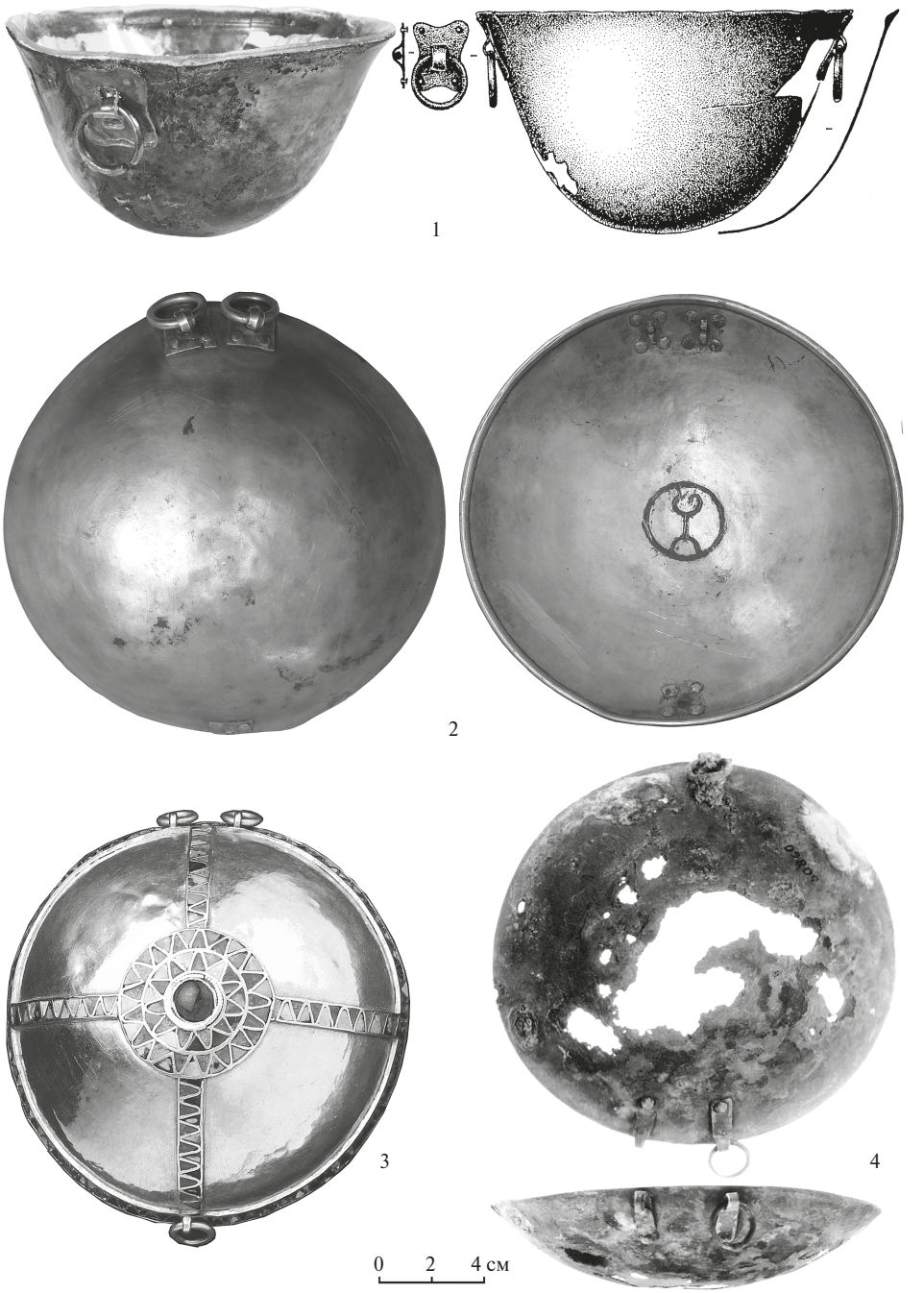


Рис. 6. Бляхи подперсья: *1* – Весняное; *2* – Грушка; *3* – Дачи; *4* – Козырка (по: Simonenko 2015, рис. 107)

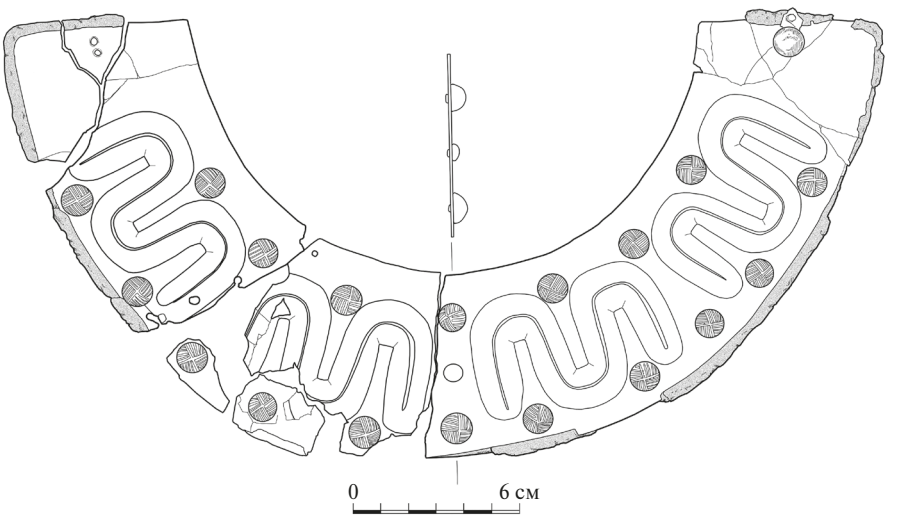


Рис. 7. Серебряная пластина назатыльника шлема из сарматского погребения у пос. Яшкуль. *Рисунок Н.Е. Беспалой, 2016 г.*

три ушка с кольцами, расположенными по Y-образной схеме[50]. Еще одна серебряная бляха подперсья (см. рис. 6, *2*) происходит из разрушенного сарматского погребения второй пол. I в. н.э. у с. Грушка на Днестре[51]. На ней также закреплено три кольца с помощью квадратных атташей. Особенностью этого изделия является изображение сарматского знака-тамги в круге. Оно расположено в центре внутренней стороны[52].

Последним из шести случаев является случай использования в качестве украшения подперсья не античной чаши и не специально изготовленной круглой бляхи. В сарматском погребении I в.н.э., исследованном недалеко от пос. Яшкуль в Калмыкии, в положении in situ было обнаружено церемониальное конское снаряжение с необычным нагрудником. Его роль исполняла дуговидная серебряная накладка назатылочного козырька позднекельтского шлема втор. пол. I в. до н.э. (рис. 7)[53]. Скорее всего в составе упряжи она была закреплена на кожаной основе. На ее концах имеются следы соединения с ремнями, шедшими к наплечным фаларам и далее к седлу. Отходил ли от нагрудника вниз

[50] Bespalyy 1992, 181–182, рис. 7; Zasetskaya 2008, 99, № 21; Bespalyy, Luk'yashko 2018, 212, рис. 116.

[51] Grosu 1986, 260, рис. 1, *24*.

[52] Raev, Simonenko 2009, 72–73, рис. 6; Simonenko 2012, 216, рис. 6, *2*; 2015, 292, рис. 107, *2*. Заметим, что по поводу бляхи подперсья из Грушки есть мнение М.Ю. Трейстера, считающего, что она является переделанной чашей II–I вв. до н.э. (Mordvintseva, Treister 2007, II, 117).

[53] Ochir-Goryaeva, Lapa, 2002, 202, рис. 5; Otchir-Goriaeva 2002, 362–363, Abb. 8, 9, *4*; Ochir-Goryaeva, 2019, 15–16, рис. 12; Raev, Simonenko 2009, 75, рис. 8, *1*, *4*; Glebov *et al*. 2014, 79.

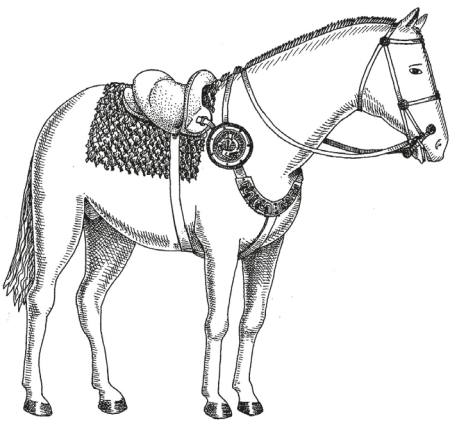


Рис. 8. Реконструкция упряжи из сарматского погребения у пос. Яшкуль (по: Simonenko 2015, рис. 106, *9*).

третий ремень, как это показано на реконструкции (рис. 8) А.В. Симоненко[54], не совсем ясно. Фрагмент накладки, на котором должны были сохраниться следы крепления третьего ремня, утрачен (см. рис. 7)[55]. Но по логике, Y-образная схема соединения ремней должна была действовать и в этом случае, иначе при движении нагрудник беспокоил бы лошадь ударами. Яшкульский комплекс в нашем исследовании очень важен, и мы к нему еще вернемся.

Итак, могла ли фиала из кургана 1 на Зубовском хуторе использоваться в качестве украшения подперсья конского снаряжения? Деформации и повреждения сосуда отвечают на этот вопрос положительно. Они свидетельствуют о том, что фиала испытывала достаточно сильные нагрузки. Ее бортик в месте крепления уцелевшей петли заметно оттянут (см. рис. 4), что может являться следствием периодического натяжения ремня, прикрепленного к петле. Состояние частично уцелевшей петли также может свидетельствовать о нагрузке, в результате которой она и край бортика рядом с ней были разорваны (см. рис. 5, *c*, *d*).

Для полноты картины не хватает третьей петли, предназначенной для крепления ремня, соединяющего подперсье с подпругой. Руководствуясь Y-образной схемой, следует предполагать, что точка крепления третьей петли должна располагаться на противоположной от двух верхних петель стороне. В этом месте внешней стороны бортика нанесен греческий текст посвящения. Если реконструируемая третья петля была закреплена аналогично двум верхним, то отверстие от стержня заклепки должно находиться между буквами *тета* и *омикрон* (рис. 9). Именно в этом месте существует один из разрывов бортика чаши. В настоящий момент линия разрыва отреставрирована и обнаружить следы крепления петли невозможно. Рассмотреть их на архивной фотографии, сделанной в 1940 г.[56] до реставрации, также не удается. Неровная линия разрыва проходит вплотную с буквой *омикрон* и явного следа от отверстия под стержень (прибл. 2,5 мм в диам.) заклепки нет. Учитывая характер повреждений (несколько разрывов) и утрат в нижней части фиалы[57], я бы не стал исключать, что реконструируемая

[54] Raev, Simonenko 2009, 76, рис. 8, *4*; Simonenko 2010, 220, рис. 179, *4*.

[55] Благодарю к.и.н. Б.А. Раева за возможность использовать рисунок Н.Е. Беспалой 2016 г.

[56] Негатив и фотография, сделанные в 1940 г. фотографом Государственного Эрмитажа П.Д. Капланом, хранятся в фотоархиве ОАВЕиС ГЭ.

[57] Фотографии фиалы в частях, сделанные до одной из последних реставраций, можно увидеть в книге В.И. Мордвинцевой и Ю.М. Трейстера (2007, III, табл. 51, *B.13.1*).

Рис. 9. Внешняя сторона бортика фиалы из сарматского погребения кургана 1 на Зубовском хуторе © Государственный Эрмитаж. Инв. № 2234/18. *Фото Ю.В. Петровой, 2021 г.*

третья петля (кольцо) могла быть закреплена с помощью несохранившегося атташа на донной части сосуда. Но это всего лишь догадка.

Проблема сохранности нижней петли на бляхах подперсья актуальна не только для зубовской чаши. Как уже упоминалось, фрагмент накладки назатыльника из погребения около пос. Яшкуль, где должны были быть следы от нижней заклепки, утрачен (см. рис. 7). Можно предположить, что он был вырван при использовании. Именно нижнее кольцо не сохранилось и на бляхе из погребения у с. Грушка[58]. Петелька, в которой оно было закреплено, вырвана из атташа (см. рис. 6, *2*). Эти наблюдения свидетельствуют скорее всего о нагрузках, испытываемых нагрудниками. Выполняя функцию распределителей ремней, предотвращающих сползание седла назад, они растягивались в трех направлениях. С этими же нагрузками, на мой взгляд, может быть связана деформация в виде загнутости одной из сторон фиалы[59] (см. рис. 3).

Следующим аргументом в пользу того, что фиала из кургана 1 на Зубовском хуторе использовалась как украшение подперсья, является состав конского снаряжения из этого комплекса. Он в силу разных причин[60] не привлекал особого внимания исследователей. Но при внимательном рассмотрении схемы составляющих его элементов он оказывается копией конского снаряжения из погребения, исследованного недалеко от пос. Яшкуль.

В обоих комплектах присутствует по семь малых золотых фаларов (рис. 10, *1–7*, *9–15*) конского оголовья[61]. Выглядят они по-разному, но принципы их декорирования схожи. Парные серебряные наплечные фалары со следами крепления трех

[58] Одно из верхних колец не сохранилось на бляхе подперсья из Козырки.

[59] Следует остановиться на вопросе об использовании дополнительных колец, пропущенных в петли фиалы. По наблюдениям к.и.н. Е.А. Шаблавиной, любезно сделанным по моей просьбе, на уцелевшей петле нет следов сработанности от металлического кольца. Напротив, следы потертости от органического материала (кожаного ремня?) присутствуют. Приношу благодарность Е.А. Шаблавиной за помощь.

[60] Всему комплекту конского церемониального снаряжения, многие элементы которого более ста лет ошибочно относились к костюму и доспеху погребенного всадника, я надеюсь посвятить отдельную статью.

[61] Otchir-Goriaeva 2002, 357, Abb. 5; Voroniatov 2020, 281–284, рис. 1, 2, 3, *1*.

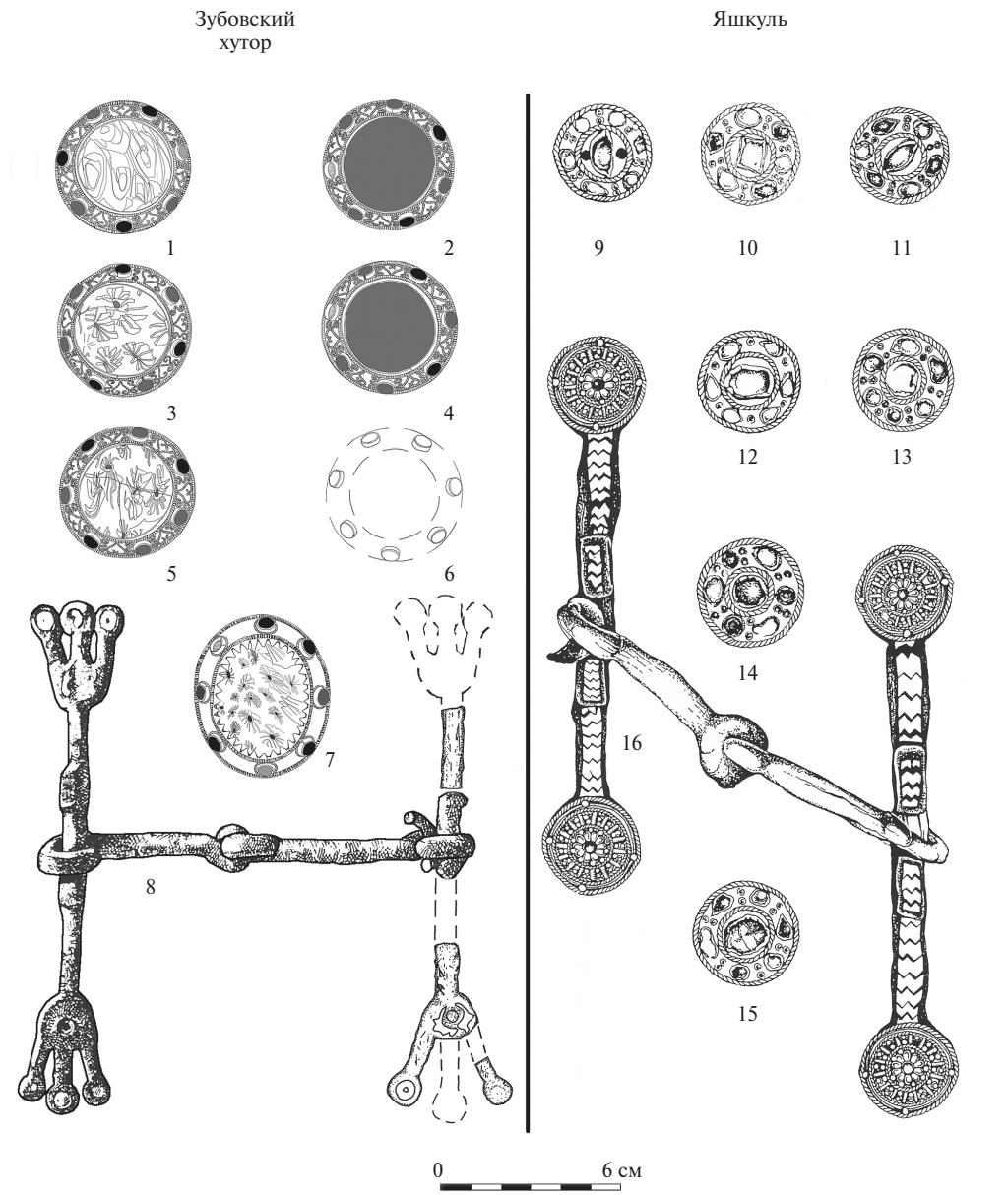


Рис. 10. Фалары конских оголовий и псалии с удилами: *1–8* – сарматское погребение кургана 1 на Зубовском хуторе (*1–7 – рисунки С.В. Воронятова 2021 г., 8* – по: Думберг 1901, рис. 16 (с добавлениями)); *9–16* – сарматское погребение у пос. Яшкуль (по: Otchir-Goriaeva 2002, Abb. 5, 6, *2*)

петель (рис. 11, *1*, *2*, *4*, *5*) также присутствуют в двух комплексах. Список совпадений продолжается наличием в обоих уборах парных «ложковидных» золотых ременных наконечников (рис. 11, *3*, *6*). Они по-разному оформлены, но у них одно назначение. Украшения узды двух лошадей дополняются парой железных

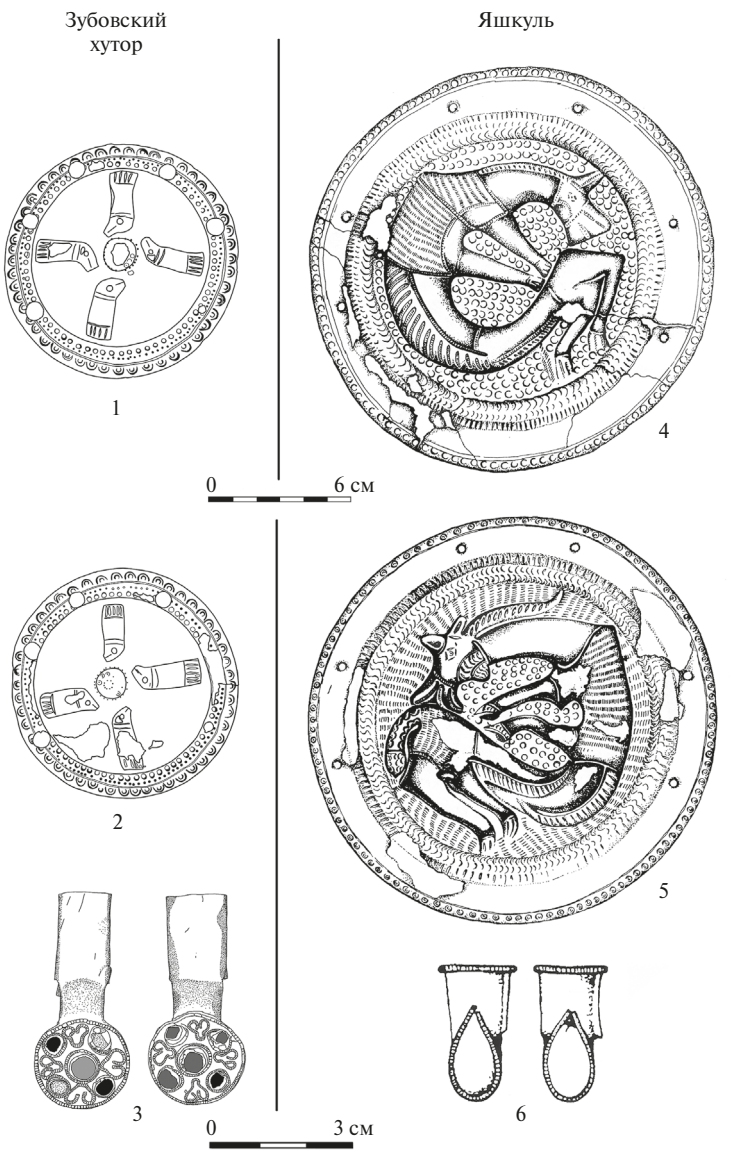


Рис. 11. Наплечные конские фалары и «ложковидные» наконечники ремней: *1–3* – сарматское погребение кургана 1 на Зубовском хуторе (*рисунки автора*); *4–6* – сарматское погребение у пос. Яшкуль (по: Otchir-Goriaeva 2002, Abb. 6, *3*, *4*; 7)

стержневых двудырчатых псалиев, декорированных золотом (см. рис. 10, *8*, *16*). Форма их концов различается, но применение техники плакировки золотом в обоих случаях, напротив, сближает.

Перечисленные категории предметов конского снаряжения есть и в двух других уже упомянутых сарматских комплексах с бляхами подперсья – в погребении некрополя Старокорсунского городища и среди вещей тайника кургана «Дачи».

Рис. 12. Реконструкция упряжи из сарматского погребения кургана 1 на Зубовском хуторе © *Художник Е. Край; реконструкция автора, 2021 г.*

Отличия заключаются в количестве малых фаларов оголовья и в художественном оформлении всех элементов. Но в них нет того, что еще больше сближает погребения в кургане 1 на Зубовском хуторе и около пос. Яшкуль. Только в этих двух погребениях, при сочетании двух больших фаларов с семью малыми, есть украшения подперсья, роль которых исполняли вторичные в использовании предметы (серебряная пластина назатыльника шлема и серебряная фиала), являющиеся в сарматских комплексах «реликтами». Это совпадение вряд ли может быть случайным.

Очевидно, что мастера, изготовлявшие перечисленные конские уборы, руководствовались единым стандартом или замыслом. Но использование при этом предметов чуждых культур из предшествующих эпох наталкивает на мысль о единых обстоятельствах их попадания к сарматам. Если существует гипотеза о том, что греческая фиала с посвящением «Я есть (собственность) Аполлона Предводителя в (на) Фасисе» оказалась у номадов в результате разграбления сокровищницы храма Аполлона в ходе одного из закавказских походов периода второй пол. I в. до н.э.– I в.н.э., то почему бы не предположить аналогичное происхождение для детали кельтского серебряного шлема?

Вариантов реконструкций конкретных обстоятельств множество. Шлем из благородного металла мог так же, как и фиала, какое-то время храниться в одном

из закавказских или малоазиатских святилищ. Он так же мог достаться сарматам в качестве трофея Митридатовых войн. Письменные источники фиксируют участие сарматских племен в сражениях против галатов на стороне Митридата Евпатора[62]. Ситуацию с трофеем можно соотнести с событиями малоазиатского похода Фарнака Боспорского[63]. Продумывать варианты реконструкций событий можно и далее, но для данного исследования важнее заострить внимание на удивительной схожести погребений на Зубовском хуторе в Прикубанье и около пос. Яшкуль в Калмыкии.

Еще одним аргументом в пользу того, что зубовская фиала использовалась как украшение подперсья, является ее размещение в могиле. Уже упоминалось, что сведения о раскопках, записанные Н.И. Веселовским со слов раскопавшего курган мещанина Забродина, не внушают доверия. Но все же рассмотрим упоминание о том, что серебряная фиала лежала «посередине могилы»[64]. Эта информация представляет интерес в связи с положением бляхи подперсья в погребении некрополя Старокорсунского городища. Нагрудный серебряный фалар был обнаружен в заполнении могилы над правой бедренной костью погребенного, что на плане соответствует середине погребальной ямы[65]. Данная топография подперсья объясняется тем, что элементы конского снаряжения, сочлененные ремнями узды, при захоронении были положены на тело всадника. Есть все основания предполагать, что конский убор с фиалой в качестве украшения подперсья таким же образом был помещен и в могилу кургана 1 на Зубовском хуторе. Именно такая ситуация объясняет, почему фалары конского оголовья и пара ложковидных наконечников были найдены «при костяке», железные удила с псалиями «с левой стороны костяка», а парные большие фалары находились по бокам от костяка[66].

Подводя итог, следует сказать, что отдельные доказательства того, что серебряная греческая фиала была переделана сарматами в украшение подперсья и использовалась в конском снаряжении, имеют слабые места. В силу низкого качества раскопок, а также значительных утрат и повреждений фиалы, в исходном материале исследования имеются невосполнимые пробелы. Но, на мой взгляд, сумма приведенных доводов и наблюдений свидетельствует в пользу высказанного предположения. Вероятно, сарматов нисколько не смутила ни надпись на фиале, ни то, что ее главные художественные достоинства будут скрыты от глаз наблюдателей. Им была важна эстетика другого уровня. Серебряная чаша, украсив конский убор, на варварский вкус богато смотрелась вместе с серебряными наплечными фаларами (рис. 12), подчеркивая статус знатного всадника.

Итог данного исследования способен повлечь за собой существенное уточнение датировки комплекса кургана 1 на Зубовском хуторе. Еще в конце 1980-х годов исследователи пришли к выводу, что погребение было совершено во второй пол. I в. до н.э.[67] М.Б. Щукин писал, что наиболее вероятное время сложения

---

[62] Shchukin 1994, 143.
[63] Shchukin 1994, 176.
[64] Dumberg 1901, 98.
[65] Limberis, Marchenko 2012, 145, рис. 1, *24*.
[66] Dumberg 1901, 94–98.
[67] Gushchina, Zasetskaya 1989, 87.

комплекса – третья четверть I в. до н.э., время совершения погребения – последняя четверть I в. до н.э. Особых оснований для предположений о захоронении после рубежа эр нет[68]. Датировка комплекса последней четвертью I в. до н.э. была поддержана и закрепилась в литературе.

Наличие среди погребального инвентаря украшения подперсья дает возможность поставить вопрос о пересмотре даты совершения захоронения. Датировка сарматских комплексов с конским снаряжением, включающим круглое украшение подперсья (Весняное, Грушка, Козырка, Дачи, Старокорсунское) в пределах периода – I в. н.э. – нач. II в. н.э., позволила А.В. Симоненко сделать вывод, что узда с украшением подперсья появляется у сарматов в I в. н.э.[69] Исходя из этого нужно либо считать зубовский комплекс исключением, т.е. самым ранним погребением с украшением подперсья (последняя четверть I в. до н.э.), либо он все-таки датируется I в. н.э.

Эту дилемму, на мой взгляд, могла бы разрешить обозначенная схожесть зубовского погребения с захоронением около пос. Яшкуль, которая дает основание говорить об относительной синхронности сложения этих комплексов. Но у исследователей нет единого мнения о хронологии яшкульского погребения. Сторонники более ранней датировки (сер. II–I вв. до н.э.) помимо прочего в своих доводах опираются на присутствие среди погребального инвентаря кинжала с серповидным навершием, тип которого хорошо известен в раннесарматской культуре[70]. Их оппоненты считают раннюю датировку заниженной и на основе анализа особенностей погребального обряда и нескольких категорий инвентаря предлагают датировать комплекс яшкульского захоронения I в. н.э. или даже второй пол. I – началом II в. н.э. и относят к среднесарматской культуре[71].

Несомненно, наличие украшения подперсья среди погребального инвентаря кургана 1 на Зубовском хуторе является важным аргументом для датировки комплекса I в. н.э. Но это еще и повод для будущей ревизии всех высказанных доводов его хронологии, которая должна строиться на анализе всего погребального инвентаря.

Литература / References

Anfimov, N.V. 1987: *Drevnee zoloto Kubani* [*Ancient Gold of the Kuban*]. Krasnodar.
Анфимов, Н.В. *Древнее золото Кубани*. Краснодар.

Bespalyy, E.I. 1992: [A Sarmatian kurgan near the town of Azov]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 1, 175–191.
Беспалый, Е.И. Курган сарматского времени у г. Азов. *СА* 1, 175–191.

Bespalyy, E.I., Luk'yashko, S.I. 2018: *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika*. T. II. *Kurgannyy mogil'nik u s. Novoaleksandrovka* [*Ancient Population of Country Rivers Don and Kagalnik*. Vol. II. *Burial Mound at the Village of Novoaleksandrovka*]. Rostov-on-Don.
Беспалый, Е.И., Лукьяшко, С.И. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника*. Т. II. *Курганный могильник у с. Новоалексадровка*. Ростов-на-Дону.

---

[68] Shchukin 1992, 108.

[69] Simonenko 2015, 290.

[70] Skripkin 2000, 21, 22; Mordvintseva 2005,186; Skvortsov, Skripkin 2008, 105–108; Zasetskaya 2019, 30.

[71] Treister, Yatsenko 1997–1998, 54; Ochir-Goryaeva, Lapa, 2002, 203–205; Otchir-Goriaeva 2002, 366–382; Ochir-Goryaeva, 2019, 19–38; Glebov 2007, 97–102.

Berdzenishvili, M.D. 1969: *K istorii goroda Fasisa* [*To the History of the City of Phasis*]. (In Georgian). Tbilisi.
Бердзенишвили, М.Д. *К истории города Фасиса*. (На грузинском языке). Тбилиси.
Boardman, J. 1994. *The Diffusion of Classical Art in Antiquity*. London.
Boltryk, Y.V., Treister, M. Yu. 2012: A silver *phiale* from the Scythian barrow Semÿkina Mogila. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 18/1, 1–27.
Bothmer, D. 1962: A gold libation bowl. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin* 21/4, 154–166.
Braund, D. 1994*: Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia, 550 BC – AD562.* Oxford.
Braund, D. 2009: The silver phiale dedicated to Apollo Hegemon from Zubovskiy khutor. In: *Bosporskie chteniya* [*Bosporan Readings*] X. Simferopol'–Kerch, 533–537.
Braund, D. The silver phiale dedicated to Apollo Hegemon from Zubovskiy khutor. В сб.: *Боспорские чтения* X. Симферополь–Керчь, 533–537.
Du Brux, P. 2010: *Sobranie sochineniy*. T.I. *Teksty* [*Collected Works*. T.I. *Texts*]. Translated by N.L. Sykhachev. Saint Petersburg.
Дюбрюкс, П. *Собрание сочинений*. Т.I. *Тексты*. Пер. с фр. яз. Н.Л. Сухачев. СПб.
Dumberg, K. 1901: [The excavations of the burial-mounds in the Zubov khutor in the Kuban region]. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskiy komissii* [*Proceedings of the Imperial Archaeological Commission*] 1, 94–103.
Думберг, К. Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. *ИАК* 1, 94–103.
Ebert, M. Zubov-Fund. In: M. Ebert (Hrsg.)*, Reallexikon der Vorgeschichte*. Bd. XIV. Berlin, 1929, 547–549.
Glebov, V.P., 2007: [About the cultural and ethnic identity of the Sarmatian burial near the village Yashkul' (Group 37, Barrow 1)]. In: A.V. Kiyashko, A.S. Skripkin (eds.), *Problemy arkheologii nizhnego Povolzh'ya. II Mezhdunarodnaya Nizhnevolzhskaya konferentsiya, g. Volgograd, 12–15 noyabrya 2007 g. Tezisy dokladov* [*Problems of Archeology of the Lower Volga Region. The Second International Conference of the Lower Volga Region, Volgograd, 12–14 November, 2007. Conference Proceedings*]. Volgograd, 97–103.
Глебов, В.П. О культурно-этнической принадлежности сарматского погребения у пос. Яшкуль (гр. 37 к. 1). В сб.: А.В. Кияшко, А.С. Скрипкин (ред.), *Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция, г. Волгоград, 12–15 ноября 2007 г. Тезисы докладов.* Волгоград, 97–103.
Glebov, V.P., Dedyulkin, A.V., Gordin, I.A. 2014: [The helmets of the East Celtic type in the funerary and ritual complexes on the territory of Sarmatia]. In: L.T. Yablonskiy, N.S. Savel'ev (eds.), *Sarmaty i vneshniy mir. Materialy VIII Vserossiyskoy (s mezdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [*Sarmatians and the External World. Proceedings of the 8th Russian Scientific Conference with International Participation «Problems of Sarmatian Archaeology and History»*]. Ufa, 77–83.
Глебов, В.П., Дедюлькин, А.В., Гордин, И.А. Шлемы восточнокельтского типа в погребальных и ритуальных комплексах на территории Сарматии. В сб.: Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (ред.), *Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Уфа, 77–83.
Grosu, V.I. 1986: [Sarmatian burial in the Dniester basin]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 1, 258–261.
Гросу, В.И. Сарматское погребение в Поднестровье. *СА* 1, 258–261.
Gushchina, I.I., Zasetskaya I.P. 1989: [Burials of the Zubovsko-Vozdvizhenskiy type from the excavations of N.I. Veselovsky in the Kuban River Region (Ist century BC – early IInd century AD)]. In: M.P. Abramova (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [*Archaeological Research in the South of Eastern Europe*]. Moscow, 71–141.
Гущина, И.П., Засецкая, И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э.– начало II в.н.э.). В сб.: М.П. Абрамова (ред.), *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. (Труды ГИМ, 70). М., 71–141.
Inadze, M.P. 1968: *Prichernomorskie goroda Drevney Kolkhidy* [*Black Sea Towns of Ancient Colchis*]. Tbilisi.
Инадзе, М.П. *Причерноморские города Древней Колхиды*. Тбилиси.
Inadze, M.P. 1982: [*Greek Colonization of the East Coast of the Black Sea*]. (In Georgian). Tbilisi.
Инадзе, М.П. *Греческая колонизация восточного побережья Черного моря*. (На грузинском языке). Тбилиси.
Jeffery, L.H. 1961: *The Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eight to the Fifth Centuries*. Oxford.

Kalashnik, Yu.P. 2014: *Grecheskoe zoloto v sobranii Ermitazha. Pamyatniki antichnogo yuvelirnogo iskusstva iz Severnogo prichernomor'ya* [*The Greek gold in the Collection of the Hermitage. Items of Ancient Jewellery Art from the North Pontic Area*]. Saint Petersburg.
Калашник, Ю.П. *Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья*. СПб.

Kaposhina, S.I. 1967: [Connections of the Sarmatian tribes of the Lower Don region with the Mediterranean in the 1st century BC and in the first centuries CE]. In: T.B. Blavatskaya (ed.), *Antichnoe obshchestvo* [*Ancient Society*]. Moscow, 145–150.
Капошина, С.И. Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н.э. и в первые века нашей эры. В сб.: Т.Б. Блаватская (ред.), *Античное общество. Труды конференции по изучению античности*. М., 145–150.

Kaukhchishvili, T.S. 1951: *Grecheskie nadpisi Gruzii* [*Greek Inscriptions of Georgia*]. Tbilisi.
Каухчишвили, Т.С. *Греческие надписи Грузии*. Тбилиси.

Kieseritzky, G. von. 1901: Funde in Südrussland. Archäologischer Anzeiger. In: *Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Institut.* Bd. XVI. Berlin, 55–57.

Ksenofontova, I.V.: 2005 [Silver phial from the funds of the National Museum of the Republic of Adygea]. In: I.I. Marchenko (ed.), *Chetvertaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: tezisy i doklady* [*The Fourth Kuban Archaeological Conference: Proceedings of the Conference*]. Krasnodar, 150–152.
Ксенофонтова, И.В. Серебряная фиала из фондов Национального музея Республики Адыгея. В сб.: И.И. Марченко (ред.), *Четвертая Кубанская археологическая конференция: тезисы и доклады*. Краснодар, 150–152.

Kubyshev, A.I., Bessonova, S.S., Kovalyev, N.V. 2009: *Bratolyubovskiy kurgan* [*Bratolyubovsky Mound*]. Kyiv.
Кубышев, А.И., Бессонова, С.С., Ковалев, Н.В. *Братолюбовский курган*. Киев.

Limberis, N. Yu., Marchenko, I.I. 2012: [Burial of a Sarmatian horseman at the necropolis of the Meotsky hillfort]. In: D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov (eds.), *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy*. [*Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period. In Memory of Irina Ivanovna Gushchina*]. Moscow, 144–154.
Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. Погребение сарматского всадника на некрополе меотского городища. В сб.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной*. (Труды ГИМ, 191). М., 144–154.

Lordkipanidze, G.A. 1970: *K istorii drevney Kolkhidy* [*To the History of Ancient Colchis*]. Tbilisi.
Лордкипанидзе, Г.А. *К истории древней Колхиды*. Тбилиси.

Lordkipanidze, O.D. 1997: [Deities of the city of Phasis (Apollo or Apollonal triad?)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 15–34.
Лордкипанидзе, О.Д. Божества города Фасиса (Аполлон или Аполлинарная Триада?). *ВДИ* 1, 15–34.

Lordkipanidze, O.D. 2000: *Phasis. The River and City in Colchis*. Stuttgart.

Luschey, H. 1939: *Die Phiale*. Bleicherode am Harz.

Mal'mberg, V. 1894: [Items of Greek and Greco-Barbarian art found in the Karagodeuashkh mound]. In: A. Lappo-Danilevskiy, V. Mal'mberg (eds.), *Drevnosti Yuznoy Rossii. Kurgan Karagodeuashkh* [*Antiquities of the Southern Russia. Karagodeuashkh Mound*], 24–60.
Мальмберг, В. Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагодеуашх. В кн.: А. Лаппо-Данилевский, В. Мальмберг, *Древности Южной Россіи. Курганъ Карагодеуашхъ*. (МАР, 13). СПб., 24–60.

Melikishvili, G.A. 1959: *K istorii drevney Gruzii* [*To the History of Ancient Georgia*]. Tbilisi.
Меликишвили, Г.А. *К истории древней Грузии*. Тбилиси.

Minns, E.H. 1913: *Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge.

Marčenko, I.I., Limberis, N. Ju. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N. Ju Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban*. Mainz am Rhein, 265–400.

Mordvintseva, V.I. 1996: [Concerning the use of Prokhorovsky dishes]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 2, 155–160.
Мордвинцева, В.И. О вторичном использовании ахеменидских блюд из Прохоровского кургана. *РА* 2, 155–160.

Mordvintseva, V.I. 2005: [Imitation of objects of the Sarmatian animal style in the art of the Ist Century BC]. In: I.I. Marchenko (ed.), *Chervertaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: tezisy i doklady* [*The Fourth Kuban Archaeological Conference: Proceedings of the Conference*]. Krasnodar, 186–187.
Мордвинцева, В.И. Подражание предметам сарматского звериного стиля в искусстве I в. до н.э. В сб.: И.И. Марченко (ред.), *Четвертая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 186–187.

Mordvintseva, V., Treister, M. 2007: *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e.– II v.n.e.* [*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD*]. Vol. I–III. Simferopol–Bonn.
Мордвинцева, В., Трейстер, М. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Т. I–III. Симферополь–Бонн.

Musbakhova, V.T. 2013: [Ancient evidences on the localization of Aeaetes' Kingdom in the Kuban Basin]. In: I.I. Marchenko (ed.), *Shestaya mezhdunarodnaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy konferentsii* [*The Sixth International Kuban Archaeological Conference. Proceedings*]. Krasnodar, 301–306.
Мусбахова, В.Т. Комплекс античных свидетельств о локализации царства Ээта в Прикубанье. В сб.: И.И. Марченко (ред.), *Шестая международная Кубанская археологическая конференция: материалы конференции*. Краснодар, 301–306.

Ochir-Goryaeva, M.A. 2019: [Burial of a warrior-horseman from the Yashkul Mound Group]. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN* [*Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*] 4, 5–60.
Очир-Горяева, М.А. Погребение воина-всадника из курганной группы Яшкуль. *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН* 4, 5–60.

Ochir-Goryaeva, M.A., Lapa, N.L. 2002: [A Sarmatian military burial complex from the Kalmyk regional museum]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 200–205.
Очир-Горяева, М.А., Лапа, Н.Л. Комплекс сарматского воинского погребения из фондов Калмыцкого республиканского краеведческого музея. *ВДИ* 3, 200–205.

Onayko, N.A. 1970: *Antichnye import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v IV–II vv. do n.e.* [*Antique Imports to the Dnieper and Bug River Regions in the 4th-2nd Centuries BC*]. Moscow.
Онайко, Н.А. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э.* (САИ, Вып. Д1–27б). М.

Otchir-Goriaeva, M.A. 2002: Das sarmatische Grab von Jaškul', Kalmykien. *Eurasia antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens* 8, 353–387.

Potratz, J.A.H. 1963: *Die Skythen in Südrussland: ein untergegangenes Volk in Südosteuropa*. Basel.

Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin*. (BAR International Series, 278). Oxford.

Raev, B.A., Yatsenko S.A. 1993: [Time of the first appearance of the Alans in southeastern Europe]. In: B.A. Raev (ed.), *Skifiya i Bospor: materialy konferentsii pamyati akademika M.I. Rostovtseva* [*Scythia and Bosporus: Proceedings of the Conference in Memory of M.I. Rostovtzeff*]. Novocherkassk, 111–125.
Раев, Б.А., Яценко, С.А. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе. В сб.: Б.А. Раев (ред.), *Скифия и Боспор: материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева*. Новочеркасск, 111–125.

Raev, B.A., Simonenko, A.V. 2009: [«Phalera» from «Davydovsky hoard»]. In: A.G. Furas'ev (ed.), *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoy i Dunayem* [*Huns, Goths and Sarmatians Between the Volga and the Danube*]. Saint Petersburg, 65–79.
Раев, Б.А., Симоненко, А.В. «Фалар» из «Давыдовского клада». В сб.: А.Г. Фурасьев (ред.), *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. СПб., 65–79.

Rolle, R., Müller-Wille, M., Schietzel, K. (Hrsg.) 1991: *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig.

Rostovtzeff, M. 1922: *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.

Rostovtsev, M.I. 1925: *Skifiya i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh* [*Scythia and Bosporus. Critical Review of Literary and Archaeological Sources*]. Petrograd.
Ростовцев, М.И. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Пг.

Rostowzew, M. 1931: *Skythien und der Bosporus*. Bd. I–II. Berlin.

Sergackov, I.V. 1994: The Sarmatians of Volga-Don steppes and Rome in the first centuries AD. In: B. Genito (ed.), *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium Held in Naples, 9–12 November 1992*. Napoli, 263–277.

Silant'eva, L.F. 1959: [Necropolis of the Nymphaeum]. In. V.F. Gaydukevich (ed.), *Nekropoli bosporskikh gorodov* [*Necropolises of Bosporan Cities*]. Moscow–Leningad, 5–107.
Силантьева, Л.Ф. Некрополь Нимфея. В сб.: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Некрополи боспорских городов*. (МИА, 69). М.– Л., 5–107.
Simonenko, A.V. 1997: Eine sarmatische Bestattung vom Südlichen Bug. *Eurasia antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens* 3, 389–407.
Simonenko, A.V. 1999: [Sarmatian burial with tamgas on the territory of the region of Olbia]. *Arheologija* [*Archeology*] 1, 106–118
Симоненко, О.В. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави. *Археологія* 1, 106–118.
Simonenko, A.V. 2004: Eine sarmatische Bestattung mit Tamga-Zeichen im Gebiet Olbias. *Eurasia antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens* 10, 199–227.
Simonenko, A.V. 2010: *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [*Sarmatian Riders of North Pontic Region*]. Saint Petersburg.
Симоненко, А.В. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. СПб.
Simonenko, A.V. 2012: [Rich Sarmatian burial near the Vesnyanoe village near Nikolaev]. In: *Zoloto, kon' i chelovek. Sbornik statey k 60-letiyu Alexandra Vladimirovicha Simonenko* [*Gold, Horse, and Man. Collection of Essays to the Sixtieth Anniversary of Alexander Vladimirovich Simonenko*]. Kyiv, 207–226.
Симоненко, А.В. Богатое сарматское погребение у села Весняное близ Николаева. В сб.: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко*. Киев, 207–226.
Simonenko, A.V. 2015: *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [*The Sarmatian Horsemen of North Pontic Region*]. 2nd ed. Kyiv.
Симоненко, А.В. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. 2-е изд. Киев.
Skalon, K.M. 1941: [Animal images on pottery of Sarmatian period]. In: A.A. Iessen (ed.), *Trudy otdela istorii pervobytnoy kultury*. T. I [*Proceedings of the Department of the History of Primitive Culture*. Vol. I]. Leningrad, 173–218.
Скалон, К.М. Изображение животных на керамике сарматского периода. В сб.: А.А. Иессен (ред.), *Труды отдела истории первобытной культуры*. Т. I. Л., 173–218.
Skripkin, A.S. 2000: [New aspects in the study of the history of Sarmatian material culture]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [*The Lower Volga Archaeological Bulletin*] 3, 17–40.
Скрипкин, А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов. *Нижневолжский археологический вестник* 3, 17–40.
Skvortsov, N.B., Skripkin, A.S., 2008: [Burial of the Sarmatian Nobility from the Volgograd Trans-Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [*The Lower Volga Archaeological Bulletin*] 9, 98–116.
Скворцов, Н.Б., Скрипкин, А.С. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья. *Нижневолжский археологический вестник* 9, 98–116.
Smirnov, K.F. 1953: *Severskiy kurgan* [*Seversky Mound*]. Moscow, 5–42.
Смирнов, К.Ф. *Северский курган*. (Труды ГИМ, XI). М., 5–42.
Shchukin, M.B. 1992: [Some remarks on the chronology of the Zubov-Vozdvizhenskaya group and the problem of the early Alans]. In: B.A. Raev (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir (materialy III-go arkheologicheskogo seminara)*. Ch. I [*Ancient Civilization and the Barbarian World (Proceedings of the 3rd Archaeological Seminar)*. Pt. I]. Novocherkassk, 103–130.
Щукин, М.Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблеме ранних алан. В сб.: Б.А. Раев (ред.), *Античная цивилизация и варварский мир (материалы III археологического семинара)*. Ч.I. Новочеркасск, 103–130.
Shchukin, M. 1994: *Na rubezhe er. Opyt istoriko-akheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobytiy III v. do n.e. – I v. n.e. v Vostochnoy i Tsentralnoy Evrope* [*On the Turn of Era. An Attempt to Construct a Model of Political Events in Eastern and Central Europe During the 3rd Century BC – 1st Century AD*]. Saint Petersburg.
Щукин, М. *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе*. Санкт-Петербург.
Strong, D.E. 1966: *Greek and Roman Gold and Silver Plate*. London.
Treister, M. 2002: Metal vessels from Dardanos tumulus in the Troad. In: A. Giumlia-Mair (ed.), *I bronzi antichi: produzione e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi*. Montagnac, 354–362.
Treister, M. Yu. 2005: On a vessel with figured friezes from a private collection, on burials in Kosika and once more on the «Ampasalakos School». *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 11/3–4, 199–255.

Treister, M. Yu. 2007: The toreutics of Colchis in the 5th-4th centuries BC. Local traditions, outside influences, innovations. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 13/1–2, 67–107.

Treister, M. Yu. 2010: [Jewelry and toreutics]. In. G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznecov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [*Ancient Heritage of Kuban*]. Vol. II. Moscow, 534–597.
Трейстер, М.Ю. Ювелирное дело и торевтика. В сб.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т. II. Москва, 534–597.

Treister, M. Yu. 2019: Second-hand for the barbarians? Greek and Roman metalware with signs of repair from the nomadic burials of Scythia and Sarmatia. In: Cojocaru V., Ruscu L., Castelli T., Pázsint A.-I. (eds.), *Advances in Ancient Black Studies: Historiography, Archaeology and Religion*. Cluj-Napoca, 313–345.

Treister, M., Yatsenko, S.A. 1997–1998: About the centres of manufacture of certain series of horse-harness roundels in «Gold-Turquoise Animal Style» of the 1st–2nd centuries AD. *Silk Road Art and Archaeology* 5, 51–106.

Tsetskhladze, G.R. 1994: The silver phiale mesomphalos from the Kuban (Northern Caucasus). *Oxford Journal of Archaeology* 13/2, 199–215.

Tsetskhladze, G.R. 1998: *Die Griechen in der Kolchis (historisch-archäologischer Abriß)*. Amsterdam.

Veselovskiy, N.I. 1905: [Mounds of the Kuban region during the period of Roman rule in the North Caucasus]. In: *Trudy XII Arkheologicheskogo s''ezda v Khar'kove 1902 g*. T. I [*Proceedings of the XII Archaeological Congress in Kharkov 1902*. Vol. I.]. Moscow, 341–373.
Веселовский, Н.И. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. В сб.: *Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г.* Т. I. М., 341–373.

Vickers, M., Gill, D. 1994: *Artful Crafts. Ancient Greek Silverware and Pottery*. Oxford.

Vinogradov, Yu.G. 1997: Griechische Epigraphik und Geschichte des Nördlichen Pontosgebietes. In: Yu.G. Vinogradov, *Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeeraumes*. Mainz, 74–99.

Vinogradov, Yu.G., Rusyaeva, A.S. 1980: [The cult of Apollo and the calendar in Olbia]. In: *Issledovaniya po antichnoy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [*Research in the Ancient Archeology of the Northern Black Sea Region*]. Kyiv, 19–64.
Виноградов, Ю.Г., Русяева, А.С. Культ Аполлона и календарь в Ольвии. В сб.: *Исследования по античной археологии Северного Причерноморья*. Киев, 19–64.

Voroniatov, S.V. 2020: [Phalerae the decoration of horse hedgear from barrow 1 on Zubovski Khutor]. *Arheologija i davnja istorija Ukrai'ny* [*Archaeology and Early History of Ukraine*] 3/36, 281–287.
Воронятов, С.В. Фалары конского оголовья из кургана 1 на Зубовском хуторе. *Археологія і давня історія України* 3/36, 281–287.

Voroniatov, S.V. 2022: [Circumstances of the excavations of burial mounds at the Zubovski Khutor (1899) and their influence on the interpretation of the materials obtained]. *Drevnie i srednevekovye kul'tury Kavkaza: Otkrytiya, gipotezy, interpretatsii. XXXII Krupnovskie chteniya*. [*Ancient and Medieval Cultures of the Caucasus: Discoveries, Hypotheses, Interpretations. XXXII Krupnov Conference*]. Maykop, 132–135.
Воронятов, С.В. Обстоятельства раскопок курганов на Зубовском хуторе (1899 г.) и их влияние на интерпретацию полученных материалов. *Древние и средневековые культуры Кавказа: Открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения*. Майкоп, 132–135.

Zasetskaya, I.P. (ed.) 2008: *Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki* [*Sarmatian treasures. Exhibition Catalogue*]. Saint Petersburg.
Засецкая, И.П. (ред.). *Сокровища сарматов. Каталог выставки*. СПб.

Zasetskaya, I.P. 2010: [Kuban antiquities of the Roman Period]. In. G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznecov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani*. T. III [*Ancient Heritage of Kuban*. Vol. III]. Moscow, 276–292.
Засецкая, И.П. Древности Прикубанья римской эпохи. *Античное наследие Кубани*. Т. III. М., 276–292.

Zasetskaya, I.P. 2019: *Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoy epokhi (II v. do n.e. – nachalo II v. n.e.)* [*The Art of the Animal Style of the Sarmatian Period (2nd century BC – early 2nd century AD)*]. Simferopol.
Засецкая, И.П. *Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н.э.– начало II в. н.э.)*. Симферополь.

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 392–410
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 392–410
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910012566-5

PERSONAL NAMES ON VISIGOTHIC SLATE TABLETS

Isabel Velázquez

Complutense University of Madrid, Spain, Madrid

E-mail: ivelaz@ucm.es

ORCID: 0000-0001-5641-1878

This article analyses the personal names that appear in texts inscribed on slate tablets from Visigothic Hispania (sixth to eighth centuries AD). The texts were found at rural sites clustered around the borders between the provinces of Salamanca, Ávila and the north of Cáceres, in areas about which the historical sources are largely silent. The author analyses the kinds of text in which these personal names appear and the ways in which they are presented. In some cases, the slates simply contain lists of names, probably of farmers who worked the land, but in others they provide the names of sellers, buyers, judges or witnesses to legal documents, some of whom wrote their names and signed in their own hand. The origins of the names, mainly Graeco-Roman or Gothic, are also analysed. The presence of names of diverse origin in the same documents, especially in those dealing with agricultural matters, might perhaps indicate the presence of a mixed population. Finally, the author considers the names of Hebrew origin, which on these slates almost always refer to biblical characters or angels.

Keywords: Visigothic slates, personal names of Graeco-Roman origin, personal names of Gothic origin, Biblical names, signatures and signatories, witness signatures, farmers, rural society

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА НА ВИЗИГОТСКИХ СЛАНЦЕВЫХ ТАБЛИЧКАХ

И. Веласкес

Мадридский университет Комплутенсе, Испания, Мадрид

E-mail: ivelaz@ucm.es

Author. Isabel Velázquez – Professor at the Department of Classics of the Complutense University of Madrid.

This study formed part of the AVIPES-CM Project (Ref. H2019-HUM5742), Community of Madrid/European Social Fund.

В статье анализируются личные имена, встречающиеся в текстах на сланцевых табличках из вестготской Испании (VI–VIII вв. н.э.). Тексты были найдены в сельских районах, сгруппированных вокруг границ между провинциями Саламанка, Авила и к северу от Касереса, в районах, о которых исторические источники в основном умалчивают. Автор анализирует, в каком тексте появляются эти личные имена и как они представлены. В некоторых случаях на табличках содержатся только списки имен, вероятно, тех фермеров, которые обрабатывали землю, но в других случаях засвидетельствованы имена продавцов, покупателей, судей или свидетелей юридических документов, часть которых собственноручно написали свои имена и поставили подписи. Также анализируется происхождение имен, которые в основном являются греко-римскими или готскими. Наличие разнородных по происхождению имен в одних и тех же документах, в особенности сельскохозяйственных, может указывать на смешанный характер населения. Наконец, автор также рассматривает имена еврейского происхождения, которые на этих сланцевых табличках почти всегда относятся к библейским персонажам или к ангелам.

Ключевые слова: вестготские сланцевые таблички, личные имена греко-римского происхождения, личные имена готского происхождения, библейские имена, свидетельские подписи, крестьяне, сельское общество

The so-called “Visigothic slates” comprise a collection of mainly sixth-, seventh- and eighth-century AD texts found in the Central Plateau of modern Spain, in settlements scattered around the borders between the provinces of Ávila, Salamanca, and the north of Cáceres. However, slate tablets have also been found in other areas and from other periods, including two fifth-century curse tablets (*defixiones*) discovered near Braga (Portugal), the tenth century “Carrio” slate in Asturias and several ninth-century pieces in Andorra.

There are three types of inscribed tablet: slates with text, slates with numerical signs, and slates with very varied drawings including representations of animals, buildings, agricultural tools and human figures. These latter in particular have yet to receive sufficient study.

Slate is a soft material on which signs can easily be inscribed or scratched and it has been used as a writing medium throughout history, although it was not the most common medium in antiquity or the Middle Ages. By way of example, inscribed slate tablets have been found at various sites in Huelva and Córdoba (dated to the first to third centuries AD), and at the Irish monastery of Smarmore (County Louth) (thirteenth and fifteenth centuries); however, despite their interest, these still await detailed study[1].

Here, I shall discuss the slate texts written during the Visigothic period in the above-mentioned area. Most of these slates were not uncovered during archaeological excavations, but instead were found on the surface in rural settings[2]. Although some archaeological excavations have revealed a Visigothic context, the slates have often been found without a clear location that could provide information as to their function. Unfortunately, the majority are fragmentary: there are virtually no complete pieces and some retain so little text that they offer negligible information about their exact content.

Nevertheless, these slates comprise documents of exceptional value. With the exception of conventional epigraphy, they are virtually the only original documents to survive

[1] On this subject, see Velázquez Soriano 2022, with previous bibliography.

[2] Only two small fragments have been found in urban areas in Visigothic archaeological contexts, one of which – still unpublished – comes from the city of Ávila, while the other is from the city of Toledo. On this latter, see the edition by I. Velázquez Soriano in *CIL* II^2 13, 78.

from sixth- and seventh-century Visigothic Hispania, and they therefore provide us with valuable information about the type of script in use at the time. This was the "new common Roman cursive", although some elements of the so-called "Visigothic cursive writing" are also evident[3]. Apart from the well-known manuscripts of Autun 27 and 107[4], possibly the codex of the "Camarín de las Reliquias" (El Escorial)[5], and the Verona Orational (c. 700)[6]. Very few manuscripts in Visigothic script survive from the seventh century: most are of a later date, generally from the ninth to the twelfth centuries. Meanwhile, the only documents to have been preserved are the parchment charters discovered in the National Historical Archive and studied by Mundó[7].

Another reason why these slate texts are so important is that they offer an exceptional insight into the agricultural economy and everyday life of Visigothic Spain. They include sales documents, court statements and other legal documents (*placita*) and even a private letter (*epistula*). Others are of a religious nature – generally psalms – and may have served an educational purpose, and there are also *defixiones* and texts of an apparently magical nature. Some list the names of animals, agricultural products and even clothing, while another large group of slates gives the names of farmers, who must have paid taxes in kind or have received some products.

These texts also provide evidence of the value ascribed in the Visigothic period to *scriptura* and thus to written legal documents. This is already attested to by Visigothic laws[8] and formularies[9], but the legal documents preserved on slate demonstrate that it was common practice to record private transactions in writing. In the words of P. Riché[10]:

D'autres faits montrent que l'écrit joue toujours un rôle important dans la vie de ces royaumes barbares... Dans le domaine commercial les échanges exigent toujours un minimum d'écritures et lorsqu'il arrive que des marchands soient illettrés, ils ont des ecribes qui les aident dans leurs comptes et leur correspondance. Les ventes, comme les donations et testaments, ne se conçoivent pas sans la rédaction d'un acte dont la valeur n'est plus simplement probatoire, mais tend à devenir dispositive.

PEOPLE AND NAMES

We do not know the names of those who inscribed the texts, the *scriptores* or *scribae*, and in some cases, several hands appear in the same document. In contrast, however, the names of the signatories of the legal documents are sometimes given, enabling us to identify the people involved in the transactions being recorded. It is highly likely that many of

[3] del Camino Martínez 1990, 29–37; Alturo 2004, 347–386; Velázquez Soriano 2006, 109–119; 2012, 15–53.

[4] Robinson 1939.

[5] Codex written in uncial script, containing some fragments written in Visigothic cursive. Held in the El Escorial Library (without number). See Lowe 1966, no. 1628b .

[6] Vivancos 2006, 121–144.

[7] Mundó Marcet 1974, 5–8. Recently edited in Calleja-Puerta *et al*. 2018, no. 1–5.

[8] See *LV* 2.1.5, 2.1.6, 2.5, 5.4.3. See also *CE* 286. On this subject, see Zeumer 1944, 166–170; Petit 1983, 168–169; Marlasca 1998, 563–584.

[9] *Formulae Visigothicae*: Gil 1972, 71–113.

[10] Riché 1962, 60.

the people whose names are recorded on the slates were unable to read or write, and of these we know only their names or the minimal references given in the texts.

The Visigothic kings can be identified, but their names are always included as part of the dating clause, not as part of the text content. Biblical names – *nomina sacra* – also appear in texts of a religious or magical nature, phylacteries and *defixiones*. Sometimes, individuals' professions are indicated, as in the case of the *iudices* or *uicarii*, but for most people mentioned on the slates, we have no further information other than their names. However, the context in which these names are transmitted tells us something about the reasons why they were recorded on the slates.

Below, I shall analyse these personal names to elucidate the information they provide about the onomastic registers in Visigothic Hispania, including the origin of the names, which is mainly Graeco-Roman and Gothic. I shall also explore the use of signatures and signs to identify individuals on legal documents.

Significant information about the purposes of the texts can be retrieved from the way in which the names are presented. These often are recorded in vertical lists, some of which provide no further information other than the names themselves. However, in most cases the lists also include numbers, or quantities of grain, products or animals, as well as the personal names. The way in which these lists are structured and the information they record suggest an administrative function, and the following sections are organised according to this premise. The first section discusses the majority of the names that appear on the slates. These are mostly names of farmers, although some of the people named may have belonged to the ruling classes. The texts in which these names appear concern agricultural or livestock matters and often record contributions – payments, most probably – or the distribution of products.

The second section concerns people whose names appear on legal documents, in particular the signatories. Sometimes, the signatures are written in a different hand from that in which the document is written, while at others the signatories have simply signed with a *signum crucis*, and it is highly likely that in some cases it was the scribes themselves who wrote the signatories' names.

The third section examines the names according to their origin –generally Graeco-Roman or Gothic. Besides the names of the Visigothic kings, which, as indicated, only appear in the dating clauses of the documents, the names of the *iudices* and *uicarii* are also of Gothic origin and perhaps the people referred to were as well; however, in all the other cases, the names are of a mixed origin. It would be rash to assume that a name closely coincides with the named person's origin: in seventh-century society, it is probable that a name was no longer necessarily indicative of an individual's ethnic origin.

Names of Hebrew origin, as well as the *nomina sacra*, discussed in the final section, never refer to real people living in the Visigothic kingdom; instead, such names only appear in religious or liturgical texts, school exercises and some texts of a magical nature.

FARMERS' NAMES

As noted above, some slate tablets simply contain lists of personal names without any additional information. These include slates from Mogarraz (no. 113)[11], Salvatierra de

[11] Here, I follow the numbers assigned to the texts in the edition by Velázquez Soriano 2000. The numbering is identical in the 2004 edition, except that the latter lists 163 slates and the former, 153.

Tormes (no. 117–119) and Pelayos (no. 129, 131 and 132), all villages in the province of Salamanca. On some slates, the names are accompanied by numerical signs such as I or II, as on the slate no. 1 (Lerilla, Salamanca), one of the few slate texts found at this site[12]:

Vincentius II | *Bonifatius II* | *Bitorius I* | *Profidentius I* ||*5 Ferbodus I* | *P e r i a s [---]*

Several of them also present a particular arrangement of names. For example, on slate no. 6 (Salvatierra de Tormes, Salamanca), the names are written one below another, and are furthermore divided into pairs by means of an additional blank line separating each pair from the rest. The first side of the slate reads as follows:

Rufinus
Placidius

Macarius
Auinus
---
5 Darcus
[- - -]sicius

[- - -]egiusnu<s>
[- - -]mistidinus

[- - -]inisus
10 Cantinus

[- - -]inus
Pius

[- - -]ius
[- - -]sicius

It is impossible to determine why the names are arranged in this manner, but it would not appear to be an unintentional structure. Another slate in this group (no. 129; Pelayos, Salamanca) exhibits a highly unusual method of recording the names, alternating between nominative and genitive. Although fragmentary, it appears to contain two columns separated by a vertical line. Remains of numbers are still visible in the left-hand column:

[- - -]II | [- - -]II | [- - -]II | [- - -]II | - - - - - -

while the right-hand column consists of names written one below the other (fig. 1):

Rustici | *Flabios* | *Costanti* | *Seueros* ||*5 Ponpuni* | *et Ponpellos*

The alternation of names in nominative and genitive may express a tie of dependence, perhaps a form of ownership or maybe simply a father-son relationship. Furthermore, it is unclear whether the first term, *rustici*, refers to the genitive of the name *Rusticus* or is a reference to the *rustici*, which would indicate that these were the personal names of farmers. The latter case may be more likely, because the term *rusticus* was commonly used at the time to designate people who worked the land, cf. Isid. *Etym*. 10.239: *Rusticus dictus*

[12] Only three or four slate fragments with text are known from this location, but there are hundreds of fragments with numerical signs.

Fig. 1. Slate no 129, Pelayos (Salamanca). Salamanca Museum, Spain. *Photo by I. Velázquez, 1998*

quod rus operetur, id est, terram[13]. In Visigothic law, a *rusticus* is also referred to as a *seruus*, cf. *LV* 3.3.9. The slate text could be interpreted as follows: "Farmers: Flavius of Constantius, Severus of Pomponius, and Pompeius", but it remains unclear whether the interdependence between the people on this slate is based on family ties or some other type of relationship.

However, in the case of the very fragmentary list on slate no. 120 (Salvatierra de Tormes, Salamanca), the individuals whose names are recorded appear to be fathers and sons:

[- - -]car[- - -] | [- - -]fili[14] *Manli[- - -?] | Innocenti [- - -] | fili et i+[. .]s[- - -] ||5 [- - -]++[.]+tini | [- - -]sconius*[15] *| [- - -]em+[- - -]s | [[- - -]] | [- - -]na [- - -]+[- - -] | - - - - - -*

If this hypothesis is correct, the same might be true for the above-mentioned slate no. 129.

Slate no. 55 (Diego Álvaro, Ávila), contains a similar text, but the term used is *infantes*, not *filius*. Canellas[16] has suggested that this is an allusion to cattle; however, Díaz y Díaz[17] has argued that *infantes* refers to the children of the people mentioned in the text[18]:

---

[13] "A *rusticus* (farmer) is so-called because he works the *rus* (countryside), which is to say, the land".

[14] *Fili* should be read as *filii*.

[15] The reading *[– – -]sconius* on line 6 could be restored as *[Va]sconius*, a name that also appears on slate no. 131, from Pelayos (Salamanca).

[16] Canellas López 1979, 259, nº 199.

[17] Díaz y Díaz 1975, 23–29.

[18] There is a horizontal line between lines 8 and 9 separating the text into two blocks.

Eugami duo se[s]taria in [- - -] | uac. *[in]fa[n]tes unu [- - -]* | *Leonis duos [- - -]* | *Verici unu [- - -]* | *maiures infantes quator* ||[5] *Ispinaueli infa[nt]es duo[s]* | *A{ui}uiti infante unu* | *Emili infan[t]e unu* | *ate[- - -]ri infante unu* | | *Ic[- - -]terio unu* ||[10] *Anulli unu* | *Megeti infantes tris* | *Sinplici unu* | *Martinus tris* | *Ga[. . . .]ri unu* ||[15] *Senpruni unu* | uac. *[i]nfan[te- - -]* | - - - - - -

Canellas may be right because the term *infans* was occasionally used to refer to young animals, albeit not very frequently[19]. Unfortunately, however, owing to its fragmentary state, the slate provides no further clues as to the meaning. However, the term *sestaria* in the first sentence suggests that it refers to some kind of contribution or payment, in which case it is more likely that *infans* refers to livestock rather than to people. The addition of *maior* (*maiures infantes quator*) probably indicates that it refers to older – albeit not fully mature – animals.

In several texts, lists of personal names are associated with varying amounts of *modii* (of wheat), *sextarii* (usually written *sestari*, *sestaria* or *sistari*, *sistaria*) and sometimes *quartaria*. In some instances, given expressions suggest that the texts refer to tax payments[20], as in the case of the slate no. 5 (Peralejos de Solís, Salamanca), in which expressions such as (l. 2) *Simplicius mod(ium) I*, (l. 14) *suas conlibertas Flaina s(estarium) I, Maxima s(estaria) IIII* and (ll. 15–16) *Manno mod(ium) I, Procula s(estaria) III, Bonus et Flamnus* | *et Nonnus maior et Patricius mod(ium) I*, accompany sentences such as (l.4): *[- - -]+s dedi licias mod(ium) I* (probably *dedit*), which can be translated as "gave rope worth a peck of wheat".

The term *angaria* in line 8 (*[- - -]uit Ioannis in angarias mod(ios)* LX) is used to refer to a tax on the transport of animals, land ownership or the employment of workers. Unfortunately, the initial part of the word is missing, but it might be *[leua]uit*[21], a verb which also appears on another slate (no. 11), although in a different context. If this were so, the sentence could be interpreted as "John paid 60 pecks of wheat in tax". In addition, l. 17 "*exprendit Ioannis ad kaballos mod(ios)*" could be translated as "John paid 33 pecks of wheat for the horses". Here, the verb *exprendit* could be a vulgar form of the verb *expendit*, contaminating *expendit* and *prahendit* (*prahendo* > *pre(h)endo* > *prendo*) (fig. 2).

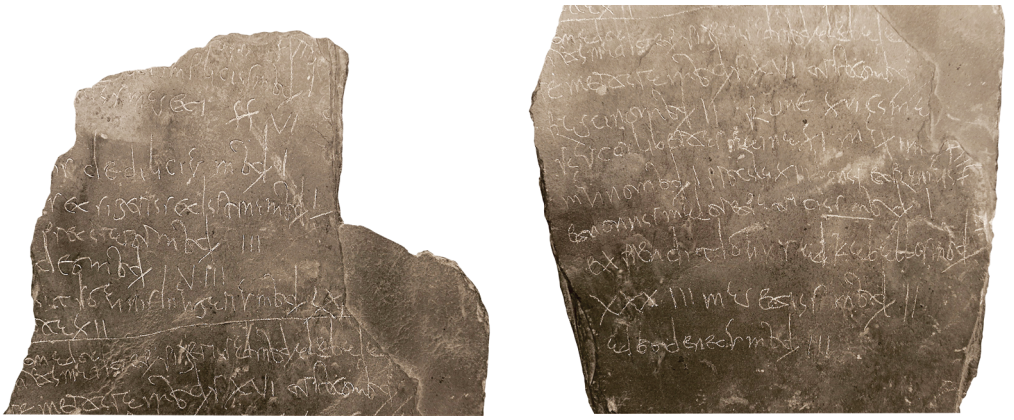
Notable among the texts associating personal names with quantities of agricultural products are slates nos. 45 and 46, from Diego Álvaro (Ávila), due to their large size and the number of names they contain. Unfortunately, however, they are difficult to read owing to their poor state of conservation, the shallow, irregular inscriptions, rudimentary writing and the use of some difficult to decipher abbreviations. Slate no. 45 was found broken into two fragments, one very large and the other much smaller. Gómez Moreno edited the slate as two different pieces and thought that the larger fragment recorded King Wamba's will[22]. However, further investigation revealed that what Gómez Moreno had regarded as

[19] For meanings and uses of the term, see *TLL* 1934–1964, 7.1, 1346–1350, *s.v.* In reference to young animals, the term appears in Acc. *Trag*. 315, Plin. *NH*. 10.168, Mart. 13.97. *Infantia* in Colum 8.5.19; Plin. *NH*. 8.71; 9.21; 10.182; 11.260; Tert. *Paen*. 6.1.

[20] These slates may also be related to those that only list numerical quantities, which some authors have suggested record tax payments made by communities and/or individual community members. For further comments on this question, see below and the references given in note 25.

[21] Cf. Velázquez 2004, 131–141.

[22] See Gómez Moreno 1966, 4–79. The first, left-hand piece is quite large (390 × 220 × 10 mm), albeit fragmentary, and almost the entire front surface is covered in writing, whereas only a few lines are inscribed on the back. The second, right-hand piece is smaller (205 × 105 × 10 mm) and only has writing on the front. Both fragments were edited by Gómez with the numbers XXXII–XXXIII and XXXIV, respectively.



1 2

Fig. 2. Slate no 5. *1* – upper part; *2* – lower part. Royal Academy of History, Madrid, Spain. *Photo by I. Velázquez, 1986*

two separate slates were in fact two halves of the same one. Furthermore, the writing on the larger fragment had been covered with a layer of white pencil, and once the surface had been cleaned, the text turned out to be shorter than initially believed and did not record King Wamba's will at all. Instead, it contained a list of personal names beside which were written various amounts of *sextarii* and *modii*[23].

The author of the text used the term *cusso* or *cussos*, sometimes written as *cuso*, a word also used in the texts on the slates no. 46, 47, 48 and 125. This term is not used in other earlier Latin texts, but may be a vulgar form of the word *cursus*, and might be the antecedent of the Spanish word *coso*. Its meaning was probably similar to that of *praedium*, a rural property and more specifically, a particular kind of field. Therefore, I suggest that slates nos. 45 and 46 record the amounts (in *sextarii*, *quartarii* or in some cases, *heminae*) that were paid in kind for each field or *praedium*[24].

Without dwelling any further on the content of these texts, I shall turn to the important question of the wide variety of personal names recorded, which are mostly male although there are some female names as well, and the mixture of names of Latin or Graeco-Roman and Gothic origin:

45.1.13 *Feruodus in alio cus[so - - -]*
45.1.26 *Aiutor in alterum ‖ cusso sestar[ia] dua*
45.2.3 *[- - -] in alio cusso sistari II*
46.2.4 *[- - -]fredo s(e)s(taria) III, Argefredus in alio cus[so] 's(e)s(tarium) I'*
46.2.6 *[N]atouigius in tercio cuso s(e)s(tarium) I*
46.2. 8–13 *[in ali]o cusso s(e)s(tarium) I, Deucicius s(e)s(tarium) I Ranila / in alio cusso s(e)s(tarium) I, Aloricia s(e)s(tarium) I, Vstrildina | I⁰ alios cussos s(e)s(tarium) I, Agutor s(e)s(taria) II, Lunaredus in | alio cusso s(e)s(tarium) I, El[i?]sinus matri Decentini + | sestaria dua, Aurosus [- - -]so [. .] IIII domnus s[- - -] | salior in alio cusso, Iermina, Ranila in tercio [cusso]*

The larger fragment of slate no. 45 is divided into two columns by a vertical line, and the left side is conspicuously incomplete. It contains the expression *sestarium unum*, sometimes

[23] Velázquez Soriano 2000, I, 56–60; 2004, 251–260.
[24] On this question, cf. Velázquez Soriano 2004, 25–27.

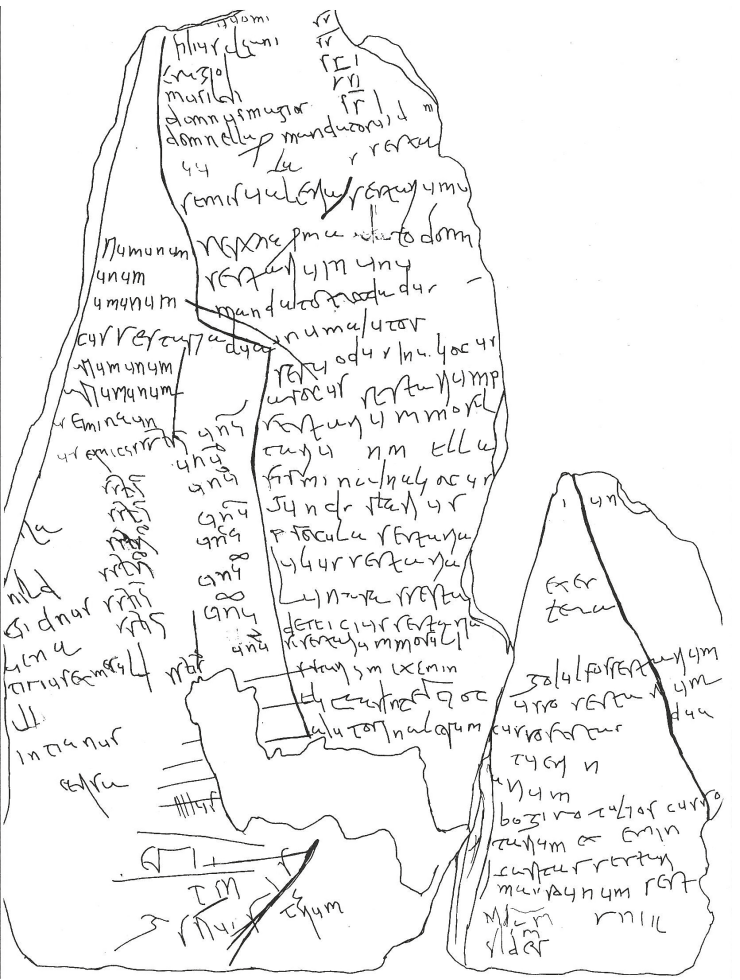


Fig. 3. Slate no 45, Diego Álvaro (Ávila). Ávila Museum, Spain. *Tracing by I. Velázquez, 1986*

in the abbreviated forms *sstri unu* or *sstiu unu*, but written in a very peculiar way. At first glance, these look like signatures, but the content of the text in the right-hand column, as well as the content of the very similar slate no. 46, suggests that they are in fact instances of the expression *sestarium unum* (fig. 3):

> *[- - -]cus sestaria dua* ‖5 *[- - - sest]arium unum* | *[- - - sest]arium unum* | *[- - -]us emina un[a]* | *[- - -]us Eriricus s(e)st(a)ri(um) unu(m)* | *[- - -] s(e)st(a)ri(um) unu(m)* ‖10 *[- - -]ila s(e)st(a) ri(um) unu(m)* | *[- - -]+ s(e)st(a)ri(um) unu(m)* | *[- - -]nild(us) s(e)st(a)ri(um) unu(m)* | *[- - -?] Egid<i?>nus s(e)st(ar)iu(m) unu(m)* | *[- - -]+ena s(e)st(ar)iu(m) unu(m)* ‖15 *[- - -]tirius et Merul(us) s(e)st(a)ri(um) unu(m)* | *[- - -]d(us)* uac. | *[- - -]intianus* uac. | *[- - -]++erisa* uac.

Both the position of the names on these slates and the way in which the amounts are documented suggest that these are records of people and payments in kind.

The other slates mentioned earlier in this section also appear to be administrative records. Slate no. 139 (Portillo, Salamanca) seems to have been a ledger, and the text is divided into three columns separated by vertical lines (fig. 4):

1. Left-hand column: - - - - - - | *[- - -]IIII* | *[- - -] s(e)s(taria) IIII* | *[- - -]no m(o)d(ios) II* | *[- - -]d [- - -] I* ‖*5 [- - -] [- - -]] s(e)s(taria) IIII* | *[- - -] II [[- - -]] II*
2. Middle column: - - - - - - | *trim(o)d(ius) I* | *trim(o)d(ius) I* | *trim(o)d(ius) I*
3. Right-hand column: - - - - - - | *Paulus s(e) s(taria) III* | *Rufino s(e)s(tarium) I / Red[- - -] s(e)s(taria) IIII* | ++ *[[- - -]] III* ‖*5* ++*[[- - -]] [- - -] /* - - - - - -

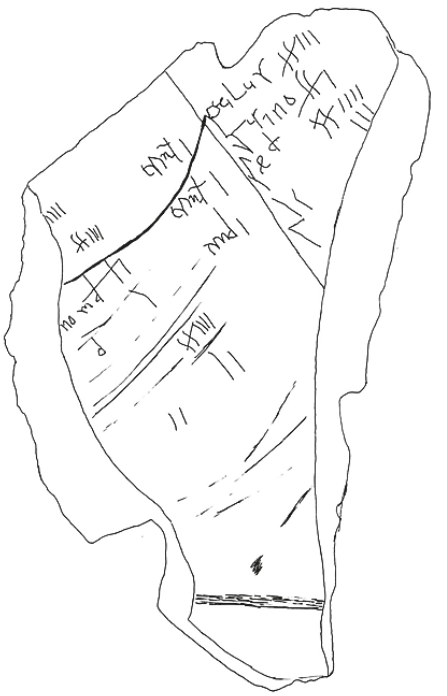


Fig. 4. Slate no 139, Portillo (Salamanca). Salamanca Museum, Spain. *Tracing by I. Velázquez, 1998*

Some researchers have suggested that the numerical slates, which is to say those that only contain numbers, were tax records[25]. It is quite possible that the wealthy would have used them to manage the economy in districts where royal power was absent or negligible, thus enabling these elites to exercise power within their areas of influence. This hypothesis is primarily based on the slates found in El Cortinal de San Juan, in Salvatierra de Tormes (Salamanca), which may have formed a kind of "accounting office". Numerical slates have also been found in agricultural areas devoted to cereal crops, livestock farming, and similar activities.

I believe there may be a link between the numerical slates and the text slates, but this possibility has yet to be fully investigated. Nevertheless, although not all the numerical slates were necessarily tax records, the text slates listing what people gave in kind probably reflect part of the same tax system or lists of payments or contributions of any kind recorded on the numerical slates.

Some of the texts on the slates do in fact appear to refer to tax payments, as is the case with the previously mentioned Peralejos de Solís document (no. 5). Meanwhile, other slates seem to record what people earn or charge, and still others appear to record amounts of food, as in the case of slate no. 11 (Galinduste, Salamanca), which contains a *notitia de casios*.

THE SIGNATORIES OF THE DOCUMENTS

An important group of the text slates consists of those containing private legal documents: sales agreements, statements in court, *condiciones sacramentorum* and *placita* of various

[25] By way of example, see the publications by Iñaki Martín Viso, who has studied these aspects in most depth: Martín Viso 2006, 272–273; 2013, 145–168; 2015, 285–314; 2018, 298–312; see also Díaz, Martín Viso 2011, 221–250.

kinds. Several of these latter are so fragmentary that their full original content remains a mystery, but they do provide sufficient information to classify them as *placita*.

The slates in this group include the names of the principal individuals involved in legal transactions such as sales. For example, the text of slate no. 8 (from Galinduste, Salamanca, dated 586) states that *Crisciturus* sold something to some *dominis honorabilibus fr[atribus]*, while the text on the front of the slate no. 40 (Diego Álvaro, Ávila) explains that *Gregorios* sold a piece of land to his nephew *Desiderius*:

> *Domno e sourino meo De|siderio, Gregorios uinditor quoniam | hoc inter nobis placuit adq(ue) conuenit ut | ego tibi uindere et uindo portione* ‖[5] *de terra,...*

The text on the back of this slate, written in another hand, states that one *Unigildus* has travelled from a place called *Langa Tomanca* to the house of an individual named *Froila* to testify in a court case related to some kind of fraud. He presents *Froila* as a witness and also visits the house of *Desiderius* (perhaps the same *Desiderius,* the nephew of *Gregorios*, mentioned on the other side). He also mentions other individuals in his statement, namely *Busano* and *Fasteno*.

The text on the slate no. 42, from the same place, explains that *Amantius*, *Fulgentius* and one *Meli*[- - -] are involved in some kind of *conmutatio* or exchange, while slate no. 39 (Diego Álvaro, Ávila) contains *condiciones sacramentorum*. The dispute concerned some horses that had been loaned (*mutauerant*). An individual called *Lolus* is sworn in, at the request of another called *Basilius*, and does so by order of some vicars (*uicarii*) and judges (*iudices*) whose names are specified: *ess urdinatione Eunandi, Argeredi, uicariis, Ra[- - -]ri, Vviderici, Argiuindi, Gundaci iudicib(us)*.

Slate no. 92, from El Tiemblo or perhaps Diego Álvaro (both villages in the province of Ávila), contains a *securitas* dated to the reign of King Chindasuinth (642–649). In this case it is *Gisadus* who is sworn in before the vicars *Amaranus*, *Ranulfus*, *[- - -]fredus* and *Argeredus*, in a matter concerning some pigs given as a guarantee for some (unknown to us) business conducted by the principal and in which other parties such as *Anianus* and *Theodoteus* are also mentioned.

Although these texts were written on slate, they constituted full legal documents as valid as those written on parchment. Sometimes the texts include the signatures of the witnesses or principals of the legal transactions, with marks such as *signum manus* and the inscription of their particular *signum*, sometimes in the form of a cross. Such is the case of slate no. 8 (side 2, lines 8–13), from Galinduste (Salamanca), which reads: *ego Crisciturus [- - -] | [- - -]m fieri uolu[eri]m [- - -]* ‖[10] *[- - - signum] manus [meae?] | (signum) | [- - - - Criscit] uru[s] | [- - -] + + [- - -]*. The *signum* is a cross.

Another *crux* followed by *manu mea* appears on slate no. 19, from Pelayos, which is also a sales agreement, dated in the reign of Sisebut, or possibly Sisenand: *gl(oriosissimi) dom(in)i n(os)tri Sise[- - - regis]* | (signum) *m[a]n[u mea] [- - -]*, although unfortunately, the text that has been preserved does not contain the names of the parties involved in the legal transaction.

Sometimes, the expression used is *subscripsi*, and the abbreviation, *s(ub)s(cripsi)*, may even be written in an unusual manner as if it were a personal signature. Such is the case of another fragment from Galinduste (slate no. 9), on which only mention of the kings Chindasuinth and Reccesuinth has been preserved, which would have formed part of the dating clause, together with a striking sign consisting of two interwoven letters *S*, which

should be interpreted as a *signum*, possibly as *s(ub)s(cripsi)*, which can be understood as a signature: *Cindasuinti et Rec[es]|[u]indi r(e) g(um)* | (signum) (fig. 5)

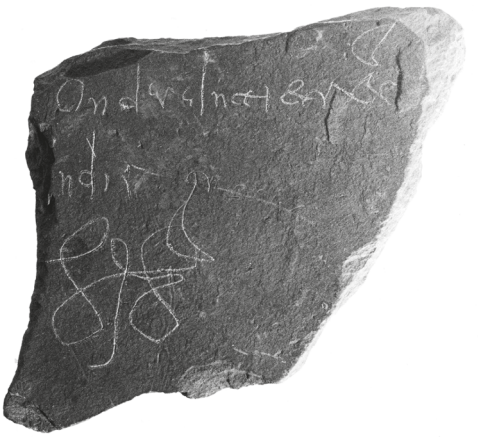


Fig. 5. Slate no. 9, Galinduste (Salamanca). Ávila Museum, Spain. *Photo by I. Velázquez, 1986*

Still more interesting are the personal subscriptions of the *iudices* and *uicarii* signing the above-mentioned *condiciones sacramentorum* on slate no. 39 (Diego Álvaro, Ávila). They sign them with their personal symbols, in the same order in which they are cited at the beginning of the document, even though it is not complete[26]:

Condicionis sacramentorum ad qua[s debea]
d iurare Lolus
ess urdinatione Eunandi, Argeredi, uicariis,
Ra[- - -]ri, Vviderici, Argiuindi, Gundaci
iudicib(us)
ad petitione Basili iurare debead Lol(us)
propt[er] caballos quos mutauerunt:

(. . .)

Factas cond[iciones - - -]
anno feliciter tertio regni glo(riosissimi) d(omi)ni nos[tri Reccaredi regis?]
Eunandus as condiciones a nouis ordinatas s(ub)s(cripsi). (signum) *Ra[- - -rus]*
[10] Argeredus as condicionib(us) s(ub)s(cripsi). (signum) *sign[um]*
Vvidericus in as condicionis s(ub)s(cripsi). A[rgiuindus]

Conditions of oaths to which *Lolus* must swear, by order of *Eunandus*, *Argeredus*, vicars, *Ra[mi?] rus*, *Widericus*, *Argiuindus*, *Gundacius*, judges; at the request of *Basilius* he must swear in the matter of some horses that have been exchanged (...). Having fulfilled these conditions in the third year of the happy reign of our most glorious lord [King Reccared?]. *Eunandus* subscribed these conditions (*personal sign*). *Argeredus* subscribed these conditions (*personal sign*). Signature [of - - -], <*Ra[mirus* subscribed these conditions (*personal sign*)]>. *Widericus* subscribed these conditions. *Argiuindus* [subscribed these conditions (*personal sign*). *Gundacius* subscribed these conditions (*personal sign*)]

Although it is difficult to discern, I believe there is a change of hand in the last lines, and that these were written by the parties themselves as opposed to the scribe who drew up the rest of the document (fig. 6).

Besides some statements from a court case, the back of slate no. 42 also contains the signatures of various people, most probably witnesses in the trial. These are listed on several lines that are written obliquely over the court case text, and again, the different hands suggest that these were probably written by the witnesses themselves:

Signi Gand{a}ari t(estis?) | [- - -]l[. . .] Vararicus rogitus a sup[rascri]p[to] in anc cartula condicio{n}|nis testis | Marius rogitus a sup[ra]scripto an cartula con{d}‖[5]dic{t}ionis iscrip[si] die et anno co | supra | [- - -]no

Some of the other slates also preserve the very fragmentary remains of witnesses' names and their signatures in the form of signs, generally a cross, including the following from Galinduste (Salamanca).

[26] Only the first and last lines of the text are given.

Fig. 6. Slate no. 39. Fragment 3º: signatures. Diego Álvaro (Ávila), private collection of M.C. Díaz y Díaz, Santiago de Compostela (Spain). *Photo by I. Velázquez, 1986*

Slate no. 121:

- - - - - - | [- - -]+ + +[- - -] | [- - -]+ + +[- -] | [- - -] signum (signum) *cruc[is?] factum [- - -] | [- - -] sig(num)* (signum) *Prouidentis testis [- - -] ‖5 [- - -] sig(num)* (signum) *Potiti t(estis) factu[m - - -] | [- - -] uinditionis su[b die? - - -] / [- - -] ianuarias regn[i - - -] | [glorio]sissimi Rec[caredi regis] | [era] DCXXXI c[- - -] ‖10* (signum) *ego [- - -] | - - - - - -*

Slate no. 122:

- - - - - - | [- - -]euiri t(estis) [- - -] | [- - - si]gn(um) (signum) *Pauli t(estis) [- - -] | [- - -] sign(um) Se[- - -] | [- - -] t(estis) [- - -] [sig]num [- - -] ‖5 [- - -]cro [[- - -]] | [- - - e]go Au{ra} rasus* (signum) *sign[um] | [- - -]+ meos et auo[- - -] / — — — — —*

Slate no. 126:

- - - - - - | [- - -]+i rec[- - -] | [- - -]miri test[is - - -] | [- - -G]eronti [- - -] | [si]gn(um) (signum) Non[- - -] ‖5 [- - - t](estis)? | [- - -]ur hunc +[- - -] | [- - - subsc]rips[i - - -] | - - - - - -

The name *Paulus* appears on the back of the slate no. 128 (Pelayos, Salamanca), which contains a very different kind of text. It is written in an unusual manner, with a very marked prolongation of the final "s", which seems to represent a kind of personal signature (in the modern sense). The text itself consists of a few isolated phrases of a religious nature, and centred beneath appears the name of *Paulus*, most probably the same person who wrote the sentences (fig. 7):

Beati inmaculati inmaculati qui ambulant in lege D[omini] | Sugerendo d(o)m(in)o | Referentis memoriae Dei uocaris ego serbus tuus | Paulus

Blessed are the pure, the pure who walk in the ways of the Lord; imploring the Lord, at the mentioned remembrance of God you are called, I am your servant, Paul.

The first sentence is from Psalm 118.1[27]. We do not know why *Paulus* wrote this text. Could it have been a school exercise? Or was it perhaps a personal expression of religious faith?

[27] Psalm 128.1 in the King James Bible.

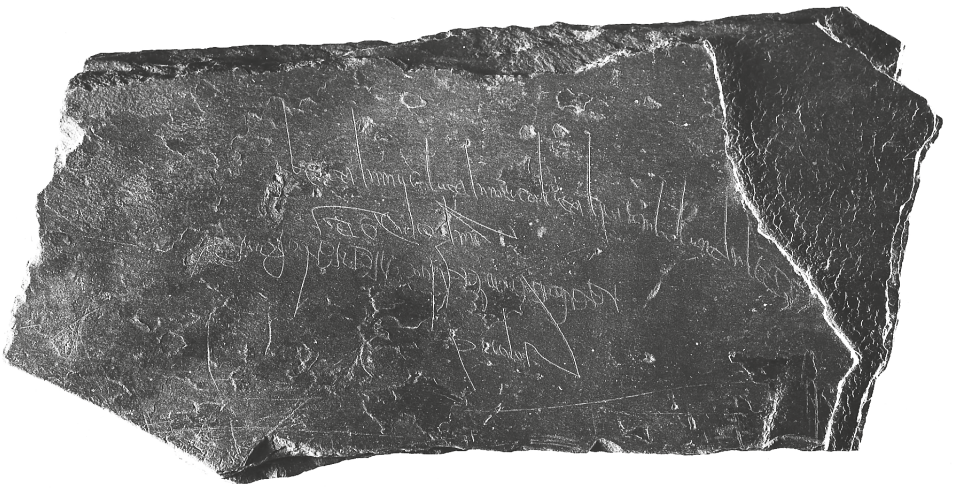


Fig. 7. Slate no. 128. side B, Pelayos (Salamanca), Salamanca Museum, Spain. *Photo by I. Velázquez, 1998*

This text is also of particular interest because of the text inscribed on the front. The first few lines are totally illegible due to surface wear, but below these are some lines from Psalm 82[28] according to the Visigothic-Mozarabic liturgy, and these are followed by others with a very different content, namely a petition (*suggerendum*) to King Reccared (587–601):

> *sugerendu(m) gloriosis<si>mo d(o)m(in)o n(ostr)o Reca|redo rege Gana++fredi d(o)m(in)o n(o) s(t)ro Recare|do rege Gumari++[. .]s seruus uoster | T++eredo ad++ullum*

This term inevitably evokes the word *sugerendo* that appears on the back of the slate in the text cited previously. It should be noted that the right-hand stroke of the initial *S* of *sugerendu(m)* extends into a horizontal line separating this text from the previous one containing lines from Psalm 82.

TYPES OF NAMES

The mention of King Reccared (587–601) on the slate no. 128 provides a segue into the types of names written on the slate tablets. In the previous sections, I noted the names of some of the Visigothic kings, which are always quoted in the documents' dating clauses. Thanks to this practice, we can date some of the slates and thus establish a classification of the writing that can be used to date other texts on slates without a dating clause.

These kings' names are of Gothic origin, reflecting their ethnic background[29], and this may also be the case of the names of the *iudices* and *uicarii* mentioned in the *condiciones sacramentorum* on slate no. 39, *Eunandus*, *Ranemirus*, *Widericus*, *Argiuindus* and *Gundacius*, and the *securitas* on slate no. 92, *Amaranus*, *[- - -]fredus*, *Argeredus* and *Ranulfus*, as well as the subject of the case, *Gisadus*, all of Gothic origin. Thus, it is possible that their

[28] Psalm. 83 in the King James Bible. I shall return to these sentences later.

[29] I shall not enter into the question of differences between possible Visigothic or Ostrogothic origins of individual names, such as *Theudis*, for example.

names reflect a Gothic ancestry of the *iudices* and *uicarii*, given that these were public offices of some importance which may have been reserved for people of Gothic origin, although we cannot be sure.

However, the buyers, sellers, witnesses and others mentioned in the documents present a mixture of names, some of Gothic origin, such as *Gisadus*, from slate no. 92 which I have just mentioned, *Lolus* (no. 39) and *Froila* (no. 42), or of Graeco-Roman origin, such as *Gregorios* and *Desiderius* (no. 42), *Crisciturus* (no. 8) and *Paulus* and *Faustinus* (no. 103).

It cannot be argued that a person's name – any name – is conclusive proof of ethnic descent or place of birth. It should be noted, however, that most of the slates examined in the first section – which contain lists of personal names possibly belonging to farmers – present a mixture of names of various origins: Graeco-Roman on the one hand, and Gothic on the other. While it is true that some of the lists contain only Graeco-Roman names, these are exceptions. It could be said that this combination reflects a mixture of ethnic origins (of Hispanic-Roman descent on the one hand, and Gothic on the other) in seventh century society. It is also likely that people of Gothic origin had Roman names and vice versa. For example, the historian John of Biclarum (*Iohannes Biclarensis*), born in Scallabis (now Santarém, in Portugal), was of Gothic origin.

Besides these names, a very small number of others are documented for the first time in the slate texts. Some of these are related to other languages, particularly Celtic, such as *Auitus* (slates nos. 55 and 117), *Canterius* (slate no. 65) and *Cantinus* (slate no. 6). Others are of unknown origin, such as *Ammica* (no. 103), perhaps related to the term *amma*, characteristic of childhood language, and *Arocus* (no. 45), which is also known from other inscriptions (cf. *CIL* II 5085; III 4980)[30].

NAMES OF HEBREW ORIGIN AND *NOMINA SACRA*

The slate tablets also contain some names of Hebrew origin. However, these always occur in the context of biblical passages or of the evocation of angels and archangels in invocations or texts of a religious or magical nature.

Obviously, the absence of personal names of Hebrew origin on the slates is merely circumstantial: Jewish communities did exist in Visigothic Spain and the use of their names is attested, although these do not appear on the slates. However, we do not know if there were Jewish communities in the areas where the slate tablets have been found, as most of the sites are yet to be excavated.

I noted earlier that the front of slate no. 128 contained some barely legible lines of preserved writing. Between these and the legible lines cited previously, recording a *suggerendum* to Reccared, the following appears:

> *[- - -]rum et d e t + amasione sicut Oreb [Zeb] / Zebe et Salmana qui dixserun[t] / ereditatem possideamus nobi<s> s(an)c(t)uariu[m Dei]*

[30] For an analysis of each particular name, see Velázquez Soriano 2004, passim. Fundamental works on the onomastic register documented on the slate tablets include those by Morlet 1968; 1972; Piel 1956, 111–150; 1960, 421–444; Piel, Kremer 1976. See also Kampers 1979; García Moreno 1974 and Kremer 2004, 133–148.

Despite the incomprehensible term *amasione*, this small text should be placed in relation to Psalm 82.12[31] according to the Visigothic-Mozarabic version of the liturgy:

> *Pone principes eorum sicut Oreb, Zeb, Zebee et Salmana; omnes principes eorum qui dixerunt hereditatem possideamus nobis sanctuarium Dei.*
>
> Treat their princes like Oreb, Zeeb, Zebah and Zalmunna; all their princes who said: "Let us take the sanctuary of God as our inheritance".

With the exception of the well-known name *Iohannes* – widespread under Roman Christianity – which is documented on the slates as a personal name, all other names of Hebrew origin, such as those cited, always appear in connection to prayers, incantations or phylacteries and refer to figures from the Old Testament. Thus, for example, slates nos. 3, 104 and 123 list the names of the archangels *Uriel*, *Gabriel*, *Rafael* (spelt thus) and *Michael*. In addition, the typical *nomina sacra*, such as *Deus*, *Dominus*, *Altissimus* and *Saluator*, appear prominently both in these contexts and in the oath clauses.

There is one peculiarity among the names of Hebrew origin that merits highlighting. As in many Latin texts, Hebrew names ending in *-el* are indeclinable and appear thus on the slate tablets, but some of them are names of angels that are documented neither in the Bible nor in apocryphal texts of the Old and New Testaments, as far as we know. The *-el* ending of these names suggests that they are Hebrew names or at least were written in that form as if they were Hebrew or Biblical names, particularly when naming angels. Most probably, they represent traces of a folk tradition that has not been recorded in texts other than the slates.

Thus, slate no. 123 from Galinduste (Salamanca) contains the following fragmentary names: *[- - -]ug[. . .] [- - -]et+uel Carcumiel Mi[chael?] / [Ragu?]el Gabriel Vriel et Rafael*. This may be a list of seven angels (cf. Apoc. 8: *et uidi septem angeles stantes in conspectu Dei*). *[- - -]et+uel* seems to refer to *Iehuel*, as recently proposed by Jiménez Sánchez[32], and the first letters *[- - -]ug[- -]* might perhaps be an erroneous transcription of *Raguel*. In that case, the proposed *[Ragu?]el* would actually refer to another similar name, but this remains uncertain.

Be that as it may, it seems clear that the list consists of a series of archangel's names. Some are well known, but *Carcumiel* appears to come from an oral tradition, this slate being the only instance where it is documented. The list of angels on the well-known Carrio slate (Villayón, Asturias), traditionally considered a Visigothic slate but actually dating from a much later period, probably the tenth century, also includes names of angels: *Micael, Grabriel, Cecitiel, Oriel, Ra[fa]el, Ananiel* and *Marmoniel*. Together with the traditional archangels *Michael, Gabriel, Uriel* and *Raphael*, *Ananiel* is also mentioned, a name that in other sources is written as *Ananel* or *Ananeel*, and the book of Enoch[33] identifies the bearer of this name as an angel. In turn, *Cecitiel* could be an erroneous transcription of *Setekiel* or *Sedekiel*[34]. *Marmoniel*, however, refers to an angel unknown to us. All these angels, called *patriarcas* in the text, are summoned by the author of this text, which is a kind of protection charm against destructive hail.

---

[31] Psalm. 83.11 in the King James Bible.
[32] Jiménez Sánchez 2018, 394.
[33] Knibb 1978.
[34] Fernández Nieto 1997, 279.

The inscribed slate tablets from the Visigothic period are an important source for the study of the history of writing, the evolution of the Latin language and, last but not least, life in Visigothic society. Apart from conventional epigraphy, such as monumental and funerary inscriptions, and the parchment documents studied by Anscari Mundó (five short fragmentary documents in total), they are the oldest documents preserved on the Iberian Peninsula from this period. All other documents (*chartae*) and manuscripts date from the eighth century and later.

The texts written on these slate tablets cover a wide range of human activities, including agriculture, livestock farming, economic transactions, school exercises, personal messages, prayers, invocations and even curses and incantations. In short, they offer a unique insight into the daily life of the society of Visigothic Hispania, at least in rural settings.

Nevertheless, the Visigothic slate tablets are not totally exceptional. They are easily compared to the cedarwood Albertini tablets[35] containing legal documents written in ink, which date from the end of the fifth century, as they share many similarities in terms of their content. They also share striking similarities with the *ostraca* of the fifth and early sixth centuries – recently studied by Rodney Ast[36] – from Tebessa and its surroundings, in present-day Algeria, North Africa. Written on different materials such wood, slate and ceramics, these documents all spring from a cultural impulse to leave a lasting written record of commercial and economic transactions and various activities of daily life in different places.

The names that appear in the slate texts generally belong to people otherwise unknown to us, as there is no record of their existence in other historical or literary sources. Notable exceptions are, of course, the names of the kings included in the dating clauses and the biblical names that appear in some texts.

The personal names recorded on the slates are mostly of Graeco-Roman and Gothic origin. The slates show that farmers at least had names of various origins, suggesting that people from different ethnic backgrounds mixed and that their names probably did not directly reflect their origin. However, there may be exceptions to this rule. Such might be the case of those holding public office, the *iudices* and *uicarii*, all of whom had names of Gothic origin and perhaps did belong to the *gens Gothorum*. The mixture of names in the texts inscribed on the slate tablets sheds light on the inhabitants of Visigothic Spain, not only the erudite intellectuals whose texts have been preserved, but also the farmers who cultivated the land and people who are not named in any other written sources.

Finally, it should be noted that the personal names do not appear solely in simple – albeit abundant – lists of names of various origins. On the contrary, the various forms in which these names are presented in the texts provide information on the content, purpose and use of these slate tablets. The names of individuals that appear in simple lists and/or as part of a series of numerical quantities, indicating contributions or the distribution of grain, cereals or other commodities, are probably the names of farmers. The buyers, sellers, witnesses and judges involved in legal transactions sometimes wrote their names in their own hand, signing documents with a *signum crucis* or other sign, on occasion in the form of a Chi Rho, as is the case, for example, of slates nos. 39 and 40.2. We can even infer the feeling of pride of a man called *Paulus*, the only scribe whose name we know, who transcribed a few sentences on

[35] Courtois, Leschi, Perrat, Saumagne 1952.
[36] Ast 2016, 7–32.

slate no. 128, from Pelayos (Salamanca), and then signed it with his own name. He placed his name in the centre of the text, carefully prolonging the end of the final *S* in his name, as a simple way of recording his direct participation in the act of writing.

References

Alturo, J. 2004: La escritura visigótica. Estado de la cuestión. *Archiv für Diplomatik: Schriftgeschichte Siegel- und Wappenkunde* 50, 347–386.

Ast, R. 2016: Latin ostraca from North Africa. In: J.-L. Fournet, A. Papaconstantinou (éd.), *Mélanges Jean Gascou. Textes et études papyrologiques*. Paris, 7–32.

del Camino Martínez, M.C. 1990: Los orígenes de la escritura visigótica: ¿otras posibilidades para su estudio? In: *Actas del VIII Coloquio del Comité Internacional de Paleografía Latina*. Madrid, 29–37.

Canellas López, A. 1979: *Diplomática hispano-visigoda*. Zaragoza.

Calleja Puerta, M., Ostos Salcedo, P., Pardo Rodríguez, M.L., Sanz Fuentes, M.J. (ed.) 2018: *Chartae Latinae Antiquiores*. Vol. CXIV. *Spain III. Portugal. Facsimile-edition of the latin charters.* (Chartae Latinae Antiquiores, 2nd series, 114). Dietikon–Zürich.

Courtois, Ch., Leschi, L., Perrat, Ch., Saumagne, Ch. 1952: *Tablettes Albertini. Actes privés de l'époque vandale (fin du Ve siècle)*. Paris.

Díaz, P.C., Martín Viso, I. 2011: Una contabilidad esquiva: las pizarras numerales visigodas y el caso de El Cortinal de San Juan (Salvatierra de Tormes, España). In: P.C. Díaz, I. Martín Viso (eds.), *Between taxation and rent. Fiscal problems from Late Antiquity to Early Middle Ages.* Bari, 221–250.

Díaz y Díaz, M.C. 1975: Consideraciones sobre las pizarras visigóticas. In: *Actas de las Primeras Jornadas de Metodología de las Ciencias Históricas.* Vol. V. *Paleografía y Archivística*. Santiago de Compostela, 23–30.

Fernández Nieto, F.J. 1997: La pizarra visigoda de Carrio y el horizonte clásico de los χαλαζοφυλάκες. *Antigüedad y Cristianismo* XIV. *La tradición en la Antigüedad Tardía*, 259–286.

García Moreno, L.A. 1974: *Prosopografía del reino visigodo de Toledo*. Salamanca.

Gil, J. 1972: *Miscellanea Wisigothica*. Sevilla.

Gómez Moreno, M. 1966: *Documentación goda en pizarra*. Madrid.

Jiménez Sánchez, J.A. 2018: Una pizarra visigoda de carácter mágico cristiano procedente de Santibáñez de la Sierra (Salamanca). *Anuari de Filologia. Antiqua et Medievalia* 8, 385–399.

Kampers, G. 1979: *Personengeschichtliche Studien zum Westgotenreich in Spanien*. Münster.

Kremer, D. 2004: El elemento germánico y su influencia en la historia lingüística peninsular. In: R. Cano (ed.), *Historia de la lengua Española*. Madrid, 133–148.

Knibb, M.A. 1978: *The Etiopik Book of Enoch. A new edition in the light of the Aramaic Dead Sea Fragments*. Vol. I–II. Oxford.

Lowe, E.A. (ed.) 1966: *Codices Latini Antiquiores. A Palaeographical Guide to Latin Manuscripts Prior to the Ninth Century*. Pt. XI: *Hungary, Luxembourg, Poland, Russia, Spain, Sweden, The United States, and Yugoslavia*. (Codices Latini Antiquiores, 11). Oxford.

Marlasca, O. 1998: Algunos requisitos para la validez de los documentos en la Lex Visigothorum. *Revue internationale des droits de l'Antiquité* 45, 563–584.

Martín Viso, I. 2006: Tributación y escenarios locales en el centro de la Península Ibérica: algunas hipótesis a partir del análisis de las pizarras visigodas. *Antiquité Tardive* 14, 263–290.

Martín Viso, I. 2013: The "Visigothic" slates and their archaeological contexts. *Journal of Medieval Iberian Studies* 5/2, 145–168.

Martín Viso, I. 2015: Huellas del poder: pizarras y poblados campesinos en el centro de la Península Ibérica (siglos V–VII). *Medievalismo* 25, 285–314.

Martín Viso, I. 2018: El asentamiento fortificado de Lerilla. In: P. de la Cruz Díaz, *Fortificaciones, poblados y pizarras. La Raya en los inicios del medievo*. Salamanca, 298–312.

Morlet, M.-T. 1968: *Les noms de personne sur le territoire de l'ancienne Gaule du VIe au XIIe siècle*. T.I. *Les noms issus du germanique continental et les créations gallo-germaniques*. Paris.

Morlet, M.-T. 1972: *Les noms de personne sur le territoire de l'ancienne Gaule du VIe au XIIe siècle*. T. II. *Les noms latins ou transmis par le Latin*. Paris.

Mundó Marcet, A. 1974: *Los diplomas visigodos originales en pergamino. Transcripción y comentario con un regesto de documentos de época visigoda*. (Doctoral Thesis. Unpublished). Barcelona.
Petit, C. 1983: *Fiadores y fianzas en derecho romanovisigodo*. Sevilla.
Piel, J.M. 1956: Sobre a formação dos nomes de mulher medievais hispano-visigodos. In: *Estudios dedicados a Menéndez Pidal*. Vol. VI. Madrid, 111–150.
Piel, J.M. 1960: Antroponimia germánica. In: *Enciclopedia lingüística hispánica*. T.I. *Antecedentes, onomástica*. Madrid, 421–444.
Piel, J.M., Kremer, D. 1976: *Hispano-gotisches Namenbuch. Der Niederschlag des Westgotischen in den alten und heutigen Personen- und Ortsnamen der Iberischen Halbinsel.* Heidelberg.
Riché, P. 1962: *Éducation et culture dans l'Occident barbare, VIe–VIIe siècles*. Paris.
Robinson, R.P. 1939: *Manuscripts 27 (S. 29) and 107 (S. 129) of the Municipal Library of Autun*. Rome.
Velázquez Soriano, I. 2000: *Documentos de época visigoda escritos en pizarra (siglos VI–VIII)*. T. I–II. (Monumenta palaeographica Medii Aevi, Series Hispanica). Turnhout.
Velázquez Soriano, I. 2004: *Las pizarras visigodas. Entre el latín y su disgregación. La lengua hablada en Hispania, siglos VI–VIII*. Madrid–Burgos.
Velázquez Soriano, I. 2006: Die Entstehung der westgotischen Schrift im Spiegel der Schiefertafeln. In: P. Erhart, L. Hollenstein (Hrsg.), *Mensch und Schrift im frühen Mittelalter.* St. Gallen, 109–119.
Velázquez Soriano, I. 2012: La escritura visigótica en su periodo primitivo. In: J. Alturo i Perucho, M. Torras i Cortina, A. Castro Correa (ed.), *La escritura visigótica en la Península Ibérica: nuevas aportaciones. Jornadas Internacionales Seminari de Paleografia, Codicologia i Diplomàtica, 26 de mayo de 2010.* Barcelona, 15–53.
Velázquez Soriano, I. 2022: The "habit" of writing on slate in Late Antiquity and the Middle Ages. In: R. Ast, T. Licht, M.C. Scappaticcio (eds.), *Uniformity and Regionalism in Latin Writing Culture in the First Millennium of the Common Era*. Wiesbaden (forthcoming).
Vivancos, M.C. 2006: El oracional visigótico de Verona: notas codicológicas y paleográficas. *Cuadernos de Filología Clásica. Estudios Latinos* 26/2, 121–144.
Zeumer, K. 1944: *Historia de la legislación visigoda*. Tradución de C. Clavería. Barcelona.

ПУБЛИКАЦИИ

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 411–418
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 411–418
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910014844-1

КОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ВЬЮЧНОЙ ФЛЯГОЙ ИЗ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

С. В. Сиротин

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: sirotinsv70@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9394-0779

В статье представлено впускное погребение эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья, в котором была найдена гончарная красноглиняная вьючная фляга. Находки вьючных фляг в комплексах кочевников Южного Урала редки и встречаются в погребениях кочевой знати. Погребение было совершено в юго-восточной части кургана в могильной яме подбойной конструкции. Помимо гончарной фляги в погребении найдены железный меч, бронзовые наконечники стрел и другие предметы. Материалы кургана относятся к кругу памятников филипповского облика, обладающих характерным погребальным обрядом и вещевыми наборами. Дата комплекса – последняя треть IV – рубеж IV–III вв. до н.э.

Ключевые слова: Южное Приуралье, кочевники, ранние сарматы, гончарная керамика, вьючные фляги, погребальный обряд

NOMADIC BURIAL WITH A PACK FLASK FROM SOUTH URALS

Sergey V. Sirotin

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: sirotinsv70@mail.ru

Данные об авторе. Сергей Викторович Сиротин – кандидат исторических наук, научный сотрудник 1-й категории отдела сохранения археологического наследия ИА РАН.

The article presents an inlet burial of the early nomadic period from the South Urals, in which a red clay transport flask was found. Finds of transport flasks in the burial complexes of the nomads of the South Urals are rare and originate from the burials of the nomadic elite. This burial is located in the southeastern part of the burial mound in a niche grave. In addition to the ceramic flask, an iron sword, bronze arrowheads and other items were found in the burial. The materials of the burial mound belong to the range of Filippovka-type burial structures with a characteristic burial rite and sets of goods. The date of the complex is the last third of the fourth – the turn of the fourth–third centuries BC.

Keywords: South Urals, nomads, early Sarmatians, pottery, transport flasks, burial rite

Комплекс, содержавший вьючную гончарную флягу, был выявлен летом 2019 г. Приуральской экспедицией ИА РАН при исследовании кургана 1 группы № 3 «Студеникин Мар», расположенной в западной части могильника некрополя эпохи ранних кочевников «Курганное поле Высокая Могила – Студеникин Мар» в Южном Приуралье. Некрополь находится в западной части Урало-Илекского междуречья на территории Оренбургской области и состоит из пяти курганных групп, насчитывающих несколько десятков курганных насыпей разной величины, включая крупные погребальные сооружения кочевой знати[1].

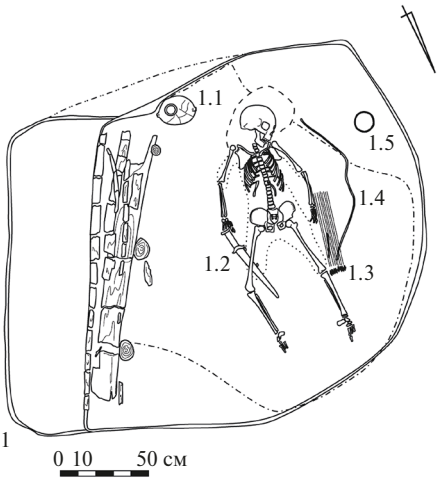
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ НАХОДКИ

Курган 1 (диаметр 58 м, высота до 2,64 м) являлся самым большим в группе. В основе погребальной конструкции кургана 1 находилось центральное погребение с дромосом (погребение № 4). Оно было перекрыто деревянной надмогильной конструкцией, вероятнее всего из радиально уложенных бревен, к моменту исследования полностью сгоревшей. В насыпи кургана также фиксировался круговой валик диаметром до 33 м, сооруженный из материкового суглинка вокруг центрального погребения. В южной поле насыпи обнаружены многочисленные скопления костей лошади. Здесь же был найден бронзовый ковш, а также богатый уздечный набор, уложенный на погребенной почве за пределами глиняного валика и, видимо, представлявший собой жертвенный комплекс. Уздечный набор включал в себя железные удила, биметаллические псалии, бронзовый пластинчатый налобник, пронизи и бронзовые зооморфные уздечные бляхи. Всего в кургане было выявлено 6 погребений, относящихся к одному культурно-хронологическому горизонту.

Комплекс с вьючной флягой (погребение № 2) был выявлен на периферии подкурганной площадки, в юго-восточном секторе. Погребение выявлено в 15 м юго-восточнее условного центра кургана за пределами кольцевого вала около его внешней границы.

Могильная яма имела подбойную конструкцию (рис. 1), погребальная камера была устроена в длинной (западной) стенке. Входная яма неправильной подпрямоугольной формы с закругленными углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. При исследовании входной ямы расчищены остатки плах и бревен (тополь?), закрывавших вход в погребальную камеру. Погребальная

[1] Sirotin *et al.* 2018, 334–339.



1

2

3

4

5

Рис. 1. Курган № 1 группы «Студеникин Мар». Погребение № 2: *1* – план погребения № 2: *1.1* – гончарная фляга; *1.2* – железный меч; *1.3* – бронзовые наконечники стрел; *1.4* – остатки деревянного лука; *1.5* – остатки деревянной чаши; *2* – фото погребения № 2 (деталь); *3* – фото погребения № 2 (*фото С.В. Сиротина, 2019 г.*); *4* – бронзовые наконечники стрел из погребения № 2 (*фото К.С. Окорокова, 2020 г.*); *5* – железный меч из погребения № 2 (*фото и рисунок К.С. Окорокова, 2020 г.*)

камера имела неправильную овально-подтрапециевидную форму с неровными закругленными стенками.

Общая длина подбойного погребения (погребальная камера и входная яма) по линии дна по оси восток – запад составила до 2,35–2,4 м, ширина по линии север – юг составила 1,8 м. Вероятно, погребальная камера имела сводчатый потолок. Условно реконструируемая высота потолка от линии дна составляла около 0,55–0,6 м. Глубина от уровня материковой поверхности – до 0,74 м.

На дне погребальной камеры фиксировался тлен светло-коричневого цвета, вероятнее всего, от органической подстилки, на которой был уложен погребенный.

В центре погребальной камеры был расчищен костяк подростка (мужской?), лежавший в вытянутом положении на спине, головой на юг. В области черепа фиксировался органический тлен желто-зеленого оттенка, возможно, от головного убора. Под костяком также отмечен органический тлен светлого беловатого оттенка, вероятнее всего – остатки одежды. Около южной стенки в 0,25 м от черепа была найдена гончарная керамическая фляга (см. рис. 1, *1–3*).

Фляга бледно-оранжевого цвета с округлым туловом и уплощенно-сферическим профилем, имеет относительно невысокую узкую горловину (рис. 2, *1*). Выпуклая сторона сосуда украшена двумя концентрическими кругами в виде неглубоких желобков. На плечиках сосуда вертикальные прямоугольные со скругленными углами выступы-налепы со сквозными продольными отверстиями. Размеры фляги: высота – 30,75 см, высота горла с венчиком – 3 см, диаметр венчика – 6,75 см, высота валика венчика – 1,35 см, диаметр горла – 6 см, внутренний диаметр горла – 4,5 см, диаметр тулова фляги – 28,3 см, толщина фляги – 17,4 см, толщина стенок – 0,8 см, длина боковых ручек – 4,2 см, высота боковых ручек – 1,7 см, толщина боковых ручек – 3,5 см, диаметр отверстия ручки – 0,7 см, диаметр внешней окружности орнамента – 12 см, диаметр внутренней окружности орнамента – 10,5 см.

Расчет объема фляги делался по формуле расчета шарового сегмента: $V = \pi H^2 \times (R - \frac{H}{3})$. H – высота, или в нашем случае толщина, фляги (от передней до задней стенки по внешнему контуру), R – радиус тулова.

Расчетный внутренний объем фляги, исходя из представленных размеров, получился 6,34 л. Он был проверен путем засыпки фляги мелким песком, который затем был пересыпан в емкость, имеющую прямоугольную форму. Занятый песком объем составил 29,8 × 19,5 × 10,7 см = 6,218 л. Таким образом, внутренний объем фляги составил 6,218–6,34 л.

Ниже пояса погребенного, под небольшим углом относительно оси костяка, под правым бедром лежал железный меч с узким бабочковидным или крыловидным перекрестьем (см. рис. 1, *1*, *1.2*, *5*). Под перекрестьем и около средней части клинка найдены две бронзовые ворворки.

От запястья левой руки и вдоль левого бедра фиксировались остатки кожаного (?) колчана. В колчане лежало 28 бронзовых трехлопастных наконечников (см. рис. 1, *1, 1.3, 4*). Поверх остатков колчана обнаружен деревянный тлен от лука, уложенного вдоль линии костяка между левой рукой и западной стенкой.

Судя по характерным остаткам, лук относился к категории скифских сигмовидных луков (см. рис. 1, *1, 1.4*). Реконструируемая длина лука – 0,8 м.

В южной части погребальной камеры, ближе к юго-западному углу, в 10 см от западной стенки фиксировались остатки деревянной миниатюрной чаши (см. рис. 1, *1, 1.5*). Судя по характерному тлену, диаметр чаши составлял до 10–12 см.

ХРОНОЛОГИЯ КОМПЛЕКСА

Архитектура, погребальный обряд и вещевые комплексы кургана 1 группы «Студеникин Мар» аналогичны зафиксированным в больших курганах данного некрополя, исследованных в 2016–2017 гг., а также имеют близкие параллели в известном могильнике Филипповка 1 и памятниках филипповского круга на Южном Урале.

Наконечники стрел из погребения № 2 имеют сходство с колчанными наборами южноуральских номадов конца V–IV вв. до н.э. Железный меч с узким бабочковидным (крыловидным) перекрестьем и, вероятнее всего, когтевидным навершием относится к типу III отдела 1, по В.Н. Васильеву, и датируется в рамках IV в. до н.э.[2]

Однако в качестве ближайших аналогий можно указать на мечи из курганов 6 и 7 могильника Филипповка 1, которые, судя по элементам конского снаряжения, а также другим категориям инвентаря, могут датироваться в пределах середины – половины IV в. до н.э.[3]

Нужно отметить, что инвентарь, найденный в погребении, достаточно сложно датировать в узких хронологических рамках, поэтому при определении хронологической позиции комплекса необходимо обратить внимание на вещевые наборы, бывшие в кургане. Обращает на себя внимание уздечный набор, найденный в южной поле кургана, недалеко от границ глиняного вала вокруг центральной могилы. Вещи из него датируются в пределах второй половины – конца IV в. до н.э. Особого внимания заслуживает бронзовый пластинчатый налобник (рис. 2, *2*). Серия похожих налобников известна в погребениях и жертвенных комплексах в курганах ранних кочевников Южного Урала. Все они происходят из богатых погребений кочевнической знати, датированных второй половиной IV – рубежом IV–III вв. до н.э.[4]

Биметаллические псалии с железными сердечниками и бронзовыми приливами отмечены в комплексах Предкавказья, Среднего и Нижнего Дона, лесостепных памятниках скифского времени IV в. до н.э. Наиболее многочисленная серия их найдена в Прикубанье в уздечных наборах второй половины IV в. до н.э.[5]

По мнению В.Н. Васильева, применительно к южноуральским комплексам подобные псалии могут выступать в качестве хроноиндикаторов второй половины IV в. до н.э.[6] Примечательной находкой можно считать и бронзовые уздечные бляхи (рис. 2, *3–5*), в числе которых особо следует отметить зооморфные бляхи

---

[2] Vasil'ev 2001, 38–39.
[3] Pshenichnyuk 2012, 155–156, 162–167.
[4] Sirotin 2019, 224–223.
[5] Erlikh 2010, 91; 2006, 62.
[6] Vasil'ev 2004, 155.

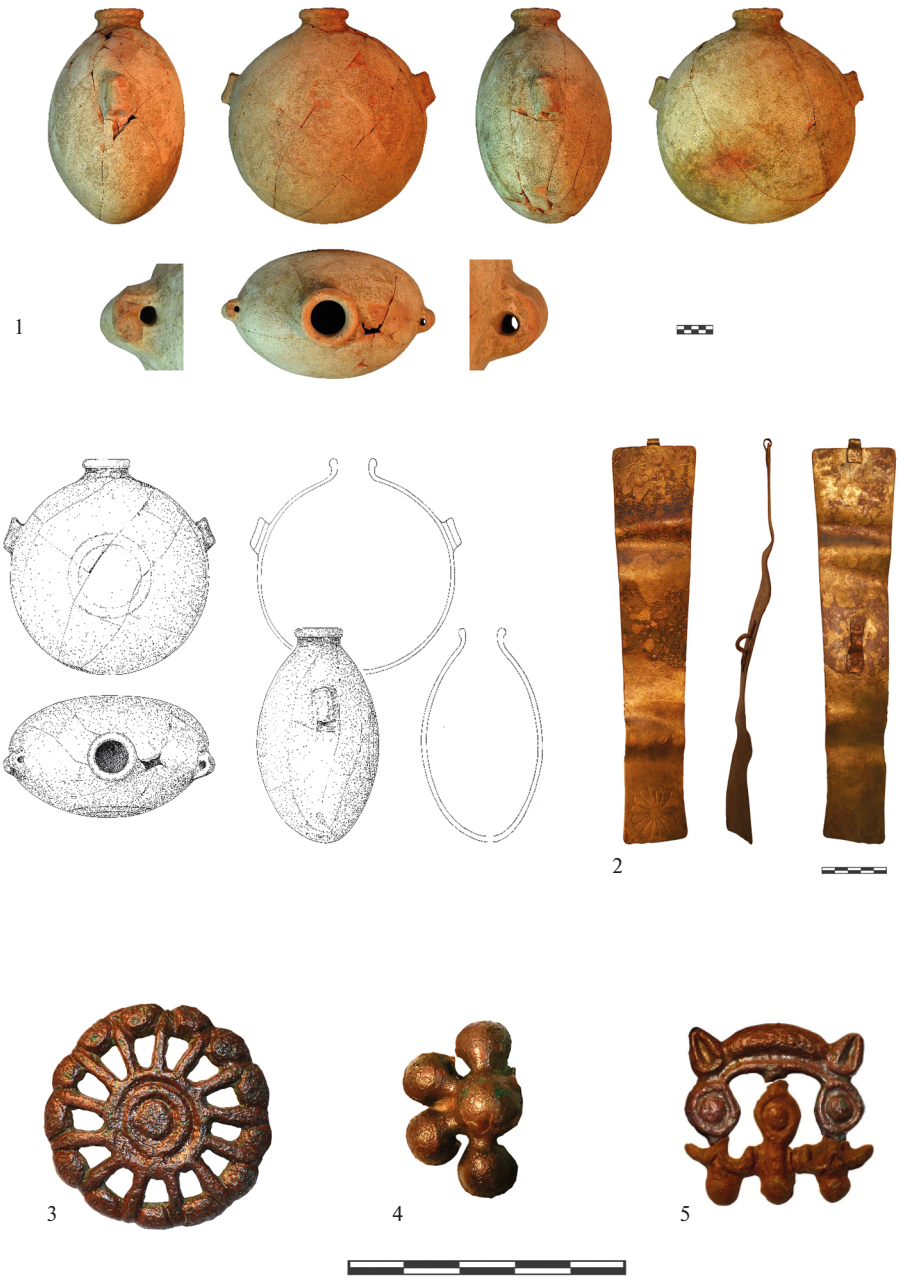


Рис. 2. Курган № 1 группы «Студеникин Мар». Погребение № 2: *1* – гончарная вьючная фляга; *2* – бронзовый налобник; *3–5* – бронзовые бляхи из уздечного набора из насыпи. *Фото и рисунки К.С. Окорокова, 2020 г.*

(рис. 2, *5*), имеющие прямые аналогии в комплексах Предкавказья и Среднего Дона второй половины IV – начала III в. до н.э.[7]

Следует также отметить находку меча синдо-меотского (меотского) типа из погребения № 1 данного кургана. Немногочисленная серия таких мечей найдена в южноуральских комплексах IV – рубежа IV–III вв. до н.э.[8] Хорошим хроноиндикатором является меч переходного типа, обнаруженный при исследовании погребения № 5. Наиболее представительную серию комплексов, содержащих такие мечи с характерным набором раннепрохоровского инвентаря, В.Н. Васильев относит к последней четверти IV в. до н.э.[9] Учитывая, что планиграфически данное погребение расположено в непосредственной близости от центрального погребения, можно предполагать относительно близкое время их сооружения в пределах второй половины IV, не позднее рубежа IV–III вв. до н.э.

Что касается вьючных гончарных фляг, то их находки в погребениях ранних кочевников Южного Урала немногочисленны. Вместе с тем они являются достаточно характерным хроноиндикатором: время их появления на Южном Урале определяется последними десятилетиями IV в. до н.э.[10]

На наш взгляд, дата кургана определяется последней третью IV в. до н.э. – рубежом IV–III вв. до н.э.

Литература / References

Erlikh, V.R. 2006: [Connections of the Kuban region with the Volga and Ural regions in the second half of the 4th century BC (on the materials from Tenginka sanctuaries)]. In: V.V. Murasheva (ed.), *Gorod i step' v kontaktnoy evro-aziatskoy zone. Tezisy dokladov III mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya G.A. Fedorova-Davydova (1931–2000)* [*City and Steppe in the Contact Euro-Asian Zone. Abstracts of the III International Scientific Conference dedicated to the 75th Birthday of G.A. Fedorov-Davydov (1931–2000)*]. Moscow, 60–62.

Эрлих, В.Р. Связи Прикубанья с Поволжьем и Приуральем во второй половине IV в. до н.э. (по материалам Тенгинских святилищ). В кн.: В.В. Мурашева (ред.), *Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000).* М., 60–62.

Erlikh, V.R. 2010: [The bridle of Colchis and Central Georgia of the ancient period: to the problem of distinguishing traditions]. In: M.M. Gerasimova, V. Yu. Malashev, M.G. Moshkova (eds.), *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy* [*Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories*]. Moscow, 73–106.

Эрлих, В.Р. Узда Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций. В кн.: М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова (ред.), *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий*. М., 73–106.

Gulyaev, V.I, Savchenko, E.I. 2004: [New monument of the Scythian Period in the Middle Don]. In: V.I. Gulyaev (ed.), *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu* [*Archaeology of the Middle Don in the Scythian Era*]. Moscow, 35–52.

Гуляев, В.И., Савченко, Е.И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону. В кн.: В.И. Гуляев (ред.), *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху*. М., 35–52.

Meshcheryakov, D.V., Yablonskiy, L.T. 2007: [On some Caucasian imports in the sites of the early Sarmatian period of the South Urals]. In: V.I. Kozenkova, V. Yu. Malashev (eds.), *Severnyy*

[7] Mogilov 2008, 415, рис. 193; Gulyaev, Savchenko 2004, 40, рис. 4, *10, 11*.

[8] Meshcheryakov, Yablonsky 2007, 357–368.

[9] Vasil'ev 2004, 153.

[10] Vasil'ev 2006, 58–62. См. также Treister 2022.

Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke: sbornik pamyati M.P. Abramovoy [*The North Caucasus and the World of the Nomads in the Early Iron Age: Collection of Articles to the Memory of M.P. Abramova*]. Moscow, 357–368.

Мещеряков, Д.В., Яблонский, Л.Т. О некоторых кавказских импортах в памятниках раннесарматского времени Южного Приуралья. В кн.: В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев (ред.), *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М.П. Абрамовой*. М., 357–368.

Mogilov, O.D. 2008: *Sporjadzhennja konja skifs'koi' doby u Lisostepu Shidnoi' Jevropy* [The Horse Harness of Scythian Age in the East-European Forest-steppe Region]. Kiev.

Могилов, О.Д. *Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи*. Киев.

Pshenichnyuk, A. Kh. 2012: *Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale* [*Filippovka. Necropolis of the Nomadic Nobility of the 4th Century BC in the South Urals*]. Ufa.

Пшеничнюк, А.Х. *Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале*. Уфа.

Sirotin, S.V., Bogachuk, D.S., Okorokov, K.S. 2018: [Kurgan group "Bogatyrskie Mogilki" No. 4 (Orenburg region, Orenburg district)]. In: A.V. Engovatova (ed.), *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017* [*Cities, Settlements, Burial-grounds. Excavations 2017*]. Moscow, 334–339.

Сиротин, С.В., Богачук, Д.С., Окороков, К.С. Курганная группа «Богатырские могилки» № 4 (Оренбургская область, Оренбургский район). В кн.: А.В. Энговатова (ред.), *Города, селища, могильники. Раскопки 2017.* (Материалы спасательных археологических исследований, 25). М., 334–339.

Sirotin, S.V. 2019: [About one group of lamellar frontlets in the bridle sets of the early nomads of the South Urals]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – V v. n.e. Materialy X mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [*Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BC – 5th Century AD). Materials of the X International Scientific Conference "Problems of Sarmatian Archeology and History"*]. Simferopol, 224–233.

Сиротин, С.В. Об одной группе пластинчатых налобников в уздечных наборах ранних кочевников Южного Урала. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). Материалы X международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Симферополь, 224–233.

Treister, M. Yu. 2022: Ceramic transport flask from the early nomadic burial in the burial-mound Temir in South Trans-Urals. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 82/2, 419–439.

Трейстер, М.Ю. Керамическая вьючная фляга из раннекочевнического погребения в кургане Темир в Южном Зауралье. *ВДИ* 82/2, 419–439.

Vasil'ev, V.N. 2001: *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI–II vv. do nashey ery* [*Armament and Warfare of the Nomads of the South Urals in the 6th–2nd Centuries BC*]. Ufa.

Васильев, В.Н. *Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры*. Уфа.

Vasil'ev, V.N. 2004: [On the chronology of the Early Prokhorovka complex]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Ufa Archaeological Journal*] 5, 153–172.

Васильев, В.Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса. *Уфимский археологический вестник* 5, 153–172.

Vasil'ev, V.N. 2006: [To the chronology of the pack flasks of the early nomads of the South Urals]. In: G.T. Obydennova, N.S. Savel'ev (eds.), *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya. K 70-letiyu A.Kh. Pshenichnyuka* [*South Urals and Adjacent Territories in the Scytho-Sarmatian Period. To the 70th Anniversary of A.Kh. Pshenichnyuk*]. Ufa, 58–62.

Васильев, В.Н. К хронологии вьючных фляг ранних кочевников Южного Урала. В кн.: Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев (ред.), *Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. К 70-летию А.Х. Пшеничнюка*. Уфа, 58–62.

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 419–439
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 419–439
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910014744-1

КЕРАМИЧЕСКАЯ ВЬЮЧНАЯ ФЛЯГА ИЗ РАННЕКОЧЕВНИЧЕСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНЕ ТЕМИР В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

М. Ю. Трейстер

Независимый исследователь, Бонн, ФРГ

E-mail: mikhailtreister@yahoo.de

ORCID: 0000-0001-7451-3325

Поводом для написания статьи послужила новая находка иранской или хорезмской вьючной фляги в Южном Зауралье, а также обнаружение автором арамейской надписи на фляге из кургана Темир в Южном Приуралье, на которую авторы публикации 1986 г. не обратили внимания. В настоящее время известно не менее 9 фляг из погребений ранних кочевников Южного Урала. Анализ контекста находок дает определенные основания рассматривать фляги со светлым ангобом и условно-симметричным двояковыпуклым профилем как более ранние (не позднее последней четверти IV в. до н.э.) по сравнению с красноангобированными флягами с уплощенно-выпуклым профилем. Процарапанная на фляге из кургана Темир надпись с указанием объема не дает оснований для узкой датировки фляги, но позволяет предполагать ее написание в Хорезме. Если исходить из того, что форма вьючных фляг имеет иранское происхождение, очевидно, что уже в середине – третьей четверти IV в. до н.э. наиболее ранние их образцы попадают к кочевникам Южного Урала или непосредственно из Ирана, или, что более вероятно, через Хорезм.

Ключевые слова: Южное Приуралье, кочевники, ранние сарматы, гончарная керамика, вьючные фляги, погребальный обряд

Данные об авторе. Михаил Юрьевич Трейстер – доктор исторических наук, независимый исследователь.

С данной статьей связаны две другие публикуемые в этом выпуске ВДИ работы: Lurje 2022; Sirotin 2022. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную возможность работать в фондах музеев К.Б. Фирсову (Москва, ГИМ), О.А. Халяпиной (Оренбург, ОГИКМ), С.В. Воробьевой (Уфа, НМРБ), Н.В. Малой (Челябинск, ЧГУ, Музей археологии и этнографии). Наша особая благодарность Н.В. Малой за измерение объема фляги из кургана Темир.

CERAMIC TRANSPORT FLASK FROM THE EARLY NOMADIC BURIAL IN THE TEMIR MOUND IN SOUTH TRANS-URALS

Mikhail Yu. Treister

Independent researcher, Bonn, Germany

E-mail: mikhailtreister@yahoo.de

The finds of wheel-made Iranian and Central Asian pottery, including transport flasks, in early nomadic burials in the South Urals and Trans-Volga regions have already attracted the scholars' attention. The reason for writing this article was a new find of such a flask in the South Urals, as well as the discovery by the author of an Aramaic inscription on a flask from the Temir burial mound in the South Trans-Urals, to which the authors of the 1986 publication did not pay attention. The author draws attention to flasks with a biconvex (flattened-spherical) profile of the body (asymmetric), to which belong, in particular, a flask from the Temir burial mound and a new find – a vessel from the burial mound no. 1 of the Studenikin Mar group 3 – Vysokaya Mogila. If so far it has been difficult to trace whether there are chronological peculiarities in the genesis of the flask forms, then an analysis of the context of the finds from the Early nomadic complexes of the South Urals give certain grounds to consider the flasks with a light engobe and a conventional-symmetric biconvex profile as earlier ones (no later than the last quarter of the fourth century BC) in comparison with the flasks with red engobe and a flattened-convex profile. An inscription with an indication of the volume, scratched on a flask from the Temir Mound, does not provide grounds for a narrow dating of the flask, but allows suggesting that it was written in Chorasmia. Thus, if we proceed from the fact that the shape of the transport flasks is of Iranian origin, it may be assumed that already in the middle or the third quarter of the fourth century BC the earliest samples of them come to the nomads of the South Urals either directly from Iran or, more likely, in most cases through Chorasmia.

Keywords: ceramic transport flasks, Iran, Chorasmia, Chirikrabat culture, early nomads, South Urals

Находки гончарной иранской и центральноазиатской керамики, в том числе вьючных фляг, в погребениях ранних кочевников Южного Урала и Заволжья уже привлекали внимание исследователей[1]. Поводом для написания статьи послужила новая находка такой фляги в Южном Приуралье, а также обнаружение автором во время работы в фондах Музея археологии и этнографии Челябинского государственного университета (ЧГУ) процарапанной арамейской надписи на фляге из раскопанного в 1982 г. кургана Темир в Южном Зауралье, на которую авторы публикации 1986 г. не обратили внимания. В настоящее время известно не менее 9 фляг из погребений ранних кочевников Южного Урала (рис. 1).

Рассматривая фляги и классифицируя их, В.Н. Васильев, который учел шесть находок из погребений ранних кочевников Южного Урала, а вслед за ним и С.Б. Болелов выделяют два типа фляг по профилю тулова: 1) двояковыпуклые и 2) уплощенно-выпуклые (полусферические).

[1] Vasil'ev 2006, 58–62; Bolelov 2004, 117, 119–120, рис. 3/14; 2012a, 211–213; 2012b, 202–210.

Рис. 1. Карта. Керамические фляги в погребениях кочевников Южного Урала и Заволжья. *1* – Ново-Никольское; *2* – Кардаиловский; *3* – Филипповка 1; *4* – Студеникин Мар; *5* – Мечетсай; *6* – Близнец; *7* – Октябрьское; *8* – Старые Киишки; *9* – Темир. *Подоснова – Г.П. Гарбузов, карта – М.Ю. Трейстер, 2021*

К типу 1 В.Н. Васильев относит две фляги из Приуралья: из кургана № 10/1989 могильника Филипповка-1[2] и кургана Темир (рис. 2; 8, *1*)[3]. К типу 2 исследователь относит четыре фляги: Мечетсай, курган № 3/1961, погребение № 3 (рис. 3; 9, *1*)[4]; курган № 8/1961, погребение № 5 (рис. 4)[5]; Октябрьское-I, курган № 1/1974, погребение № 4[6], Старые Киишки, курган № 20/1958, погребение № 7 (рис. 5; 9, *2*)[7].

---

[2] Cat. New York 2000, 178, no. 126; Cat. St. Petersburg 2001, 153, № 138; Cat. Milan 2001, 170, no. 110; Vasil'ev 2006, 58, № 2; рис. 1, *5*; 60; Bolelov 2012a, 212; 2012b, 209, № 36; Cat. Ufa 2018, 364–365, № 1012.

[3] Zdanovich, Khabdulina 1986, 64–65; Vasil'ev 2006, 58, № 1, рис. 1, *4*; Bolelov 2012a, 212; 2012b, 208–209, № 34; Vinogradov 2020, 90–92, рис. 81.

[4] Smirnov 1975, 94–95, рис. 30, *4*; Vasil'ev 2006, 58, № 4; 61; Bolelov 2012a, 212; 2012b, 205, № 16, цв. табл. I.61, *3. 6*; рис. I.101.

[5] Smirnov 1975, 136, 138, рис. 54, *1*; Berlizov 1997, 102, 105, рис. 8; Firsov 2012, 50, № A8.1.1.23, цв. табл. I.61, *1*; II.12, *1–3*, рис. II.29, *4*; Bolelov 2012b, 205, № 17.

[6] Vasil'ev 2006, 58, № 6; 61–62; Cat. Ufa 2007, 59; Bolelov 2012b, 205–206, № 20; Ismagil, Sungatov 2013, 41–42, рис. 14, *19*.

[7] Sadykova 1962, 112, табл. XII, *7*; Moshkova 1963, 30, табл. 12, *2*; Vasil'ev 2004, 168, с датировкой рубежом IV–III вв. до н.э.; 2006, 58, № 5; рис. 1, *8*; Bolelov 2012b, 208, № 32, цв. табл. I.61, *2*.

К приведенным выше находкам следует добавить фляги из: Кардаилово-I, курган № 16/1978, погребение № 1 (рис. 6)[8]; Филипповки-1, курган № 16/2005, погребение № 1 (рис. 7; 8, *3*)[9], и группы Студеникин Мар – Высокая могила № 3, курган № 1/2019, погребение № 2 (рис. 8, *2*)[10]. Вероятнее всего, фляге принадлежали фрагменты гончарного красноглиняного сосуда из ограбленного погребения № 1 в кургане № 12/1989 в Филипповке – на одном из фрагментов сохранилась полностью ручка-выступ полуцилиндрической формы с продольным отверстием. О том, что это скорее всего фляга, свидетельствует и то, что один из фрагментов имеет размеры ок. 10,5 × 16,5 см. А.Х. Пшеничнюк также отмечал, что сосуд имел довольно большие размеры[11]. Если это так, то общее число фляг доходит до 10.

Высказывались предположения о происхождении фляг из Ирана[12] и Хорезма[13], хотя в определении конкретных фляг имеются разногласия. Так, в целом принимая иранское происхождение фляг типа 1, по классификации В.Н. Васильева, С.Б. Болелов определяет как изделия хорезмской мастерской не только фляги из Мечетсая, но и флягу из кургана Темир, которая относится к типу 1[14].

ФЛЯГИ С ДВОЯКОВЫПУКЛЫМ ПРОФИЛЕМ ТУЛОВА (УСЛОВНО-СИММЕТРИЧНЫЕ)

Новая находка фляги этого типа в кургане № 1 группы № 3 Студеникин Мар в составе могильника Студеникин Мар – Высокая Могила под Оренбургом (рис. 8, *2*)[15] и обследование автором фляги из кургана Темир (рис. 2; 8, *1*)[16] позволяют нам еще раз обратиться к флягам этой группы. Они имеют весьма близкие размеры и пропорции, для них характерно очень низкое горло, переходящее в закругленный венчик, а также близкие по цвету материал и ангоб – это красноглиняные фляги со светло-коричневым ангобом. Близка им по форме, цвету глины и ангоба и фляга из кургана № 16/2005 могильника у с. Филипповка (рис. 7; 8, *3*)[17], у которой, однако, более выпуклая стенка имеет более крутой профиль и украшена концентрическими прочерченными окружностями.

У всех фляг имеются ручки-выступы с вертикальными отверстиями, но их форма различается: они полуцилиндрические – у фляг из Темира и Студеникина Мара (как и у большинства известных нам фляг) и трапециевидной формы – у фляги из Филипповки. Аналогии четко проработанным ручкам-выступам фляги из Филипповки мне не известны.

---

[8] Morgunova 1996, 15, 35, рис. 14, *II*; Vasil'ev 2004, 159, рис. 3, *12*; Bolelov 2012b, 204, № 13, рис. I.100; цв. табл. I.61, *5*.

[9] Cat. Orenburg 2008, 124, № 97; Bolelov 2012b, 210, № 40, цв. табл. I.61, *2*; Yablonskiy 2013, 162, № 1975.

[10] См. Sirotin 2022, 411–418.

[11] Pshenichnyuk 2012, 51, 75, рис. 118, *13*; Cat. Ufa 2018, 374, № 1025.

[12] Vasil'ev 2006, 60 (о флягах типа 1); Bolelov 2012a, 212.

[13] Vasil'ev 2006, 61, 62 (о флягах типа 2); Bolelov 2012a, 212.

[14] Bolelov 2012a, 212.

[15] См. Sirotin 2022, 411–418.

[16] См. выше прим. 3.

[17] См. выше прим. 9.

Рис. 2. Курган Темир, 1982, погребение № 1. Фляга. Челябинск, ЧГУ, Музей археологии и этнографии. Инв. № ОФ 429. *Фото М.Ю. Трейстера, 2015*

1

2

3

4

Рис. 3. Мечетсай, курган № 3/1961, погребение № 3. Фляга. Оренбург, ОГИКМ. Инв. № 7172/5.
Фото М. Ю. Трейстера, 2009

В.Н. Васильев отмечал близость фляг из кургана Темир и кургана № 10/1989 у с. Филипповка[18]. Вряд ли с этим можно согласиться, т.к. филипповская фляга имеет другой профиль (симметрично двояковыпуклый) и у нее отсутствуют ручки-выступы.

Фляга из кургана Темир (см. рис. 2; 8, *1*)[19] имеет высоту 31,2 см, максимальную ширину 30,1 см и максимальную толщину – 17,5 см. Промеры показали ее следующие внутренние размеры: максимальный диаметр (ширина) – 28,1 см, максимальная высота до горла – 27,1 см, максимальная толщина – 15,6 см. По формуле расчета шарового сегмента объем фляги составляет 6,68 л. Измерение объема фляги водой, налитой во вставленный внутрь сосуда тонкий полиэтиленовый пакет, проведенное хранителем археологических коллекций музея Челябинского университета Н.В. Малой, показало несколько больший объем – 7,25 л. Эти данные очень близки данным фляги из кургана № 1 группы Студеникин Мар. По формуле объем фляги составляет 6,34 л. Засыпка мелким песком показала объем фляги ок. 6,22 л[20]. Расчет объема фляги из кургана № 16/2005 могильника у с. Филипповка[21] (по формуле расчета шарового сегмента на основании ее промеров по рисунку К.С. Окорокова) показал объем ок. 8,8 л. М.Г. Воробьева определяла фляги объемом 6–7 л как фляги среднего размера[22]. Г. Линдстрем обозначает объем фляги из Тобулока как 50 л[23], что вызывает большие вопросы в точности измерения или подсчетов.

Первоначально курган Темир был датирован на основании наконечников стрел концом V – началом IV в. до н.э.[24] Фляга[25], а также зеркало, диск которого оформлен концентрическими окружностями[26], из кургана Темир были отнесены В.Н. Васильевым к последней четверти – концу IV в. до н.э. и последней трети IV в. – началу III в. до н.э. соответственно, при этом, по мнению исследователя, зеркало принадлежит к ранним образцам серии, что, вероятно, подчеркивает, по мнению В.Н. Васильева, датировку комплекса скорее в пределах последней четверти / конца IV в. до н.э.[27] Эта датировка укладывается в широкие рамки радиоуглеродной датировки погребения в кургане: 400–200 гг. до н.э.[28]

При обследовании фляги из кургана Темир в 2015 г. в верхней части ее слабовыпуклой стенки под горлом автор обнаружил хорошо заметную процарапанную надпись, не отмеченную в первой публикации, состоящую из четырех знаков

---

[18] Vasil'ev 2004, 161.
[19] См. выше прим. 3.
[20] См. Sirotin 2022, 414.
[21] См. выше прим. 9.
[22] Vorob'eva 1959, 104.
[23] Lindström 2017, 173, Abb. 20.
[24] Zdanovich, Khabdulina 1986, 64.
[25] Vasil'ev 2004, 61; 2006, 60.
[26] Vasil'ev 2004, 161; Vasil'ev *et al.* 2019, 102, 103, прим. 2; Tairov 2018, 350, 351, рис. 1, *7*.
[27] Vasil'ev 2001, 170. По мнению А.Д. Таирова, придерживающегося первоначальной датировки кургана, зеркало датируется концом V – началом IV в. до н.э. (Tairov 2018, 351).
[28] Alekseev *et al.* 2005, 184, рис. 3. 123.

арамейского письма. Общая длина надписи ок. 3,8 см. Размеры отдельных букв: в. 2,2–2,5 см, шир. 0,6–0,7 см (см. рис. 2, *5–6*). П.Б. Лурье, ранее публиковавший надпись на фляге из Чирик-Рабата, подтвердил наше определение и подготовил комментарий этой надписи[29].

Три знака, нарисованные битумом (?), отмечены на более выпуклой стороне фляги из Суз[30], однако их изображения не были опубликованы.

Другая параллель транспортной фляге с надписью происходит из погребения на городище Чирик-Рабат. Это ярко выраженный образец фляги типа 2 с одной плоской и другой – сильно выпуклой стороной диаметром 23 см и высотой 25,5 см. Надпись процарапана на плоской стороне, но несколько ниже, чем у фляги из Темира, ближе к ее центральной части[31]. В отличие от надписи на фляге из кургана Темир надпись на фляге из Чирик-Рабата с именем мастера или заказчика процарапана до обжига. Погребальный комплекс на городище Чирик-Рабат, где захоронен мужчина-воин с длинным мечом с бронзовыми ромбовидным перекрестьем и навершием в форме усеченного конуса, положенным слева, и кинжалом в районе правого бедра, относят к III–II вв. до н.э.[32] Надпись на фляге, по мнению П.Б. Лурье, датируется, как и комплекс, не позднее II в. до н.э., а знаки надписи близки ранним хорезмийским[33]. Действительно, и форма, и детали конструкции меча, и форма золотых бляшек, найденных в этом погребении, свидетельствуют скорее всего о датировке не ранее II в. до н.э. Соответственно, фляга из Темира датируется существенно более ранним временем.

Есть все основания для заключения о том, что среди фляг, найденных в раннекочевнических погребениях Южного Урала, наиболее ранними являются именно фляги с двояковыпуклым профилем, симметричные, светлоангобированные, как фляга из кургана № 10/1989 в Филипповке[34], и двояковыпуклые, условно-симметричные, как фляги из кургана № 16/2005 в Филипповке (рис. 7; 8, *3*)[35], кургана Темир (см. рис. 2; 8, *1*)[36] и кургана № 1 группы Студеникин Мар (рис. 8, *2*)[37].

Фляга из кургана № 10/1989 могильника Филипповка, отличающаяся от других фляг и цветом глины и ангоба, и отсутствием ручек, вполне вероятно, происходит из Ирана[38], имея близкую параллель в Персеполе[39].

В отличие от других ранних фляг сосуд из кургана № 16/2005 могильника у с. Филипповка имеет более крутой профиль сильно выпуклой стенки и украшен концентрическими прочерченными окружностями. Окружности тонкие и именно

---

[29] Lurje 2022, 440–445.
[30] Boucharlat, Labrousse 1979, 76, 114.
[31] См. выше прим. 24.
[32] Darmenov, Utubaev 2017, 28, 29, рис. 3.
[33] Ivantchik, Lurje 2013, 289.
[34] См. выше прим. 2.
[35] См. выше прим. 9.
[36] См. выше прим. 3.
[37] См. выше прим. 10.
[38] Vasil'ev 2006, 60 (о флягах типа 1); Bolelov 2012a, 212.
[39] Schmidt 1957, 96, pl. 73, *2*; Vasil'ev 2006, 59, рис. 1, *9*; 60.

1

2

3

4

5

Рис. 4. Мечетсай, курган № 8/1961, погребение № 5. Фляга. Москва, ГИМ. Инв. № 99564. Оп. Б 1421/188. *Фото М.Ю. Трейстера, 2010*

Рис. 5. Старые Киишки, курган № 20/1958, погребение № 7. Фляга. Уфа, НМРБ. Инв. № ОФ 6142/90. *Фото М.Ю. Трейстера, 2015*

прочерчены по обожженной глине (рис. 7; 8, *3*) в отличие от мягко моделированных по необожженной глине концентрических валиков и канавок фляг типа 2.

По цвету глины и ангоба к ранним флягам примыкает фляга из кургана № 8/1961 могильника Мечетсай (см. рис. 4)[40]. Более того, фляга из кургана № 8 моделирована не только рельефными валиками, но в центральной части – и концентрическими окружностями, прочерченными в центральной части стенки, что также сближает ее с флягами типа 1. Однако по профилю (уплощенно-выпуклому) эта фляга относится к типу 2.

К типу 2 с уплощенно-выпуклым профилем относятся фляги из Мечетсая (см. рис. 3–4; 9, *1*), могильника Октябрьское-I[41] и кургана № 20/1958 у с. Старые Киишки (см. рис. 5; 9, *2*)[42]. Очевидна близость двух последних красноангобированных фляг, а также фляги из кургана № 3/1961 Мечетсайского могильника (см. рис. 3)[43], и их отличие и по цвету глины и ангоба, и по декору от светлоангобированных фляг из курганов № 16/2005 в Филипповке, Темир и кургана № 1 группы Студеникин Мар. Фляга из кургана № 3/1961 могильника Мечетсай (рис. 3; 9, *1*) с четкой моделировкой горла, выделенного как от тулова, так и от венчика, отличается от других фляг этой группы и близка по этому признаку сосуду из кургана № 16/1978 могильника Кардаилово-I (рис. 6)[44]. Этот элемент характерен для фляг уплощенно-выпуклой формы из Хорезма[45] и Чирик-Рабата[46] и не встречается на экземплярах, найденных в Иране.

Тот факт, что обе фляги из Филипповки попадают в группу типа 1, учитывая хронологию могильника[47], позволяет рассматривать эту группу как более раннюю. О том, что фляги этой группы вряд ли можно датировать позднее третьей четверти, в крайнем случае рубежа третьей и последней четверти IV в. до н.э., свидетельствует и находка из кургана Темир (см. рис. 2; 8, *1*). Важное значение для хронологии фляг имеет находка из кургана № 8/1961 могильника Мечетсай (рис. 4), как своего рода переходный вариант между флягами типов 1 и 2 (по цвету глины и ангоба и особенностям декора). Датировка этого погребения уже неоднократно рассматривалась. В.Н. Васильев относил его к последней четверти, вероятно, концу IV в. до н.э.[48] В любом случае, оно не выходит за пределы второй половины IV в. до н.э.[49]

Очевидно, что фляги типа 2 из сарматских погребений Южного Приуралья – более поздние, учитывая, в частности, датировку могильника у с. Старые

---

[40] См. выше прим. 5.
[41] См. выше прим. 6.
[42] См. выше прим. 7.
[43] См. выше прим. 4.
[44] См. выше прим. 8.
[45] Vorob'eva 1967, 106, табл. II, *3–4*; Bolelov 2004, 119, рис. 3/14, *1–4*.
[46] Kurmankulov *et al.* 2005, 249–251, рис. 3; Ivantchik, Lurje 2013, 286–291, рис. 1; Bonora 2019, 185–186, fig. 5.
[47] Treister, Yablonskiy 2012, 282–284.
[48] Vasil'ev 2004, 161; 2006, 61.
[49] Treister 2012, 268–269.

Рис. 6. Кардаилово-I, курган № 16/1978, погребение № 1. Фляга. Оренбург, ОГИКМ. Инв. № 17342/4. *Фото М.Ю. Трейстера, 2015*

1

2

3

Рис. 7. Филипповка, курган № 16/2005, погребение № 1. Оренбург, ОГИКМ. Инв. № 18980/830.
Фото М.Ю. Трейстера, 2009

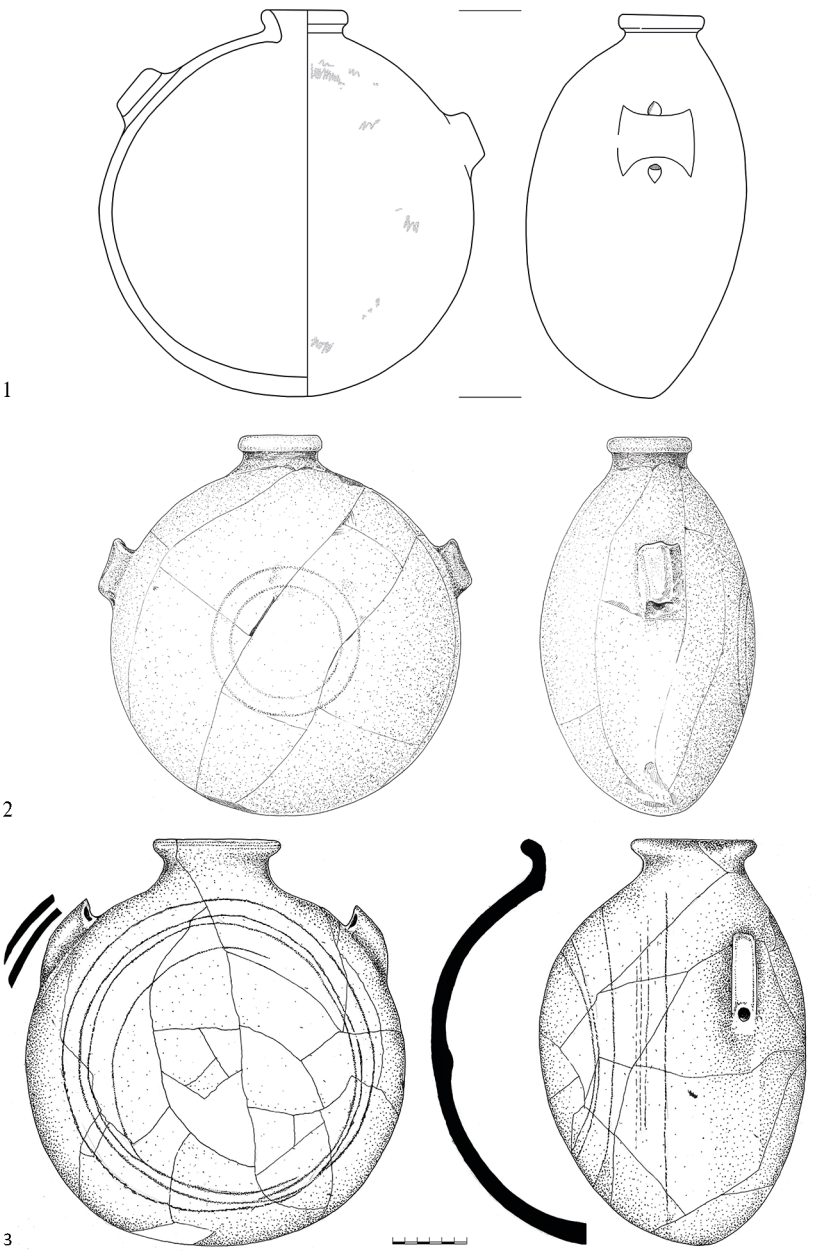


Рис. 8. Двояковыпуклые фляги из погребений кочевников Южного Урала. *1* – курган Темир, погребение № 1 (*рис. Н.Е. Беспалой*); *2* – Студеникин Мар – Высокая могила, группа № 3, курган № 1/2019, погребение № 2; 3 – Филипповка, курган № 16/2005, погребение № 1 (*рис. К.В. Окорокова*)

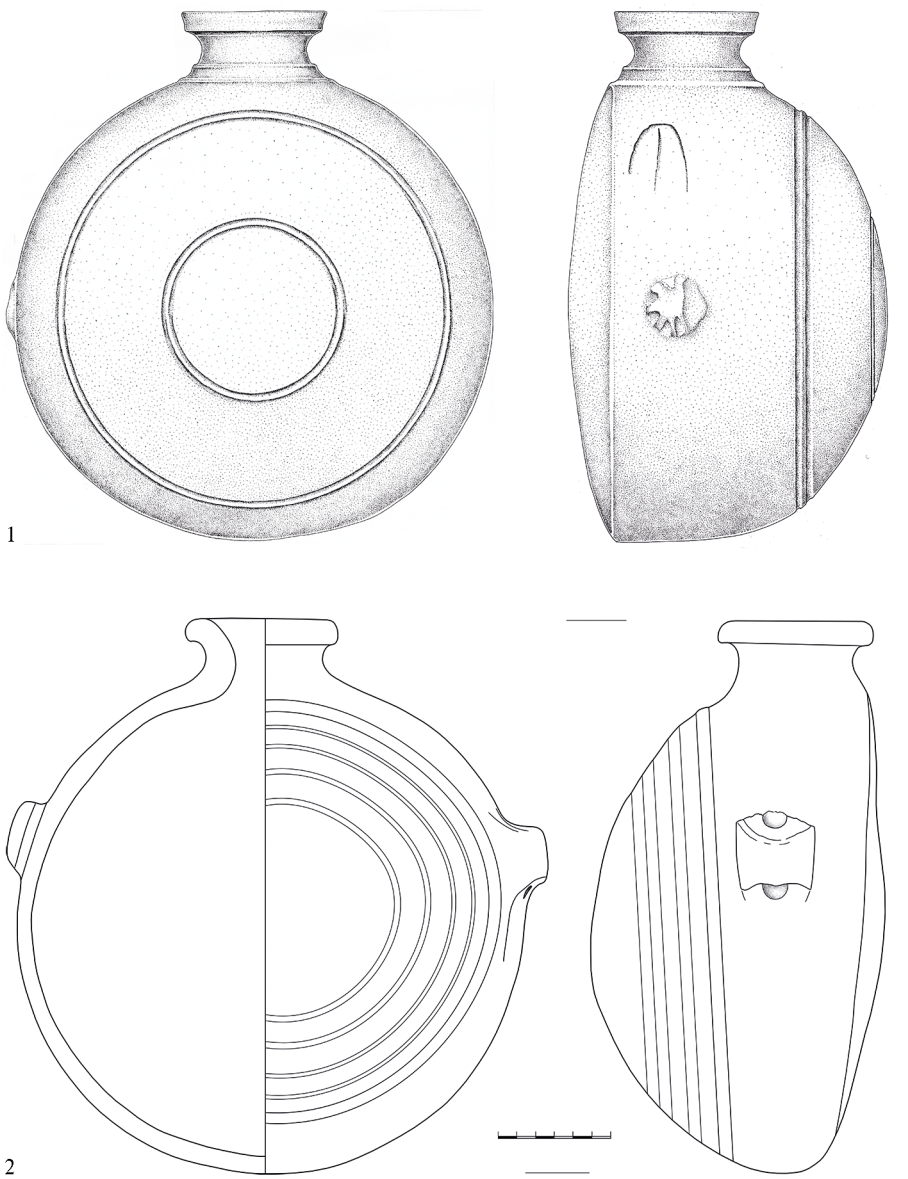


Рис. 9. Плосковыпуклые фляги из погребений кочевников Южного Урала. *1* – Мечетсай, курган № 3/1961, погребение № 3 (*рис. О.И. Фризен*); 2 – Старые Киишки, курган № 20/1958, погребение № 7 (*рис. Н.Е. Беспалой*)

Рис. 10. Кардаилово-I, курган № 3/1979, погребение № 1. Фляга. Оренбург, ОГИКМ. Инв. № 17342/11. *Фото М.Ю. Трейстера, 2015*

Киишки в рамках III–II вв. до н.э.[50] Аналогичные красноангобированные фляги происходят из раннего слоя Крой-Крылган-калы[51] и из Калалы-Гыр 2[52].

Если до настоящего времени трудно было проследить, существуют ли хронологические особенности в генезисе форм фляг, то анализ находок из раннекочевнических комплексов Южного Урала, на мой взгляд, дает определенные основания рассматривать фляги со светлым ангобом и асимметричным двояковыпуклым профилем как более ранние по сравнению с красноангобированными флягами с уплощенно-выпуклым профилем, хотя это совершенно необязательно было следствием эволюции фляг, а могло отражать различные производственные традиции и свидетельствовать об их изготовлении в различных мастерских. В частности, и в Персеполе, где было найдено восемь фляг[53], и в Пасаргадах[54] представлены образцы и двояковыпуклые (симметричные), и уплощенно-выпуклые. Интересно, что двояковыпуклые асимметричные фляги со светлым ангобом и ручками-выступами практически неизвестны в Иране. Их нет среди находок ни в Пасаргадах, ни в Персеполе. По форме и размерам, а также наличию ручек-выступов близка им лишь фляга из слоя постахеменидского времени в Сузах[55], но ангоб фляги из Суз обозначен как «коричнево-зеленый» (brun-vert). Фляги близкой формы, но красноангобированные, имеются среди находок из Кой-Крылган-Калы[56].

Надпись с указанием объема на ранней светлоангобированной фляге из кургана Темир не дает оснований для узкой датировки, но тем не менее позволяет предполагать ее начертание в Хорезме[57].

Таким образом, если исходить из того, что форма вьючных фляг имеет иранское происхождение, очевидно, что скорее всего уже в середине – третьей четверти IV в. до н.э.[58] они попадают к кочевникам Южного Урала или непосредственно из Ирана или, что более вероятно, в большинстве случаев через Хорезм.

Литература / References

Alekseev, A. Yu., Bokovenko, N.A., Vasil'ev, S.S., Dergachev, V.A., Zaytseva, G.I., Kovalyukh, N.N., Kuk, G.N., van der Plicht, J., Possnert, G., Sementsov, A.A., Scott, E.M., Chugunov, K.V. 2005: *Evraziya v skifskuyu epokhu: Radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya* [*Eurasia in the Scythian Epoch: Radiocarbon and Archaeological Chronology*]. Saint Petersburg.

Алексеев, А.Ю., Боковенко, Н.А., Васильев, С.С., Дергачев, В.А., Зайцева, Г.И., Ковалюх, Н.Н., Кук, Г.Н., ван дер Плихт, Й., Посснерт, Г., Семенцов, А.А., Скотт, Е.М., Чугунов, К.В. *Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология*. СПб.

Berlizov, N.E. 1997: [To the interpretation of the Achaemenid import in the burials of the early Prokhorovka period]. *Stratum Plus. Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Stratum Plus. Petersburg Archaeological Journal*], 101–105.

---

[50] Fedorov 2011, 37.
[51] Vorob'eva 1959, 105–109; 1967, 106–107, 122, табл. II, *1–4*.
[52] Bolelov 2004, 117, 119–120, рис. 3/14, *1–4*.
[53] Schmidt 1957, 96, pls. 71, *8–9*; 72, *12–13*, 73, *2*.
[54] Stronach 1978, 184, 260, fig. 115, *1–2, 4–6*.
[55] Boucharlat, Labrousse 1979, 76, 115, fig. 32, *2*; Vasil'ev 2006, рис. 1, *6*.
[56] Vorob'eva 1967, 106, табл. II, *3–4*.
[57] Lurje 2022, 00.
[58] Vasil'ev 2004, 168: вторая половина или конец IV в. до н.э.

Берлизов, Н.Е. К интерпретации ахеменидского импорта в раннепрохоровских погребениях. *Stratum Plus. Петербургский археологический вестник*, 101–105.

Bolelov, S.B. 2004: [Pottery]. In: B.I. Weinberg (ed.), *Kalaly-gyr 2. Kul'tovyy tsentr v Drevnem Khorezme IV–II vv. do n.e.* [*Kalaly-gyr 2: the Cult Center in Ancient Chorasmia of the 4th–2nd Century BC*]. Moscow, 93–147.
Болелов, С.Б. Керамика. В кн.: Б.И. Вайнберг (ред.), *Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э.* М., 93–147.

Bolelov, S.B. 2012a: [Central-Asian pottery in the monuments of the nomads of the South Urals]. In: M. Yu. Treister, L.T. Yablonskiy (eds.), *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [*The Influences of the Achaemenid Culture in the South Urals (5th–3rd Centuries BC)*]. Vol. I. Moscow, 208–219.
Болелов, С.Б. Среднеазиатская керамика в памятниках кочевников Южного Приуралья. В кн.: М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский (ред.), *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.)*. Т. 1. М., 208–219.

Bolelov, S.B. 2012b: [Central-Asian pottery from the burial-mounds of the nomads of the South Urals. A catalogue]. In: M. Yu. Treister, L.T. Yablonskiy (eds.), *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [*The Influences of the Achaemenid Culture in the South Urals (5th–3rd Centuries BC)*]. Vol. 2. Moscow, 202–210.
Болелов, С.Б. Среднеазиатская керамика из курганов Южного Приуралья. Каталог. В кн.: М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский (ред.), *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.)*. Т. 2. М., 202–210.

Bonora, G.L. 2019: The cultural Persian and Achaemenid evidence in the inner Syrdarya delta. In: B. Gentio, G. Maresca (eds.), *Ceramics and the Archaeological Achaemenid Horizon. Near East, Iran and Central Asia*. Napoli, 167–190.

Boucharlat, R., Labrousse, A. 1979: Le palais d'Artaxerxès II sur les rives droite du Chaour à Suse. *Cahiers de la Délégation Archéologique Française en Iran* X, 19–136.

Cat. Milan 2001: J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova (eds.), *Oro. Il misterio dei Sarmati e degli Sciti*. Milan.

Cat. New York 2000: J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova (eds.), *The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes*. New York.

Cat. Orenburg 2008: L.T. Yablonskiy (ed.), *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdey (Materialy raskopok Filippovskikh kurganov)* [*The Treasures of the Sarmatian Chieftains (The Materials of Excavations of the Filippovka Burial-mounds)*]. Orenburg.
Кат. Оренбург. Л.Т. Яблонский (ред.), *Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов)*. Оренбург.

Cat. St. Petersburg 2001: A. Yu. Alekseev, E.F. Korol'kova (eds.), *Zolotye oleni Evrazii* [*Golden Deer of Eurasia*]. Saint Petersburg.
Кат. Санкт-Петербург. А.Ю. Алексеев, Е.Ф. Королькова (ред.), *Золотые олени Евразии*. СПб.

Cat. Ufa 2007: A.B. Yunusova (ed.), *Muzey arkheologii i etnografii. Katalog muzeynoy ekspozitsii Tsentra etnologicheskikh issledovaniy Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN* [*Museum of Archaeology and Ethnography. Catalogue of the Museum Exhibition of the Center for Ethnological Research of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*]. Ufa.
Кат. Уфа. А.Б. Юнусова (ред.), *Музей археологии и этнографии. Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН*. Уфа.

Cat. Ufa 2018: R.M. Mukhametdzyanova-Duggal (ed.), *Kollektsiya filippovskikh kurganov iz fondov Muzeya arkheologii i etnografii IEI UFITS RAN* [*Collection of Filippovka Burial-mounds from the Depots of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Institute of Ethnological Studies of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*]. Ufa.
Кат. Уфа. Р.М. Мухаметзянова-Дуггал (ред.), *Коллекция филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН*. Уфа.

Darmenov, D.T., Utubaev, Zh.R. 2017: [Shaft-and-chamber type of the burial structures at the Chirik Rabat site]. *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk* [*The Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social and Human Sciences Series*] 1 (311), 25–33.
Дарменов, Д.Т., Утубаев, Ж.Р. Подбойный тип погребальных сооружений на городище Чирик Рабат. *Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук* 1 (311), 25–33.

Fedorov, V.K. 2011: [Barrow 12 of the burial ground Old Kiishki]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Ufa Archaeological Journal*] 11, 28–38.
Федоров, В.К. Курган 12 могильника Старые Киишки. *Уфимский археологический вестник* 11, 28–38.

Firsov, K.B. 2012: [A8. The complex with the objects of Achaemenid circle of the Mechetsay necropolis]. In: M. Yu. Treister, L.T. Yablonskiy (eds.), *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [*The Influences of the Achaemenid Culture in the South Urals (5th–3rd Centuries BC)*]. Vol. 2. Moscow, 45–50.
Фирсов, К.Б. А8. Комплекс с предметами ахеменидского круга могильника Мечетсай. В кн.: М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский (ред.), *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.)*. Т. 2. М., 45–50.

Ismagil, R., Sungatov, F.A. 2013: *Pamyatniki yaitskoy kul'tury posledney chetverti V–IV vv. do n.e. na Yuzhnom Urale* [*Monuments of the Yaitsk Culture from the Last Quarter of the 5th to the 4th Century BC in the South Urals*]. Ufa.
Исмагил, Р., Сунгатов, Ф.А. *Памятники яицкой культуры последней четверти V–IV вв. до н.э. на Южном Урале*. (Материалы охранных раскопок и исследований по археологии Южного Урала, III). Уфа.

Ivantchik, A.I., Lurje, P.B. 2013: [Two inscriptions from Chirik-rabat]. In: S.R. Tokhtas'ev, P.B. Lurje (eds.), *Commentationes iranicae. Sbornik statey k 90-letiyu V.A. Livshitsa* [*Collection of Articles to the 90th Anniversary of V.A. Livshits*]. Saint Petersburg, 286–294.
Иванчик, А.И., Лурье, П.Б. Две надписи из Чирик-рабата. В сб.: С.Р. Тохтасьев, П.Б. Лурье (ред.), *Commentationes iranicae. Сборник статей к 90-летию В.А. Лившица*. СПб., 286–294.

Kurmankulov, Zh., Zhetibaev, Zh., Utubaev, Zh., Baytileu, D., Iskakov, A. 2005: [Archaeological investigation of the site Chirik-Rabat and adjusting regions]. In: *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po gosudarstvennoy programme «Kul'turnoe nasledie» v 2005 g.* [*Report on the Archaeological Research in Frames of the State Program "Cultural Heritage" in 2005*]. Almaty, 249–251.
Курманкулов, Ж., Жетибаев, Ж., Утубаев, Ж., Байтилей, Д., Искаков, А. Археологические исследования памятника Чирик-рабат и прилегающих районов. В кн.: *Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2005 г.* Алматы, 249–251.

Lindström, G. 2017: Auf der Suche nach dem Ritual: Ausgrabungen in einem hellenistischen Heiligtum in Torbulok, Tadschikistan. *Das Altertum* 62, 161–180.

Lurje, P.B. 2022: [Inscription on the flask from Temir kurgan]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 82/2, 440–445.
Лурье, П.Б. Надпись на фляге из кургана Темир. *ВДИ* 82/2, 440–445.

Morgunova, N.L. 1996: [The burial-mounds near the villages of Krasnokholm and Kardailovo in Ilek district]. In: N.L. Morgunova (ed.), *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [*Archaeological Monuments of the Orenburg Region*]. Issue 1. Orenburg, 8–43.
Моргунова, Н.Л. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе. В сб.: Н.Л. Моргунова (ред.), *Археологические памятники Оренбуржья*. Выпуск 1. Оренбург, 8–43.

Moshkova, M.G. 1963: *Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury* [*Monuments of the Prokhorovka Culture*]. Moscow.
Мошкова, М.Г. *Памятники прохоровской культуры*. (САИ, вып. Д1–10). М.

Pshenichnyuk, A. Kh. 2012: *Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale* [*Filippovka. Necropolis of the Nomadic Nobility of the 4th Century BCE in the South Urals*]. Ufa.
Пшеничнюк, А.Х. *Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале*. Уфа.

Sadykova, M. Kh. 1962: [A Sarmatian kurgan necropolis near the village of Starye Kiishki]. In: R.G. Kuzeev, K.V. Sal'nikov (eds.), *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [*Archaeology and Ethnography of Bashkiria*]. Vol. I. Ufa, 88–122.
Садыкова, М.Х. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки. В сб.: Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников (ред.), *Археология и этнография Башкирии*. Т.I. Уфа, 88–122.

Schmidt, E.F. 1957: *Persepolis II. Contents of the Treasure and Other Discoveries*. (OIP, LXIX). Chicago.

Sirotin 2022: [Nomadic burial with a pack flask from the Southern Urals]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 82/2, 411–418.
Сиротин, С.В. Кочевническое погребение с вьючной флягой из Южного Приуралья. *ВДИ* 82/2, 411–418.

Smirnov, K.F. 1975: *Sarmaty na Ileke* [*The Sarmatians on the Ilek*]. Moscow.
Смирнов, К.Ф. *Сарматы на Илеке*. М.

Stronach, D. 1978: *Pasargadae: A Report on the Excavations conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963*. Oxford.

Tairov, A.D. 2018: [South-Urals mirrors with a roller along the edge of the disc of the Early Sarmatian period]. In: *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Margulanovskie chteniya – 2018. Dukhovnaya modernizatsiya i arkheologicheskoe nasledie»* [*Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference "Margulan Readings – 2018. Spiritual Modernization and Archaeological Heritage"*]. Almaty–Aktobe, 349–354.
Таиров, А.Д. Южноуральские зеркала с валиком по краю диска раннесарматского времени. В кн.: *Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие»*. Алматы–Актобе, 349–354.

Treister, M. Yu. 2012: [Achaemenid imports in the South Urals. Chronology. Dynamics. Composition. Workshops. Local imitations]. In: M. Yu. Treister, L.T. Yablonskiy (eds.), *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [*The Influences of the Achaemenid Culture in the South Urals (5th-3rd Centuries BC)*]. Vol. 1. Moscow, 268–281.
Трейстер, М.Ю. Ахеменидские импорты в Южном Приуралье. Хронология. Динамика. Состав. Мастерские. Местные подражания. В кн.: М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский (ред.), *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.)*. Т. 1. М., 268–281.

Treister, M. Yu., Yablonskiy, L.T. 2012: [To the question of the absolute date of Filippovka-I necropolis]. In: M. Yu. Treister, L.T. Yablonskiy (eds.), *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [*The Influences of the Achaemenid Culture in the South Urals (5th–3rd Centuries BC)*]. Vol. 1. Moscow, 282–284.
Трейстер, М.Ю., Яблонский, Л.Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-I. В кн.: М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский (ред.), *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.)*. Т. 1. М., 282–284.

Vasil'ev, V.N. 2001: [To the chronology of the early Prokhorovka bladed weapons and the "problem" of the 3rd century BC]. In: I.V. Sergatskov (ed.), *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey* [*The Materials on the Archaeology of the Volga-Don Steppes*]. Issue 1. Volgograd, 169–179.
Васильев, В.Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. В кн.: И.В. Сергацков (ред.), *Материалы по археологии Волго-Донских степей*. Вып. 1. Волгоград, 169–179.

Vasil'ev, V.N. 2004: [On the chronology of the early Prokhorovka complex]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [*Ufa Archaeological Journal*] 5, 153–172.
Васильев, В.Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса. *Уфимский археологический вестник* 5, 153–172.

Vasil'ev, V.N. 2006: [To the chronology of the pack flasks of the early nomads of the South Urals]. In: G.T. Obydennova, N.S. Savel'ev (eds.), *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya. K 70-letiyu A.Kh. Pshenichnyuka* [*South Urals and Adjacent Territories in the Scytho-Sarmatian Period. To the 70th Anniversary of A.Kh. Pshenichnyuk*]. Ufa, 58–62.
Васильев, В.Н. К хронологии вьючных фляг ранних кочевников Южного Урала. В кн.: Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев (ред.), *Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. К 70-летию А.Х. Пшеничнюка*. Уфа, 58–62.

Vasil'ev, V.N., Obydennova, G.T., Fedorov, V.K. 2019: [The burial-mounds in the vicinities of the village Verkhnyaya Kardailovka on Ural River (after the materials of 1993 excavations) and the notes on the chronology of the reference complexes of the second half of the 4th century BC]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [*Journal of the Orenburg State Pedagogical University*] 4 (32), 90–111.
Васильев, В.Н., Обыденнова, Г.Т., Федоров, В.К. Курганы в окрестностях села Верхняя Кардаиловка на р. Урал (по материалам раскопок 1993 года) и заметки к хронологии опорных комплексов второй половины IV в. до н.э. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета* 4 (32), 90–111.

Vinogradov, N.B. 2020: *Gorizonty dalekogo proshlogo. 13 puteshestviy po Yuzhnomu Zaural'yu* [*The Horizons of the Distant Past. 13 Trips around the South Trans-Urals*]. Chelyabinsk.
Виноградов, Н.Б. *Горизонты далекого прошлого. 13 путешествий по Южному Зауралью*. Челябинск.

Vorob'eva, M.G. 1959: [The ancient pottery of Chorasmia]. In: S.P. Tolstov, M.G. Vorob'eva (eds.), *Keramika Khorezma* [*The Pottery of Chorasmia*] Moscow, 63–220.
Воробьева, М.Г. Керамика Хорезма античного периода. В сб.: С.П. Толстов, М.Г. Воробьева (ред.), *Керамика Хорезма*. (ТХАЭЭ, IV). М., 63–220.

Vorob'eva, M.G. 1967: [The pottery]. In: S.P. Tolstov, B.I. Weinberg (eds.), *Koy-Krylgan-kala – pamyatnik kul'tury drevnego Khorezma* [*Koy-Krylgan-kala – Monument of Culture of Ancient Chorasmia*]. Moscow, 102–131.
Воробьева, М.Г. Керамика. В сб.: С.П. Толстов, Б.И. Вайнберг (ред.), *Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э.* (ТХАЭЭ, V). М., 102–131.

Yablonskiy, L.T. 2013: *Zoloto sarmatskikh vozhdey. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.)* [*The Gold of the Sarmatian Chieftains. The Elite Necropolis Filippovka 1 (After the Results of 2004–2009 Excavations*]. Moscow.
Яблонский, Л.Т. *Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.)*. М.

Zdanovich, G.B., Khabdulina, M.K. 1986: [Temir burial-mound]. In: G.B. Zdanovich (ed.), *Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya. Mezhvuzovskiy sbornik* [*Early Iron Age and Middle Ages of the Ural-Irtysh Interfluve. Collection of Interuniversity Papers*]. Chelyabinsk, 45–65.
Зданович, Г.Б., Хабдулина, М.К. Курган Темир. В сб.: Г.Б. Зданович (ред.), *Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник*. Челябинск, 45–65.

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 440–445
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 440–445
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910014724-9

НАДПИСЬ НА ФЛЯГЕ ИЗ КУРГАНА ТЕМИР

П. Б. Лурье

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: pavlvslvria@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9931-1498

В статье разбирается надпись на фляге. Мы читаем ее как *k III* «три капича» (мера объема), сопоставляем с данными иранских традиций (Парфия и Хорезм), исследуем значение меры, приходим к выводу, что надпись была скорее всего начертана в Хорезме между IV в. до н.э. и I в. н.э.

Ключевые слова: эпиграфика, арамейское письмо, парфянское письмо, раннехорезмийское письмо, меры объема

INSCRIPTION ON THE FLASK FROM THE TEMIR MOUND

Pavel B. Lurje

State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia

E-mail: pavlvslvria@gmail.com

The article offers a scrutiny of the inscription on the flask from the Temir burial-mound. The author reads it as *k III* ‘three kapiches’ (units of volume) and compare it to the evidence from Iranian traditions (Parthia and Chorasmia). We also investigate the measurement of the unit and conclude that the inscription was probably produced in Chorasmia between the fourth century BC and first century AD.

Keywords: epigraphy, Aramaic script, Parthian script, early Chorasmian script, units of volume

---

Данные об авторе. Павел Борисович Лурье – кандидат филологических наук, заведущий сектором Средней Азии, Кавказа и Крыма отдела Востока ГЭ.

Надпись из четырех черт расположена ниже горла на выпуклой стороне фляги из кургана Темир (см. рисунок)[1]. Она прочерчена острым предметом после обжига, линии неглубокие, вероятно, проведенные однократно, весьма небрежно. Длина надписи около 4 см, высота до 2,5 см.

Уже с первого взгляда ясно, что надпись начертана одним из вариантов арамейского письма. Первая, правая черта более напоминает *k, r, d, ‘*, несколько менее напоминает знак для 20, последующие три почти одинаковые и наиболее похожи на *r* или *d*.

Можно читать надпись как *krdr* – название области нижнего Хорезма, известное из мусульманских источников, Кердер[2]. Хотя Кердер – одна из ближайших к месту находки фляги частей оседлого среднеазиатского мира, представляется маловероятным, что топоним вне всякого контекста был бы начертан на сосуде.

На основании ряда аналогий можно думать, что надпись на фляге – собственное имя владельца[3]. Впрочем, удовлетворительного объяснения имени я предложить не могу[4].

Мне представляется наиболее важным то наблюдение, что последние три буквы практически идентичны друг другу[5], что напоминает цифровую запись. В арамейской системе числа от 1 до 9 записывались как последовательность вертикальных черт (при необходимости сгруппированных по три), а кратные 20 вплоть до 80 – как последовательность двадцаток. Знак для десятки, когда был нужен, вставлялся между двадцатками и единицами (или предшествовал единицам для чисел 10–19). Имелся знак для сотни, а числа, кратные сотне, записывались как единицы справа (т.е. перед) знаком сотни; тысяча выписывалась словом *1LP*. Таким образом, в счислении возможна последовательность из трех единиц или трех двадцаток.

Три левых знака не похожи на арамейскую двадцатку (близкую по форме иногда арабской цифре 3, иногда цифре 2, иногда верхней части последней), но как будто отстоят и от единицы, которая в большинстве случаев – короткая вертикальная черта. Однако в ряде надписей видно, что единица может иметь и несколько изогнутую форму с утончением книзу, напоминающую запятую, иногда даже с дополнительным небольшим верхним перегибом, стремясь к латинской букве S. Такое написание встречается в парфянских документах из Нисы[6], парфянском документе из Авромана, остраке 17 из Ниппура[7], наиболее характерно

---

[1] См. Treister 2022, 419–439.

[2] Заметим, что преимущественная огласовка этого топонима в арабских источниках – *Kurdar* (Barthold 1928, 146–151).

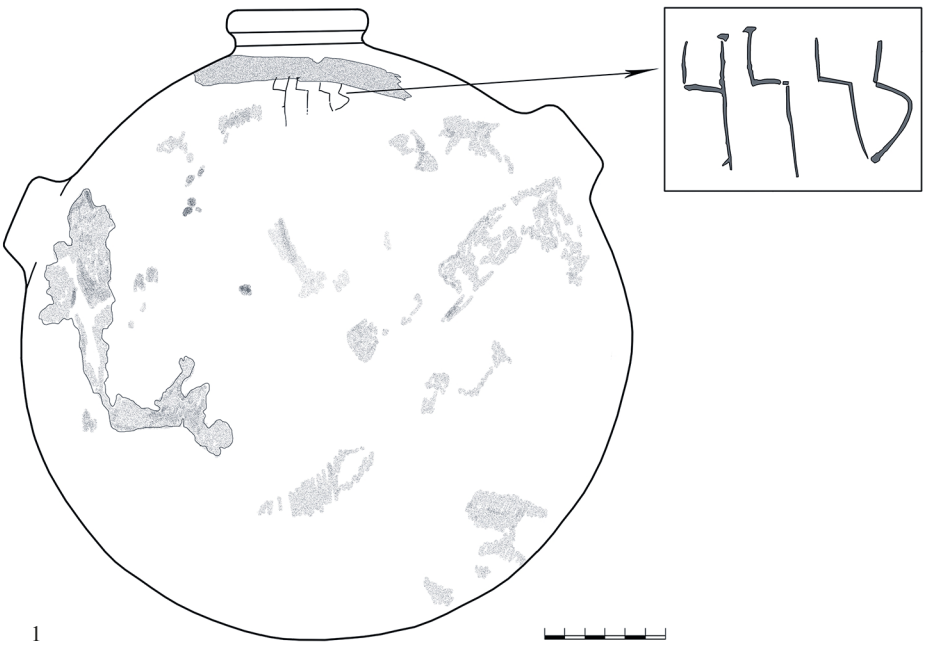
[3] Tolstov, Weinberg 1967, 220; Livshits 2004, 193; Ivantchik, Lurje 2013.

[4] Имя Кердир (знаменитый раннесасанидский маг и его многочисленные тезки) в парфянской записи выглядит как *krtyr* (Schmitt 2016, 116–117).

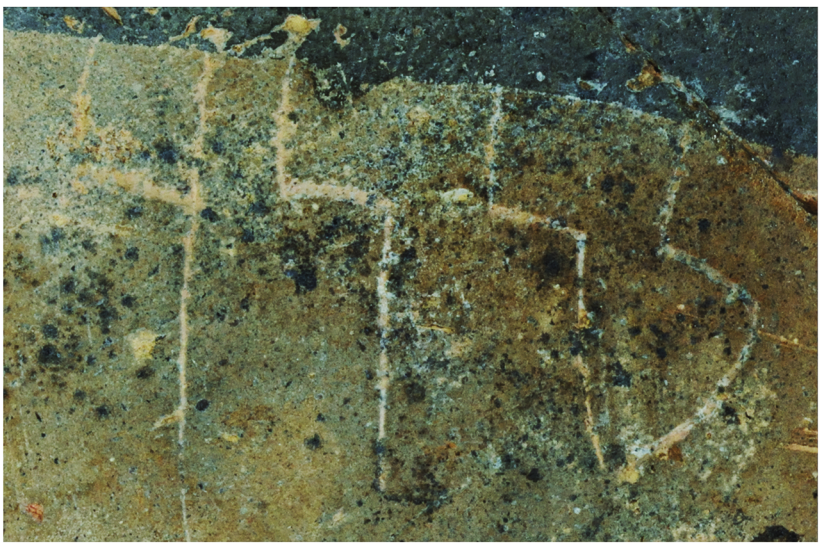
[5] Выходящую наверх правую линию последней (левой) буквы принимаю за несущественную помарку гравера.

[6] Например, Diakonoff, Livshits 1977, № 363, 499, 798; 1999, no. 1951, 2242, 2228, 2331, 2576, 2598.

[7] Livshits 2010, 257–260, 346–347.



1



2

Рисунок. Курган Темир, 1982, погребение № 1. Фляга. Общий вид и надпись. Челябинск, ЧГУ, Музей археологии и этнографии. Инв. № ОФ 429. *Рисунок Н. Е. Беспалой, фото М. Ю. Трейстера, 2015*

оно для единиц перед знаком сотни[8] и непосредственно вслед за сокращением названия меры. На хорезмийской почве сходное написание можно заметить в остраке 10 из Калалы-гыр[9]. Можно представить себе, что не вполне грамотный и профессиональный гравер надписи таким образом, в виде зигзага-«молнии», изобразил декоративную форму единицы.

В этом случае начальную букву надо трактовать как аббревиатуру какой-то единицы измерения. Едва ли это *karš* – мера веса, применявшаяся обычно к драгоценным металлам и начертанная в виде сокращения *k* на парфянских серебряных сосудах[10]. Более вероятно, что *k* – сокращение для иранской меры объема жидкостей *kapīč*, как во множестве документов из Нисы[11]. Нисейская мера объема *k* составляет 1/5 мари[12] – числа более *k 4* в текстах не встречается.

Объем мари – меры, использовавшейся в первую очередь для вина,– сильно варьировался. Эламские документы ахеменидского времени дают 9,7 л, в документах из Нисы мари приближается к 10 л[13]. Пятая часть мари, капич[14], соответственно, составляет около двух литров, а три капича – около шести. Приблизительная оценка объема фляги из Темира составила 6,68 л[15], что достаточно близко к трем капичам нисейского стандарта.

Итак, мы читаем надпись как *k III* и переводим «три капича», что составляет около 6 л.

Надпись нельзя четко датировать, я бы поместил ее между IV в. до н.э. и I в. н.э., и по само́й надписи нельзя сказать, каким из ранних вариантов имперско-арамейского письма или его иранских производных она начертана. Отмечу, что краткие надписи на флягах характерны для античного Хорезма и не известны мне в других регионах[16], а мера *kapīč* (если мы правильно ее читаем)

---

[8] Ср. также в надписи CH14.o3, открытой итальянской экспедицией на Старой Нисе; публикацию готовит Энрико Морано, который любезно ознакомил автора с материалом.

[9] Livshits 2004, 199–201.

[10] Livshits 2010, 301–302.

[11] Diakonoff, Livshits 1960, 14.

[12] Diakonoff, Livshits 2001, 194.

[13] Naveh, Shaked 2012, 37; Diakonoff *et al.* 1953, 117. Казалось бы, к настоящей дискуссии надо привлечь надпись на архаичном хуме из Айбуйир-калы в левобережном Хорезме (Mambetullaev 1990, 99–101, со ссылками на сообщения В.А. Лившица), где начертано *mry XI h III III III*. Автор вычислял объем хума как равный 195,5 л. Недавно были проведены повторные подсчеты, из которых следует, что его объем равен 301,4 л. (Amirov 2013). Учитывая, что мы не знаем, что́ представляют собой цифры после аббревиатуры *h*, проанализировать данные надписи на хуме из Айбуйира не представляется возможным (Шамиль Амиров в письме от 27.03.2021 предполагает, что надпись указывала на количество налитой жидкости, а не на объем всего сосуда).

[14] Кафиз (арабизация иранского «капич») в разных странах составлял от 4,2 до 200 л, в Хорезме X в. – около 10 л (Hinz, Davidovich 1970, 50–52, 84). Едва ли эти данные можно привлекать для исследования мер, отделенных тысячелетием.

[15] См. Treister 2022, 425.

[16] В литературе указано, что три знака, прочерченные битумом, отмечены на фляге из Суз (Treister 2022, 426), однако изображение их мне не известно.

не встречается в имперско-арамейских надписях[17] и появляется в Старой Нисе. Впрочем, нисейские параллели (середина II – конец I в. до н.э.) едва ли могут служить существенным основанием для датировки надписи.

Наконец, едва ли керамические фляги перевозились на тысячу километров от Хорезма до Южного Урала пустыми. Изображение сходной фляги у персонажа, собирающего виноград на штампованном рельефе на поверхности фляги из Кой-крылган-калы[18], как будто указывает, что они предназначались для вина. Согласно документам из Нисы, меры мари и капич использовались преимущественно для вина. Можно предположить, что пьянящий напиток из винограда был одним из элитных импортов, поступавших к кочевникам Степи от их южных соседей, и перевозился он в такого рода флягах.

Литература / References

Amirov, Sh. 2013: [On the possibility of usage of Autocad software for detecting volume of vessels]. *Istoriya i arkheologiya Turana* [*History and Archaeology of Turan*] 1, 208–213.
Амиров, Ш. О возможности использовании САПР Autocad в определении объема сосудов. *История и археология Турана* 1, 208–213.

Barthold, W. 1928: *Turkestan down to the Mongol Invasion*. London.

Diakonoff, I.M., Diakonoff, M.M., Livshits, V.A. 1953: [Parthian archive from Nisa]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 114–130.
Дьяконов, И.М., Дьяконов, М.М., Лившиц, В.А. Парфянский архив из древней Нисы. *ВДИ* 4, 114–130.

Diakonoff, I.M., Livshits, V.A. 1960: *Dokumenty iz Nisy I v. do n.e. Predvaritel'nye itogi raboty* [*Documents from Nisa of the 1st Century BCE. Preliminary Results*]. Moscow.
Дьяконов, И.М., Лившиц, В.А. *Документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работы*. М.

Diakonoff, I.M., Livshits, V.A. 1977: *Parthian Economic Documents from Nisa*. Plates II. (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. II: Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. II: Parthian). London.

Diakonoff, I.M., Livshits, V.A. 1999: *Parthian Economic Documents from Nisa*. Plates V. (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. II: Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. II: Parthian). London.

Diakonoff, I.M., Livshits, V.A. 2001: *Parthian Economic Documents from Nisa*. Texts I. (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. II: Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. II: Parthian). London.

Hinz, W., Davidovich, E.A. 1970: *Musul'manskie mery i vesa s perevodom v metricheskuyu sistemu. Materialy po metrologii srednevekovoy Sredney Azii* [*Moslem Measures and Weights and their Conversion in the Metric System. Materials on Metrology of Medieval Middle Asia*]. Moscow.
Хинц, В., Давидович, Е.А. *Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии*. М.

Hoftijzer, J., Jongeling, K., 1995: *Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions.* Pt. 1. Leiden–New York–Köln.

Ivantchik, A.I., Lurje, P.B. 2013: [Two inscriptions from Chirik-Rabat]. In: S.R. Tokhtas'ev, P.B. Lurje (eds.), *Commentationes iranicae. Sbornik statey k 90-letiyu V.A. Livshitsa* [*Collection of Articles to the 90th Anniversary of V.A. Livshitz*]. Saint Petersburg, 286–294.
Иванчик, А.И., Лурье, П.Б. Две надписи из Чирик-Рабата. В сб.: С.Р. Тохтасьев, П.Б. Лурье (ред.), *Commentationes iranicae. Сборник статей к 90-летию В.А. Лившица*. СПб., 286–294.

[17] Впрочем, предлагалось переводить арамейское *kp* как «bowl» (Hoftijzer, Jongeling 1995, 258–259).

[18] Rapoport *et al.* 2000, 38–39, рис. 17.

[Livshits, V.A.] 2004: [Inscriptions and documents]. In: B.I. Weinberg (ed.), *Kalaly-gyr 2. Kul'tovyy tsentr v Drevnem Khorezme IV–II vv. do n.e.* [*Kalaly-gyr 2: the Cult Center in Ancient Chorasmia of the 4th–2nd Century BC*]. Moscow, 188–212.
[Лившиц, В.А.] Надписи и документы. В кн.: Б.И. Вайнберг (ред.), *Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э.* М., 188–212.

Livshits, V.A. 2010: *Parfyanskaya onomastika. Otechestvennye issledovaniya*. [*Parthian Onomastics. Russian Studies*]. Saint Petersburg.
Лившиц, В.А. *Парфянская ономастика. Отечественные исследования*. СПб.

Mambetullaev, M. 1990: [The site of Ay-Buyïr-qala (excavations of 1976–1977 and 1981)]. *Arkheologiya Priaral'ya* [*Archaeology of Aral Region*] IV, 91–131.
Мамбетуллаев, М. Городище большая Айбуйир-Кала (раскопки 1976–1977 и 1981 г.). *Археология Приаралья* IV, 91–131.

Naveh, J., Shaked, Sh. 2012: *Aramaic Documents from Ancient Bactria (Fourth Century BCE) from the Khalili Collections*. London.

Rapoport, Ju.A., Nerazik, E.E., Levina, L.M. 2000: *V nizov'yakh Oksa i Yaksarta. Obrazy drevnego Priaral'ya* [*On the Lower Course of Oxus and Jaxartes. The Images of Ancient Circumaralia*]. Moscow.
Рапопорт, Ю.А., Неразик, Е.Е., Левина, Л.М. *В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья*. М.

Schmitt, R. 2016: *Personennamen in parthischen epigraphischen Quellen* (Iranisches Personennamenbuch, II/5). Wien.

Tolstov, S.P., Weinberg, B.I. (eds.) 1967: *Koy-krylgan-kala: pamyatnik kul'tury drevnego Khorezma IV v. do n.e. – IV v. n.e.* [*Qoy-qurïlghan-qala, the Monument of the Culture of Ancient Chorasmia in the 4th Century BCE – 4th Century CE*]. Moscow.
Толстов, С.П., Вайнберг, Б.И. (ред.). *Кой-крылган-кала: памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э.* (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, V). М.

Treister, M. Yu. 2022: Ceramic transport flask from the early nomadic burial in the burial-mound Temir in South Trans-Urals. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 82/2, 419–439.
Трейстер, М.Ю. Керамическая вьючная фляга из раннекочевнического погребения в кургане Темир в Южном Зауралье. *ВДИ* 82/2, 419–439.

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 446–472
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 446–472
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910016680-1

БЭС-ВОИН. ЕГИПЕТСКИЕ ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ ИЗ СОБРАНИЯ ГМИИ им. А.С. ПУШКИНА

О. А. Васильева[1], С. Е. Малых[2], О. В. Томашевич[3]

[1] *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва, Россия*
[2] *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия*
[3] *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

[1] *E-mail:* olga.vassilieva@arts-museum.ru [2] *E-mail:* malyh2002@mail.ru [3] *E-mail:* olgatomas@mail.ru

[1] *ORCID*: 0000-0002-5101-458X [2] *ORCID*: 0000-0002-2077-7285
[3] *ORCID*: 0000-0003-1462-6699

В статье публикуются и анализируются шесть предметов египетской терракотовой пластики с изображением бога Бэса в образе воина греко-римского времени, включая уникальную статуэтку с греческой надписью на постаменте. Все они хранятся в отделе Древнего Востока ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве. Пять из них происходят из коллекции В.С. Голенищева, а один – из так называемого Старого собрания. Иконография части терракотовых изображений Бэса-воина содержит своеобразный «детский» компонент, унаследованный от бога-апотропея и защитника материнской сферы и связанный с магическими стелами «Хор на крокодилах». Другой вариант апотропеической иконографии включает воинственный компонент, выраженный в боевом облачении Бэса. Возможно, этот образ является продуктом птолемеевской пропаганды, в которую были удачно вплетены исконно египетские черты Бэса-воителя и Бэса – alter ego «Хора на крокодилах».

Ключевые слова: греко-римский Египет, египетские терракоты, Бэс, древнеегипетская религия, ГМИИ им. А.С. Пушкина

Данные об авторах. Ольга Александровна Васильева – кандидат исторических наук, участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; зав. отделом Древнего Востока ГМИИ им. А.С. Пушкина; Светлана Евгеньевна Малых – кандидат исторических наук, участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник ИВ РАН; Ольга Владимировна Томашевич – кандидат исторических наук, участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369, доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)».

BES-WARRIOR. EGYPTIAN TERRACOTTA FIGURINES FROM THE COLLECTION OF THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS

Olga A. Vassilieva[1], Svetlana E. Malykh[2], Olga V. Tomashevich[3]

[1] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;*
Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia
[2] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;*
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
[3] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

[1] *E-mail:* olga.vassilieva@arts-museum.ru [2] *E-mail:* malyh2002@mail.ru [3] *E-mail:* olgatomas@mail.ru

The article publishes and analyses six Egyptian terracotta figurines depicting the god Bes as a warrior of Graeco-Roman Period, including a unique statuette with a Greek inscription on the pedestal. All of them are kept in the storeroom of the Department of the Ancient East of the Pushkin State Museum of Fine Arts in Moscow. Five of them were collected by Vladimir S. Golenischev, one was in the so-called Old Collection of Moscow University. The iconography of a part of the analysed figurines contains a kind of 'childish' component inherited from the apotropaic god, protector of the maternal sphere, and is associated with the 'Horus on crocodiles' magic steles. Another version of protective iconography includes a warlike component, expressed in the military attitude of Bes. This image may have been a product of Ptolemaic propaganda, in which features of the Egyptian Bes-warrior and Bes – *alter ego* of the 'Horus on crocodiles' were successfully combined.

Keywords: Graeco-Roman Egypt, Egyptian terracottas, the god Bes, ancient Egyptian religion, Pushkin State Museum of Fine Arts (Moscow)

В собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве имеются шесть египетских терракотовых статуэток греко-римского времени, представляющих бога Бэса в виде воина. Пять из них были приобретены В.С. Голенищевым, один предмет происходит из так называемого Старого собрания[1].

По популярности египетские терракоты с изображением бога Бэса стоят на третьем месте вслед за статуэтками Харпократа и Исиды[2]. Подобная широта распространения не кажется удивительной: несмотря на то что Бэс относится к так называемым малым божествам, популярным в основном среди простого народа, спектр его функций был обширен. Он отгонял зло и даровал защиту всем людям, прежде всего – женщинам и малолетним детям, т.е. наиболее уязвимым категориям. В терракотовой пластике греко-римского периода Бэса продолжают изображать, как и в эпоху Нового царства, традиционно – в виде обнаженного гротескного карлика с бородой, иногда с высунутым языком, обычно в высокой короне со страусовыми перьями. Однако античная эпоха внесла изменения в эту иконографию, явив новые варианты, в частности изображения Бэса в полном вооружении – с мечом, щитом и даже в защитном доспехе – для более эффективного устрашения злых духов.

[1] Старые коллекции музея при Московском университете.
[2] Dunand 1990, 29; Fjeldhagen 1995, 17–18.

КАТАЛОГ

1. Статуэтка Бэса-воина с коротким мечом и круглым щитом (рис. 1)
Инв. № I, 1а 4243. Из собрания В.С. Голенищева (1911).
Датировка: римский период.
Сохранность: целая.
Размеры: высота 13,7 см, ширина 1,6–7,0 см, толщина 0,8–3,8 см.
Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; соединительные швы по бокам подрезаны и заглажены; оттиск лицевой стороны среднего качества, задняя сторона гладкая, на ней имеется технологическое отверстие диаметром 1,7–1,8 см; низ статуэтки подрезан.
Материал: глина аллювиальная тонкая плотная светло-коричневая (5YR5/6), с большим количеством золотистой слюды, небольшой примесью кварцевого песка, известняка и растительных частиц.
Способ отделки внешней поверхности: заглаживание, частичное лощение, красно-коричневый ангоб (2.5YR4/6) на лицевой стороне, затеки ангоба на задней стороне.
Обжиг: равномерный окислительный.
Примечание: следы копоти на лицевой стороне (вероятно, рядом долгое время располагалась лампа или курильница).
Публикации: Ballod 1912, 34; Pavlov, Hodjash 1985, 88, илл. 191; Hodjash 2004, 107, кат. 79.
Аналогии: Kaufmann 1913, 71, Abb. 40; Bayer-Niemeier 1988, Nr. 426–428. Ср.: Fischer 1994, Taf. 55.553; Dunand 1990, 34, 37, 39; Török 1995, pl. XIX, no. 16.

2. Статуэтка Бэса-воина с овальным щитом (рис. 2)
Инв. № I, 1а 4271. Из собрания В.С. Голенищева (1911).
Датировка: римский период.
Сохранность: утраты в верхней части (отсутствуют меч и головной убор).
Размеры: высота 13,7 см, ширина 4,3–6,6 см, толщина 1,4–3,1 см.
Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; соединительные швы по бокам подрезаны и заглажены; оттиск лицевой стороны хорошего качества, задняя сторона гладкая, на ней имеется технологическое отверстие диаметром 1,4–1,5 см; низ статуэтки подрезан.
Материал: глина аллювиальная тонкая плотная коричневая (5YR4/4), с большим количеством золотистой слюды, небольшой примесью растительных частиц и измельченных костей животных.
Способ отделки внешней поверхности: заглаживание.
Обжиг: равномерный окислительный.
Примечание: следы белой гипсоподобной субстанции и нанесенного поверх нее красного пигмента на лицевой стороне; зеленый пигмент на постаменте; следы желтой охры на боковой стороне, в левой части головы.
Публикации: Hodjash 2004, 108, кат. 80.
Аналогии: Kaufmann 1913, 71, Abb. 40; Willems, Clarysse 2000, cat. 118. Ср.: Ashton 2003, UK 47974; Fischer 1994, Taf. 54.535; Tinh 1986, pl. 80, *38i*, *38m*; Dunand 1990, 35, 40.

3. Статуэтка Бэса-воина с коротким мечом и овальным щитом (рис. 3)
Инв. № I, 1а 4244. Из собрания В.С. Голенищева (1911).
Датировка: римский период.
Сохранность: целая, трещины и потертости на поверхности.
Размеры: высота 11,4 см, ширина 2,2–4,3 см, толщина 1,1–2,6 см.
Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; соединительные швы по бокам подрезаны и заглажены; оттиск и лицевой, и задней сторон низкого качества, плохо

проработанный, с большим количеством дефектов (в том числе отпечатки от выжженных при обжиге органических включений в глине); низ статуэтки подрезан.
Материал: глина аллювиальная средне-грубая среднеплотная серо-коричневая (7.5YR4/2, 7.5YR5/2), с большим количеством растительных частиц, небольшой примесью слюды, кварцевого песка и красного шамота.
Способ отделки внешней поверхности: без отделки.
Обжиг: равномерный окислительный.
Публикации: Hodjash 2004, 109, кат. 81.
Аналогии: Weber 1914, Taf. 25.257–259; Breccia 1934, pl. XLIX.240, 242; Tinh 1986, pl. 80, *38h*; Fischer 1994, Taf. 54.535–536, 542. Ср.: Dunand 1990, 30.

4. Статуэтка Бэса-воина с коротким мечом и овальным щитом (рис. 4)
Инв. № I, 1а 4268. Из собрания В.С. Голенищева (1911).
Датировка: римский период.
Сохранность: целая, незначительные потертости на поверхности.
Размеры: высота 20,8 см, ширина 4,1–8,6 см, толщина 1,5–6,5 см.
Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; соединительные швы по бокам подрезаны и заглажены; оттиск лицевой стороны низкого качества, с многочисленными дефектами (трещины, отпечатки от органических включений в глине); задняя сторона гладкая; низ статуэтки подрезан.
Материал: глина аллювиальная средне-грубая среднеплотная светло-красно-коричневая (2.5YR5/3, 2.5YR5/4), с большим количеством известняка, средним количеством кварцевого песка и растительных частиц слюды, небольшой примесью слюды.
Способ отделки внешней поверхности: частичное заглаживание.
Обжиг: равномерный окислительный.
Примечание: на постаменте клеймо, оттиснутое до обжига, в виде четырех греческих букв YOMA / YOMN; следы розового пигмента на боковой стороне.
Публикации: Ballod 1912, 31; Hodjash 2004, 110, кат. 82.
Аналогии: Fischer 1994, Taf. 53.543; Fjeldhagen 1995, cat. 57. Ср.: Kaufmann 1913, 71, Abb. 40.6, 12; Tinh 1986, 102; pl. 80, *38n*; Bayer-Niemeier 1988, Nr. 434–435; Brunner-Traut *et al.* 1989, Kat. 118; Dunand 1990, 30–32; Fischer 1994, Taf. 53.544.

5. Статуэтка Бэса-воина с мечом-*кописом* и змеей (рис. 5)
Инв. № I, 1а 4272. Из собрания В.С. Голенищева (1911).
Датировка: римский период.
Сохранность: незначительные утраты (сколы на левом ухе, небольшие потертости на левой стороне фигуры).
Размеры: высота 20,5 см, ширина 3,4–7,5 см, толщина 0,7–3,8 см.
Способ изготовления: оттиск в односторонней форме; лицевая сторона среднего качества, с дефектами (неровности, трещины, отпечатки от выжженных при обжиге органических включений в глину); задняя сторона грубая, плохо формованная.
Материал: глина аллювиальная средне-грубая среднеплотная красно-коричневая (2.5YR4/4), с большим количеством растительных частиц, небольшой примесью золотистой слюды, кварцевого песка и сильно измельченных костей животных.
Способ отделки внешней поверхности: без отделки.
Обжиг: равномерный окислительный.
Примечание: лицевая и частично задняя стороны покрыты белой гипсоподобной субстанцией, поверх которой окрашены розовато-красным (лицо), красным (язык, тело, руки, ноги) и черным (борода, брови) пигментами.
Публикации: Hodjash 2004, 111, кат. 83.

Аналогии: Kaufmann 1913, 71, Abb. 40; Tinh 1986, pl. 80, *38a*; Bayer-Niemeier 1988, Nr. 430–431; Attula 2001, 8; Ashton 2003, UC47973; Bailey 2008, no. 3101. Ср. Perdrizet 1921, pl. XLII.139.

6. Статуэтка Бэса-воина со змеей (рис. 6)
Инв. № I, 1а 6749. Старое собрание (год поступления неизвестен).
Датировка: птолемеевский период.
Сохранность: утраты в верхней части (отсутствуют правая рука с мечом и головной убор, сколы на носу).
Размеры: высота 19,7 см, ширина 5,6–8,3 см, толщина 1,8–3,4 см.
Способ изготовления: оттиск в односторонней форме; лицевая сторона низкого качества, слабо проработанная, с многочисленными дефектами (неровности, трещины, отпечатки от уничтоженных при обжиге органических включений в глину); задняя сторона грубая, плохо формованная.
Материал: глина аллювиальная средне-грубая среднеплотная коричневая (2.5YR4/3), со средним количеством известняка и растительных частиц, небольшой примесью золотистой слюды и кварцевого песка.
Способ отделки внешней поверхности: без отделки.
Обжиг: неравномерный окислительный.
Примечание: следы белой гипсоподобной субстанции и нанесенного поверх нее розовато-красного пигмента на лицевой и задней сторонах.
Публикации: Hodjash 2004, 105, кат. 75.
Аналогии: Wildung, Grimm 1979, Nr. 139, 192; Dunand 1990, 38; Bailey 2008, no. 3101.

ИСТОРИЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ И БЫТОВАНИЯ

Собрание ГМИИ насчитывает 233 изображения Бэса на различных предметах, большинство из которых – за исключением 47 – принадлежали В.С. Голенищеву[3]. Почти все они были опубликованы в свое время К. Баллодом и С.И. Ходжаш[4].

---

[3] Любопытно, что о богатстве этой коллекции был осведомлен Г. Масперо, на что ссылается Ф. фон Биссинг в письме И.В. Цветаеву от 8 февраля 1912 г. (Golenishchev 1987, 240).

[4] История изучения образа Бэса поразительна и поучительна: несмотря на наличие в мировой историографии по крайней мере трех специальных и обстоятельных работ, посвященных его иконографии, вполне убедительные выводы их авторов почти не упоминаются в научной литературе. Первой была диссертация К. Баллода (Балодис Франц Александр, 26 июля / 7 августа 1882, Валмиер (нем. Вольмар) – 8 августа 1947, Стокгольм), опубликованная в Москве в 1913 г. в книге «Введение в историю бородатых карликообразных божеств в Египте» на немецком языке с русским резюме на 10 страницах (Ballod 1913). Так как его имя малоизвестно в отечественной науке (он эмигрировал в 1924 г. в Латвию), приведем краткую справку. Студент Юрьевского университета (Дерпт, ныне Тарту), он продолжил образование в Московском археологическом институте (справочник указывает и Московский университет: Dawson, Uphill 1995, 28), а затем по совету В.К. Мальмберга летом 1910 г. уехал на стажировку в Мюнхенский университет к проф. Ф. фон Биссингу, в семинаре которого каталогизировал коллекцию фигурок Бэсов (см. интересные документы по поводу просьбы фон Биссинга дать Баллоду разрешение работать в музее: Golenishchev 1987, 122, 133–134). В 1918 г. он получает место профессора в Саратове и перестает заниматься египтологией, но его книга надолго остается единственной работой о Бэсах, малоизвестной из-за небольшого тиража. Светлана Измайловна Ходжаш (1923–2008), на протяжении долгого времени хранившая египетскую коллекцию в ГМИИ им. А.С. Пушкина, в силу своего веселого

Рис. 1. Статуэтка Бэса-воина с коротким мечом и круглым щитом © *ГМИИ им. А.С. Пушкина*, инв. № I, 1а 4243

В коллекции В.С. Голенищева изображения Бэса занимали особое место. Еще на заре своей научной деятельности, в 1877 г., юный ученый опубликовал перевод знаменитой «Стелы Меттерниха»[5]. С тех пор Владимир Семенович увлекся

нрава не могла не заинтересоваться Бэсами. В результате в музее ею была устроена выставка и подготовлен каталог, снабженный внушительной по объему вводной статьей (Hodjash 2004). Она посвятила его памяти Джеймса Романо, автора диссертации об иконографии Бэса (Romano 1989). К сожалению, эта работа осталась нам недоступна, да и в историографии она почти не упоминается.

[5] Golenishchev 1877.

Рис. 2. Статуэтка Бэса-воина с овальным щитом © *ГМИИ им. А.С. Пушкина*, инв. № I, 1а 4271

изучением магических стел (так называемые *cippi* Хора) и статуй, а также различных памятников с изображениями бога Бэса, его женской ипостаси Бэсет и других «карликообразных» богов (в частности, Птаха-Патека)[6]. В «Списке крупных и ценных предметов из коллекции Голенищева» отмечается собрание из 85 статуэток бога Бэса, в числе которых есть unica[7]. Вероятно, Голенищев стремился на подлинниках показать, сколь значительную роль магия играла в жизни древних

[6] Hodjash 2004, кат. 56.

[7] Golenishchev 1987, 59, прим. 27 (собрание было оценено в 27 000 руб). Справка составлена комиссией ученых, участвовавших в экстренном заседании Русского археологического общества 24 февраля 1908 г. в египетском музее В.С. Голенищева на Моховой, 15 (Б.А. Тураевым, М.И. Ростовцевым, П.К. Коковцовым, О.Э. Леммом).

Рис. 3. Статуэтка Бэса-воина с коротким мечом и овальным щитом © *ГМИИ им. А.С. Пушкина*, инв. № I, 1a 4244

египтян[8]. Об особом интересе Голенищева к этой группе памятников говорит тот факт, что практически все соответствующие карточки (fichiers) его картотеки на французском снабжены краткими описаниями, хотя обычно он предельно лаконичен и обходится без заметок. Исключения составляют некоторые карточки, где присутствует только маленькая фотография (№ 2964, 2976, 3076).

В инвентаре В.С. Голенищева записи о мелких амулетах и статуэтках (включая терракотовые) с изображением Бэса идут практически подряд, во всяком случае компактными группами (№ 837–857, 2540–2675). Но вряд ли это свидетельствует об одновременной покупке вещей, хотя и это возможно, поскольку в списке иногда

[8] О роли магии в официальной и народной религии см. Raven 2019, 11–27.

Рис. 4. Статуэтка Бэса-воина с коротким мечом и овальным щитом © *ГМИИ им. А.С. Пушкина*, инв. № I, 1а 4268

фигурируют совершенно разноплановые предметы (например, среди амулетов с Бэсом помещены серьга и мумия ибиса). Скорее всего инвентарь составлен в соответствии с повитринной описью его домашнего музея в Санкт-Петербурге и разные предметы были просто выставлены вместе.

Все терракоты с большой долей вероятности были приобретены В.С. Голенищевым во время его путешествия по Египту в период 1880–1890-х годов. К сожалению, Владимир Семенович был чрезвычайно скуп на указания о месте находки или приобретения[9], поэтому относительно происхождения можно делать только самые общие предположения.

[9] Главными поставщиками Голенищева были: в Гизе – знаменитый антиквар Али Абд эль-Хадж (Ali Abd el-Haj el Gabri, aka Ali el-Arabi, ок. 1840–1932), в Луксоре – торговец древностями Тодрос, под которым следует понимать Тодроса Болоса либо его сына Мохареба Тодроса (Hagen, Ryholt 2016, 248–250).

ИКОНОГРАФИЯ БОГА БЭСА

Изображения Бэса чаще всего встречаются на косметических принадлежностях, зеркалах, сосудиках, ложечках, на предметах мебели и домашнего обихода, что сразу маркирует сферу его «деятельности». Очень часто его образ используется на амулетах и резных камнях. Поражает не только необычная иконография Бэса, но и огромный разрыв между обилием изобразительных типов этого бога и практически полным отсутствием связанных с ним нарративных источников[10]. Гротескный карлик, получеловек-полузверь был божеством без мифологической генеалогии и считался служителем богини Хатхор: он присутствует в истории возвращения Хатхор-Тефнут из Нубии[11] и изображается вместе с богиней на различных памятниках, вероятно, поскольку и он, и Хатхор относятся к одной сфере защиты детства и материнства. В коллекции В.С. Голенищева имелись также фрагменты магических жезлов эпохи Среднего царства, на которых показан «предшественник» Бэса – воинственный кривоногий демон Аха, божество, охраняющее не только солнечного бога, но также матерей и детей[12].

Терракотовые фигурки Бэса изготавливались в Поздний период и греко-римское время в огромном количестве для массового потребления, поскольку многие жители Египта стремились обезопасить свой дом от реальных вредоносных тварей (змей, скорпионов) и невидимых злых сил. По мере угасания древнеегипетской цивилизации наблюдается рост популярности «малых» богов: великие боги казались простым смертным слишком далекими, да и божественность фараона, их предстателя перед богами, заметно поблекла. Защитные функции Бэса были направлены прежде всего на женщин, мечтающих о ребенке, беременных, рожениц, матерей и их малолетних детей. Поскольку Бэс также считался покровителем спящих, а сон в определенном смысле подобен смерти, он охранял и умершего в его пути по иному миру[13].

По всей вероятности, имя Бэс стало, преимущественно в греко-римский период, общим обозначением для многих популярных в народе карликовидных богов[14]. Бэс, этот «благопожелательный демон», известен в Египте по крайней мере с эпохи Среднего царства, когда он сливается с древним демоном-воителем Аха (т.е. «сражающийся», «боец»), также обладавшим защитными функциями[15]. Под влиянием Аха формируется образ и иконография Бэса, которые появились раньше имени и текстов, с ним связанных[16]. Окончательное оформление образа божества относится к периоду Нового царства, но только с эпохи XXI династии этот персонаж-апотропей, защищающий женщин и отгоняющий зло,

---

[10] Volokhine 2010, 254.

[11] Junker 1911, 86.

[12] Hodjash 2004, кат. 23–24; Dasen 1993, 55–83. Эти жезлы, вероятно, предназначались для проведения обрядов родовспоможения, защиты новорожденных младенцев и их матерей.

[13] Bailey 2008, 18; Dasen 1993, 55–83; см. амулет-подголовник с Бэсом: Hodjash 2004, 162, кат. 229.

[14] Dasen 1993, 55–57.

[15] Altenmüller 1965, 152, 155.

[16] Meeks 1992, 435.

Рис. 5. Статуэтка Бэса-воина с мечом-*кописом* и змеей © *ГМИИ им. А.С. Пушкина*, инв. № I, 1а 4272

стал именоваться Бэсом. Одновременно расцветает культ бога Харпократа (букв. «Хор-дитя»), причем оба эти божества завоевывают колоссальную популярность начиная с правления XXVI династии, эпохи «саисского возрождения»[17]. Несмотря на относительно позднее обретение собственного имени и появление в мифологии, глубинные функции бога Бэса как поливалентного «спасителя» апеллируют к весьма архаическим представлениям, на что, в частности, указывает изображение его лица анфас (см. ниже).

[17] Meeks 1992, 235. Попытки исследования этимологии имени Бэса склоняются к предположению, что слово *bs* с древности имело отношение ко всему недоношенному, незрелому, преждевременному, т.е. прежде всего к ребенку, находящемуся в утробе (*ibid.*, 427, 434).

Рис. 6. Статуэтка Бэса-воина со змеей © *ГМИИ им. А.С. Пушкина*, инв. № I, 1а 6749

Чрезвычайно популярным Бэс становится в греко-римское время, когда его образ преобразуется в Бэса-Пантея (этот аспект отражен в многочисленных фаянсовых амулетах)[18] и обретает эпитет «владыка, величайший из всех богов»[19] (эволюция, также характерная для малых божеств в поздние эпохи). В римское время и вплоть до христианской эпохи Бэс почитается как бог-оракул в храме Сети в Абидосе[20]. Еще раньше его культ проникает в Этрурию (в VIII–VII вв. до н.э.),

[18] Hodjash 2004, 122–139.

[19] Tinh 1986, 108 (граффити из Абидоса); см. фигурки Бэса-Пантея в Hodjash 2004, 139, кат. 190–191.

[20] Frankfurter 1998, 128–130, 169–174. Стоит подчеркнуть, что этот храм был особо почитаем с эпохи Раннего царства в связи с «гробницей» Осириса и память о его особом значении продолжает сохраняться на протяжении тысячелетий – египетские крестьянки приходят сюда и сейчас, надеясь на помощь в рождении мальчиков.

а затем в другие регионы античного мира вплоть до самого края ойкумены – в греческие колонии Северного Причерноморья, где амулеты в виде головы Бэса в тиаре археологи находят даже в могилах живших рядом варваров[21].

Классификация изображений Бэса приводится обычно исходя из позы божества – стоящий, шагающий, танцующий и сидящий (последняя – наиболее редкая)[22]. Его иконография достаточно специфична и отличается от традиционно египетской – он всегда изображается фронтально: широкое лицо-маска, короткий плоский нос, огромные глаза с обозначенными ресницами, брови буквой V на морщинистом лбу («гримаса гнева»), высунутый язык, волнистые борода и локоны, имитирующие львиную гриву, большие круглые уши, указывающие на его кошачью (львиную) природу, толстоватое, но крепкое тело карлика с кривыми ногами. На непропорционально большой голове Бэса обычно размещается небольшой прямоугольный *модий*, на котором стоит тиара из страусовых перьев – знак связи с южными странами (известно, что Бэс именовался «владыкой Пунта»)[23]. Количество перьев может варьироваться: от трех (см. кат. № 1), четырех (см. статуэтку из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина, инв. № 1,1а 7194) до пяти (это наиболее часто встречающийся вариант) (см. кат. № 3, 4), шести (см. кат. № 5) или даже семи (см. статуэтку из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина, инв. № I, 1а 4615)[24]. Иногда обнаженный Бэс носит на плечах шкуру пантеры, голова которой лежит на его груди в виде своеобразной подвески, а хвост свисает между ног (см. статуэтку из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина, инв. № I, 1а 4268).

Необычное, карликообразное телосложение и специфические черты лица подчеркивали апотропеические функции Бэса: он отгонял злых духов пугающей гримасой с высунутым языком[25]. Высунутый язык как архаический символ угрозы встречается, например, в изображениях так называемого «Горгонейона» – устрашающей маски Медузы Горгоны[26]. В Египте известны изображения кошачьих с высунутым языком:

---

[21] Tinh 1986, 98–108; Korostovtsev 1957, 72–87. Позднее, заняв место в «свите» Исиды, Бэс нашел многочисленных почитателей не только в провинциях, но и в центре Римской империи: в экспозиции Национального археологического музея в Неаполе представлены его изображения на фресках из храма Исиды в Помпеях и довольно крупные, до 30–40 см в высоту, керамические статуэтки божества, изготовленные в мастерских этого города.

[22] Tinh 1986, 98–99.

[23] Altenmüller 1975, 721; Tinh 1986, 106–107. Тран там Тинх высказывает мнение о том, что сам Бэс происходит из Пунта (*ibid*., 106). Однако против его «африканского» происхождения выступал в свое время уже Х. Альтенмюллер (Altenmüller 1965, 155). Скорее всего Бэс являлся древнеегипетским божеством, ассоциируемым с далекой чудесной страной ладана и мирры, «Землей бога», как египтяне называли Пунт (см., например, «Сказку о Потерпевшем кораблекрушение»: Blackman 1932, 151).

[24] Амулетом могла служить и сама тиара Бэса: таковы, например, застежки ожерелий из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина (см. Hodjash 2004, 145, кат. 200–201).

[25] Griesbach 2013, 51; Raven 2019, 112, fig. 90.

[26] Об апотропеическом значении подобной маски у других мифологических персонажей – Хумбаба, Пазузу, Ламашту, Хатхор – см. Krauskopf, Dahlinger 1988, 316–317. О гримасничающей маске и ее широком употреблении в качестве устрашающего символа пишут многие исследователи. Ср. также мнение о том, что такой бросающийся в глаза «маркер», как высунутый язык, у древних народов обозначал ужас и являлся элементом устрашения (Ziegler 1912, 1648).

например, мифического льва из гробницы Тутанхамона[27] и дикого кота, перегрызающего горло змее, из гробницы Инхерка (TT 359)[28]. Возможно, на создание подобного образа-маски древних людей побудило наблюдение за мимикой льва, высунутый язык и оскал которого они воспринимали как угрозу. Полуоткрытая пасть льва, из которой доносится грозный рык, – несомненно, устрашающее зрелище, предупреждающее об опасности, исходящей от этого животного[29]. Кроме того, сама фронтальность изображения свидетельствует об апотропеической функции бога: с лицом анфас в Египте изображали, кроме Бэса, только богиню Хатхор, чья иконография была, возможно, заимствована у древней богини Бат. В этой связи стоит вспомнить капители часовни храма Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри, где лик богини направлен на четыре стороны света, обеспечивая тем самым полную защиту[30].

БЭС-ВОИН

Сфера влияния Бэса была чрезвычайно широка, но прежде всего он считался защитником женщин в самые значимые для них периоды: зачатие, беременность и роды[31]. Также под особым покровительством Бэса находились новорожденные дети и младенцы. Согласно египетской традиции Бэс – защитник Харпократа, Хора-ребенка, поэтому его изображения часто встречаются на рельефах храмов-*маммиси* в сценах, связанных с рождением божественного/царского младенца[32]. Бэс как апотропеическое божество охранял человека от многочисленных опасностей и злых духов в любых обстоятельствах, и особенно в темное время суток, когда эти опасности активизировались. Наиболее яркая иконографическая ипостась Бэса-защитника – его изображение в виде воина. Как отмечалось выше, многие функции и элементы иконографии Бэс перенял от божества Аха, бойца *par excellence,* защитника солнечного бога[33].

Как правило, Бэс изображался стоя, с руками на бедрах – в позе атлета, готового к нападению. Часто он потрясает мечом, глядя прямо в лицо противнику гипнотическим взглядом своих огромных глаз, скалясь ужасной гримасой и высунув язык. Этот облик внушал страх злым духам; в некоторых папирусах говорится о том, что его взгляд ослепляет[34]. Такой же эффект производил танец Бэса, во время которого бог ниспровергает врага при помощи магических жестов (например, направляет на него два пальца)[35].

---

[27] Алебастровая ваза в форме льва, грозно поднявшегося на задние лапы (Carter 1959, 248, таб. 147). Известно, что поза этого фантастического персонажа в виде геральдической фигуры «лев стерегущий» имеет апотропеическое значение (Wilkinson 1999, 206, fig. 148).

[28] Germont, Livet 2001, 77, fig. 84.

[29] М. Рэйвен пишет о том, что Бэс изображался носящим «устрашающую львиную маску» (Raven 2019, 25, fig. 13).

[30] Derchain 1972.

[31] Griesbach 2013, 111.

[32] Tinh 1986, 108; Volokhine 2010, 238–239.

[33] Altenmüller 1965, 154–155 (Аха именуется “besgestältige Dämon”).

[34] Tinh 1986, 108.

[35] Tinh 1986, 108. Примечательно, что существует апотропеический амулет в виде двух пальцев; о значении жеста см. Wilkinson 1999, 194.

Бэс обычно предстает обнаженным либо в небольшой набедренной повязке, всегда в короне с торчащими вверх страусовыми перьями. На его плечах может изображаться шкура льва или пантеры, причем в некоторых случаях ее окрас отмечен пятнами. Иногда изображается свисающий хвост животного, который легко спутать с гипертрофированным фаллосом бога, связанного со сферой плодородия.

Появление иконографии Бэса-воина в боевом вооружении в Птолемеевский период и ее развитие в римское время вполне закономерно в историческом контексте[36]. Прежде всего это объясняется характерной для этого времени тенденцией к объединению атрибутов богов для усиления их мощи. В условиях, когда власть над долиной Нила получают сначала греки, а затем римляне, вполне естественно, что египетские боги приобретают и античные атрибуты. Правда, чаще всего главные маркеры богов – короны – остаются прежними, а меняется одеяние (в случае Бэса – вооружение). Воинственный аспект Бэса в его апотропеической сущности неслучайно выходит на первый план именно в эту эпоху. Бэс как защитник солнечного бога-ребенка и, соответственно, хранитель наследника престола имел большое значение для Птолемеев. Военизированный облик божества теперь включает в себя принадлежность эллинистического вооружения и эмблему Лагидов – овальный щит[37]. В ранних версиях этот щит комбинировался с греческим панцирем, а в эпоху позднего эллинизма появляется классическая мускульная кираса (см. кат. № 4). Иконография Бэса в виде обнаженного воина со щитом и мечом встречается в терракотовой пластике с середины II в. до н.э., а в римское время добавляется панцирь и шлем[38].

Стоит подчеркнуть, что в малой пластике римского периода весьма распространена была практика изображения богов египетского пантеона в римской военной форме. Так, воитель Хор и защитник Осириса Анубис изображались в одеянии легионера/императора-триумфатора[39]. «Милитаризация» Бэса является результатом культурного влияния, начавшегося с приходом македонян. Доказательством птолемеевских, но не римских истоков этой иконографии может служить овальная форма щита с *умбоном* в центре, с которым наиболее часто изображался Бэс. Это типично галльский/кельтский щит, называвшийся у греков *фиреос* (θυρεός)[40]. Однако у некоторых статуэток (см., например, кат. № 1) изображен круглый и выпуклый щит, по форме напоминающий классический греческий *аспис* (ἀσπις). Не исключено, что оба варианта существовали одновременно[41]. На щитах показана стандартная ребро-нервюра *спина*, идущая вверх и вниз от *умбона* (см. кат. № 2–4).

---

[36] Авторы выражают глубокую признательность Александру Константиновичу Нефёдкину за ценные комментарии по античному оружию.

[37] Beck 2005, 528, Kat. 14.87.

[38] Ewigleben, Grumbkow 1991, 30; Fischer 1994, 86.

[39] Dunand 1990, 16; Berlev 2002, 185, кат. 688–689 (Хор), 211, кат. 855 (Анубис); Fluck *et al.* 2015, 65, cat. 61, 71–73. Отметим, что римские доспехи Хора легко сочетаются с древнеегипетской царской короной (Tomashevich 2014, 24–28).

[40] Volokhine 2003, 158–159.

[41] Bailey 2008, 18. А.К. Нефёдкин отмечает, что в эллинистическое время (III–II вв. до н.э.) греческий *аспис* заменяется в Греции на македонскую *пельту* (πέλτη) (личное сообщение).

Меч у московских статуэток проработан недостаточно четко, однако можно отметить, что он имеет листовидный несимметричный клинок, напоминающий классический греческий *ксифос*, и гарду вокруг кисти. У некоторых терракот с аналогичной иконографией Бэса в собраниях других музеев[42] оружие проработано лучше, на основании чего его можно атрибутировать как меч κοπίς[43], возможно, происходящий от египетского меча-серпа *хепеша*. Формой рукояти и клинка он заметно отличается от римского меча *гладиуса*.

Практически во всех случаях меч изображается поднятым над головой, но у одной из статуэток (см. кат. № 1) он находится возле головы. Бэс стоит фронтально в обычной для него угрожающей позе, его меч пересекает головной убор (т.е. он держит его высоко над головой). Бог обнажен, иногда в шкуре пантеры (см. кат. № 3) или короткой тунике (см. кат. № 4).

Опишем публикуемые статуэтки более подробно. Статуэтка кат. № 1 изображает стоящего Бэса с коротким мечом в правой руке и круглым выпуклым щитом в левой. Щит относится к типу *аспис* или *клипеус* (римский кавалерийский щит). На голове у Бэса – традиционная высокая тиара из трех перьев. Лицо искажено устрашающей гримасой, язык высунут, лоб испещрен морщинами гнева, волосы бороды и усов переданы длинными линиями. Бэс стоит на полусогнутых ногах. Вероятно, эта поза говорит о том, что он готов к нападению и вот-вот ринется на противника, замахиваясь на него мечом. Бог показан обнаженным, с увеличенным фаллосом, свисающим между ног. С правой стороны от Бэса стоит высокая узкая амфора, слева находится ребристый конусовидный сосуд с широким горлом, рядом – кисть винограда, напоминающая круглую шишку. Амфора и виноград – несомненные принадлежности дионисийской атрибутики[44]. Ассоциация образа Бэса с «винной» символикой может быть связана с древнеегипетской легендой об опьянении богини Хатхор-Тефнут и соответствующем празднике в ее честь, описанном Геродотом (Hdt. II. 60). Как спутник Хатхор, Бэс мог ассоциироваться с представлениями об умиротворяющей силе вина[45]. В эллинизированных обществах Бэс мог включаться в круг дионисийских божеств благодаря некоторому внешнему сходству с Силеном[46] и сатирами (например, на Кипре[47]). В качестве примера такого синкретического контекста можно привести скульптуры мемфисского Серапеума, где помимо статуй античных богов находились и монументальные статуи Бэса[48].

---

[42] Например, из Британского музея, инв. № EA 43381, 1888, 0601.96, найден в Навкратисе (см. Hogarth *et al.* 1898–1899, 95, no. 5; Bailey 2008, no. 3095).

[43] См. об этом типе меча Nefyodkin 2019, 23.

[44] Fischer 1994, 85.

[45] Dasen 1993, 79. В этой связи можно указать на глиняную табличку из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина со сценой совокупления бога, похожего на Бэса (?), с женщиной, левая рука которой лежит на двуручной амфоре (Hodjash 2004, 113, кат. 85). По свидетельству Геродота, праздник в честь Хатхор отличался не только попойками, но и разгулом.

[46] Volokhine 2010, 251.

[47] Dasen 2015, 46.

[48] Lauer, Picard 1955, 9, 248, fig. 5.

Статуэтка кат. № 2 изображает стоящего Бэса с овальным галльским щитом в левой руке. В поднятой вверх правой он некогда держал меч, но эта часть статуэтки утрачена. На голове скорее всего была тиара (она также отбита). Бэс обнажен, причем реалистичная трактовка мускулистого, атлетически сложенного тела поразительно контрастирует с лицом-маской, представляющей собой звероподобный «оскал Бэса» – высунутый язык, условно показанные пряди бороды и усов, круглые львиные уши. Тело трактовано в динамичной позе: припадая на левую ногу, Бэс словно бежит, двигаясь немного вбок. Перед нами античный воин-атлет с прекрасно натренированными мышцами, который замахнулся мечом и в следующее мгновение готов обрушиться на противника. Несмотря на то что тип обнаженного Бэса с овальным щитом достаточно распространен, аналогий со столь пластичной лепкой мускулов тела можно найти немного[49]. Отметим, что практически все статуэтки с атлетически сложенными телами изображают бога в образе непобедимого воина[50].

Из-за плохого качества матрицы поверхность терракоты кат. № 3 слабо детализирована, но очевидно, что Бэс показан обнаженным. У него плотная, коренастая фигура, лицо-маска с круглыми львиными ушами и высунутым языком, волосы бороды и усов переданы S-образными линиями. На задней поверхности видно, что на плечи Бэса наброшена львиная шкура – об этом говорят насечки, имитирующие шерсть, и длинный хвост. На голове бога высокая тиара из пяти перьев, в правой руке он держит меч, в левой – овальный щит, аналогичный тому, что имеется у статуэтки кат. № 2.

Статуэтка кат. № 4 единственная из всех изображает стоящего Бэса в одеянии воина. Он одет в кирасу (адаптированный римлянами греческий панцирь с *птеригами*), короткую тунику с поясом, завязанным бантом (заимствованный римлянами офицерский шарф эпохи эллинизма). В правой руке у Бэса короткий меч, в левой – овальный галльский щит. На голове – высокая тиара из пяти перьев[51], волосы бороды и усов переданы орнаментально.

Самое интересное в рассматриваемой статуэтке – вдавленная надпись на постаменте, которая была оттиснута до обжига непосредственно в матрице. Надпись представляет собой четыре греческие буквы, которые В.С. Голенищев читал как YOMI (картотека Голенищева, № 2537)[52], но не исключено, что последний знак плохо отпечатался и следует читать YOMA или YOMN. Это единственная терракота в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина, имеющая подобное «клеймо», аналогий которому не найдено[53]. Не исключено, что надпись дана в зеркальном отражении и тогда, вероятно, следует читать Αμού (с окончанием gen. sg.).

---

[49] Ср. Dunand 1990, 35, 40.

[50] Willems, Clarysse 2000, cat. 118; Tinh 1986, pl. 80, *38h*, *38i*, *38m*.

[51] Ср. с изображением Хора в римских доспехах, но в древнеегипетской короне (Tomashevich 2014, 24–28).

[52] В каталоге С.И. Ходжаш (Hodjash 2004, 110, кат. 82) про надпись ничего не сказано.

[53] Ср. Bailey 2008, где приводятся сходные надписи на амфорных клеймах (no. 3607, 3609) и на форме для оттисков на хлебе (no. 3314), однако на статуэтках ничего похожего не встречается; ср. также Petrie 1905, pl. LXXII.

На греко-египетских терракотах встречаются «подписи» коропластов, в том числе сделанные в обратном направлении. Такова, например, надпись Σίμου (gen. от имени Σῖμος) на статуэтке с изображением Бэса-воина, датированной I–II вв. н.э. Надпись заключена в прямоугольную рамку и повторена дважды на оборотной стороне статуэтки – под короной и на базе статуэтки[54]. Еще две терракоты, изображающие Бэса-воина, имеют такую же «подпись», и в обоих случаях на оборотной стороне в области шеи и затылка, причем заглавная сигма не выписана ([Σ]ίμου)[55]. Можно предположить, что и в нашем случае мы имеем «подпись» некоего коропласта Симоса, сделанную ретроградным письмом. В таком случае чтение В.С. Голенищева YOMI является правильным, т.е. это [Σ]IMOY с «выпадением» сигмы, как это зафиксировано в приведенных выше случаях (правда, это касается нереверсивных надписей). Известны примеры, когда «подписи» коропластов располагаются спереди на базе терракотовых статуэток[56].

Заманчиво также интерпретировать надпись как имя бога Амона, которое выписано в родительном падеже (букв. «статуэтка Амона»). Однако на греческом «Амон» преимущественно пишется с двойной буквой *мю* (Ἄμμων)[57]. Конечно, коропласт-египтянин, делавший матрицу с клеймом и не знавший греческого, вполне мог допустить ошибку в имени бога. Зеркальное написание также объяснимо – для египетской письменности направление письма справа налево более привычно, чем слева направо, как в греческом. Так что подобное допущение теоретически возможно. Что же касается гипотетической связи Бэса и Амона, то это также вероятно – в позднее время Бэс мог сближаться со многими богами египетского пантеона: с Хором, Амоном, Мином, Решефом[58]. Кроме того, Амон издревле считался воинственным божеством[59], и этот же аспект был присущ и богу-апотропею Бэсу. Бэс и Амон почитались как боги-оракулы, причем эта их роль оказалась наиболее «долгоиграющей» и востребованной у населения: например, свидетельство позднего времени об оракуле Бэса в Абидосе есть у Аммиана Марцеллина (XIX. 12. 3). О возможности слияния образов Амона и Бэса свидетельствуют статуэтки Амона в маске Бэса из Национального музея в Ливерпуле, итифаллического Бэса с атрибутами других богов, в том числе Амона, из Лувра, Бэса с эгидой Амона из Британского музея[60].

---

[54] Nachtergael 1994, 421, no. 8. URL: https://twitter.com/kelseymuseum/status/1136637742312333313/photo/4; дата обращения: 12.05.2022.

[55] Nachtergael 1994, 421, no. 9, 10.

[56] Nachtergael 1994, 416, 418, 433, no. 2, 4–5, fig. 1 (изображения Харпократа, Афины, Эрота).

[57] Dvoretskiy, 1958, 98 (Ἄμμουν, Ἄμμους = Ἄμμων, но «Η Αμουνέτ κι ο Αμού-Ρα δεν αναφέρονται ποτέ μαζί στην ίδια επωδή»). Действительно, наряду с общепринятым написанием с двумя *мю* встречается написание с одной. Так, Плутарх пишет, что вариант написания Ἄμουν – это египетская форма имени бога Зевса, а Ἄμμων – греческая (*Dio*. 9. 354D; см. Griffiths 1970).

[58] Malaise 2004, 268; Wainwright 1934, 152–153. Элементы различных богов, в том числе и Амона, в образе Бэса-Пантея см. Wilkinson 2003, 102.

[59] Pavlova 1984, 103–105; Wilkinson 2003, 94; Otto 1975, 243.

[60] Walle 1976, 55; URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA11503; дата обращения 12.05.2022.

Практически полная аналогия московской статуэтке – терракота из собрания копенгагенской Глиптотеки. Отличия только в степени сохранности (московская – без утрат), расположении и написании клейма[61]. На терракоте из ГМИИ им. А.С. Пушкина клеймо представлено в виде греческой надписи на лицевой стороне постамента, как своеобразная «этикетка», а у копенгагенской статуэтки надпись расположена сзади, в районе короны и головы, где можно различить орнаментальные розетки и, возможно, греческие буквы Χ и Ω. Во всяком случае, именно так, но со знаком вопроса, предлагает считать автор публикации М. Фьельдхаген, трактующий греческие буквы как «подпись» коропласта или клеймо его мастерской. Копенгагенская статуэтка куплена в 1892 г. в Египте Вальдемаром Шмидтом, приобретавшим памятники у тех же антикваров, что и В.С. Голенищев[62]. Тем не менее, точное происхождение обоих предметов определить невозможно. В Британском музее находится сходная по иконографии статуэтка Бэса-воина в «македонских доспехах», которую Д. Бэйли датирует Птолемеевским периодом[63]. Эту же датировку можно предложить и для московской терракоты.

Особый тип «сражающегося» Бэса представляют изображения этого божества со змеей, которую он держит в левой руке. В правой руке изображается меч, и таким образом змея оказывается на месте щита. Терракотовая статуэтка кат. № 5 изображает стоящего Бэса, в поднятой правой руке которого высоко поднятый меч пересекает перья головного убора – жест, аналогичный статуэткам с мечом и щитом. Вокруг опущенной левой руки бога обвилась змея, которую он сжимает за голову[64]. Бэс обнажен, его слабо проработанный торс подпоясан толстой веревкой с еле просматривающимся элементом (хвост шкуры?), свисающим между ног. Д. Бэйли полагает, что в подобных случаях Бэс мог изображаться не обнаженным, а одетым в так называемую мускульную кирасу с двойным нижним концом без *птериг*[65]. На голове Бэса имеется высокая тиара из шести перьев, волосы бороды и усов переданы S-образными линиями. В отличие от рассмотренных выше данная статуэтка имеет плоскую заднюю поверхность – вероятно, ее ставили у стены. На поверхности фигурки сохранились следы белой обмазки. Аналогичная терракота из Британского музея, происхождение которой неизвестно, датирована Птолемеевским периодом[66].

Описанной выше близка по иконографии статуэтка кат. № 6, у которой рука с мечом и головной убор не сохранились. Бэс и здесь показан скорее всего обнаженным (торс гладкий, проработка мускулов полностью отсутствует), подпоясанным толстой веревкой с едва заметным вертикальным элементом (рудимент хвоста шкуры?) между широко расставленных ног. Волосы и борода усов переданы условными S-образными линиями. На поверхности статуэтки имеются следы обмазки белой и розовой краской. Задняя поверхность плоская.

---

[61] Fjeldhagen 1995, 78, cat. 57.

[62] Hagen, Ryholt 2016, 25, 36–37.

[63] Bailey 2008, 41, no. 3001 (на голове Бэса изображен *наос* с быком Аписом).

[64] Ю. Фишер трактует этот элемент как кончик хвоста шкуры, которая обмотана вокруг руки Бэса (Fischer 1994, 659, Kat. 38.252).

[65] Bailey 2008, 19.

[66] Bailey 2008, no. 3101.

Судя по всему, обе описываемые фигурки Бэса-воина (кат. № 5 и 6) оттиснуты в односторонней форме-матрице, которая могла быть получена путем снятия слепка с каменной или керамической стелы с высоким рельефом. Аналогичную иконографию имеют некоторые известняковые стелы, которые К. Кауфманн называет «вотивными рельефами»[67]. Похожие стелы из известняка имеются в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина, и, по-видимому, их назначение было аналогично терракотовым статуэткам. Так, стела инв. № I, 1а 4247 изображает коренастого Бэса с мечом и круглым щитом[68], стела инв. № I, 1а 4261 – Бэса, держащего в поднятой правой руке меч, а в левой – змею (правда, в отличие от терракотовых статуэток змея не обвивает руку)[69]. Иногда Бэс изображается со змеями в обеих поднятых руках, как на стеле инв. № I, 1а 5622 (на боге надеты высокая тиара из пяти перьев и шкура пантеры)[70]. На небольшом терракотовом рельефе из музея Борели в Марселе обнаженный Бэс показан с полным «военным арсеналом» – мечом, щитом и змеей[71].

Изображения Бэса со змеями и оружием (мечом, булавой с шипами) были очень распространены в мелкой бронзовой пластике[72], встречаются на резных скарабеях и амулетах[73] и косметических сосудиках[74]. Изображение Бэса-охранителя, держащего в руках длинных змей, скрещенных, как две шпаги, имеется на погребальной пелене Птолемеевского периода[75]. Иконография божества, держащего в обеих руках змей, восходит, возможно, к памятникам древнейшего периода Месопотамии[76]. В Египте изображение змеи появляется на костяных магических жезлах в период Среднего царства: так, предтеча Бэса бог Аха держит змей в опущенных руках[77]. Вполне вероятно, что в данном случае на жезлах изображается некий ритуалист-«маг», который держит в руках змеевидные жезлы; подобные жезлы известны по археологическим материалам[78]. Аналогию Аха и Бэсу составляют женские статуэтки, изображающие Бэсет (?), найденные в знаменитой гробнице времени Среднего царства под Рамессеумом[79].

---

[67] Kaufmann 1913, 74, Abb. 41–43.

[68] Hodjash 2004, 67, кат. 20.

[69] Hodjash 2004, 69, кат. 22; Berlev, Hodjash 1982, 266, 274, no.196.

[70] Hodjash 2004, 68, кат. 21.

[71] Tinh 1986, pl. 79, *36a*.

[72] Hodjash 2004, кат. 50–51.

[73] Hodjash 2004, кат. 170, 134. Ср. также: ibid., кат. 107, 121 (скарабей), деревянную статуэтку девушки с висящим на шее амулетом в виде бога Бэса из музея Дарема (Price 2018, 123) и фигурку плывущей девушки из ГМИИ им. А.С. Пушкина с татуировкой Бэса на бедрах (Hodjash 2004, кат. 215, 151–152).

[74] Hodjash 1960, 256.

[75] Hodjash 2004, 73. С двумя скрещенными на груди змеевидными жезлами изображается бог магии Хека (см. Ritner 2012, 213, fig. 6).

[76] Древнейшие переднеазиатские амулеты, изображающие человека/демона, держащего в обеих руках змей, относятся к рубежу IV–III тыс. до н.э. (Amiet 1961, pl. A.2, 6.117–118, 7.148, 7.151). Два амулета с изображением демона, держащего в руках змей, имеются в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина (Iasenovskaia 2019).

[77] Altenmüller 1965, Abb. 4a, 13; Hodjash 2004, 71, 74.

[78] Ritner 2006, 206–210; Raven 2019, 77, fig. 59; ср. Исх. 7–8:13.

[79] Quibell 1898, pl. III, *12*.

Появление змеи на терракотовых плакетках и каменных рельефах несомненно обусловлено охранительным аспектом Бэса. В так называемых комнатах Бэса в Саккаре некоторые фигуры этого бога имеют в руках меч и змею, хотя у большинства статуй атрибуты, к сожалению, неизвестны, так как руки почти полностью повреждены[80]. Присутствие змеи в качестве атрибута бога можно объяснить исходя из представлений о ней как апотропее: змея считалась символом вечности, кроме того, ее яд широко использовался для врачевания (ср. атрибут греческого бога Асклепия)[81].

Змеи считались универсальным «оружием» и одновременно вредоносными существами, которых следует истребить. Змея известна своей амбивалентной природой – она была связана с хаосом, с темной стороной бытия, и считалась врагом солнечного божества, но одновременно имела отношение к миру до сотворения и, следовательно, к вечности и возрождению[82]. Трактовка человека/божества со змеями в руках могла быть двойственной – и как змееборца, и как воителя, обладающего грозным оружием[83]. Некоторые изображения на магических жезлах и на остраконах говорят в пользу того, что змеи наряду с ножами использовались в качестве эффективного оружия для отпугивания зла[84].

К. Баллод пишет, что на многих изображениях Бэс показан с ножами и что он считается защитником от диких зверей, которые одинаково опасны как для новорожденного солнечного бога, так и для всех беззащитных и спящих[85]. Изображения Бэса с ножами известны в некоторых папирусах. Так, в главе 28 «Книги мертвых» он стоит с ножом перед умершим, призывающим льва[86]. Древний бог Аха изображался на магических жезлах либо с двумя змеями в руках, либо с ножом[87]. Ножи составляли основной арсенал «охранников» солнечного божества: нередко не только Бэс, но и богиня Таурт[88] изображалась с ножами (она также считалась защитницей солнечного божества и часто представлена вместе с Бэсом)[89].

Но терракотовые статуэтки изображают Бэса несколько иначе – змея обвивается вокруг его локтя, а он сжимает ее голову. Бэс предстает здесь как победитель или своеобразный «заклинатель змей», демонстрируя свою власть над опасным гадом, вредоносная сила которого обращается на врагов[90].

Развитием указанной иконографии является тип изображения «Хор на крокодилах» (*cippi*), самый распространенный из древних «профилактериев». Стелы с этой

---

[80] Quibell 1907, pl. XXVIII, *1*.

[81] Ritner 2006, 216; скипетры-*yac*, обвитые змеей, имеются на эллинизированных изображениях Асклепия-Имхотепа, Аменхотепа, сына Хапу и Гигиейи (см. стелу из Дейр эль-Бахри: Bataille 1938).

[82] Vink 2016, 272.

[83] Ballod 1913, 61–69, 84–85, 89–90; Dasen 1993, 59.

[84] Hornung 1979, 389, 520, Abb. 90; Dasen 1993, 72.

[85] Ballod 1912, 33.

[86] Ballod 1913, 29, Abb. 4; Allen 1974, 38, no. 65; Hornung 1979, 92, fig. 4.

[87] Altenmüller 1965, 152.

[88] Таурт – богиня-охранительница, покровительница женщин и детей. Изображалась в виде беременной самки гиппопотама, с грудью женщины и лапами льва.

[89] Altenmüller 1965, 154; Volokhine 2010, pl. 2, 4–7; Hodjash 2004, 73, 138, кат. 25, 187.

[90] Volokhin 2003, 161; Ritner 2006, 213.

композицией появляются в эпоху Нового царства. На них в центре представлен стоящий на двух крокодилах мальчик Хор, сжимающий в опущенных руках различных диких зверей и гадов, в том числе и змей, которые никогда не обвиваются вокруг его рук, но выпрямлены вертикально, как жезлы. Над фигурой бога-ребенка всегда изображается маска Бэса, показывая, что по сути это сам Бэс держит в руках змей, ведь на стелах он предстает не просто как защитник Хора, но и как одна из ипостасей солнечного божества. Фронтальная маска с угрожающей гримасой – это образ старого бога, умирающего солнца, дающего начало богу юному, восходящему – Хору[91]. На некоторых стелах и статуях маска касается шеи бога-ребенка, как бы показывая со всей очевидностью, что именно Бэс принимает на себя роль спасителя и апотропея, побеждая врагов[92]. Подобные магические изображения встречаются как в монументальном, так и в миниатюрном виде (амулеты). Последние могли вешать на стены в домах, обеспечивая защиту от укусов змей и скорпионов. Изображения сжимающего змей Бэса нередко размещали на подголовниках, чтобы охранять спящих и отгонять ночные страхи и вредоносных животных. В этом контексте Бэс мыслился как охранитель сферы сна[93].

Терракоты из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина с изображением Бэса, вооруженного мечом и щитом, показывают один из главных аспектов этого бога-защитника. Действительно, образ воина с оружием должен был подчеркивать и усиливать апотропеические функции Бэса. Наиболее распространенная в терракотовой пластике иконография представляет бога в угрожающей позе: в правой руке высоко над головой он держит меч, а в левой – щит. Не исключено, что подобная иконография статуэток могла быть связана с военными танцами корибантов, жрецов Кибелы, культ которых Птолемеи принесли с собой в Египет[94]. Впрочем, танцы с палками, а до этого с мечами, известны и для долины Нила – и сейчас египетские и суданские феллахи исполняют их на деревенских свадьбах. Бэс изображается чаще всего стоящим, с руками на бедрах. Таким образом, поза воина с мечом и щитом – это лишь «усиленная» разновидность образа божества-апотропея.

В московском собрании большинство статуэток представляет Бэса обнаженным либо подпоясанным веревкой. Только в одном случае (см. кат. № 4) он изображен одетым в римский панцирь с *птеригами*. Четыре статуэтки изображают Бэса-воина, вооруженного мечом и щитом, а две – со щитом в одной руке и змеей в другой.

Вооружение Бэса-воина на большинстве из московских статуэток тяготеет к эллинистическим образцам, использовавшимся и в Римский период, что должно указывать на их соответствующую датировку. В то же время иконография и манера изготовления, например, терракоты кат. № 6 не исключает ее датировки Птолемеевским периодом. Д. Бэйли отмечает, что, хотя некоторые из указанных типов терракот с изображением Бэса продолжали изготавливаться и в Римский период, а некоторые имеют аналогии среди археологических комплексов I в. н.э.,

---

[91] Berlev, Hodjash 2004, 354 (наименование Хора – «старец омолаживающийся»).
[92] Frankfurter 1998, 124, no. 96.
[93] Ritner 2006, 186, 212.
[94] Beck 2005, 528, Kat. 14.87.

все же есть основания полагать, что большинство статуэток Бэса-воина относятся к Птолемеевскому периоду[95]. Например, статуэтка кат. № 2 отличается эллинизированной трактовкой тела, показанного в динамическом ракурсе. В этой связи надо отметить, что образ Бэса, несмотря на его повсеместное распространение на территории Pax Romana, в целом слабо подвергся эллинизации, что связано с его чрезвычайно архаическими функциями. Он считался защитником всего связанного со сферой семьи и домашнего хозяйства – «отвечал» за общее благополучие дома, охрану детства и материнства, целительство[96]. Образ Бэса-воина, вооруженного чужеземными для египтян мечом и щитом, стоящего в позе контрапоста, можно считать максимальной степенью «interpretatio graeca», которую мог себе позволить античный мир в отношении этого египетского божества. Терракоты с изображением Бэса в целом можно отнести к чисто египетским изобразительным типам[97].

Рассмотренные нами терракотовые статуэтки Бэса-воина могли бытовать в очень широком контексте, как домашнем, так и храмовом[98]. Их помещали в святилища в качестве вотивных приношений – возможно, именно такое назначение имела большая, почти в полметра высотой, статуя Бэса-воина, хранящаяся в Британском музее[99]. В ходе подводных раскопок на месте древнего Тониса-Гераклейона была найдена верхняя часть статуи Бэса с мечом также большого размера. Можно предположить, что когда-то она стояла на теменосе в храме Амона и Хонсу[100]. Уплощенные статуэтки, наподобие кат. № 5 и 6, ставились, вероятно, в культовом месте у стены и могли быть вотивными дарами от женщин, мечтавших зачать ребенка или благодаривших Бэса за благополучные роды и моливших о здоровье детей[101].

Благодаря вышеперечисленным качествам Бэс выступает как универсальный защитник с очень широкими «апотропеическими» полномочиями. В греко-римский период его важнейшая функция – отгонять все вредоносное для человека – была осмыслена с использованием военных атрибутов. Многочисленный «арсенал» Бэса включает в себя помимо змей также булавы, мечи, ножи, щиты, а кроме того – различные скипетры, амулеты, стебли лотоса и папируса[102] (последние, впрочем, больше относятся к символике плодородия, также важной для его образа). В целом можно отметить, что бог Бэс с одинаковым искусством владеет и музыкальными инструментами[103], и оружием.

---

[95] Bailey 2008, 19.

[96] Frankfurter 1998, 125.

[97] Fraser 1972, 79, 333, 467. О влиянии египетской традиции в птолемеевском искусстве начиная с середины II в. до н.э. см. Szymańska 2005, 144.

[98] Abdelwahed 2016, 55.

[99] Bailey 2008, no. 3001.

[100] Goddio, Fabre 2015, 88 (III–II вв. до н.э.).

[101] Spiegelberg 1929, 164; Roeder 1956, 442–443, § 607; Dasen 1993, 73.

[102] Dasen 1993, 58–59.

[103] Ewigleben, Grumbkow, 1991, 30. В московской коллекции нет терракот с изображением Бэса-музыканта (ср., однако, изображения на других памятниках малой пластики: Hodjash, 2004, кат. 36–37, 54, 91, 128–129, 150–151, 210, 225).

Корпус изображений Бэса в коропластике разнообразен по жанрам, но при этом выделяются два главных иконографических типа. Один из них содержит своеобразный «детский» компонент, унаследованный от бога-апотропея и защитника материнской сферы. Это изображение полностью обнаженного Бэса, поднимающего свой меч, а в левом кулаке сжимающего длинную змею, обвившуюся вокруг его руки. В сущности, это повторение в терракоте иконографии магических стел «Хор на крокодилах», где Бэс присутствует в виде маски. Другой тип содержит «милитаристский» компонент, в котором, по сути, та же иконография дополнена греческим или римским защитным доспехом и щитом в руке. Этот воинственный образ Бэса является, возможно, продуктом птолемеевской пропаганды, в которую были удачно вплетены исконно египетские черты Бэса-воителя и Бэса – alter ego «Хора на крокодилах»[104]. Подобное «нагромождение» атрибутов для усиления могущества божества соответствует общей тенденции, проявившейся в религии древнего Египта в конце его истории.

Литература / References

Abdelwahed, Y.E.H. 2016: *Houses in Graeco-Roman Egypt. Arenas for Ritual Activity*. Oxford.

Allen, J. 1974: *The Book of the Dead or Going Forth by Day*. (The Oriental Institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilization, 37). Chicago.

Altenmüller, H. 1965: *Die Apotropaia und die Götter Mittelägyptens: Eine typologische und religionsgeschichtliche Untersuchung der sogenannten „Zaubermesser" des Mittleren Reichs.* Teil I. München.

Altenmüller, H. 1975: Bes. In: *LÄ*. Bd. I, 720–724.

Amiet, P. 1961: *La glyptique mésopotamienne archaïque.* Paris.

Ashton, S.-A. 2003: *Petrie's Ptolemaic and Roman Memphis*. London.

Attula, R. 2001: *Griechisch-Römische Terrakotten aus Ägypten. Bestandkatalog der figürlichen Terrakotten*. Rostock.

Bailey, D.M. 2008: *Catalogue of the Terracottas in the British Museum*. Vol. IV. *Ptolemaic and Roman Terracottas from Egypt*. London.

Ballod, F. 1912: [A vase with a figure depicting Bes from the collection of V.S. Golenishchev No. 2185]. In: *Pamyatniki Muzeya izyashchnykh iskusstv imeni imperatora Aleksandra III v Moskve* [*Monuments of the Museum of Fine Arts named after Emperor Alexander III in Moscow*]. Vol. I–II. Moscow, 31–36.
Баллод, Ф. Ваза с фигурой-изображением Беса из собрания В.С. Голенищева № 2185. В сб.: *Памятники Музея изящных искусств имени императора Александра III в Москве*. Вып. I–II. М., 31–36.

Ballod, F. 1913: *Prolegomena zur Geschichte der zwerghaften Götter in Ägypten*. Moskau.

Bataille, A. 1938: Une stèle grecque de Deir-el-Bahari. *Annales du Service des Antiquités de L'Égypte* 38, 63–68.

Bayer-Niemeier, E. 1988: *Griechisch-römische Terrakotten*. (Bildwerke der Sammlung Kaufmann, Bd. I). Frankfurt am Main.

Beck, H. 2005: *Ägypten, Griechenland, Rom. Abwehr und Berührung: Städelsches Kunstinstitut und Städtische Galerie, 26. November 2005–26. Februar 2006*. Frankfurt am Main.

Berlev, O.D. (ed.) 2002: *Put' k bessmertiyu. Pamyatniki drevneegipetskogo iskusstva v sobranii GMII im. A.S. Pushkina. Katalog vystavki* [*The Path to Immortality. The Monuments of Ancient Egyptian Art in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. Catalogue of the Exhibition*]. Moscow.
Берлев, О.Д. (ред.). *Путь к бессмертию. Памятники древнеегипетского искусства в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина. Каталог выставки.* М.

[104] Volokhine 2003, 160.

Berlev, O., Hodjash, S. 1982: *The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow*. Leningrad.

Berlev, O.D., Hodjash, S.I. 2004: *Skul'ptura drevnego Egipta v sobranii GMII im. A.S. Pushkina* [*Sculpture of Ancient Egypt in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts*]. Moscow.
Берлев, О.Д., Ходжаш, С.И. *Скульптура древнего Египта в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина*. М.

Blackman, A.M. 1932: *Middle-Egyptian Storie*s. Pt. II. Bruxelles.

Breccia, E. 1934: *Terrecotte figurate greche e greco-egizie del Museo di Alessandria*. (Monuments de l'Égypte gréco-romaine, II/2). Bergamo.

Brunner-Traut, E., Brunner, H., Zick-Nissen, J. (Hrsg.) 1989: *Osiris. Kreuz. Halbmond. Drei Religionen Ägypten*. Mainz am Rhein.

Carter, G. 1959: *Grobnitsa Tutankhamona* [*Tutankhamun's Tomb*]. Moscow.
Картер, Г. *Гробница Тутанхамона*. М.

Dasen, V. 1993: *Dwarfs in Ancient Egypt and Greece*. Oxford.

Dasen, V. 2015: Des Patèques aux « nains ventrus »: circulation et transformation d'une image. In: S. Huysecom-Haxhi, A. Muller (eds.), *Figurines grecques en contexte. Présence muette dans le sanctuaire, la tombe et la maison*. Lille, 39–55.

Dawson, W.R., Uphill, E.P. 1995: *Who Was Who in Egyptology*. London.

Derchain, Ph. 1972: *Hathor Quadrifrons. Recherches sur la syntaxe d'un mythe égyptien*. Istanbul.

Dunand, Fr. 1990: *Catalogue des terres cuites gréco-romaines d'Égypte*. Paris.

Dvoretskiy, I.H. (ed.) 1958: *Drevnegrechesko-russkiy slovar'* [*Ancient Greek-Russian Dictionary*]. Vol. 1. Moscow.
Дворецкий, И.Х. (сост.). *Древнегреческо-русский словарь*. Т. 1. М.

Ewigleben, C., Grumbkow, J. von 1991: *Götter, Gräber und Grotesken. Tonfiguren aus dem Alltagsleben im römischen Ägypten*. Hamburg.

Fischer, J. 1994: *Griechisch-Römische Terrakotten aus Ägypten. Die Sammlungen Sieglin und Schreiber. Dresden, Leipzig, Stuttgart, Tübingen*. Tübingen.

Fjeldhagen, M. 1995: *Catalogue Graeco-Roman Terracottas from Egypt. Ny Carlsberg Glyptotek*. Copenhagen.

Fluck, C., Helmecke, G., O'Connell, E.R. (eds.) 2015: *Egypt: Faith After the Pharaoh*s. London.

Frankfurter, D. 1998: *Religion in Roman Egypt. Assimilation and Resistance*. Princeton.

Fraser, P.M. 1972: *Ptolemaic Alexandria*. Vol. I. Oxford.

Germont, P., Livet, J. 2001: *An Egyptian Bestiary: Animals in Life and Religion in the Land of the Pharaohs*. London.

Goddio, Fr., Fabre, D. (eds.) 2015: *Osiris. Mystères engloutis d'Égypte*. Paris.

Golenishchev, V.S. 1877: *Die Metternichstele in der Originalgrosse. Zum ersten Mal herausgegeben von W. Golénischeff*. Leipzig.

[Golenishchev V.S.] 1987: *Vydayushchiysya russkiy vostokoved V.S. Golenishchev i istoriya priobreteniya ego kollektsii v Musey Izyashchnykh Iskusstv (1908–1922)* [*Outstanding Russian Orientalist V.S. Golenishchev and the History of the Acquisition of his Collection at the Museum of Fine Arts (1908–1922)*]. Moscow.
Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей Изящных Искусств (1908–1922). (Из архива ГМИИ, вып. 3). М.

Griesbach, J. (Hrsg.) 2013: *GRYPTISCH: Griechisch–Ägyptisch. Tonfiguren vom Nil*. Würzburg.

Griffiths, J. Gw. (ed.) 1970: *Plutarch's De Iside et Osiride*. Cardiff.

Hagen, F., Ryholt, K. 2016: *The Antiquities Trade in Egypt 1880–1930. The H.O. Lange Papers*. Copenhagen.

Hodjash, S.I. 1960: [A wand and a toilet vessel depicting a scene of magical protection]. In: V.V. Struve (ed.), *Drevniy Egipet. Sbornik statey* [*Ancient Egypt. Digest of Articles*]. Moscow, 242–260.
Ходжаш, С.И. Жезл и туалетный сосуд с изображением сцены магической защиты. В сб.: В.В. Струве (ред.), *Древний Египет. Сборник статей*. М., 242–260.

Hodjash, S.I. 2004: *Izobrazheniya drevneegipetskogo boga Besa v sobranii Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina. Katalog* [*Images of the Ancient Egyptian God Bes in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. The Catalogue*]. Moscow.
Ходжаш, С.И. *Изображения древнеегипетского бога Бэса в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Каталог*. М.

Hogarth, D.G., Edgar, C.C., Gutch, C. 1898–1899: Excavations at Naukratis. *The Annual of the British School at Athens* 5, 26–97.
Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*. London–New York.
Hornung, E. 1979: *Das Totenbuch der Ägypter*. Zürich–München.
Iasenovskaia, A. 2019: [Three Neo-Assyrian Amulets from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. *Vostok (Oriens)* 6, 233–243.
Ясеновская, А.А. Новоассирийские амулеты из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина. *Восток (Oriens)* 6, 233–243.
Junker, H. 1911: *Der Auszug der Hathor-Tefnut aus Nubien*. Berlin.
Kaufmann, C.M. 1913: *Ägyptische Terrakotten der griechisch-römischen und koptischen Epoche*, *vorzugsweise aus der Oase el Faijum*. Kairo.
Korostovtsev, M.A. 1957: [Ancient Egyptian finds in the USSR]. *Vestnik istorii mirovoy kul'tury* [*Bulletin of the History of World Culture*] 2, 72–87.
Коростовцев, М.А. Древнеегипетские находки в СССР. *Вестник истории мировой культуры* 2, 72–87.
Krauskopf, I., Dahlinger, St.-Chr. 1988: Gorgo, Gorgones. In: *LIMC*. Vol. IV, 285–330.
Lauer, J.-Ph., Picard, Ch. 1955: *Les statues ptolémaïques du Sarapeion de Memphis*. Paris.
Malaise, M. 2004: Bes et la famille isiaque. *Chronique d'Egypte* 79 (157–158), 266–292.
Meeks, D. 1992: Le nom du dieu Bès et ses simplifications mythologiques. In: U. Luft (ed.), *The Intellectual Heritage of Egypt. Studies presented to L. Kákosy by Friends and Colleagues on the Occasion of his 60th Birthday*. (Studia Aegyptiaca, XIV). Budapest, 423–436.
Nachtergael, G. 1994: Statuettes en terre cuite de l'Égypte Gréco-Romaine. Recueil des signatures de coroplathes. In: M.-O. Jentel, G. Deschênes-Wagner (eds.), *Tranquillitas. Mélanges en l'honneure de Tran tam Tinh*. Quebéc, 413–433.
Nefyodkin, A.K. 2019: [Names of swords in ancient Greek literature and in modern historiography]. *Parabellum novum. Voenno-istoricheskiy zhurnal* [*Journal of History of Warfare*] 10 (43), 5–24.
Нефёдкин, А.К. Наименования мечей в древнегреческой литературе и в современной историографии. *Parabellum novum. Военно-исторический журнал* 10 (43), 5–24.
Otto, E. 1975: Amun. In: *LÄ*. Bd. I, 237–248.
Pavlov, V.V., Hodjash, S.I. 1985: *Egipetskaya plastika malykh form* [*Egyptian Plastic of Small Forms*]. Moscow.
Павлов, В.В., Ходжаш, С.И. *Египетская пластика малых форм*. М.
Pavlova, O.I. 1984: *Amon fivanskiy. Rannyaya istoriya kul'ta* [*Amon of Thebes. Early History of the Cult*]. Moscow.
Павлова, О.И. *Амон фиванский. Ранняя история культа*. М.
Perdrizet, P. 1921: *Les terres cuites grecques d'Égypte de la collection Fouquet*. Nancy–Paris.
Petrie, W.M.F. 1905: *Roman Ehnasya (Heracleopolis Magna) 1904.* London.
Price, C. 2018: *Ancient Egypt*. (Pocket Museum). London.
Quibell, J.E. 1898: *The Ramesseum and The Tomb of Ptah-hetep*. London.
Quibell, J.E. 1907: *Excavations at Saqqara (1905–1906)*. Le Caire.
Raven, M.J. 2019: *Egyptian Magic. The Quest for Thoth's Book of Secrets*. Cairo–New York.
Ritner, R.K. 2006: 'And each staff transformed into a snake': the serpent wand in Ancient Egypt. In: K. Szpakowska (ed.), *Through a Glass Darkly: Magic, Dreams & Prophecy in Ancient Egypt*. Swansea, 205–226.
Ritner, R.K. 2012: Household religion in Ancient Egypt. In: J. Bodel, S.M. Olyan (eds.), *Household and Family Religion in Antiquity*. Oxford (MA), 171–196.
Roeder, G. 1956: *Ägyptische Bronzefiguren*. (Mitteilungen aus der Ägyptischen Sammlung, Bd. 6/1). Berlin.
Romano, J.F. 1989: *The Bes-Image in Pharaonic Egypt*. New York.
Spiegelberg, W. 1929: Die Weihestatuette einer Wöchnerin. *Annales du Service des Antiquités de L'Égypte* 29, 162–165.
Szymańska, H. 2005: *Terres cuites d'Athribis*. Turnhout.
Tinh, T.T. 1986: Bes. In: *LIMC*. Vol. III, 98–108.
Tomashevich, O.V. 2014: [Ancient Egyptian god Horus and Saint George]. *Lanterna nostra. K yubileyu prof. I.L. Mayak* [*For the Anniversary of Prof. I.L. Mayak*]. Saint Petersburg, 23–33.

Томашевич, О.В. Древнеегипетский бог Хор и святой Георгий. *Lanterna nostra. К юбилею проф. И.Л. Маяк*. СПб., 23–33.
Török, L. *Hellenistic and Roman Terracottas in Egypt*. Roma, 1995.
Vink, F. 2016: Boundaries of protection. Function and significance of the framing (lines) on Middle Kingdom apotropaia, in particular magic wands. In: G. Miniaci, W. Grajetzki (eds.), *The World of Middle Kingdom Egypt (2000–1550 BC): Contributions on Archaeology, Art, Religion, and Written Sources*. Vol. II. London, 257–284.
Volokhine, Yu. 2003: Une representation de Bès armé. *Bulletin de la Société d'égyptologie de Genève* 25, 153–164.
Volokhine, Yu. 2010: Quelques aspects de Bès dans les temples égyptiens de l'époque Gréco-romaines. In: L. Bricault, M. Versluys (eds.), *Isis on the Nile. Egyptian Gods in Hellenistic and Roman Egypt. Proceedings of the 4th International Conference of Isis Studies, Liège, November 27–29, 2008*. Leiden–Boston, 233–255.
Wainwright, G.A. 1934: Some aspects of Amūn. *Journal of Egyptian Archaeology* 20/3–4, 139–153.
Walle, B. van de 1976: Le catalogue de la collection Ch. Bogaert. *Chronique* d'Égypte 51 (101), 47–57.
Weber, W. 1914: *Die ägyptisch-griechischen Terrakotten*. (Königliche Museen zu Berlin. Mitteilungen aus der ägyptischen Sammlung, II). Berlin.
Wildung, D., Grimm, G. (Hrsg.) 1979: *Götter und Pharaonen. Roemer- und Pelizaeus-Museum Hildesheim. 29. Mai – 16. September 1979*. Mainz–Rhein.
Wilkinson, R.H. 1999: *Symbol and Magic in Egyptian Art*. London.
Wilkinson, R.H. 2003: *The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt*. Cairo.
Willems, H., Clarysse, W. (eds.) 2000: *Les Empereurs du Nil*. Paris.
Ziegler, K. 1912: Gorgo 1. In: *RE*. Hlbd. 14, 1630–1655.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 473–484
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 473–484
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910020347-4

ИСТОРИЯ САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ СТАТЬИ С.А. ЖЕБЕЛЁВА, РАССКАЗАННАЯ ЕЕ АВТОРОМ. ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ «ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИСАД И СКИФСКОЕ ВОССТАНИЕ НА БОСПОРЕ»

М. Н. Кириллова

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия

E-mail: mnkirillowa@bmstu.ru

ORCID: 0000-0001-9029-5727

«Открытие» С.А. Жебелёвым восстания Савмака было важным событием для советской историографии античности 1930-х годов. Оно также изменило статус его автора: переживший в конце 1920-х травлю Жебелёв в одночасье сделался классиком советской науки. В статье публикуется рассказ самого С.А. Жебелёва об обстоятельствах написания и первых публикациях этой гипотезы. Он позволяет реконструировать особенности функционирования советской науки того времени, а также личное отношение Жебелёва к описываемым событиям.

Ключевые слова: С.А. Жебелёв, ГАИМК, советская историография, восстание Савмака

Данные об авторе. Мария Николаевна Кириллова – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, доцент кафедры истории МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки культуры и образования в 1917–1947 гг.». Автор благодарит И.А. Ладынина за помощь и обсуждение отдельных вопросов, И.В. Тункину – за важные замечания и исправления, сделанные в ходе подготовки этой статьи к публикации.

THE STORY OF ZHEBELEV'S BEST KNOWN ARTICLE AS TOLD BY ITS AUTHOR.

A Postscript to 'The Last Paerisades and the Scythian Revolt in the Bosporan Kingdom'

Maria N. Kirillova

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

E-mail: mnkirillowa@bmstu.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 18-18-00367

Reconstruction of Saumacus' revolt, proposed by S.A. Zhebelev, was a key event for the Soviet historical scholarship in the 1930s. It also influenced the life of its author: Zhebelev, who experienced persecution in the late 1920s, after the publication of this hypothesis became a living classic of Soviet historiography. The article publishes a document where S.A. Zhebelev himself described the circumstances of writing and of the first publications of this hypothesis. It allows reconstructing the features of Soviet classical studies of that time, as well as Zhebelev's personal attitude to the events described.

Keywords: S.A. Zhebelev, State Academy of History of Material Culture, Soviet historiography, revolt of Saumacus

Статье «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» суждено было основательно повлиять и на ход научной дискуссии об истории Северного Причерноморья в древности, и на жизнь своего автора. В этой статье С.А. Жебелёв на материале декрета в честь Диофанта[1] выдвинул гипотезу, согласно которой в 108–107 гг. до н.э. на Боспоре произошло восстание рабов, возглавляемое скифским рабом Савмаком, выросшим при дворе Перисада V, последнего представителя династии Спартокидов.

Эта интерпретация Жебелёвым материала декрета, впервые опубликованная в 1932 г. в виде небольшой заметки, оказалась очень актуальной для советской науки того времени, поскольку построения Жебелёва согласовались с прозвучавшим ранее высказыванием Сталина о революции рабов[2]. В 1933 г. была опубли-

[1] Сложности при интерпретации сведений декрета в честь Диофанта (*Syll*[3] 709 = *IOSPE*[3] III 8) стали причиной длительной дискуссии, которая из-за не связанных непосредственно с эпиграфикой обстоятельств получилась в отечественной историографии особенно острой. Об обсуждении эпиграфистами декрета в честь Диофанта и идеи Жебелёва см. статьи А.К. Гаврилова (Gavrilov 1992; 2010; 2016), также Buklagina 2018.

[2] Достаточно однозначно на этот счет высказывается Каллистов: «Мысли товарища Сталина о причинах гибели рабовладельческого общества под влиянием революции рабов изнутри и удара варваров извне благодаря этому исследованию получают новое конкретное подтверждение на примере истории Боспора этого времени» (Kallistov 1940, 171). О самой цитате из речи Сталина, так повлиявшей на советскую историографию древнего мира 1930-х, см. Krikh 2014.

кована полноценная статья о восстании Савмака, причем она вышла отдельной брошюрой с предисловием А.Г. Пригожина[3]. В 1938 г. эта статья была переиздана в «Вестнике древней истории» «ввиду большого интереса» и ограниченного тиража издания 1933 г., как поясняется в редакторском примечании[4]. Кроме того, в 1936 г. она вышла во французском переводе[5].

Не в малой степени именно это исследование сделало Жебелёва классиком советской историографии античности. Так, 50-летний юбилей научно-исследовательской деятельности Жебелёва широко освещался в первом номере «Вестника древней истории» за 1940 г. Помимо поздравления, подписанного виднейшими функционерами советской исторической науки, были опубликованы три статьи, посвященные научному творчеству Жебелёва, – И.И. Толстого, Д.П. Каллистова и Б.Д. Грекова, и во всех трех упоминалась его работа о восстании Савмака[6]. Более того, статья Грекова так и называлась – «Значение работы С.А. Жебелёва “Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре” для истории нашей страны».

Положение, достигнутое Жебелёвым не в последнюю очередь благодаря статье о «последнем Перисаде», контрастировало с ситуацией конца 1920-х годов. Тогда Жебелёв за публикацию в одном сборнике с М.И. Ростовцевым и за слова о «лихолетье», погубившем их общего друга, академика Якова Ивановича Смирнова (имелся в виду голод времен Гражданской войны), был подвергнут кампании осуждения[7]. Неспокойным для него было и время «чистки» ГАИМК весной 1930 г.[8] Однако после публикации статьи о «последнем Перисаде» про эти эпизоды, казалось, уже никто не вспоминал. По мнению Э.Д. Фролова, «идейную лояльность он должен был подтвердить публикацией работ, выполненных в марксистском духе. Именно в этом русле родилось его исследование о восстании Савмака на Боспоре»[9]. С точки зрения С.Г. Карпюка и О.В. Кулишовой, Жебелёв подстроился под эпоху, «наученный горьким опытом “академического дела”»[10]. В то же время, как отмечает А.К. Гаврилов, аргументы Жебелёва, приведенные им в поддержку своей гипотезы, должны были казаться серьезными, и его работу не стоит воспринимать как «поделку, выполненную по идеологическому заказу»[11].

---

[3] Zhebelev 1933.

[4] Zhebelev 1938, 49. В этом варианте Жебелёв кратко, но резко отреагировал на критику своей гипотезы А.С. Коцеваловым, см. Zhebelev 1938, 71.

[5] Žébélev 1936. Уже после смерти Жебелёва она вошла в сборник его статей по истории Северного Причерноморья и сборник избранных статей, изданный к 60-летию «Вестника древней истории» (см. Zhebelev 1953, 82–115; 1997).

[6] Tolstoy 1940, 165; Kalistov 1940, 171; Grekov 1940.

[7] См. подробнее о «деле Жебелёва» Tunkina 2000; Shishkin 2003.

[8] Platonova 2010, 232–233; Ananiev, Bukharin 2020. О непростом положении Жебелёва в системе советской науки см. его собственное свидетельство: Frolov, Tunkina 1993, 187.

[9] Frolov 2000, 24. Безусловно, к подобным работам можно отнести составление сборника источников об античном способе производства (Zhebelev, Kovalev 1933) и совместную с С.И. Ковалевым статью о рабских восстаниях (Zhebelev, Kovalev 1934).

[10] Karpyuk, Kulishova 2018, 93.

[11] Gavrilov 1992, 58.

Действительно, с одной стороны, статья «Последний Перисад...» примечательна открытием восстания рабов, которое «было одним из звеньев той длинной цепи рабских восстаний, которые вспыхивали и иногда были очень грозными, в конце II в.»[12]. Однако сама статья представляет собой подробный анализ сведений о ситуации, сложившейся на Боспоре в конце II в. до н.э., а основное доказательство рабского происхождения Савмака, лидера восстания,– интерпретация Жебелёвым глагола ἐκτρέφειν, который, с его точки зрения, употреблен в специальном значении и указывает на раба, выращенного в доме своего хозяина[13]. В этой связи неудивительно, что к статье в 1933 г. было добавлено «Предисловие» А.Г. Пригожина[14], в котором более определенно были расставлены «правильные» идеологические акценты: в нем говорится о концепции «революции рабов», которую поддерживает идея Жебелёва, а также о том, что в статье есть критика «буржуазной и фашистской историографии», и особенно М.И. Ростовцева, за его «фальсификаторскую деятельность в области истории античности»[15]. Естественно, в самой статье таких обвинений в адрес Ростовцева не содержалось.

Судя по всему, наличию этого «Предисловия», а также слухам, которые, вероятно, циркулировали вокруг его статьи[16], сам Жебелёв придавал определенное значение, поэтому он счел нужным изложить историю появления у него гипотезы о рабском происхождении Савмака и первых ее публикаций. Фонд С.А. Жебелёва в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) содержит до сих пор не опубликованный документ[17], озаглавленный «Послесловие к статье “Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре”» (СПбФ АРАН. Ф.729. Оп. 1. Д. 19), в котором на трех небольших листах Жебелёв раскрывает обстоятельства, связанные с появлением этой статьи. Текст, написанный от руки практически без помарок, не везде стилистически безупречен, что наводит на мысль, что Жебелёв сразу писал ее начисто без черновика. При повторном прочтении он внес на поля исправления и дополнения, по-видимому, стремясь сделать текст более понятным потенциальному читателю.

Этим потенциальным читателем, очевидно, должен был быть некто, кто обратился бы к архиву Жебелёва уже после его смерти, иными словами, академик конструировал свой образ для потомков. В его случае приходится говорить

---

[12] Zhebelev 1933, 34.

[13] Zhebelev 1933, 28.

[14] Пригожин, Абрам Григорьевич (1896–1937) – советский историк. Член «Бунда» (1916–1917), член РКП(б) с 1918 г., участник Гражданской войны, отличался политической активностью в 1920-е годы. Едва ли случайно Жебелёв упоминает о начале его работы в ГАИМК в 1933 г.: это указание на то, что Пригожин – «новый» человек, пришедший в институт после кадровых чисток. Член президиума, заместитель председателя ГАИМК, с 1934 г.– директор МИФЛИ. Дважды арестован – в 1935 и 1937 г., расстрелян в 1937 г.

[15] Zhebelev 1933, 8.

[16] Факт существования этих слухов и их характер можно с оговорками восстановить по материалам воспоминаний сына антиковеда С.Я. Лурье, литературоведа Я.С. Лурье: Luria 2004, 204.

[17] Его упоминает в своей статье А.К. Гаврилов, см. Gavrilov 1992, 58–59.

о целой серии документов автобиографического характера, не предназначенных для прижизненной печати: часть из них, например «Автонекролог» и предисловие к нему[18], записка «Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем»[19], уже были опубликованы, текст «Послесловия» мы приводим в настоящей публикации, а заметка о работе над хрестоматией «Античный способ производства в источниках» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 25) еще ждет своего исследователя. Примечательно также, что все эти документы были составлены в довольно короткий промежуток времени: с 1932 по 1935 г. Очевидно, это обстоятельство маркирует, среди прочего, невозможность более открыто высказаться о происходящих в советской науке процессах и своем отношении к ним.

В записке об истории создания «Последнего Перисада...» Жебелёв излагает свою версию событий, в которой он всячески открещивается от внешнего влияния, специально оговаривая, что свою теорию он сформулировал задолго до произнесения Сталиным речи о «революции рабов». «Предисловию» посвящена треть заметки. Жебелёв стремится объяснить, почему он допустил его появление: он передает детали разговора с его автором, А.Г. Пригожиным, которого он просил убрать некоторые вещи, сказанные о Ростовцеве. В целом, однако, Жебелёв отнюдь не собирается оправдываться, а связывает свою статью с традициями школы Ф.Ф. Соколова[20]. Косвенно он стремится возложить ответственность за продвижение своей статьи на руководство ГАИМК в лице прежде всего Ф.Б. Кипарисова[21], С.Н. Быковского[22], отчасти и других. В этой связи данный документ

---

[18] Frolov, Tunkina 1993.

[19] Tunkina 2002. В какой-то степени к этой группе документов можно отнести «Завещание», доступное на сайте СПбФ АРАН. См. URL: http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/783/ (дата обращения 03.05.2022).

[20] Соколов, Фёдор Фёдорович (1841–1909) – историк, филолог и эпиграфист. Его высказыванием Жебелёв предваряет свой разбор декрета в честь Диофанта в «Последнем Перисаде...»: «Текст авторов поздних и неточных не должно принимать слишком буквально и точно и слишком много выводить из фраз необдуманных, случайных; наоборот, текст официальных актов, надписей, должно толковать самым близким и точным образом» (Zhebelev 1933, 17).

[21] Кипарисов, Фёдор Васильевич (1886–1936) – историк, филолог и археолог. Член РСДРП(б) с 1905 г. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета, откуда был исключен за участие в работе подпольной организации (1908), в итоге в 1915 г. окончил историко-филологический факультет Петроградского университета, был учеником С.А. Жебелёва. Сменил Жебелёва на должности товарища председателя ГАИМК после «дела» 1928 г., первый заместитель председателя ГАИМК с 1929 до 1936 г.; на этом посту стремился доказать власти практическую пользу и важность археологии. Арестован и расстрелян осенью 1936 г. См. Platonova 2013; Zastorozhnova 2017, 421; Pankratova 2020.

[22] Быковский, Сергей Николаевич (1896–1936) – историк, этнограф, один из активных сторонников марризма. Член ВКП(б) с 1918 г. Работал в ГАИМК с 1929 по 1934 г., с 1932 – заместитель председателя, в январе–феврале 1934 г. – заведующий кафедрой доклассового общества. С февраля 1934 г. работал в Институте археологии и этнографии АН СССР. В 1936 г. арестован и расстрелян. См. Vasil'kov, Sorokina 2003; Pankratova 2020, 735.

интересен не только как мемуарное свидетельство, дополняющее наши представления о С.А. Жебелёве, но и как источник сведений о расстановке сил в ГАИМК в 1933–1934 гг., в период, когда там велась активная работа по формированию «советской» истории древности.

Текст публикуется по автографу С.А. Жебелёва с авторской правкой. Имеющиеся на полях документа дополнения и уточнения включены в основной текст без оговорок, слова, пропущенные автором, но необходимые по смыслу, заключены в квадратные скобки, авторские сокращения, не имеющие другого толкования, раскрыты публикатором.

С.А. ЖЕБЕЛЁВ

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ «ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИСАД И СКИФСКОЕ ВОССТАНИЕ НА БОСПОРЕ»

Известия ГАИМК, № 70, Л. 1933

Занятия историей Боспора привели меня к внимательному изучению Херсонесской надписи Диофанта, которую и ранее я читал много раз и объяснял ее так, как объясняли и мои предшественники. Пришел я к новому пониманию надписи случайно. Однажды, направляясь в ГАИМК[23] и обдумывая по дороге, почему составитель надписи употребил встречающееся в ней выражение ἐκθρέψαντα, я вспомнил θρεπτός, и это сопоставление обоих терминов привело меня к мысли, что, следовательно, боспорская революция представляла собой не дворцовый переворот, а была восстанием скифских рабов. Поддержку своей мысли я нашел в исторической ситуации, характерной для того времени, к которому относится надпись и которое полно рабских восстаний в различных местах. С рабскими же восстаниями я должен был ознакомиться по источникам в ту пору, когда редактировал переводы в хрестоматии об античном способе производства[24].

В октябре 1932 г. я прочел доклад в бригаде[25] по античному способу производства ГАИМК и познакомил немногочисленных своих слушателей с результатами своей работы. Мой доклад ни с чьей стороны ни возражений, ни замечаний не встретил, и основные его выводы были приняты. Более того: решено было, чтобы я повторил свой доклад в пленарном заседании всего античного сектора. И на этом заседании, на котором присутствовал и один из заместителей председателя ГАИМК, Кипарисов, встречен был с полным одобрением, причем, когда председатель сектора Ковалев[26]

---

[23] Российская академия истории материальной культуры была основана в 1919 г. на базе Российской государственной археологической комиссии по инициативе Н.Я. Марра. В 1926 г. был принят новый устав, и академия из российской была переименована в государственную (ГАИМК), см. Dluzhnevskaya 2006, 131. В 1929–1933 гг. ГАИМК переживала реорганизацию, выразившуюся как в кадровой «чистке», так и в структурных преобразованиях, см. Platonova 2010, 232–235. С.А. Жебелёв работал в РАИМК-ГАИМК с момента ее основания в 1919 г.

[24] Zhebelev, Kovalev 1933.

[25] Работа в «бригаде» предполагала выступление и последующее обсуждение выдвинутой гипотезы. По итогам необходимо было сделать вывод о ее правильности или ошибочности, даже если поднятая проблема была далека от своего разрешения. См. Skvortsov 2015, 199.

[26] Ковалёв, Сергей Иванович (1886–1960) – советский историк. Поступил на работу в ГАИМК в 1930 г. уже после «чистки», с 1930 до 1937 г. возглавлял сектор истории древнего мира ГАИМК. Арестован в 1938 г., освобожден в 1940 г.

заметил, что метод моей работы должны учесть молодые работники сектора, один из членов сектора Крюгер[27] (из числа моих «приятелей») громогласно заметил: не только молодые, но и старые – пикантность этого замечания Крюгера станет особенно примечательной, когда читатель познакомится, как потом Крюгер «покрыл» меня на чистке ГАИМК. Но об этом в другом месте.

В промежутке между обоими упомянутыми заседаниями другой заместитель председателя ГАИМК, Быковский, просил меня дать какую-либо статью для того [номера] редактируемых им «Сообщений» ГАИМК, имеющего быть посвященным 15-летию революции Октябрьской. Я сказал, что могу предложить только краткое изложение своего доклада, если это приемлемо. Быковской одобрил мое намерение, и моя статейка под заглавием «Первые революционные восстания на территории СССР – историческая справка» появилась в № 9–10 «Сообщений» за 1932 г.[28]

Некоторое время я не понимал, почему мой доклад вызвал «сенсацию». После короткого разговора во дворе ГАИМК с Быковским я понял это. Оказывается, я как раз вовремя «открыл» еще одно восстание рабов, да притом на территории СССР. Когда я выразил недоумение на своем лице, Быковский заметил: «Как же! А речь Сталина?» Каюсь, я речи этой не читал (она была произнесена, кажется, на собрании колхозников), но одна фраза в этой речи, напечатанная белыми буквами на красном полотнище, [которая] и поныне украшает залу заседаний античного сектора ГАИМК, объяснила мне все. Вот эта фраза: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся». Тогда только стал мне понятен «успех» моего доклада, хотя, как оказалось, он был прочитан до того, как речь Сталина была произнесена.

Желая проверить правильность и приемлемость основной мысли моей работы, я предполагал опубликовать ее на одном из иностранных языков (тогда я думал о немецком), чтобы тем самым отдать свою работу на общенародный суд. Однако Кипарисов непременно желал, чтобы моя работа появилась сначала в [томе] Известий ГАИМК, и я на это счел своим долгом согласиться. Я только поставил Кипарисову одно условие: статья моя должна быть набрана в течение полугода с момента предоставления рукописи. Кипарисов обещал и свое слово сдержал. Рукопись я доставил в феврале, а в течение мая читал уже корректуры – одну в гранках, две в верстке. Последнюю сверстанную корректуру я подписал к печати.

В июне проходило в ГАИМК, в течение нескольких дней, заседание пленума. Во время одного из этих заседаний (оно происходило 4 июня)[29], на котором только я и присутствовал, третий заместитель председателя, Пригожин (поступил на службу

---

[27] Крюгер, Отто Оскарович (1893–1967) – историк, филолог-классик, папиролог, эпиграфист. В 1919 г. окончил историко-филологический факультет Петроградского университета, работал в ГАИМК с мая 1920 г. Крюгер относился к числу ученых, стремившихся приспособиться к новым условиям и новой методологии, см. Tunkina 1997, 95. В 1929–1933 гг. был членом ВКП(б) (исключен из партии за пассивность, см. Tunkina 2002, 168). С сентября 1936 по август 1937 г. – временно исполняющий обязанности председателя ГАИМК, в октябре того же года, уже после преобразования ГАИМК в Институт истории материальной культуры, был арестован, вернулся в Ленинград в 1956 г. См. Vinogradov 2013, Formozov 2006, 248. В записке «Учёные степени в их прошлом...» Жебелёв дает очень сдержанную характеристику Крюгеру как ученому, см. Tunkina 2002, 167. Далее по тексту Жебелёв иронически называет Крюгера «приятелем», вспоминая о его участии в «чистке» ГАИМК.

[28] Zhebelev 1932.

[29] Примечательно, что 4 июня 1933 г. состоялось открытое заседание сектора рабовладельческой формации ГАИМК, на котором А.Г. Пригожин был председателем.

[в] ГАИМК с января 1933 г.) просил меня прочитать написанное им «предисловие» к моей работе. О том, что таковое предисловие предполагалось поместить, мне до того не было известно. Первою моею мыслью, когда я ознакомился с предисловием, было просить не печатать моей работы. Но тогда возник бы «скандал», да и, чего доброго, меня бы заставили уплатить расходы на набор и корректуру, которая, кстати сказать, была очень сложной, так как мою работу набирали наборщики безобразно, и на исправления их небрежностей я потратил очень много времени. К тому же, думалось мне, предисловие Пригожиным подписано, и он за него будет отвечать. Одним словом, припертый, что называется, к стене, я согласился на помещение предисловия, но категорически потребовал изменений некоторых мест в последнем абзаце предисловия, в той части, где речь идет о Ростовцеве. Основываясь на моих примечаниях на стр. 30 и 31 работы, где я говорю, между прочим, о том, что мнение Ростовцева, будто на статере Ака[30] последний выглядит скифом или сарматом, базируется лишь на том, что Ростовцев видел изображение статера лишь на плохом рисунке Chabouillet[31] – основываясь лишь на всем этом, Пригожин вывел заключение, что Ростовцев «пользуется источниками из вторых рук». По этому поводу я заметил Пригожину, что предъявляемое им обвинение Ростовцеву несправедливо само по себе, что пользование источниками из вторых рук – тяжкое обвинение даже по адресу начинающего ученого, тем более оно тяжко по адресу такого крупного, в полном смысле мирового ученого, которым является Ростовцев. По поводу этого моего примера у меня с Пригожиным произошел краткий диалог, воспроизводимый мною почти буквально. Пригожин: По адресу такого господина, как Ростовцев, я готов даже передернуть. Жебелёв: А знаете, Абрам Григорьевич, что прежде делали за передержку? Пригожин: Что? Жебелёв: Тех, кто позволял себе передержку, били. Пригожин: Что Вы возитесь с Ростовцевым? Он – эрудит, и ничего больше. Жебелёв: Да, и этот эрудит срезал бы Вас на экзамене при переводе с первого курса на второй. Пригожин: И я бы его срезал. Жебелёв: Вы срезали бы его на его методологии, а он срезал бы Вас на незнании основных фактов. Пригожин: Из-за Ростовцева нам готовят войну. Жебелёв: Коля[32], жалею, что нашего разговора не может слышать Ростовцев. Как бы он возликовал, что из-за него готовят нам войну... На этом разговор окончился. Пригожин обещал уничтожить пассаж о пользовании источником из вторых рук, что и исполнил в напечатанном тексте. Мне же он думал отомстить тем, что в печатном тексте прибавил: «Жебелёв не являясь историком-марксистом», чего в рукописном предисловии не

---

[30] Статер Ака – статер, приобретенный кабинетом медалей Национальной библиотеки Франции в 1865 г.; по словам продавца, он был найден в районе Трапезунда. На реверсе статера помещена легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΟΥ. См. Chabouillet 1866, 1–4. В настоящее время считается, что на статере изображен царь Колхиды Ака (Акусилох), см. Saprykin 1996, 81.

[31] Chabouillet 1866, pl. 1.

[32] Не вполне ясно, кого в данном контексте Жебелёв называет «Колей»: из описания разговора с Пригожиным складывается впечатление, что он происходил наедине, к Пригожину он обращается «Абрам Григорьевич». Свою ошибку Жебелёв мог исправить, как и в других случаях, припиской на полях, однако почему-то он этого не сделал. Приходится предположить присутствие во время разговора третьего лица, не упомянутого Жебелёвым случайно или вполне осознанно. Пожалуй, наиболее правдоподобной кандидатурой в этом случае был бы Н.Я. Марр, с которым Жебелёва связывали давние дружеские связи. К тому же реплика Жебелёва характеризует личные качества Ростовцева, которого Марр также знал лично и потому мог представить, о чем идет речь.

было. Но за эту прибавку я на Пригожина не в претензии. В свою очередь, я пометил на заглавном листе «С предисловием А.Г. Пригожина». Suum cuique[33].

Еще два мелких штриха. Первоначальное заглавие моей работы «Последний Перисад и скифская революция на Боспоре» оказалось измененным редакцией [на] «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре». Перемену заглавия в издательстве ГАИМК мне пояснили тем, что революция оказалась неудачной, а потому лучше назвать ее просто «восстанием». Против этого я ничего не имею. Так как, в сущности, это и было восстание.

У меня в тексте стояло «рабы получили заслуженное наказание». «Заслуженное» оказалось измененным на «должное». Может быть, имеются и другие редакционные изменения, но я не могу их указать, так как рукопись моя осталась в издательстве ГАИМК.

Подвел меня корректор издательства. Он в подписанной мною к печати корректуре стал делать изменения орфографического характера, и притом в греческих словах. Поэтому 27-я и 28-я[34] страницы моей статьи пестрят опечатками не по моей вине.– Но все хорошо, что хорошо кончается.

Мне моя работа, если со своим основным выводом я не сел в лужу, доставила большое удовольствие, и вот по какой причине. Путем точной филологической интерпретации мне удалось восстановить исторический факт – пусть мелкий, но все же факт. Будучи по пройденной мной школе «фактопоклонником»[35], я доволен, что не посрамил главу этой школы, моего учителя Ф.Ф. Соколова, который, если мои выводы правильны, похвалил бы меня от чистого сердца и сказал бы: вот, молодец. Но теперь решать, «молодец» ли я, будет не он, а другие.

2 января 1934

СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 19. Автограф С.А. Жебелёва

Литература / References

Ananiev, V.G., Bukharin, M.D. 2020: [S.A. Zhebelev in the system of Soviet science (based on new archival findings). Pt. II. 1927–1932]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 80/3, 753–774.
Ананьев, В.Г., Бухарин, М.Д. С.А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам архивных документов). Ч. II. 1927–1932. *ВДИ* 80/3, 753–774.

Buklagina, I.S. 2018: [Decree in honor of Diophantos in the context of Scythian-Bosporan relations]. In: *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXII. Materialy chteniy, posvyashchennykh pamyati professora I.M. Tronskogo* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology – XXII. Proceedings of the 22nd Conference in Memory of Professor J.M. Tronsky*]. Part 1. Saint Petersburg, 258–266.
Буклагина, И.С. Декрет в честь Диофанта в контексте скифо-боспорских отношений. В сб.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского*. 1-й полутом. СПб., 258–266.

Chabouillet, A. 1866: *Dissertation sur un statère d'or du roi inconnu Acès ou Acas.* Paris.

Dluzhnevskaya, G.V. 2006: [The activities of the Academy for the history of material culture in the field of oriental studies in 1919–1940]. *Vostochnyy arkhiv* [*Oriental Archive*] 14–15, 128–138.
Длужневская, Г.В. Деятельность Академии истории материальной культуры в области востоковедения в 1919–1940 гг. *Восточный архив* 14–15, 128–138.

Formozov, A.A. 2006: *Russkie arkheologi v period totalitarizma: istoriograficheskie ocherki* [*Russian Archaologists in Totalitarian Russia: Historiographical Studies*]. Moscow.
Формозов, А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки*. М.

[33] «Каждому свое» (лат.).

[34] Это обстоятельство должно было задевать Жебелёва, поскольку именно на этих страницах приводятся доказательства в пользу рабского происхождения Савмака.

[35] «Фактопоклонниками» называли себя ученики Ф.Ф. Соколова, а также Н.П. Кондакова. См. более подробно Kirillova 2020.

Frolov, E.D. 2000: [Sergey Alexandrovich Zhebelev] In: *Portrety istorikov. Vremya i sud'by*. T. 2. *Vseobshchaya istoriya* [*Portraits of Historians. Time and Destiny*. T. 2. *Global History*]. Moscow–Jerusalem, 16–27.
Фролов, Э.Д. Сергей Александрович Жебелёв. В сб.: *Портреты историков. Время и судьбы*. Т. 2. *Всеобщая история*. Москва–Иерусалим, 16–27.

Frolov, E.D., Tunkina, I.V. 1993: [Historiographic studies of S.A. Zhebelev (from the unpublished scienfitic heritage): Zhebelev S.A. Self-made obituary notice]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 172–201.
Фролов, Э.Д., Тункина, И.В. Историографические этюды С.А. Жебелёва (из неизданного научного наследия): Жебелёв С.А. Автонекролог. *ВДИ* 2, 172–201.

Gavrilov, A.K. 1992: [Scythians of Saumacus: uprising or invasion? (IPE I2 352–Syll.^{3} 709)]. In: A.K. Gavrilov (ed.), *Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya* [*Studies in History and Culture of the Northern Black Sea Region in Antiquity*]. Saint Petersburg, 53–73.
Гаврилов, А.К. Скифы Савмака – восстание или вторжение? (IPE I^2 352–Syll.^{3} 709). В сб.: А.К. Гаврилов (ред.), *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб., 53–73.

Gavrilov, A.K. 2010: [Scythians of Saumacus: uprising or invasion?] (IPE I^2 352–Syll.3 709). In: A.K. Gavrilov, *O filologakh i filologii: stat'i i vystupleniya raznykh let* [*On Philologists and Philology: Articles and Speeches of Various Years*]. Saint Petersburg, 293–306.
Гаврилов, А.К. Скифы Савмака – восстание или вторжение? (IPE I^2 352–Syll.3 709). В сб.: А.К. Гаврилов, *О филологах и филологии: статьи и выступления разных лет*. СПб., 293–306.

Gavrilov, A.K. 2016: Ein zweiter epigraphischer Beleg für den Skythen Saumakos (IOSPE I^2 353)? *Hyperboreus* 22/2, 270–281.

Grekov, B.D. 1940: [The importance for the history of our country of the article «The last Paerisades and Scythian revolt in the Bosporan Kingdom» by S.A. Zhebelev]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 173–176.
Греков, Б.Д. Значение работы С.А. Жебелёва «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны. *ВДИ* 1, 173–176.

Kallistov, D.P. 1940: [The role of academician Sergey Alexandrovich Zhebelev in studying the ancient North Black Sea region]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 168–173.
Каллистов, Д.П. Роль академика Сергея Александровича Жебелёва в исследовании Северного Причерноморья античного времени. *ВДИ* 1, 168–173.

Karpyuk, S.G., Kulishova, O.V. 2018: [Last years of S.A. Zhebelyov, member of the Academy: shorthand record of the academic meeting in Tashkent, January 31, 1942]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 78/1, 88–112.
Карпюк, С.Г., Кулишова, О.В. Академик С.А. Жебелёв, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. *ВДИ* 78/1, 88–112.

Kirillova, M.N. 2020: ["I'm a factlover": Sergey Zhebelev and Soviet ancient history in the early 1930s]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»* [*On-Line Journal of Education and Science "History"*] 11/1(87). URL: https://history.jes.su/s207987840008205-4-1/; accessed on: 16.05.2022.
Кириллова, М.Н. «Я – фактопоклонник»: С.А. Жебелёв и советская наука о древности в начале 1930-х гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* Т. 11. Вып. 1(87). URL: https://history.jes.su/s207987840008205-4-1/; дата обращения: 16.05.2022.

Krikh, S.B. 2014: [A story of one quotation. From what source "revolution of slaves" had its beginning?]. *Rodina* [*Motherland*] 6, 16–20.
Крих, С.Б. История одной цитаты: откуда есть пошла «революция рабов». *Родина* 6, 16–20.

Luria, Ya.S. 2004: *Istoria odnoy zhizni* [*A Story of One Life*]. Saint Petersburg.
Лурье, Я.С. *История одной жизни*. СПб.

Pankratova, E.G. 2020: [F.V. Kiparisov, the last chairman of the State academy of history of material culture (new materials for the biography)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 80/3, 728–752.
Панкратова, Е.Г. Последний председатель ГАИМК – Ф.В. Кипарисов (новые материалы к биографии). *ВДИ* 80/3, 728–752.

Platonova, N.I. 2010: *Istoriya arkheologicheskoy mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX veka* [*A History of Archaeological Thought in Russia (1850s – Early 1930s)*]. Saint Petersburg.
Платонова, Н.И. *История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века*. СПб.

Platonova, N.I. 2013: [Fedor Vasil'evich Kiparisov, the chairman of the State Academy for the history of material culture during 1935–1936]. In: E.N. Nosov (ed.), *Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014)* [*Academic Archaeology on the Shores of the Neva (from the Russian Academy for the History of Material Culture to the Institute for the Material Culture History of the Russian Academy of Sciences, 1919–2014)*]. Saint Petersburg, 19–22.
Платонова, Н.И. Фёдор Васильевич Кипарисов – председатель ГАИМК в 1935–1936 гг. В сб.: Е.Н. Носов (ред.), *Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014)*. СПб., 19–22.

Saprykin, S. Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Kingdom of Pontus: The State of Greeks and Barbarians in the Black Sea Littoral*]. Moscow.
Сапрыкин, С.Ю. *Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье*. М.

Shishkin, V.A. 2003: [S.A. Zhebelev, member of the Academy, and his conflict with the party and scientific bureaucracy (1928)]. In: E.I. Kolchinskiy, I.P. Medvedev (eds.), *Russkaya nauka v biograficheskikh ocherkakh* [*Russian Science in Biographical Studies*]. Saint Petersburg, 288–285.
Шишкин, В.А. Академик С.А. Жебелёв и его конфликт с партией и научной бюрократией (1928 г.). В сб.: Э.И. Колчинский, И.П. Медведев (ред.), *Русская наука в биографических очерках*. СПб., 288–285.

Skvortsov, A.M. 2015: [The role of GAIMK in forming of Soviet ancient history]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [*Journal of Chelyabinsk State University. History*] 24/66, 197–201.
Скворцов, А.М. Роль ГАИМК в становлении советского антиковедения. *Вестник Челябинского государственного университета. История* 24/66, 197–201.

Tolstoy, I.I. 1940: [Academician Sergey Aleksandrovich Zhebelev in the development of Russian historiography of ancient world]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 162–168.
Толстой, И.И. Академик Сергей Александрович Жебелёв в развитии русской историографии по античности. *ВДИ* 1, 162–168.

Tunkina, I.V. 1997: [M. Rostovtzeff and the Russian Academy of Sciences]. In: G.M. Bongard-Levin (ed.), *Skifskiy roman* [*Scythian Novel*]. Moscow, 84–123.
Тункина, И.В. М.И. Ростовцев и Российская Академия наук. В сб.: Г.М. Бонгард-Левин (ред.), *Скифский роман*. М., 84–123.

Tunkina, I.V. 2000: ["The case" of academician Zhebelev]. *Drevniy mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* [*Ancient World and Us: Classical Legacy in Europe and Russia*]. Issue 2. Saint Petersburg, 116–161.
Тункина, И.В. «Дело» академика С.А. Жебелёва. В сб.: *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России*. Вып. 2. СПб., 116–161.

Tunkina, I.V. 2002: [From the scientific heritage: S.A. Zhebelev's memoirs on the award of academic degrees: Preface by the publisher. S.A. Zhebelyov. Degrees in their past, their rebirth in present and an imminent danger of their degradation in future]. In: *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii* [*Essays on the History of Russian Archaeology*]. Issue 3. Moscow, 142–194.
Тункина, И.В. Из научного наследия: Записка о присуждении ученых степеней С.А. Жебелёва: Предисловие публикатора. С.А. Жебелёв. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем. В сб.: *Очерки истории отечественной археологии*. Вып. 3. М., 142–194.

Vasil'kov, Ya.V., Sorokina, M. Yu. 2003: *Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskiy slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991)* [*People and Fates. Biobibliographical Dictionary of Orientalists – Victims of Political Terror in the Soviet Period (1917–1991)*]. Saint Petersburg.
Васильков, Я.В., Сорокина, М.Ю. *Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991)*. СПб.

Vinogradov, Yu.A. 2013: [Otto Oskarovich Kryuger]. In: *Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014)* [*Academic Archaeology on the Shores of the Neva (from the Russian Academy for the History of Material Culture to the Institute for the Material Culture History of the Russian Academy of Sciences, 1919–2014)*]. Saint Petersburg, 23.
Виноградов, Ю.А. Отто Оскарович Крюгер. В сб.: *Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014)*. СПб., 23.

Zastorozhnova, E.G. 2017: [From the history of archaeological research of the Eastern Crimea in 1920–1932: research and scientists]. In: *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos Studies*]. Issue XXXV. Kerch, 411–427.
Засторожнова, Е.Г. Из истории археологического изучения восточного Крыма в 1920–1932 гг.: исследования и исследователи. В сб.: *Боспорские исследования*. Вып. XXXV. Керчь, 411–427.

Zhebelev, S.A. 1932: [The first revolt on the territory of the USSR (a historical inquiry)] *Soobshcheniya GAIMK* [*Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture*] 9–10, 35–37.
Жебелёв, С.А. Первое революционное восстание на территории СССР (историческая справка). *Сообщения ГАИМК* 9–10, 35–37.

Zhebelev, S.A. 1933: *Posledniy Perisad i Skifskoe vosstanie na Bospore* [*The Last Paerisades and Scythian Revolt in the Bosporan Kingdom*]. Leningrad.
Жебелёв, С.А. *Последний Перисад и Скифское восстание на Боспоре*. (Известия ГАИМК, вып. 101). Л.

Žébélev, S. 1936: L'abdication de Pairisadès et la révolution scythe dans le royaume du Bosphore. *Revue des Études Grecques* 49 (229), 17–37.

Zhebelev, S.A. 1938: [The last Paerisades and Scythian revolt in the Bosporan Kingdom]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 49–71.
Жебелёв, С.А. Последний Перисад и Скифское восстание на Боспоре. *ВДИ* 3, 49–71.

Zhebelev, S.A. 1953: *Severnoe Prichernomor'e. Issledovaniya i stat'i po istorii Severnogo Prichernomor'ya antichnoy epokhi* [*The North Black Sea Region. Studies and Papers on the History of the Ancient North Black Sea Region*]. Moscow.
Жебелёв, С.А. *Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи*. М.

Zhebelev, S.A. 1997: [The last Paerisades and Scythian revolt in the Bosporan Kingdom]. In: *Drevnie tsivilizatsii. Gretsiya. Ellinizm. Prichernomor'e. Izbrannye stat'i iz zhurnala "Vestnik drevney istorii"* [*Ancient Civilizations. Greece. Hellenistic Period. Black Sea Region. Selected Articles from the "Journal of Ancient History"*]. Moscow, 584–606.
Жебелёв, С.А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. В сб.: *Древние цивилизации. Греция. Эллинизм. Причерноморье. Избранные статьи из журнала «Вестник древней истории»*. М., 584–606.

Zhebelev, S.A., Kovalev, S.I. (eds.) 1933: *Antichnyy sposob proizvodstva v istochnikakh: literaturnye, epigraficheskie i papirologicheskie svidetel'stva o sotsial'no-ekonomicheskoy istorii drevney Gretsii, ellinisticheskogo Vostoka i Rima* [*Ancient Mode of Production in Sources: Narrative, Epigraphical and Papyrological Evidences on Social-Economic History of Ancient Greece, Hellenistic Orient and Rome*]. Leningrad.
Жебелёв, С.А., Ковалев, С.И. (ред.) *Античный способ производства в источниках: литературные, эпиграфические и папирологические свидетельства о социально-экономической истории древней Греции, эллинистического Востока и Рима*. Л.

Zhebelev, S.A., Kovalev, S.I. 1934: [The great slave revolts in Ancient Rome during the 2nd–1st centuries BC]. In: *Iz istorii antichnogo obshchestva* [*From the History of Ancient Society*]. Moscow–Leningrad, 139–180.
Жебелёв, С.А., Ковалев, С.И. Великие восстания рабов II–I вв. до н.э. в Риме. В сб.: *Из истории античного общества*. (Известия ГАИМК, вып. 101). М.– Л., 139–180.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 485–490
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 485–490
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910016672-2

M.B. HATZOPOULOS. Ancient Macedonia. Berlin–Boston: De Gruyter, 2020. XIII, 241 p. ISBN: 978-3-11-071864-5

Не будет преувеличением назвать греческого антиковеда и эпиграфиста Мильтиадиса Хадзопулоса самым крупным в мире специалистом в области истории древней Македонии. В сфере его интересов – государственность, историческая география и топография, язык, религия, урбанизация, военная организация. Особо следует отметить колоссальную работу М. Хадзопулоса по публикации эпиграфических источников – как в статьях и монографиях, так и в составе корпусов[1]. В последние десятилетия во многом именно надписи расширили представления о древней Македонии и македонянах (основной массив македонской эпиграфики относится к эпохе римского владычества, но начиная с 1980-х годов было найдено и опубликовано немало надписей более раннего времени, преимущественно эллинистической эпохи).

В 2020 г. М. Хадзопулос издал подготовленную по предложению издательства «De Gruyter» книгу, в которой в определенной степени обобщены его взгляды на ключевые проблемы истории древней Македонии и ее народа (язык, государственность, урбанизация), а также рассмотрены некоторые более частные сюжеты и проблемы. Рецензируемая работа, названная «Древняя Македония», включает предисловие, шесть «частей» (по сути – глав большего или меньшего объема), справочные разделы (замечания о транслитерации, списки сокращений и литературы, указатель), а также подборку иллюстраций.

В предисловии (с. V–VII) М. Хадзопулос отмечает, что его монография не носит повествовательного характера, и отсылает в этой связи к классическим книгам Р.М. Эррингтона, Н. Хаммонда, Г. Гриффита и Ф. Уолбанка, а также некоторым другим работам[2]. Назвав книгу «Древняя Македония», автор подчеркнул, что с точки зрения хронологии она посвящена истории Македонии только до римского завоевания. Одна из целей М. Хадзопулоса – представить, притом не только для узкого круга специалистов, современное состояние изучения важнейших проблем древнемакедонской истории[3].

В очень краткой первой части – «Введение. В чем значимость древней Македонии?» (с. 1–3) – даются авторские ответы на поставленный вопрос. М. Хадзопулос отмечает культурные аспекты, очевидные в настоящее время, когда уже невозможно считать Македонию в лучшем случае культурной периферией эллинского мира (вклад в развитие архитектуры и живописи, распространение койнэ и т.д.), а также оригинальность ее политического развития, выражавшуюся в комбинации архаичных (этнос и монархия) и передовых (полис) начал.

В начале второй части – «Страна. Где была Македония?» (с. 4–48) – рассмотрены географические, исторические, политические и некоторые другие аспекты понятия «Македония» и его трансформация от античности до современности. Далее изучены проблемы миграции и экспансии македонян из Верхней Македонии в приморскую Нижнюю Македонию и сопредельные территории. Анализируя ранний этап македонской экспансии (VII–V вв. до н.э.),

---

Рецензия выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00099 («Институт гражданства в федеративных и имперских государствах античности в постклассическое время: правовые основы, практики, дискурсы»).

[1] Например: Hatzopoulos 1988; Gauthier, Hatzopoulos 1993; *EKM* I–II.

[2] Errington 1990; Hammond, Griffith, Walbank 1972–1988.

[3] Это соотносится с общими задачами новой серии «Trends in Classics – Key Perspectives on Classical Research» издательства «De Gruyter», в которой опубликована книга М. Хадзопулоса.

М. Хадзопулос обращается к рассказу о ней Фукидида (II. 99), приведя аргументы, что его повествование имеет в целом хронологический, а не географический характер. Для очерчивания ареала расселения македонян в это время автор привлекает данные ономастики, а также широко использует результаты археологических исследований (в Вергине, Архондико, Требениште и других местах), показывая, что некоторые памятники, нередко ассоциируемые с македонянами, таковыми не являются.

Все македонские земли были объединены Филиппом II (360–336 гг. до н.э.), который стал создателем и Македонской державы (архэ). Помимо собственно земель, населенных «македонянами» (ἡ χώρα ἡ Μακεδόνων), она включала «царские земли», присоединенные территории (Фессалия, части Фракии и др.) и союзные полисы (по мнению М. Хадзопулоса, такой статус имели, например, Филиппы). Подобная конфигурация в целом сохранялась вплоть до римского завоевания Македонии.

Третья часть – «Кем были македоняне?» (с. 49–124) – включает весьма разнообразный материал. Одним из главных ее лейтмотивов является доказательство лингвистической, религиозной и культурной принадлежности македонян к эллинскому миру, которые в свете современного состояния источников и исследований, действительно, более не должны подвергаться сомнениям.

Сравнивая Македонское государство с греческими федерациями эллинистической эпохи, М. Хадзопулос приводит в пример и практику «двойного гражданства» – общемакедонского и полисного (или в рамках других структур, бывших частью «этноса македонян»), которая отражена в эпиграфических источниках, происходящих не из Македонии, когда рядом с именем указываются этникон Μακεδών, а также полисоним и/или локальный этникон[4].

Эпиграфические документы времени поздних Антигонидов, Филиппа V (221–179 гг. до н.э.) или Персея (179–168 гг. до н.э.), с текстами военных установлений[5] свидетельствуют о стратификации македонского общества на основе имущественного ценза: выходцы из зажиточных семей попадали в элитные части армии – корпус пельтастов и агему, а также в отряд гипаспистов. Отвергая теории о том, что в Македонии была категория населения, сравнимая со спартанскими илотами или фессалийскими пенестами, М. Хадзопулос показывает, что рядом с «македонянами» жили и люди, не включенные в политическую и военную организацию македонского общества – вольноотпущенники, а также земледельцы немакедонского происхождения, работавшие на «царских землях».

Также в третьей части критически рассмотрены основные концепции развития государственности древней Македонии, представленные в работах Ф. Гранира, А. Эймара, П. Бриана, Р.М. Эррингтона, А. Джованнини и других исследователей. Сам М. Хадзопулос характеризует Македонское государство как ἔθνος, но отличавшееся от греческих федераций тем, что оно являлось монархическим. Этнос македонян и царская власть были двумя базовыми элементами Македонского государства вплоть до конца правления династии Антигонидов и римского завоевания.

М. Хадзопулос отмечает, что для внешнего наблюдателя, например Демосфена, Македония представлялась государством с доминированием монархии (Demosth. *Olynth.* I 4), однако для македонянина или человека, знакомого с македонскими реалиями (например, Птолемея, сына Лага или Гиеронима из Кардии) картина была иной. По мнению автора, если использовать классификацию Аристотеля, в глазах Демосфена македонская монархия являлась παμβασιλεία (Arist. *Pol.* 1287b), для других же, лучше понимавших ее сущность, скорее была похожа на βασιλεία κατὰ (περὶ) τοὺς ἡρωικοὺς χρόνους (1285b; 1310b).

Сам М. Хадзопулос занимает видное место среди сторонников концепции, согласно которой и Темениды (Аргеады), и Антигониды признавали определенные права македонян. В данной рецензии не место для подробного критического разбора взглядов М. Хадзопулоса на так называемое «собрание» македонян, его права и полномочия, но следует отметить, что из работ сторонников направления, которое можно назвать «конституционным», его концепция лучше всего обоснована разнообразными источниками – эпиграфическими, литературными и нумизматическими[6].

---

[4] Например: Δελφοὶ ἔδωκα[ν Ἀ]γελόχωι Φιλίππου Μακεδόνι [ἐ]ξ Αἰγειᾶν... (*FD* III 1 112); Δελφοὶ ἔδωκαν Φιλάρχωι Ἑλλανίωνος Μακεδόνι Ἐ[λ]ειμιώτ[ηι] ἐκ Πυθείου... (*FD* III 4 417III).

[5] Hatzopoulos 2001, nº 2I–II.

[6] Наиболее подробно концепция развития государственности древней Македонии представлена в монографии М. Хадзопулоса «Македонские государственные институты при царях» (Hatzopoulos 1996, I).

Со времени Филиппа II все большую роль в развитии Македонского государства играл городской/полисный элемент. Значительное место в рецензируемой книге уделено урбанизации, городским гражданским коллективам и политическим институтам, в изучение которых сам М. Хадзопулос в последние десятилетия внес значительный вклад. Автор отмечает, что македонские полисы, в которых в эпоху эллинизма надписями засвидетельствованы народные собрания и советы, а также ежегодно избираемые магистраты[7], были, конечно же, лишь самоуправляющимися единицами в рамках монархической державы. Развитие данной модели он возводит ко времени Филиппа II, при этом допуская, что рудиментарные элементы автономии могут быть прослежены в македонских городах и в более раннее время.

В своей новой книге М. Хадзопулос продолжает отстаивать идею о том, что при Филиппе II собственно Македония (без царского домена, внешних владений македонских царей и союзных территорий) была разделена на четыре военно-административных округа, существовавших впоследствии и при Антигонидах и ставших прообразами «республик», на которые побежденная страна была расчленена римлянами в 167 г. до н.э. Попытки оспорить теорию М. Хадзопулоса об округах (например, П. Жюэлем[8]) не могут быть признаны успешными. Также М. Хадзопулос разобрал критические замечания и привел новые аргументы в пользу своих взглядов на эпистатов в Македонии как городских магистратов, отвечавших за взаимодействие с царской администрацией, и политархов, по его мнению, засвидетельствованных ранее времени упразднения римлянами власти Антигонидов[9].

Четвертая часть – «Персоналии» (с. 125–169) – начинается с краткого историографического обзора монографий, посвященных наиболее значимым представителям династий Темендов и Антигонидов, а также диадохам Кассандру и Лисимаху[10]. Главное внимание в данной части уделено Филиппу II и Александру Великому, хотя автор избрал для рассмотрения аспекты, не связанные с их наиболее знаменитыми деяниями военного и внешнеполитического характера. Следует отметить, что сюжеты, представленные в этом разделе, преимущественно связаны с более ранними исследованиями М. Хадзопулоса (с начала 1980-х годов).

Итак, автор рассматривает следующие вопросы: о датировке и продолжительности правления Филиппа II (по мнению М. Хадзопулоса, оно началось не в 359 г. до н.э., как обычно считается, а осенью 360 г. до н.э. [360/359 аттический год] и завершилось осенью 336 г. до н.э.); нахождении юного Филиппа в качестве заложника у иллирийцев, а затем фиванцев; являлся ли Филипп какое-то время регентом при своем племяннике Аминте (IV) или же сразу стал монархом (автор считает, что «опекуном» Филипп был, но Аминта при этом не носил царского титула); о последовательности и значении браков Филиппа и статусе его супруг и детей.

Рассматривая вопрос о гибели Филиппа II, М. Хадзопулос отрицает возможность участия Александра в заговоре против отца или его информированности о нем. Однако следует отметить уязвимость аргументации автора – якобы, судя по источникам, Александр не был готов взять власть и непосредственно после убийства Филиппа опасался за свою жизнь. Да-

---

[7] Для функционирования городских политических учреждений, а также взаимоотношений гражданских коллективов с царской властью показательна серия декретов македонских полисов (Эги, Береи, Пелла, Кассандрия, Амфиполь и Филиппы), которые летом 243 г. до н.э. признали асилию (священную неприкосновенность) святилища Асклепия на Косе и согласились принять участие в панэллинских играх в честь этого бога (Bosnakis, Hallof 2020, 291–292, № II–III; *IG* XII 4 1, 220I–III-221I). См. также Hatzopoulos 2021, 199–213.

[8] Juhel 2011, 579–612.

[9] Согласно традиционной точке зрения, в Македонии, как и в других эллинистических государствах, эпистаты были внешними царскими представителями в городах (например, Papazoglou 2000, 172–176), а политархи появились только после ликвидации римлянами власти Антигонидов (например, Schuler 1960, 90–100).

[10] Что касается Деметрия I Полиоркета, от внимания автора ускользнула монография Э. Манни (Manni 1951). Также совсем недавно увидела свет книга П. Уитли и Ш. Данн об этом диадохе (Wheatley, Dunn 2020). В случае Кассандра к работам, упомянутым М. Хадзопулосом, следует добавить добротную книгу Дж. Грэйнджера об Антипатре и его потомках (Grainger 2019). Для истории Лисимаха важна монография болгарского антиковеда П. Делева (Delev 2004). Недавно появились две новые работы об Антигоне II Гонате: его биография, написанная Р. Уотерфилдом (Waterfield 2021), и обстоятельное исследование К. Панайопулу македонской экономики времени Гоната и его ближайших преемников на основе золотых и серебряных эмиссий от имени этого царя (Panagopoulou 2020).

лее М. Хадзопулос обстоятельно анализирует проблему идентификации личности царя, погребенного в знаменитой Гробнице II под Большим курганом в Вергине, представив аргументы в пользу Филиппа II.

Завершает четвертую часть рассмотрение планов и целей Филиппа и Александра в войне против Персидской державы. М. Хадзопулос считает, что Филипп II впервые задумался о военной кампании против Персии после Филократова мира в 346 г. до н.э. и что планы его преемника Александра менялись, но, как и отец, изначально он не думал о завоевании всей Ахеменидской державы. По мнению автора, в 330 г. до н.э. после захвата Персиды и разрушения Персеполя многие македоняне и греки считали, что поход, официальной целью которого была месть персам, скоро завершится. В дополнение к косвенным сведениям литературной традиции М. Хадзопулос привел надпись из Филипп по поводу решения земельных споров Александром, проконтролировать которое должны были два его приближенных – Филота и Леоннат[11]. По мнению автора, Александр принял посольство филиппийцев и вынес предварительное решение во время нахождения в Персеполе в 330 г. до н.э. В первой строке сильно поврежденной и фрагментированной надписи присутствует последовательность букв ΡΣΙΔ; М. Хадзопулос предложил восстановление «[... ἐκ Πε]ῤῥσ̣ί̣δ̣[ος]». Однако Александр все же продолжил восточный поход, Филота и Леоннат так и не отправились в Македонию, а граждане Филипп в итоге зафиксировали на камне предварительное решение царя. Пересмотр Александром планов мог быть связан с преследованием Дария III, а затем его убийством и провозглашением царем Бесса (что в глазах Александра выглядело узурпацией власти), необходимостью защиты уже занятых территорий, а также тем, что на Балканах Антипатру удалось разгромить спартанского царя Агиса III, выступившего против Македонии. Продолжив поход на Восток, Александр, претендуя на наследие Ахеменидов, начал политику ориентализации, что привело к появлению недовольных среди как его сподвижников, так и простых македонян и греков. Царь так и не вернулся на родину, его империя в итоге распалась, но далее М. Хадзопулос цитирует одно из произведений К. Кавафиса – эллинская культура и язык получили распространение вплоть до Бактрии и Индии[12].

Необычное название (что отмечено самим автором) пятой части – «Envoi. Посетило ли македонян посланное свыше безумие?» (с. 170–176) – отсылает к ремарке Полибия об антиримском движении Андриска в 149–148 гг. до н.э. и македонянах, не оценивших «благодеяний» со стороны римлян[13]. В связи с этим, затрагивая итоги третьей римско-македонской войны (171–168 гг. до н.э.), М. Хадзопулос отмечает, что «освобождение» от власти Антигонидов обернулось колоссальными жертвами в битве при Пидне, разделом государства на четыре части и его разграблением, депортацией в Италию царской семьи и военно-политической элиты, служившей Антигонидам[14]. Выступление Андриска было первым, самым значимым и известным, но антиримские движения в Македонии засвидетельствованы, возможно, до времени Второго триумвирата. Память о времени монархии играла важную роль для македонян, живших в эпоху римского владычества; она нашла отражение в именах, восходящих к царскому ономастикону Темендов и Антигонидов, культах Александра Великого и его семьи, присутствии в надписях до начала IV в. н.э. этникона Μακεδών[15].

Одним из лейтмотивов этой части книги М. Хадзопулоса, да и рецензируемой работы в целом является демонстрация непонимания Полибием сущности Македонского государства

---

[11] Hatzopoulos 1996, II, no. 6.

[12] Элегантная теория М. Хадзопулоса по поводу исторической интерпретации и датировки надписи из Филипп, развиваемая им с конца 1980-х годов (*BÉ* 1987 714; Hatzopoulos 1997, 41–52), вызвала и критические замечания. Согласно традиционной интерпретации, этот документ относится ко времени до начала Восточного похода (например: Hammond 1990, 171–174; Briant 2012, 170–171).

[13] Polyb. XXXVI. 17. 13: ... διόπερ ἄν τις ἐπὶ τῶν τοιούτων διαθέσεων δαιμονοβλάβειαν ἂν εἴπει τὸ γεγονὸς καὶ μῆνιν ἐκ θεῶν ἅπασι Μακεδόσιν ἀπαντῆσθαι.

[14] Ф. Даубнер представил версию о масштабной эмиграции македонян на эллинистический Восток после крушения монархии Антигонидов. По его мнению, многие македонские катойкии в Малой Азии во владениях Атталидов были основаны именно в это время, а не ранее при Селевкидах, как обычно считается. Также Ф. Даубнер привел интересные аргументы по поводу возможности того, что еще одним направлением эмиграции бывших подданных македонских царей стал птолемеевский Египет (Daubner 2018, 110–123, 273–276).

[15] Ср. Daubner 2018, 226–227, 280.

и его субъективного отношения к македонским царям и македонянам, что, учитывая авторитет мегалопольского историка, впоследствии серьезно повлияло на изучение древней Македонии и понимание ее исторической роли.

В краткой шестой части – «Заключение» (с. 177–178) – автор подводит итоги его работы. Самым важным представляется следующее: «Надписи, которые древние македоняне вырезали на камне, металле или керамике, не меньше, чем раскопанные дворцы, дома или гробницы, вернули к жизни ветвь τὸ ἑλληνικόν, чей вклад в формирование и распространение “общего” греческого языка, а в более широком плане эллинистической цивилизации, представляется гораздо более значительным, чем считалось или даже допускалось прежде» (с. 177).

Публикация книги «Древняя Македония» дала М. Хадзопулосу возможность обобщить, а где-то и уточнить в рамках одной работы свои взгляды на ключевые проблемы истории древней Македонии, а также возразить на замечания, высказанные его критиками, ответы которым ранее были представлены в отдельных статьях и комментариях в «Bulletin épigraphique».

Для работы М. Хадзопулоса характерны подробные историографические экскурсы, часто сопровождающиеся острыми и ироничными критическими ремарками. Наибольшее их число адресовано Э. Бэдиану и Ю. Борзе и связано с их взглядами на такие проблемы истории Македонии и ее народа, как этническая принадлежность, язык, самовосприятие и восприятие извне, характер заговора против Филиппа II, идентификация людей, захороненных в Гробнице II под Большим курганом в Вергине.

Относительно структуры книги М. Хадзопулоса следует отметить, что части, посвященные Филиппу II и Александру Великому, а также последствиям римского завоевания Македонии носят по отношению к основной тематике явно вспомогательный характер. При этом представляется, что в часть «Персоналии» можно было бы включить Антигона Гоната и/или Филиппа V, особенно если учесть то, что последнему посвящено несколько работ М. Хадзопулоса, в которых он показывает, насколько политика этого царя, нашедшая отражение в эпиграфике, отличается от образа, созданного Полибием[16].

Монография Мильтиадиса Хадзопулоса «Древняя Македония» является важным вкладом в изучение ее истории, общества и государственности в период до римского завоевания.

Литература / References

Briant, P. 2012: *Alexander the Great and His Empire. A Short Introduction*. Princeton (N.J.).

Bosnakis, D., Hallof, K. 2020: Alte und neue Inschriften aus Kos VI. *Chiron* 50, 287–326.

Daubner, F. 2018: *Makedonien nach den Königen (168 v. Chr. – 14 n. Chr.)*. Stuttgart.

Delev, P. 2004: *Lizimach* [*Lysimachus*]. Sofia.

Делев, П. *Лизимах*. София.

Errington, R.M. 1990: *A History of Macedonia*. Berkeley–Los Angeles–London.

Hammond, N.G.L. 1990: Inscriptions concerning Philippi and Calindoea in the reign of Alexander the Great. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 82, 167–175.

Hammond, N.G.L., Griffith, G.T., Walbank, F.W. 1972–1988: *A History of Macedonia*. Vol. I–III. Oxford.

Hatzopoulos, M.B. 1988: *Une donation du roi Lysimaque*. Athènes.

Hatzopoulos, M.B. 1996: *Macedonian Institutions Under the Kings*. Vol. I–II. Athens.

Hatzopoulos, M.B. 1997: Alexandre en Perse: la revanche et l’empire. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 116, 41–52.

Hatzopoulos, M.B. 2001: *L’organisation de l’armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux*. Athènes.

Hatzopoulos, M.B. 2014: Vies parallèles: Philippe V d’après Polybe et d’après ses propres écrits. *Journal des Savants* 1, 99–120.

Hatzopoulos, M.B. 2021: Quatre nouveaux décrets macédoniens: géographie historique et institutions. *Revue des études grecques* 134/1, 199–213.

Gauthier, Ph.L., Hatzopoulos, M.B. 1993: *La loi gymnasiarchique de Beroia*. Athènes.

Grainger, J. 2019: *Antipater’s Dynasty. Alexander the Great’s Regent and His Successors*. Barnsley.

[16] Например, Hatzopoulos 2014, 99–120.

Juhel, P.O. 2011: Un fantôme de l'histoire hellénistique: le « district » macédonien. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 54/4, 579–612.
Manni, E. 1951: *Demetrio Poliorcete*. Rome.
Panagopoulou, K. 2020: *The Early Antigonids. Coinage, Money, and the Economy*. New York.
Papazoglou, F. 2000: Polis et souveraineté. *Živa antika* 50, 169–176.
Schuler, C. 1960: The Macedonian Politarchs. *Classical Philology* 55/2, 90–100.
Waterfield, R. 2021: *The Making of a King. Antigonus Gonatas of Macedon and the Greeks*. Chicago.
Wheatley, P., Dunn, Ch. 2020: *Demetrius the Besieger*. Oxford.

Yuri N. Kuzmin,

Moscow City University, Samara Branch,
Samara, Russia

E-mail: yurimac@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1560-2245

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-09-00099

Ю.Н. Кузьмин,

к.и.н., доцент Самарского филиала
Московского городского педагогического
университета,

Самара, Россия

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 491–495
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 491–495
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910016762-1

K. SESSA. Daily Life in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. X, 250 p. ISBN: 9780521766104

Повседневная жизнь римлян давно привлекает внимание историков. Первые работы в этой области, важнейшие из которых до сих пор сохраняют свою актуальность[1], увидели свет еще в XIX в., задолго до настоящего расцвета популярности истории повседневности, но они были посвящены главным образом периоду Ранней империи[2]. Поздняя античность, напротив, лишь недавно получила признание в качестве исторической эпохи, обладающей самостоятельной ценностью для изучения[3], и, как следствие, повседневная жизнь людей того времени до сих пор не становилась предметом полноценного исследования.

Рецензируемая монография имеет целью восполнить этот пробел. Хотя это не первая и не единственная работа, посвященная позднеантичной повседневности[4], среди немногих других она выделяется прежде всего своим широким географическим охватом, учитывающим созданные в самых разных областях империи источники. Ее автор – американская исследовательница из университета штата Огайо, профессор Кристина Сесса. Она специализируется главным образом на истории позднеантичной религии и культуры, о чем говорит ее первая книга, посвященная формированию власти римского папы в позднеантичной Италии[5].

Монография состоит из введения, шести глав и приложения, в котором кратко излагаются основы позднеримской хронологии и денежной системы. Работа построена по характерному для такого рода исследований плану: сначала идут три главы о жизни людей в городе и за городом, в них описывается облик сельской и городской местности и обусловленная им деятельность людей; затем автор переходит к домохозяйству как основной ячейке общества того времени, рассказывает о семье, браке, детстве и воспитании детей, а также домашнем рабстве. Здесь же идет речь о внешнем и внутреннем устройстве жилых помещений и содержании домашнего хозяйства: приготовлении и употреблении пищи, сне, досуге, мытье, стирке и даже об утилизации отходов. Четвертая глава посвящена роли государства в жизни людей. В ней исследуются важнейшие институты, посредством которых государство наиболее тесно соприкасается с частной повседневностью: служба в армии и поддержание правопорядка в городах, судопроизводство, налогообложение и транспортная система. Следующая глава, «Тело и разум», повествует о позднеантичной медицине, представлениях об устройстве организма, о болезнях и их лечении, о сексе и других формах физической любви, одежде и украшениях, прическе и косметике, и несколько неожиданно – о высшем образовании римской элиты. Последняя, шестая, глава посвящена тому, что этнологи называют проживаемой религией, то есть совокупности каждодневного опыта и духовных практик людей. В рамках четырех основных конфессий поздней античности – язычества, христианства, манихейства и иудаизма – Сесса рассказывает о той стороне духовности людей, которая часто остается в тени догматических споров и конфликтов на религиозной почве. В центре ее внимания

[1] Marquardt 1886; Guiraud 1893.

[2] Carcopino 1939; Sergeenko 1964; Knabe 1986.

[3] Во многом благодаря трудам Питера Брауна. См. Brown 1971.

[4] Наиболее значима монография Б. Лансона, посвященная позднеантичному городу Риму (Lançon 1995). Проблемы истории повседневности затрагиваются также в монографии Д. Бойна, увидевшей свет в том же году, что и рецензируемое издание. См. Boin 2018.

[5] Sessa 2011.

домашние культы, астрология, религиозные торжества, суеверия, а также волшебные амулеты с гравированными на них защитными заклинаниями и подобные вудуистским глиняные куклы – артефакты любовных чар. Здесь идет речь и о похоронных обрядах. Учитывая основную специализацию автора, неудивительно, что именно эта глава получилась наиболее увлекательной и запоминающейся.

Несмотря на то, что перед нами, вне всяких сомнений, работа профессионального историка, особенности такого рода исследований, а скорее самих источников, которые редко позволяют восстановить действительность с фотографической точностью, иногда вынуждают автора прибегать к умозрительным заключениям, основанным на общих представлениях об исторической эпохе, но не подкрепленным сведениями из текстов. Кроме того – хотя это и объясняется характером работы, которую автор определяет как предназначенную главным образом для студенческой аудитории (с. 18) – в книге подчас не хватает ссылок, позволяющих отличить данные источников от авторских предположений. А те ссылки, что имеются, как это нередко бывает в американских изданиях, вынесены в конец главы. Другая характерная черта исследований повседневной истории, часто вызывавшая критику со стороны специалистов, заключается в преимущественно описательном, а не аналитическом характере таких работ. Сесса признает это, говоря, однако, что начиная с 1990-х годов историкам повседневности удалось реабилитировать свой метод (с. 4). К сожалению, ей самой это удается не всегда. Так, например, она утверждает, что в V–VI вв. палестра (помещение для физических упражнений в составе римских терм) перестает применяться по назначению, но не предлагает читателю никаких соображений о том, с чем это могло быть связано (с. 66), и ничего не говорит о ее новой роли. Еще один пример: Сесса пишет, что на Востоке богатые римляне предпочитали свои городские жилища загородным виллам, и это в самом деле подтверждается данными археологии, которые свидетельствуют о гораздо лучшей сохранности сельских вилл на Западе (с. 112), связанной с их активным использованием. В этом случае мы снова не находим предположений о возможных причинах этого явления. Впрочем, таких примеров не слишком много, и в основном автор старается объяснять произошедшие изменения.

Внимания заслуживает и такая особенность монографии, как взгляд на явления позднеантичной повседневности сквозь призму актуальных для современной Америки представлений о важнейших проблемах, стоящих перед обществом и государством, в связи с очередным витком борьбы с неравенством и дискриминацией, известным в России как «новая этика». Так, автор отводит несколько страниц рассказу о повседневной жизни людей с ограниченными физическими возможностями, который вошел в главу «Тело и разум» (с. 174). Показателен и небольшой раздел о переработке отходов – сюжет, о котором привыкший к иной реальности российский исследователь скорее всего и не подумал бы (с. 75). Иной парадигмой мышления объясняется повышенное внимание Сессы к положению женщины в патриархальном позднеантичном обществе, уклад которого подчас открыто осуждается: она прямо называет двойными стандартами правовые нормы и обычаи, регулирующие, например, внебрачную связь, указывая на то, что понятие «измена» (adulterium), как и соответствующее наказание, применялось лишь к женщине, тогда как мужчина в аналогичной ситуации наказывался лишь за разврат (stuprum) (с. 92–95). С одной стороны, такой подход, обусловленный, конечно, особенностями культурного кода, позволяет обратить внимание на те проблемы, которые были бы незаметны при ином взгляде на вещи. С другой стороны, он чреват анахронизмами и искажением действительности: двойными стандартами некоторые римские нормы можно называть лишь с точки зрения современных западноевропейцев или североамериканцев, которые, по крайней мере в теории, стремятся в равной степени уважать права обоих полов. Для римлян такое положение дел было нормой, а не требующим осуждения и исправления социально-этическим дефектом.

Несколько замечаний по поводу организации материала и его подачи. Это единственное исследование такого рода, в котором сделана попытка охватить римский мир целиком, что, безусловно, делает честь автору. Среди источников как письменные (нарративные, нормативные, документальные, эпистолярные, а также эпиграфические) памятники, так и многочисленные данные археологии и артефакты из музейных собраний, которые предстают перед глазами читателя благодаря богатому (но, к сожалению, черно-белому) иллюстративному материалу, оживляющему книгу. Каждая из шести глав начинается с описания эпизода

из жизни одного или нескольких героев, призванного проиллюстрировать повседневность позднеантичных римлян в разных концах империи. Иногда складывается впечатление, что западный материал представлен не так широко, как восточный (например, не упоминается Цезарий Арелатский, чьи проповеди содержат ценные сведения о повседневной жизни галло-римлян того времени[6]), однако это, скорее всего, объясняется тем, что источники, происходящие с Востока, в целом более информативны с интересующей автора точки зрения – чего стоит один только архив Апионов! Между тем, описывая городскую жизнь, Сесса не ограничивается рассказом о крупных восточных городах, но обращает внимание и на Запад, причем не только на Рим, но и, например, на Арль, Брешию, Милан, Равенну и некоторые другие города, часто в связи с расположенными в их округе и хорошо изученными археологическими комплексами.

Пятая глава монографии посвящена в основном телу человека – его врачеванию, сохранению, удовлетворению; однако здесь же неожиданным образом находит свое завершение раздел об образовании, несмотря на то, что о первых школьных занятиях упоминается уже в третьей главе, где речь идет о домашнем хозяйстве. Хотя логика такой структуры объяснима, из-за образовавшегося разрыва в повествовании раздел выглядит нестройным, чего можно было бы избежать, поместив его целиком в пятую главу, а во второй лишь упомянув о первых занятиях детей в родительском доме. Кроме того, автор совершенно игнорирует особенности системы образования, сложившейся при Юстиниане, а ведь его эпоха попадает в заданные хронологические рамки (с. 1–2)[7]. По-видимому, именно с этим связано парадоксальное утверждение о том, что студенты того времени не изучали императорские кодификации. Между тем, достаточно открыть вводную часть Институций Юстиниана, чтобы убедиться, что это совсем не так.

Книга содержит ряд других мелких недочетов, о которых уместно сказать в рецензии, хотя они не снижают общий уровень работы. Так, о питании, которое во все времена было важнейшей частью повседневной жизни человека, в рецензируемой монографии говорится весьма подробно (с. 33–42; 120–121). При этом, как это иногда бывает в ее книге, автор не отслеживает те изменения, которые произошли в диете римлян к концу императорской эпохи, хотя они неплохо изучены. На некоторые из исследований, прямо или косвенно затрагивающих эту проблему, Сесса указывает в библиографии к главе о городской жизни[8], однако другие – и среди них замечательная работа М. МакКормика о позднеримской и раннесредневековой экономике[9] – оставлены без внимания[10]. Кроме того, обойдены вниманием несколько важных аспектов повседневной жизни, без рассказа о которых ее сложно помыслить. Так, упущена из виду материальная сторона письменной культуры позднеантичного общества: хотя автор и упоминает о заклинаниях, начертанных на свинцовых табличках (с. 220–221), почти ничего не говорится о куда более распространенном использовании не только папируса и пергамена, но и покрытых воском дощечек и деревянных пластин, а также соответствующих инструментов для письма, причем как при обучении детей, так и в быту взрослых самого разного социального статуса[11]. Другой пример: хотя Сесса и упоминает о церемонии признания новорожденного членом семьи и даровании ему имени, ни слова не сказано о самой традиции имянаречения, а ведь она значительно изменилась к позднеантичному периоду, когда от упорядоченной классической трех- или четырехчастной схемы практически ничего не осталось. С этим напрямую связан и вопрос о языке. Специалистам, конечно, известно, что Римская империя отнюдь не была монолингвистическим государством, но, вероятно, следовало упомянуть, что, помимо латыни, которая к тому же имела значительные региональные и социальные различия[12], и греческого, население империи говорило еще и на сирийском, армянском, арамейском, еврейском и коптском языках, а также на различных

---

[6] Об Арле времен св. Цезария см. Filippov 2000, 165–198, 406–416, 457–549, а также Klingshirn 1994, 88–110.

[7] Они задаются как 250–600 гг. н.э.

[8] Garnsey 1999; Wilkins, Nadeau 2015.

[9] McCormick 2001, 30–38.

[10] Billiard 1913; Jardé 1925; André 1961; Vehling 1977.

[11] Antonets 2009, 26–41.

[12] О латинском языке в позднеантичное и раннесредневековое время см. итальянское переиздание монографии М. Баньяра (Banniard 2020), а также рецензию на него (Anik'ev, Filippov 2021).

кельтских и германских наречиях (прежде всего готском) и некоторых доримских языках Иберии или Иллирии[13]. Несмотря на то, что общение является неотъемлемой частью повседневной жизни людей, Сесса по какой-то причине не упоминает о лингвистическом разнообразии позднеантичной эпохи.

Несмотря на некоторые недоработки, основная задача монографии все же была успешно выполнена: она дает общее представление о том, как жили люди поздней античности, позволяет узнать, о чем они думали, чем дорожили и чего боялись, как работали и учились, во что одевались, как спали, ели, пили и развлекались. Внимание автора к разнообразным аспектам повседневной активности людей дает возможность даже неподготовленному читателю разобраться в бытовой жизни римлян и скорректировать устоявшийся в школьном и университетском преподавании акцент на политической, социально-экономической и религиозной истории позднеримского мира. Кроме того, хотя подавляющее большинство специалистов, которых заинтересует работа Сессы, способно прочитать ее на языке оригинала, книга написана столь увлекательно, что может быть по достоинству оценена и широкой аудиторией, которой она и предназначена. Она, бесспорно, заслуживает перевода на русский язык, особенно учитывая то, что это единственное в своем роде разностороннее исследование позднеантичной повседневности.

Литература/ References

André, J. 1961: *L'alimentation et la cuisine à Rome*. Paris.

Anik'ev, I.I., Filippov, I.S. 2021: [Rev.] Banniard M. Viva voce: Comunicazione scritta e comunicazione orale nell'Occidente latino dal IV al IX secolo. Trieste, 2020. *Srednie veka* [*Middle Ages*] 82/3, 184–196.

Аникьев, И.И., Филиппов, И.С. [Рец. на кн.] Banniard M. Viva voce: Comunicazione scritta e comunicazione orale nell'Occidente latino dal IV al IX secolo. Trieste, 2020. *Средние века* 82/3, 184–196.

Antonets, E.V. 2009: *Vvedenie v rimskuyu paleografiyu* [*Introduction to Roman Palaeography*]. Moscow.

Антонец, Е.В. *Введение в римскую палеографию*. М.

Banniard, M. 2020: *Viva voce: Comunicazione scritta e comunicazione orale nell'Occidente latino dal IV al IX secolo*. Edizione italiana con una *Retractatio* dell'autore, a cura di L. Cristante e F. Romanini, con collaborazione di J. Gesiot e V. Veronesi. (Polymnia. Studi di filologia classica, 25). Trieste.

Billiard, R. 1913: *La Vigne dans l'Antiquité*. Lyon.

Boin, D. 2018: *A Social and Cultural History of Late Antiquity*. Hoboken (NJ).

Brown, P. 1971: *The World of Late Antiquity: AD150–750.* London–New York.

Carcopino, J. 1939: *La vie quotidienne à Rome à l'apogée de l'Empire*. Paris.

Filippov, I.S. 2000: *Sredizemnomorskaya Frantsiya v rannee srednevekov'e: problema stanovleniya feodalizma* [*Mediterranean France in the Early Middle Ages: The Problem of the Formation of Feudalism*]. Moscow.

Филиппов, И.С. *Средиземноморская Франция в раннее средневековье: проблема становления феодализма*. М.

Garnsey, P. 1999: *Food and Society in Classical Antiquity*. Cambridge.

Guiraud, P. 1893: *La vie privée et la vie publique des Romains.* Paris.

Jardé, A. 1925: *Les céréales dans l'Antiquité grecque*. Paris.

Jones, A.H.M. 1964: *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey*. Vol. 2. Oxford.

Klingshirn, W.E. 1994: *Caesarius of Arles. The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul*. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, 22). Cambridge.

Knabe, G.S. 1986: *Drevniy Rim – istoriya i povsednevnost'* [*Ancient Rome – History and Daily Life*]. Moscow.

Кнабе, Г.С. *Древний Рим – история и повседневность*. М.

Lançon, B. 1995: *Rome dans l'Antiquité tardive (312–604 après J.-C.)*. Paris.

[13] Jones 1964, 991–997.

Marquardt, J. 1886: *Das Privatleben der Römer*. (Handbuch der Römischen Alterthümer, 7). 2. Aufl. Leipzig.
McCormick, M. 2001: *Origins of the European Economy. Communications and Commerce, A.D. 300–900*. Cambridge–New York.
Sergeenko, M.E. 1964: *Zhizn' drevnego Rima. Ocherki byta* [*Life of Ancient Rome. Studies in Daily Life*]. Moscow–Leningrad.
Сергеенко, М.Е. *Жизнь древнего Рима. Очерки быта*. М.– Л.
Sessa, K. 2011: *The Formation of Papal Authority in Late Antique Italy. Roman Bishops and the Domestic Sphere*. Cambridge–New York.
Vehling, J.D. (ed.) 1977: Apicius. *Cookery and Dining in Imperial Rome*. New York–London.
Wilkins, J., Nadeau, R. (eds.) 2015: *A Companion to Food in the Ancient World*. Malden.

Aleksandr S. Kovalev,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
E-mail: alkskovalev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5834-1356

А.С. Ковалев,
аспирант кафедры истории Средних веков
исторического факультета МГУ имени
М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

PERSONALIA

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 496–497
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 496–497
© Автор(ы) 2022

К ЮБИЛЕЮ МИХАИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА АБРАМЗОНА

18 сентября 2021 г. исполнилось 60 лет Михаилу Григорьевичу Абрамзону – ведущему научному сотруднику отдела классической археологии ИА РАН, одному из известных российских нумизматов, доктору исторических наук, профессору, почетному работнику высшего профессионального образования РФ, члену бюро Российской ассоциации антиковедов, автору почти трех десятков монографий и музейных каталогов и более 250 статей в научных изданиях России и зарубежья, создателю и бессменному главному редактору журнала «Проблемы истории, филологии, культуры», члену редколлегий множества изданий. Его статьи по различным вопросам античной нумизматики регулярно публикуются на страницах «Вестника древней истории», «Российской археологии», «Кратких сообщений Института археологии», «Ancient Civilization from Scythia to Siberia», «The Numismatic Chronicle», «Revue Numismatique», «Revue belge de numismatique et de sigillographie», «Israel Numismatic Research» и др.

Михаил Григорьевич родился в Магнитогорске. Первое высшее образование получил на художественно-графическом факультете Магнитогорского пединститута (1983 г.), где затем преподавал историю искусств после службы в Советской армии (1983–1985 гг.). Научный интерес к античным монетам вылился в то время в его стажировки в отделах нумизматики ГИМ и Эрмитажа, где большое влияние на становление начинающего исследователя оказали Н.А. Фролова и Е.В. Зеймаль. В 1989 г. он окончил исторический факультет Челябинского педагогического института; в 1992 г. – аспирантуру по кафедре истории древнего мира и средних веков МПГУ им. В.И. Ленина. В 1993 г. под руководством профессора Г.А. Кошеленко он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Становление императорского культа в Древнем Риме по данным нумизматики», а уже в 1996 г.– диссертацию доктора исторических наук («Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи») в ИА РАН. С 1993 по 2000 г. М.Г. Абрамзон возглавлял кафедру всеобщей истории, затем кафедру древнего мира и средних веков в МаГУ (до 2012 г.), в 1999–2012 гг. одновременно занимал должность декана исторического факультета, затем проректора по научной работе и международным связям того же университета. С 2013 г. – директор Института истории, филологии и иностранных

языков, а с 2016 г. по настоящее время – директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; с 2019 г. – ведущий научный сотрудник ИА РАН.

С 1993 г. по настоящее время он реализует свой богатый научный опыт в составе Фанагорийской экспедиции ИА РАН.

В 2000 г. М.Г. Абрамзон получил стипендию CNRS для стажировки во Французской археологической школе в Афинах; в 2015 – для стажировки в Германском археологическом институте. В 2004 г. приглашался в Мессинский университет для проведения семинара по нумизматике античного Северного Причерноморья. По приглашению Датского Королевского нумизматического общества неоднократно читал лекции в Национальном музее Дании и Институте археологии в Копенгагене.

Научные интересы М.Г. Абрамзона связаны главным образом с археологией и монетным делом Боспора и античных городов Северного Причерноморья, а также музейными нумизматическими собраниями. Великолепный знаток кладов античных монет этого региона, Михаил Григорьевич более четверти века работал в фондах музеев России, Украины, Абхазии, определяя античные монеты в музейных собраниях и вводя в научный оборот десятки новых монетных кладов, имеющих важное значение для изучения денежного обращения Причерноморья и его контактов с другими регионами античного мира. Эта колоссальная по объему работа получила обобщение в серии каталогов античных монет из собрания ГИМ и ВКИКМЗ: четырехтомник «Римские монеты в собрании Государственного исторического музея. Каталог» (М., 2001–2006 – в соавторстве с Н.А. Фроловой); «Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. Каталог» (М., 2005 – в соавторстве с Н.А. Фроловой); «Античные монеты и свинцовые тессеры Херсонеса Таврического в собрании Государственного исторического музея» (М., 2014 – в соавторстве с Н.А. Фроловой); двухтомник «Корпус боспорских кладов античных монет» (Симферополь–Керчь, 2007–2008 – совместно с Н.А. Фроловой; 2011); трехтомник «Нумизматическая коллекция. Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника» (Симферополь–Керчь, 2005–2019).

В 2019 г. вышел в свет его том *Sylloge Nummorum Graecorum Russland, Staatliches Historisches Museum Moskau, Münzen des Nördlichen Schwarzmeergebietes*. Berlin–Boston: De Gruyter (в соавторстве с У. Петер); а в 2021 г. – сразу два тома в серии «Colloquia Antiqua» (оба в соавторстве с В.Д. Кузнецовым). Один из них – Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. *Coin Hoards*. Vol. XI. *Greek Hoards. The Cimmerian Bosporus*. (Colloquia Antiqua, 32). Leuven–Paris–Bristol: Peeters – продолжил знаменитую серию *Coin Hoards*. Второй – Kuznetsov, V.D., Abramzon, M.G. *The Beginning of Coinage in the Cimmerian Bosporus* (*A Hoard from Phanagoria*). (Colloquia Antiqua, 34). Leuven–Paris–Bristol: Peeters – имеет принципиальное значение для определения начальной даты боспорской чеканки.

Бесспорной заслугой М.Г. Абрамзона и его коллег, создавших новую книжную серию «Археометрия Причерноморья» (с 2020 г.), является развитие целого направления исследований античных монет с помощью широкого спектра новейших естественно-научных методов, пионерских для отечественной нумизматики.

Такие качества юбиляра, как открытость, благожелательность, внимательность, готовность всегда поделиться своим опытом, наряду с его удивительным трудолюбием, сыграли важную роль в формировании широчайшего круга его научного общения, многочисленных профессиональных контактов. Друзья, коллеги, ученики желают Михаилу Григорьевичу здоровья и открытий в любимом деле всей его жизни – античной нумизматике!

Andrey V. Bezrukov,
E-mail: buonogiorno@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1243-2188
Maksim V. Popov,
E-mail: maxim_popov@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-6923-4986
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

А. В. Безруков,
к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории
М. В. Попов,
к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 498–501
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 498–501
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910020348-5

АНТИКОВЕДЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И РЕЦЕПЦИИ АНТИЧНОСТИ

Научный семинар памяти профессора Е.А. Чиглинцева

(Санкт-Петербург, 29 мая 2021 г.)

29 мая 2021 г. провел работу действующий в Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург) антропологический семинар «Боги, люди и миры в прошлом и настоящем» – XII. Собрание было посвящено памяти российского антиковеда, профессора Казанского федерального университета Евгения Александровича Чиглинцева (30.12.1955–01.04.2021). Тема двенадцатого заседания семинара была сформулирована широко: «Антиковедческие концепции и рецепции античности», что отражает разные стороны научных интересов Е.А. Чиглинцева. Эта тема объединила историков, философов, филологов, культурологов, религиоведов и политологов. Докладчики, которые не смогли приехать в Петербург, выступили дистанционно.

Собрание открыл руководитель семинара «Боги, люди и миры в прошлом и настоящем» *А.А. Синицын* (Санкт-Петербург). В своем сообщении «Рецепция Чиглинцева» докладчик рассказал о разных аспектах научной деятельности Е.А. Чиглинцева, сочетавшего мастерство историка, историографа и историка культуры. «“Я об Энкиду, моем друге, плачу...”: Памяти Евгения Александровича Чиглинцева» – так назвал свое выступление *О.Л. Габелко* (Москва), поделившийся воспоминаниями о Е.А. Чиглинцеве, с которым его связывала 30-летняя история профессиональных и дружеских отношений. Мемориальную часть заседания завершил *Э.В. Рунг* (Казань), рассказавший о своих отношениях с Е.А. Чиглинцевым – коллегой и старшим товарищем, о кафедральных мероприятиях и совместных научных проектах, о значении деятельности профессора Чиглинцева в жизни Казанского университета. Был показан фотофильм «Запомни меня...», посвященный Е.А. Чиглинцеву.

Совместный доклад *А.М. Сморчкова* и *С.Н. Федорченко* (Москва) «Электоральная легитимация политической власти: актуальное значение и мифы античного опыта» был посвящен сравнительному анализу процедуры выборов в древности и современности. Основной акцент авторы сделали на том, что в древнем Риме при легитимации электоральной процедуры преобладающую роль играли религиозные акты, а именно две процедуры гадания с целью выявить волю богов (auspicia). Современные государства также пытаются укрепить свою легитимность, внедряя алеаторную форму демократических процедур. Главное отличие, по мнению докладчиков, состоит в том, что в Римской республике не было мощного информационного давления, современная же демократия трансформируется в медиакратию – режим, где интересы политических акторов тесно переплетены с интересами медийных конгломератов. *О.И. Александрова* (Санкт-Петербург) представила сообщение на тему «Что знают пятиклассники о власти народа: отражение истории афинской демократии в актуальных российских школьных учебниках». Взяв за основу учебники, входившие в 2020/2021 учебном году в федеральный перечень, Александрова проанализировала соответствие учебного материала требованиям проекта историко-культурного стандарта и достижениям современного антиковедения. Как отметила докладчица, только в учебнике В.О. Никишина и др. можно найти последовательное изложение истории становления афинской демократии, но текст соответствующего параграфа перегружен конкретной информацией, которая может оказаться тяжелой для восприятия учениками 5 класса.

Дж.Р. Расселл (Фресно, США) в докладе «Предрассудки и близорукость современных ученых как фактор в оценке спорных вопросов древних культур Святой Земли и острова Пасхи:

примеры, подход к проблеме и урок из недавнего романа» на ряде примеров неадекватного понимания явлений прошлого при истолковании различных источников показал ограниченность ученых и неполноту их взглядов на проблемные зоны древней истории. *С.Б. Никонова* (Санкт-Петербург) в докладе «Восточные походы Александра как кульминация античной метафизики» обратила внимание на то, что историки античной философии часто выстраивают «идейное древо» философского ученичества: от Сократа к Платону – Аристотелю – Александру Великому. В эпоху эллинизма взаимовлияние эллинской и восточных культур привело к резкому смещению мировоззренческих предпочтений. По мнению Никоновой, Александр, будучи не мыслителем, а государственным деятелем, перевел действие метафизических принципов в политическую реальность, в реальность актуального мировоззрения.

С сообщением на тему «Майкл Гагарин и его концепция демократического права в классических Афинах» выступил *И.Е. Суриков* (Москва). Докладчик представил критический обзор монографии М. Гагарина «Демократическое право в классических Афинах» (2020), в которой сформулирован ряд оригинальных идей об особенностях классических афинских правовых норм и реалий. Как считает Гагарин, право в афинском полисе воспринималось как неотъемлемая часть демократии, его главной целью мыслилось благо демократического государства и его граждан. В тогдашних правовых представлениях совмещались друг с другом власть закона, справедливость и общественное благо, что не характерно для более поздних юридических практик. Докладчик согласен с Гагариным, что афинское право имело свои недостатки, но к такому типу сообщества, как полис, оно было приспособлено прекрасно, обслуживая нужды этого сообщества лучше, чем это делала бы другая правовая система. *А.С. Соловьева* (Санкт-Петербург) в докладе «Скифская царская власть в отражении Геродота: пример Анахарсиса» обратилась к самому раннему литературному свидетельству о мудреце Анахарсисе. По мнению докладчицы, эта фигура является уникальной среди всех прочих скифов, о которых рассказывает «отец истории»; сравнение греческой и скифской мудрости у Геродота позволяет говорить о том, что историк экстраполировал эллинские понятия о мудрости на Анахарсиса, благодаря чему создал образ скифского мудреца.

В докладе «Философско-математические проблемы континуума в античной Греции, древнем Китае и в древнерусском памятнике XV века» *Р.Н. Дёмин* (Санкт-Петербург) отметил, что проблема бесконечной делимости и вопрос о неделимых интересовали и древнегреческих мыслителей, и мыслителей более позднего времени. Анализ так называемой «Логики Авиасафа», памятника XV в., осуществленный В.П. Зубовым, демонстрирует, что за непривычной оболочкой памятника скрывается обсуждение этих важных философско-математических проблем на Руси в XV–XVII вв. Докладчик показал, что целый ряд аргументов совпадает с релевантными античными и древнекитайскими текстами, что свидетельствует о присутствии философской тематики в интеллектуальной культуре средневековой Руси.

Т.Ф. Теперик (Москва) в докладе «Поэтика рецепции в кино и литературе: образ Клеопатры» обратила внимание на то, что хотя рецепция античности в кинематографе, как правило, опирается на литературную рецепцию, содержание кинообраза в сравнении с текстами может обладать вариативностью. Не случайно кинематографический образ царицы Египта обладает большим разнообразием – от трагического до комедийного. Подобный подход характерен и для античной драматургии, где один и тот же миф и его персонаж могли быть представлены в самых различных интерпретациях. Как показала Т.Ф. Теперик, в кинорецепции Клеопатра воспринимается не только как исторический или литературный персонаж, но и как персонаж мифа. Рецепции античности в кинематографе был посвящен доклад «Образ Кира Великого и репрезентация персов в игровом кино на примере “Томирис”», прочитанный *Э.В. Рунгом* (Казань). Докладчик проанализировал реалии исторической эпохи, представленные в казахстанском художественном фильме режиссера А. Сатаева «Томирис» (2019): вооружение и одежду, «реконструкции» Вавилона и стана массагетов, панорамные сцены переправы персидского войска через Аракс и решающей битвы Кира с Томирис. По мнению Э.В. Рунга, фильм лишь в общих чертах воспроизводит историческую реальность, известную из описания «отца истории», однако многие детали, характеризующие эпоху, заметно усиливают впечатление от просмотра кинокартины. Доклад *Я.Л. Забудской* (Москва) «Греческая трагедия в кинематографическом дискурсе» был посвящен аспектам рецепции образов аттической трагедии в кино. Автор считает, что типология экранизации трагедии схожа с шекспировской: это манера театральная, реалистическая, универсализация и «метатрагедия». Сложность типологии в том,

что к гетерогенной форме адаптируется гетерогенный же материал. Путь актуализации и «осовременивания» (в костюмах ли, в стиле, в проблематике) оказался наиболее продуктивным. В истории кино ушло несколько десятилетий на осознание того, на что европейской литературе понадобилось несколько столетий: античность ценна не как цель, а как средство познания современности. Проблему рецепции античности в современной литературе в своем сообщении «Античность XXI века в романе П. Баркер "Безмолвие девушек"» подняла *С.Р. Тимир-Булатова* (Санкт-Петербург). Кратко изложив сюжет «Безмолвия девушек» (2018), где рассказывается о Троянской войне от лица пленницы Брисеиды, докладчица рассмотрела, каким образом Пэт Баркер интерпретирует известный античный миф, адаптируя его под современную эпоху, какие основные тенденции прослеживаются в романе.

В докладе «Первая научная гипотеза о месте гибели Катилины (От хронистов к эрудитам)» *Н.В. Бугаева* (Москва) на основе детального описания Саллюстия проанализировала гипотезу о месте гибели римского политика, высказанную в XVII в. итальянским эрудитом М. Сальви, который считал, что Катилина погиб на равнине Вайони. По мнению докладчицы, это первая научная гипотеза, поскольку Сальви была приведена система доказательств, инициирована научная дискуссия, поставлена проблема детальной реконструкции передвижения войск противников; в качестве подтверждения своей точки зрения эрудит приводил топонимику и указывал на археологические находки в Вайони. *А.С. Сапогов* (Саратов) в докладе «Балканская Греция как владение персидского царя: два свидетельства Диодора» рассмотрел пассажи «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, в которых нашел отражение один из аспектов имперской идеологии Ахеменидов. В них говорится, что власть царя персов распространяется на весь мир, он может распоряжаться всеми землями и диктовать свою волю всем народам вселенной, в которой нет равных ему. Докладчик высказал предположение, что цари Персии рассматривали Элладу как свои владения, однако эллины могли этого не осознавать, не понимая суть призывов стать «друзьями царя». Ахемениды считали греков потенциальными подданными, ибо «друзья царя» – лишь одна из категорий людей, подвластных персидскому владыке.

В докладе «Удивление и страх божий в античной философии» *Р.В. Светлов* (Калининград / Санкт-Петербург) обратился к пассажу платоновского «Теэтета», в котором Сократ, рассуждая об удивлении и начале философии, вспоминает «Удивительного» (Тавманта), сына Понта и Геи, морского бога. По мнению Светлова, прочтение текстов Платона и Аристотеля – главных источников по греческой «способности удивляться» – показывает, что в «Теэтете» речь идет не о романтическом восхищении перед противоречивой красотой мироздания. По мнению докладчика, для классиков «афинской школы» «философское» удивление означает ситуацию практически нуминозного, т.е. религиозного, потрясения, для описания которого Платоном и был привлечен Тавмант. *О.И. Ставцева* (Санкт-Петербург) в докладе «Рецепция античности у Серена Кьеркегора» рассмотрела темы и понятия, унаследованные от античной культуры, в философских сочинениях датского мыслителя. Автор доклада специально остановилась на образе Сократа в магистерской диссертации Кьеркегора «О понятии иронии с постоянным обращением к Сократу», образах Антигоны и императора Нерона в трактате «Или-или» и понятии «мгновенья» в трактате «Понятие страха». По мнению Ставцевой, эти образы и понятия позволяют оттенить «сократические» нотки философствования классика экзистенциализма.

Н.С. Алмазова и *И.А. Ладынин* (Москва) представили доклад на тему «"Одна из блестящих страниц науки о классической древности": С.Я. Лурье о Ф.Ф. Зелинском и его теории рудиментарных мотивов (СПбФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 95)». Доклад был посвящен характеристике архивного документа – русскоязычного оригинала кратких воспоминаний С.Я. Лурье о Ф.Ф. Зелинском. Эти воспоминания были опубликованы в 1959 г. на польском языке в журнале «Meander». В мемуарах Лурье рассказывает о своих занятиях у Зелинского в 1910-х – начале 1920-х годов, характеризует предложенный Зелинским на материале аттической драмы метод изучения рудиментарных мотивов и показывает его возможности для изучения древнего сознания.

И.Н. Авраменко (Саратов) выступил с сообщением на тему «Безымянные христианки в VIII книге "Церковной истории" Евсевия Кесарийского». Описывая сцены мученичества женщин-христианок, Евсевий в «Церковной истории» не указывает имена героинь, которые прибегают к самоубийству под угрозой потери чести, поскольку в IV в. у Церкви не было единой позиции в отношении самоубийства. Но, как считает автор доклада, некоторые характерные черты и детали событий позволяли современникам угадать, о ком именно рассказы-

вает Евсевий. Сохраняя анонимность христианки из Александрии, церковный историк мог руководствоваться иным мотивом (пассаж заканчивается ссылкой героини). По мнению Авраменко, таким мотивом могла быть связь этой женщины с неортодоксальным течением в христианстве. В докладе *А.В. Зибаева* (Сургут) «Позднеантичные авторы об африканском происхождении чумы: взгляд Евагрия Схоластика (*Hist. Ecc*. IV.29)» была рассмотрена проблема географического происхождения так называемой «Юстиниановой чумы» в литературе VI в. Как отметил докладчик, рассказ о чуме в «Церковной истории» Евагрия Схоластика традиционно относят к важным свидетельствам первой пандемии, вероятно унесшей жизни почти половины населения Средиземноморья. Размышления Евагрия о причинах эпидемии совпадают с окончанием «Юстиниановой чумы» и началом осмысления катастрофы позднеримским обществом. Источником заразных болезней античные авторы считали Эфиопию.

У.У. Тримбл (Филадельфия, США / Санкт-Петербург, Россия) выступил с сообщением на тему «Теория темпераментов, “душа печени” и ритуалистические источники платоновского “Тимея” (71b–c)». Докладчик охарактеризовал различные мнения от неоплатонизма и до постмодернизма о смысле и предпосылках диалога Платона «Тимей». Затем, сопоставив данные недавних открытий и античные варианты гуморальной теории, Тримбл проанализировал один малоизученный фрагмент о функции печени в космологической системе «Тимея». В докладе «Суд над Сократом: политика и/или религия? (Сократ и Критий)» *И.Н. Мочалова* (Санкт-Петербург) отметила, что наиболее распространенной версией в объяснении причин суда над Сократом является утверждение политической подоплеки этого процесса. Открытому обвинению афинского мудреца в связях с Тридцатью тиранами и с возглавившим их Критием мешал закон об амнистии, принятый после поражения Тридцати. Мочалова проанализировала формирование нарратива о Сократе как наставнике Крития, несущем ответственность за содеянное его «учеником», и пришла к выводу, что основанием для обвинения Сократа были его религиозные взгляды.

Заседание завершилось выступлением *А.А. Синицына* на тему «Феллини и Архилох». Докладчик остановился на двух цитатах из архаического лирика, которые встречаются в фильмах Федерико Феллини. Первая – в сцене на «вилле самоубийц» в «Сатириконе», когда Аскилт декламирует строки из Архилоха о стратеге-щеголе (fr. 114 West); вторая – в сцене урока древнегреческого языка в «Амаркорде», когда учитель цитирует фрагмент стихотворения лирика о горе-победителях (fr. 101 West). По мнению Синицына, выбор Архилоха мог быть обусловлен не только занятиями Феллини классическими языками в лицее Юлия Цезаря в Римини, но и симпатией мастера карнавального киноискусства к сатирическому духу творчества Архилоха.

В заключение руководитель семинара А.А. Синицын подвел итоги заседания, отметив тематическую полифонию прозвучавших докладов и продуктивность дискуссии. В работе приняли участие 26 докладчиков. Всего на заседании присутствовали (в том числе и дистанционно) свыше 60 участников из Петербурга, Москвы, Казани, Калининграда, Калуги, Омска, Саратова, Сургута, Риги (Латвия), Филадельфии и Фресно (США). Многие докладчики начинали выступления с личных воспоминаний о Е.А. Чиглинцеве. Бóльшая часть докладов была посвящена проблемам рецепции античной культуры; прозвучали сообщения по источниковедению и историографии, античной истории, философии и искусству.

Aleksandr A. Sinitsyn,

Russian Christian Academy for the Humanities,
Saint Petersburg, Russia

E-mail: aa.sinizin@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9229-0217

Roman V. Svetlov,

Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia

E-mail: spatha@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7767-1441

А.А. Синицын,

к.и.н., доцент Русской христианской гуманитарной академии,

Санкт-Петербург, Россия

Р.В. Светлов,

д.филос.н., профессор, директор высшей школы философии истории и социальных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта,

Калининград, Россия

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 502–503
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 502–503
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910020350-8

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ, НО НЕ ТОЛЬКО»

(Москва, 29 июня 2021 г.)

Памяти Евгения Александровича Чиглинцева

Отделом сравнительного изучения древних цивилизаций и Центром по изучению холодной войны Института всеобщей истории РАН 29 июня 2021 г. был проведен круглый стол, посвященный памяти Е.А. Чиглинцева (1955–2021). Участники конференции, которая проводилась в смешанном онлайн- и офлайн-формате (организатор С.Г. Карпюк), заслушали и обсудили восемь докладов, посвященных рецепции и историографии древности.

Круглый стол открылся сообщением *Э.В. Рунга* (Казань), посвященным научной биографии и научно-педагогической деятельности Е.А. Чиглинцева. Затем, в докладе «От Пифарха до Роулинсона и далее: граффити на памятниках Древней Персии как “эпиграфическая рецепция”», Э.В. Рунг рассмотрел как древние, так и относящиеся к позднейшим эпохам граффити на монументальных памятниках и в исторических местах Египта и Ближнего Востока. Особое внимание докладчик уделил граффити, находящимся рядом со знаменитой Бехистунской надписью.

В докладе «Спартак: несоветская рецепция в советских условиях» *С.Б. Крих* (Омск) кратко описал, как в настоящее время выглядят результаты работы над рецепцией образа Спартака, в том числе благодаря исследованиям Е.А. Чиглинцева. Также была поставлена проблема своеобразия советского опыта рецепции античных образов: если в историографии можно говорить о специфике советского понимания «третьей рабской войны», то в советской культуре в целом работали те же самые принципы рецепции, что и в либеральной западной культуре, но с более сильным «левым» уклоном. Это соображение можно проиллюстрировать сопоставлением двух произведений XX в., приблизительно в равной мере отталкивающихся от «главного» произведения XIX в. о Спартаке (романа Р. Джованьоли). И в повести В. Яна, и в романе Г. Фаста обнаруживаются сходные моменты в перекодировании образа Спартака в рамках «левой» повестки. Это позволяет говорить о том, что вообще советская рецепция античности была «советской» в основном из-за привходящих факторов: прежде всего сравнительно слабой укорененности античной культуры в советской массовой культуре. Последнее положение доклада вызвало наибольшее внимание при его обсуждении; в дискуссии было указано на то, что античная мифология как раз оказалась достаточно глубоко инкорпорирована в советскую культуру.

О.В. Кулишова (Санкт-Петербург) в докладе «Древнегреческий театр в научно-популярном кино XXI в.» рассмотрела различные аспекты воплощения и актуализации темы античного театра в ряде фильмов последних десятилетий по истории и культуре античной цивилизации. В центре внимания автора доклада был анализ фильма «Древняя Греция: величайший спектакль на земле» («Ancient Greece: The Greatest Show on Earth», 2013), автором сценария и ведущим которого является профессор Уорикского университета Майкл Скотт.

О.В. Метель (Омск) рассмотрела некоторые аспекты развития историографических исследований в Казани в 1940–1980-е годы. Она обратилась к фигуре А.С. Шофмана, показав его роль в развитии данного научного направления. Далее она показала причины обращения к данной тематике коллег и учеников Шофмана. В целом, автор указала на необходимость дальнейшего изучения региональных историографических центров с привлечением архивных материалов.

В докладе *М.С. Петровой* (Москва) «Рецепция латинского грамматического знания в России XVI–XVII вв.: Элий Донат и Дмитрий Герасимов» с точки зрения рецепции латинского

грамматического знания в русской культуре рассматривалось «учение» о буквах, изложенное Элием Донатом (IV в.) в «Ars grammatica», а также восходящий к нему фрагмент из текста, приписываемого Дмитрию Герасимову (XVI в.) и неизвестным переписчикам XVII в.

В докладе *А. Павловской* (Варшава) «Просто(й) миф: советские стратегии пересказа древнегреческих мифов для детей» были проанализированы способы адаптации текстов мифов для детской аудитории на примере серии мультфильмов «Легенды и мифы древней Греции» режиссера А.Г. Снежко-Блоцкой (1969–1974). Адаптация мифов была рассмотрена с точки зрения прагматического, стилистического и лингвокультурного аспектов в контексте изданий по мифологии для детей, опубликованных в СССР до 1969 г. Кроме аудиовизуального ряда фильмов были исследованы архивные материалы, в которых содержится обсуждение фильмов на заседаниях худсоветов, а также различные версии сценариев фильмов.

Доклад *С.Г. Карпюка* (Москва) «Предысториография: “Меморандум Финкельштейна” и научные труды Мозеса Финли» был посвящен проблеме воздействия написанного в 1944 г. знаменитым историком политического документа, посвященного острым политическим проблемам современности, на его последующие научные труды. В докладе был поставлен вопрос о зависимости научного творчества историков от их социально-политических взглядов.

В докладе *А.В. Ашаевой* (Москва) «От республики к империи и обратно: рецепция античности в США в конце XX – начале XXI в.» были рассмотрены примеры рецепции античности в США. Современные США дают пример уникальной вовлеченности истории античности в животрепещущие общественные проблемы и, напротив, демонстрируют влияние острых проблем современности на труды профессиональных историков. Рецепция античности занимает все больше и больше места в общем объеме классических исследований.

Sergey G. Karpyuk,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: oxlos@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8515-9560

С.Г. Карпюк,

д.и.н., г.н.с. отдела сравнительного изучения
древних цивилизаций,
Институт всеобщей истории РАН,

Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 504–511
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 504–511
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910020351-9

XXIII ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

(Санкт-Петербург, 27–29 октября 2021 г.)

27–29 октября 2021 г. в Санкт-Петербургском государственном университете состоялась Всероссийская научная конференция «Жебелёвские чтения – XXIII». В связи с пандемией конференция проводилась в смешанном формате, при котором одни докладчики и слушатели присутствовали в аудитории, другие участвовали через интернет. На конференции доклады представили ученые из многих городов нашей страны – из Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Казани, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Самары, Саратова, Тобольска, Челябинска и других, а также из нескольких зарубежных стран – из Белоруссии, Германии, Латвии, Украины, Финляндии.

Конференция открылась 27 октября приветствиями, с которыми выступили директор Института истории СПбГУ проф. А.Х. Даудов, председатель научной комиссии Института истории СПбГУ проф. А.И. Филюшкин, а также заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима СПбГУ, председатель программного комитета конференции проф. О.Ю. Климов. В приветствиях отмечалось развитие на историческом факультете и в Институте истории СПбГУ продолжительной традиции проведения подобных антиковедческих форумов, традиционно высокий научный уровень докладов, участие в конференции как опытных, так и молодых исследователей.

На первом пленарном заседании прозвучало три доклада. *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) посвятил свое выступление теме «Рим на пути к имперскому гражданству (от Союзнической войны до эдикта Каракаллы)». В докладе он выделил и охарактеризовал основные этапы эволюции института римского гражданства, рассмотрел факторы и историческую логику развития процесса, итогом которого стало распространение прав civitas Romana на почти все свободное население Римской империи. По мнению докладчика, правовая и политическая специфика того гражданского статуса, который сложился в античном Риме, обусловливала возможности его расширения, оказавшиеся востребованными в условиях складывания мировой империи. В докладе *В.Н. Парфенова* (Саратов) на тему «Преторианский мятеж осени 97 г. и загадка Касперия Элиана» были проанализированы события в Риме после убийства императора Домициана, когда преторианская гвардия взбунтовалась и потребовала от принцепса Нервы выдать им на расправу убийц его предшественника. Автор доклада считает возможным, что вдохновитель мятежа префект претория Касперий Элиан действовал в интересах либо Траяна, либо кого-то из его возможных соперников, наместников провинций. *О.В. Кулишова* (Санкт-Петербург) выступила с докладом на тему «“Настоящий мастер в эпиграфике...”: К 100-летию со дня смерти А.В. Никитского». Она рассказала о вкладе Никитского в изучение дельфийских надписей, значение которого отмечалось как отечественными, так и зарубежными учеными. Особенности методики его работы с надписями были проанализированы в докладе на основании как его опубликованных работ, так и многочисленных архивных материалов – подготовительных записей и черновиков, которые хранятся в фонде А.В. Никитского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

На конференции была запланирована работа девяти секций: истории древней Греции; истории эллинизма; истории древнего Рима; истории поздней античности; периферии античного мира; искусства, культуры и археологии античного мира; истории раннего христианства; истории науки об античности.

Программа работы секции истории древней Греции включала два заседания. Первое из них открылось докладом «Эволюция образа тирана Поликрата», в котором *Н.А. Шергина* (Санкт-Петербург) сделала попытку проследить особенности восприятия фигуры самосского тирана в различные исторические эпохи. *С.М. Жестоканов* (Санкт-Петербург) в докладе «Хронология династии Орфагоридов», проанализировав сообщения античной традиции о сикионских тиранах, предложил датировку династии Орфагоридов и ее отдельных представителей, а также отметил, что в правлении сикионских тиранов можно выделить два этапа, разделенных временным восстановлением дотиранической формы правления. Выступление *А.А. Синицына* (Санкт-Петербург) было посвящено теме «О логографах, логопойях и алетейе в трудах эллинских историков и философов (Геродот, Фукидид и Платон)». Докладчик показал, что осуждение логографов и логопойев, которое мы находим у Платона, созвучно с фукидидовским: как афинский историк противопоставляет свое исследование сочинениям поэтов и писателей-логографов, так и афинский философ противопоставляет речам логопойев свои диалоги. *О.А. Рыканцова* (Санкт-Петербург) в докладе «“Птицы” Аристофана и мечты о Фракии» указала, что относительно сущности этой пьесы и ее возможного политического контекста высказывались противоречивые мнения: одни считают ее примером аполитичной комедии, карнавальной феерии, другие, наоборот, спорят о событиях, повлиявших на ее создание. В то время как в этой комедии, поставленной на Великих Дионисиях 414 г. до н.э., чаще всего видят отражение драматически развивавшейся Сицилийской экспедиции афинян, автор доклада обратилась к разбору альтернативной версии о влиянии отношений с фракийцами на эту пьесу, которая была предложена в одном из последних исследований Э. Холл. В докладе «Особенности антропоморфных эпифаний богов и героев во время сражений» *С.Р. Тимир-Булатова* (Санкт-Петербург), обратившись к свидетельствам греческих историков, описывающих явление богов и героев во время различных военных кампаний, сделала попытку определить особенности антропоморфных явлений в целом, а также различия между эпифаниями богов и героев. *А.М. Бутягин* (Санкт-Петербург) в докладе «Причины формирования стратегий греко-варварских взаимоотношений в основных центрах Северного Причерноморья» подчеркнул, что три главных античных центра в этом регионе выбрали разные стратегии во взаимоотношениях с местными племенами: Ольвия платила дань кочевым племенам, и даже, вероятно, подпадала под их протекторат; Херсонес избрал стратегию вооруженного противостояния; на Боспоре сформировалось уникальное греко-варварское государство. По мнению докладчика, этот выбор определялся прежде всего географическим положением греческих государств, а также особенностями расселения местных племен.

Л.Г. Печатнова (Санкт-Петербург) в докладе «Спартанские цари и община “равных”» обратила внимание на целый ряд отличий спартанских царей от основной массы спартанских граждан, проанализировала свидетельства источников об особом статусе царей и сделала попытку объяснить причины длительного сохранения в Спарте псевдоархаической царской власти. *Т.В. Кудрявцева* (Санкт-Петербург) представила слушателям доклад на тему «Попечение о сиротах в афинском полисе и процесс против декрета Феозотида». В докладе был рассмотрен процесс по жалобе на противозаконие, выдвинутой против предложения Феозотида (конец V в. до н.э.), который внес в народное собрание псефисму о государственной помощи детям афинских граждан, погибших во времена тирании, сражаясь за родину. Обратившись к обвинительной речи Лисия, от которой сохранились незначительные фрагменты, Кудрявцева рассмотрела вопрос о том, что побудило оратора, пострадавшего во время Тирании тридцати, выступить против данного предложения. *С.А. Тахтаджян* (Санкт-Петербург) в докладе «Датировка клиники Антифонта» на основании откликов в трагедиях Еврипида на трактат «О согласии» Антифонта, материалом для которого послужила психотерапевтическая практика, заключил, что этот трактат появился не позднее 438 г. до н.э., который он считает terminus ante quem и для клиники. Согласно еще одному аргументу докладчика, открытие клиники Антифонта в Коринфе могло произойти только в период мира между Афинами и Коринфом, т.е. либо в период с 451 по 446, либо между 445 и 438 г. Доклад *А.С. Соловьевой* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «Легенда об основании македонской династии Аргеадов: античные письменные свидетельства и нумизматика». Сопоставляя ранние македонские монеты с фракийскими, автор доклада сделала попытку оценить степень фракийского влияния на формирование легенды о происхождении династии Аргеадов. В докладе также был рассмотрен вопрос о том, как повлияла политика Александра I на складывание рассказа о греческом происхождении македонской династии. *О.И. Александрова* (Санкт-Петербург) в докладе «Особенности организации процессов по морским торговым делам (δίκαι ἐμπορικαί) в IV в. до н.э.» обратилась к вопросу о характере существовавшей в Афинах практике быстрого рассмотрения подобных дел, о чем упоминает Демосфен,

и пришла к следующим заключениям: можно говорить о том, что иски, попадавшие в категорию δίκαι ἐμποριϰαί, рассматривались в течение месяца, что объясняется необходимостью создания как можно более комфортных условий для иностранных купцов; вероятно, в течение месяца полагалось рассмотреть и поданные протесты; можно думать, что протест на решение по таким процессам разрешалось подавать не более двух раз. *Е.Е. Земцова* (Санкт-Петербург) в докладе «Эвгемер и остров Панхайя: вымышленное путешествие в контексте утопии» подняла вопрос о сходстве Панхайи Эвгемера с утопиями Гомера, Гипподама, Фалея, Платона и о ее специфических чертах, не встречающихся в более ранней традиции, а также указала на важность мотива «вымышленного путешествия», который затем активно будет развиваться в Средние века и Новое время.

Секция истории эллинизма провела два заседания. *Р.Н. Рубцов* (Санкт-Петербург) в своем выступлении на тему «Был ли Пигрет переводчиком Кира?» отметил, что в «Анабасисе» Ксенофонта словом ἑρμηνεύς назван Пигрет, один из сопровождающих Кира в его военном походе. Докладчик проанализировал деятельность Пигрета и спектр значений слова ἑρμηνεύς в греческой литературе V–IV вв. до н.э. *Э.В. Рунг* (Казань) в докладе на тему «Употребление терминов “сатрапия” и “сатрап” при обращении к истории Ахеменидской империи в античной исторической традиции» сделал вывод, что в империи Ахеменидов Мардонием в период с 492 по 479 г. до н.э. готовилось создание эллинской сатрапии. *М.М. Холод* (Санкт-Петербург) в докладе «Сатрапы в державе Александра Великого» проследил, как менялась позиция македонского царя по выбору глав своих азиатских провинций и определению их функций: от назначения на эти посты в первые годы кампании в основном македонских полководцев через широкое привлечение после битвы при Гавгамелах представителей главным образом персидской знати к вновь преимущественному назначению на них македонян (либо греков) в последние годы его царствования. Тему «Отображение божественности Гефестиона» проанализировала в своем выступлении *Е.Ю. Баулина* (Киев, Украина), которая представила подробную реконструкцию погребальных церемоний в память о Гефестионе, а также рассмотрела дискуссионные аспекты посмертного почитания Гефестиона. *Ю.В. Бабенкова* (Санкт-Петербург) сделала доклад на тему «Установление протектората в Гераклее Понтийской: от тирании к демократии», в котором охарактеризовала события истории Гераклеи после устранения Лисимахом тирании и до восстановления демократического строя после битвы при Курупедионе в 281 г. до н.э. *В.Б. Михайлов* (Ростов-на-Дону) в докладе «Эвмен из Кардии и армия: аспекты взаимоотношений» проанализировал отношения Эвмена с различными войсковыми контингентами: с воинами из провинции (преимущественно каппадокийцами), македонянами, наемниками.

В докладе *С.С. Казарова* (Ростов-на-Дону) была рассмотрена тема «Война с Пирром в контексте развития Рима III в. до н.э.». Автор доклада предложил считать войну Рима с Пирром рубежом, после которого римляне захватили Сицилию, а затем овладели всем Средиземноморьем. Кроме того, война с Пирром открыла процесс изменения всего облика Римского государства, затронув его традиционные моральные устои, экономику и культуру. *С.К. Сизов* (Нижний Новгород) в докладе на тему «Гражданское и этническое самосознание “ахейцев” в эллинистическом Пелопоннесе» отметил, что граждане полисов, вошедших в Ахейский союз в III–II вв. до н.э., обычно в литературной традиции и в эпиграфике именуются «ахейцами», однако это название отражало скорее принадлежность их родных городов к федерации, а не гражданскую или этническую идентификацию. Ряд признаков указывает на то, что «ахейцы» ощущали себя прежде всего, если не исключительно, гражданами родного полиса. В этническом отношении они продолжали считать себя «аркадянами», «элейцами» или «дриопами». Тему «Религиозные обычаи полисов и традиционные жанры греческой литературы в эпоху эллинизма» рассмотрела в своем выступлении *А.Б. Шарнина* (Санкт-Петербург), обратив внимание на новые явления в культуре эпохи эллинизма, наряду с которыми сохранялись древние религиозные традиции. Религиозные праздники способствовали распространению греческой культуры и поддержанию чувства единства эллинов, несмотря на разделяющие их расстояния и границы. *А.А. Антонов* (Санкт-Петербург) в докладе «Знатные семьи Приены в конце II в. до н.э.» проанализировал приенские надписи, которые раскрывают внутреннюю и внешнеполитическую жизнь полиса, и отметил, что во внутренней жизни Приены доминировала группа знатных семей, влиявших на политику полиса и конкурировавших между собой. *Е.О. Стоянов* (Санкт-Петербург) предложил вниманию коллег доклад на тему «Strab. XI. 10. 1: пропущенное свидетельство или спорная конъектура?», в котором рассмотрел проблему чтения одного из спорных мест в «Географии» Страбона. Поврежденный текст, традиционно читавшийся как ὁμορεῖ δὲ ἡ Ἀρία τῇ Βαϰτριανῇ ϰαὶ τὴν ὑποστᾶσαν ὄρει τῷ ἔχοντι τὴν Βαϰτριανήν, в новом критическом издании Шт. Радта (2004) был прочитан как ...ϰαὶ ἦν ὑπὸ Στασάνορι τῷ ἔχοντι τὴν Βαϰτριανήν. Если эта конъ-

ектура верна, появляется еще одно, не учтенное прежде, свидетельство о Стасаноре Солийском – важнейшей политической фигуре верхних сатрапий эпохи диадохов. Доклад *В.П. Никонорова* (Санкт-Петербург) по теме «К проблеме военного дела в Кушанской империи (источники и их интерпретация)» был посвящен новым находкам, а также новым интерпретациям уже известных материалов, дополнительно проливающих свет на проблему становления и развития военного дела Кушанской империи. Основное внимание уделено источникам, относящимся к юэчжийско-раннекушанскому времени (II в. до н.э. – I в. н.э.): изображениям на шерстяных тканях из могильника Ноин-Ула (Северная Монголия) и поселения Сампул (Синьцзян), а также скульптурным фрагментам из Халчаяна (Южный Узбекистан).

Секция истории древнего Рима провела три заседания. Первое из них открылось выступлением *А.В. Коптева* (Хельсинки, Финляндия) «Порсенна и Рим: о происхождении сведений». Докладчик отметил, что сведения о царе Порсенне встречаются исключительно в мифологии и сочинениях поздних историков. Их источником был Тимей, интерпретировавший более ранние сообщения в контексте своего времени. По этой причине, по мнению докладчика, сам факт похода Порсенны в Лаций, с которым в то время его ничто не связывало, весьма сомнителен. *В.А. Квашнин* (Вологда) рассмотрел в своем докладе «История одной ошибки: Квинт Фабий Максим и храм Геркулеса» историю идеологической борьбы между Римом и Карфагеном в период Второй Пунической войны, обратив особое внимание на религиозную политику Кв. Фабия Максима, и прежде всего на обращение последнего к культу Геркулеса. Доклад *И.Н. Степанова* (Санкт-Петербург) «Земельный вопрос в “Гражданских войнах” Аппиана» был посвящен выяснению роли земельного вопроса в римской истории и его использования в борьбе за власть лидерами различных политических группировок. *Н.А. Филянов* (Москва) в своем выступлении на тему «Сулла, Рим и самниты: “самнитский вопрос” в политическом дискурсе 80-х гг. до н.э.» представил анализ сообщений Страбона о действиях Л. Корнелия Суллы в борьбе с самнитами, и прежде всего сведений об использовании римским диктатором «самнитского вопроса» для дискредитации своих политических противников, главным образом, Корнелия Цинны и Мариев Старшего и Младшего. В докладе *М.Н. Кирилловой* (Москва) «Планы римских колоний в II в. до н.э. – II в. н.э.» были изложены взгляды автора доклада на причины появления и эволюцию планов римских колоний, представлявших документы, содержавшие информацию о составе земель колоний: частных участках, их хозяевах, общественных угодьях и способах их использования.

В.О. Никишин (Москва) представил доклад на тему «Verba volant, scripta manent: тематика римских граффити». По мнению докладчика, античные граффити являлись своего рода аналогом современных социальных сетей и являлись исключительно популярным средством коммуникации, и комплексный подход к изучению римских граффити, как заметил выступающий, требует учитывать ряд факторов, включая локализацию, мотивацию авторов граффити, а также их стиль и орфографию. В докладе «Эквиты в системе провинциального управления (период Ранней империи)» *С.В. Телепень* (Мозырь, Беларусь) рассмотрел процесс включения римских всадников в систему государственного управления и указал на поэтапное превращение прокураторов-эквитов из личных представителей принцепса в категорию имперских чиновников провинциальной администрации. *К.В. Марков* (Нижний Новгород) посвятил свой доклад «Идеальный принципат сенатора Кассия Диона: “абсолютная монархия” или “государственная система смешанного типа”?» анализу различных точек зрения современных исследователей о политических воззрениях Кассия Диона, и в частности о проекте государственного устройства, представленном в «Речи Мецената». При этом докладчик отметил, что распространенное в историографии мнение о том, будто идеальным государственным строем Дион считал «абсолютную монархию», представляется не бесспорным. *Е.Б. Мирзоев* (Москва) выступил с докладом «Восточный поход Гордиана III. Ключевые события и последствия», в котором рассмотрел различные версии смерти Гордиана III и высказал свое мнение по данному вопросу, а также указал, что решающим событием восточного похода следует считать битву при Месихе. В докладе «О статусе города Рима в период тетрархии Диоклетиана» *И.А. Миролюбов* (Москва) предложил свои взгляды на процесс утраты Римом статуса политико-административного центра империи в период раннего домината в связи с обострением напряженности на границах римской державы и возникновением новых постоянных резиденций императоров и их соправителей.

А.Л. Янко (Полтава, Украина) предложил слушателям доклад на тему «К происхождению римских Вакханалий: этрусский след». Докладчик связал свидетельство Тита Ливия (Liv. XXXIX. 8. 3; 9. 1) с этрусской надписью на саркофаге Лариса Пулены, сообщающей, что он «prums pules larisal creices» (правнук Пулы Лариса грека) (CIE, № 5430 = TLE, № 131 = ET Ta 1.17). Эта надпись

позволяет увидеть в нем безымянного грека из текста Ливия, а также выявить отличия в отношении к Вакханалиям этрусков и римлян. *А.Н. Грешных* (Москва) сделала доклад «Римский миф и римская космогония: к постановке проблемы». Выступление *А.А. Зайцева* (Санкт-Петербург / Трир, Германия) «Панеций и Публий Корнелий Сципион Эмилиан: рецепция взаимоотношений в античной литературной традиции» было посвящено исследованию античных свидетельств о связи философа и политика (всего 22 фрагмента). В докладе было показано, как с течением времени упоминание о взаимоотношениях Панеция со Сципионом стало одним из общих мест античной литературы и риторики и изучено, как разные авторы от Цицерона до Симмаха пользовались этим клише. *С.А. Жабрева* (Санкт-Петербург) в докладе «Особенности изучения римских культов Северной Африки: источники и проблемы» рассмотрела вопросы, связанные с появлением и распространением этих культов, с их соотношением с пуническими и берберскими культами и с иконографией различных божеств в римской Африке, при этом специальное внимание было уделено культу Нептуна. *Г.Д. Габарашвили* (Ростов-на-Дону) представил доклад «Распространение культа Антиноя в период правления императора Адриана (117–138 гг.)», в котором отметил, что основным регионом распространения культа были восточные провинции империи, особенно районы с преобладанием греческого или египетского населения. Это было связано с синкретическими чертами культа Антиноя: в Египте он отождествлялся с Осирисом, а у эллинов с Ганимедом.

Работа секции периферии античного мира началась с выступления *А.Е. Барышникова* (Нижний Новгород) на тему «Кто основал Каллеву атребатов?». Докладчик изложил мнения современных исследователей по проблеме основания британского поселения Каллева атребатов (совр. Силчестер), обратив особое внимание на гипотезу М. Фулфорда, а также предложил собственные взгляды по интересующей его теме. *Ю.С. Веселова* и *П.Ю. Фадеева* (Москва) предложили слушателям доклад «“Образ будущего”: о социально-психологических причинах имитации элементов римской культуры в Римской Британии», в котором, рассмотрев социально-психологические механизмы воспроизводства одним народом элементов культуры другого этноса, пришли к выводу, что причины воспроизводства римской культуры в Британии кроются в психологических механизмах формирования групповой идентичности. Еще один доклад на тему античной Британии, «Особенности процесса смены границ Римской Британии в середине II в.», сделанный *К.С. Данилочкиной* (Москва), был посвящен вопросам создания системы оборонительных укреплений на северной границе данной провинции и ее изменения в период правления Антонинов. *Д.С. Васько* (Санкт-Петербург) в докладе «“В глазах пантикапейцев”: о значении сюжета росписи свадебного лебета из Государственного Эрмитажа» предложил свою интерпретацию сюжета росписи известного сосуда из коллекции Эрмитажа в контексте современной ему политической и социальной ситуации в Афинах и на Боспоре. *А.А. Еремеева* (Санкт-Петербург) посвятила свое выступление «Архитектурный декор и расписная штукатурка жилой застройки Пантикапея в исследованиях М.И. Ростовцева и К.Е. Думберга» истории исследования архитектурного комплекса, открытого на территории городища Пантикапей К.Е. Думбергом, и классификации фрагментов декора этого памятника М.И. Ростовцевым.

Отдельная секция была посвящена проблемам истории поздней античности. Открывший заседание секции доклад *Я.Е. Янькина* (Санкт-Петербург) «Образ последних Антонинов и Северов в христианской исторической традиции IV–VI вв.» был посвящен анализу сообщений христианских историков о римских императорах II–III вв. *Е.А. Мехамадиев* (Санкт-Петербург) в докладе «Аламанны и галльский узурпатор Магн Максим (383–388 гг.) в трудах Амвросия Медиоланского и галльского ритора Паката: к вопросу о жанровом разнообразии позднеримской риторической традиции» представил анализ сообщений двух позднеримских авторов о взаимоотношениях аламаннов и Магна Максима. *А.В. Зибаев* (Сургут / Тюмень), выступивший с докладом «Влияние идей Гиппократа на медицинские описания позднеантичных авторов: протекание чумы глазами Прокопия Кесарийского (Procop. De bellis. IV.14, 5–6; II. 23)», ознакомил слушателей с описанием византийским историком современной ему эпидемии чумы и отметил влияние на это описание взглядов знаменитого древнегреческого медика Гиппократа. *Д.М. Омельченко* (Санкт-Петербург) в докладе «Богослужебные практики в позднеантичном Арелате в свете последних археологических открытий» рассказала о недавнем открытии археологами в исторической части г. Арль культовых построек V–VI вв. и указала на перспективы соотнесения данных нарративных и археологических источников для изучения богослужебных практик позднеантичного Арелата. В завершающем заседание секции докладе *П.В. Шувалова* (Санкт-Петербург) «Славяне и античное Средиземноморье (общий обзор проблем)» были рассмотрены вопросы происхождения термина «венеды» и применения его к раз-

личным этническим группам, а также проблемы генезиса праславян и распространения их на север в лесную зону протобалтских и финно-угорских племен.

Работа секции, посвященной истории раннего христианства, включала два заседания и открылась докладом *К.А. Битнера* (Санкт-Петербург) «О жертвоприношениях в “Письме Аристея”», где обсуждалась важность «Письма» (II в. до н.э.) для понимания эволюции иудейских представлений о значимости института жертвоприношений. Первоначально в древнеизраильской религии жертвоприношение рассматривалось как акт кормления божества, однако библейские авторы либо оспаривали подобное представление, либо не упоминали о нем, при этом четкое объяснение функции жертвы в древнеиудейских текстах отсутствовало вплоть до эллинистического периода. В «Письме» впервые в иудейской истории дается философское обоснование функции жертвоприношения как аллегории настроения человеческой души. «Письму Аристея» был посвящен и следующий доклад *А.С. Волчкова* (Санкт-Петербург) «Что общего у Александрии и Иерусалима? Сакральная топография “Письма Аристея”». В этом тексте рассказывается, как жители Александрии захотели перевести священный текст евреев на греческий язык, для чего отправили посольство в Иерусалим. Докладчик рассмотрел, как автором «Письма» воспринимается городское пространство Александрии и Иерусалима. *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург) в докладе «Изображения распятия в римском искусстве» проанализировал причины малой популярности данного сюжета. При богатой литературной традиции нам известно всего несколько изображений: это фреска из гробницы Ариети в Риме (III–I вв. до н.э.); граффито из Путеол (начало II в.н.э.) и граффито Алексамена в Риме (рубеж II–III в. н.э.). Их малочисленность может быть следствием того, что для римлян этот обычай с самого начала считался варварским и применимым только к рабам и негражданам; этот сюжет не мог использоваться для пропаганды имперской идеологии или поддержания римской идентичности. В докладе «Образцы римской доблести в агиографической традиции: пародия или интертекстуальность?» *А.В. Васильев* (Санкт-Петербург) рассмотрел ряд примеров героизма язычников, встречающихся в агиографической литературе III–V вв. (Лукреция, Муций Сцевола, Марк Атилий Регул). Автор продемонстрировал обусловленность выбора этих примеров культурно-образовательным контекстом, в котором жили и творили раннехристианские писатели. *И.Н. Авраменко* (Саратов) изучил отрывок из «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (VIII. 14. 15), где рассказывается о не названной по имени знатной христианке. Докладчик предпринял попытку раскрыть ее анонимность, провел сопоставление с другими христианками-мученицами, упомянутыми в той же VIII книге, и исследовал вопрос о мотивах Евсевия, оставившего героиню указанного пассажа безымянной. В докладе *А.Л. Мамонтова* (Санкт-Петербург) «Старое и новое в поздней империи: африканские донатисты как “доконстантиновский анклав” в церкви IV–V вв.» для описания специфики положения донатистов было использовано понятие «доконстантиновский анклав», подчеркивающее их сходство с гонимой церковью прошлого, так как для них была крайне важна замкнутая идентичность и непосредственное подражание мученикам. Впрочем, при случае замкнутость сменялась использованием обычных для той эпохи средств религиозной борьбы, и анклавом донатисты были скорее в собственном представлении.

А.А. Клецов (Саратов) в докладе «Эволюция понятий νοῦς и πνεῦμα в античной философской психологии до возникновения христианства» продемонстрировал, что эти понятия эволюционировали в сторону их дематериализации/спиритуализации (трансцендентации) с одновременной конвергенцией их семантических значений; важной в этом процессе была роль стоиков, в частности Посидония. В русле этой традиции в I–II вв. νοῦς и πνεῦμα усваиваются христианской антропологией в их духовно-психологическом смысле. *А.В. Каргальцев* (Санкт-Петербург) в докладе «Социальная и гендерная структура раннехристианских общин Северной Африки» проанализировал на основании данных ранней агиографии состав церковных общин этого региона, уделив особое внимание «полярным» группам – представителям местных элит и рабам. Отдельное внимание было уделено роли женщин в общинах и изучению их социального статуса. *А.А. Королев* (Москва) сделал доклад «Небесные категории в раннем христианстве: харизматические служения, церковная бюрократия и communio sanctorum», в котором показал, что некоторые положения фундаментального исследования И. Кирша «Учение об общине святых во Христе» (1900) сохраняют свою важность и сегодня. В докладе *А.Н. Крюковой* (Москва) «Метаморфозы женских образов в позднеантичных сказаниях об апостолах» была сделана попытка проследить изменение роли женщин в этих текстах. На примере Феклы из греческих апокрифических «Деяний апостола Павла и Феклы», Ксантиппы и Поликсены из посвященных им «Актов» и Ифигении из латинского «Мученичества апостола Матфея» было показано, как постепенно от восстания и низвержения старого строя происходит переход к укрепле-

нию традиционных уже в христианском обществе ценностей. *М.А. Ведешкин* (Москва) сделал доклад «“Безбожные эллины” и политическая борьба в Константинополе V в.». На основании изучения судебных процессов против обвиненных в язычестве государственных служащих, проходивших в Константинополе в V в., был сделан вывод, что в каждом из них реальным поводом для осуждения явилась борьба придворных группировок, а обвинения в «эллинстве» являлись лишь удобным предлогом для устранения политических конкурентов. В докладе «Телесность и легальность в “Чудесах Св. Артемия”» *Д.Г. Плешак* (Санкт-Петербург) обратился к анализу составленного в VII в. рассказа о чудесах, происшедших в приделе Св. Артемия константинопольской церкви Иоанна Предтечи. Подавляющее большинство этих чудес связано с недугами, где тело оказывалось медиумом для чуда; с другой стороны, болезнь, часто опухоль, свидетельствовала о проступке человека, иногда – о преступлении, и тело было своего рода уликой. Докладчик показал важность в «Чудесах» тела как точки пересечения сфер чудесного и (не)легального.

Во время конференции также состоялось заседание секции «Искусство, культура и археология античного мира», которое открылось докладом *Ю. Луговой* и *Р. Аста* (Германия) на тему «Между Римом и Индией: новые эпиграфические открытия в порту Береника на Красном море». *Е.Н. Дмитриева* (Санкт-Петербург) в докладе «Сюжеты “Орестеи” в произведениях античной глиптики» предприняла попытку выявить геммы, иллюстрирующие эпизоды из истории Ореста, многие из которых украшают коллекции лучших музеев мира, и проанализировать изображения сцен «Орестеи», нашедшие воплощение в произведениях античной глиптики. *М.Н. Назарова* (Санкт-Петербург) в докладе «Тема римско-парфянских войн в искусстве древнего мира» рассмотрела произведения римской скульптуры и нумизматики, в которых нашли отражение различные этапы противостояния Рима и Парфии, а также обратилась к художественному наследию Парфянского царства, в котором заметно влияние данных событий. В выступлении *С.В. Никоненко* (Санкт-Петербург) на тему «Благородный муж и жалкий софист: два образа философа в сочинениях Лукиана Самосатского» была сделана попытка увидеть в этом авторе не только писателя-сатирика, но самостоятельного философа, близкого представителям «второй софистики», и одного из крупных идеологов Римской империи II в. С одной стороны, Лукиан отвергает софистику, а с другой – создает идеализированный образ «благородного мудреца», что позволяет воссоздать представления о роли личности философа во времена Антонинов.

Заседание секции истории науки об античности открылось докладом *И.Е. Суриков*а (Москва) «Проблемы истории архаической Греции в научном творчестве Э.Д. Фролова». Докладчик отметил, что книга Э.Д. Фролова «Рождение греческого полиса» стала важным этапом в нашей историографии античности; по сути, она подвела собой итог исследованиям советского периода развития отечественного антиковедения в области большинства проблем истории архаической Греции. Выступление *М.Ю. Лаптевой* (Тобольск) было посвящено теме «Учитель латинского языка в Тобольской классической гимназии в первой половине XIX в.». В докладе *О.Ю. Климова* (Санкт-Петербург) «Эдуард Мейер в России» было охарактеризовано отношение Эд. Мейера к дореволюционной России и к СССР, к внешней политике государства, в частности, резкая критика России в годы Первой мировой войны. Докладчик отметил сложные отношения с М.И. Ростовцевым, развивавшиеся от взаимного уважения и поддержки к глубокому разочарованию русского ученого националистической воинственной позицией Эд. Мейера в годы Первой мировой войны. В 1920-е годы после визитов в СССР в составе делегаций немецких ученых Эд. Мейер выражал вполне положительное отношение к СССР. *Л.Д. Бондарь* (Санкт-Петербург) и *Н.А. Павличенко* (Санкт-Петербург) посвятили доклад теме «Эстампажи с греческих надписей из Герасы из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН». Авторы доклада обратились к хранящемуся в СПбФ АРАН фонду Русского археологического института в Константинополе (фонд № 27), одна из описей которого содержит эстампажи, сделанные в 1895–1914 гг. с античных и ранних средневековых надписей. Они рассмотрели 10 памятников, происходящих из Герасы (совр. г. Джараш, Иордания) и представляющих собой строительные, надгробные, посвятительные надписи (самая ранняя датируется 66/67 г. н.э., самая поздняя – византийским временем), представив исторический контекст обнаружения надписей и изготовления эстампажей весной–летом 1900 г., а также архивную работу по обеспечению сохранности этих единиц хранения. Доклад *Х. Туманса* (Рига, Латвия) «Античные образы в творчестве Михаила Эйзенштейна» был посвящен теме рецепции античности в творчестве известного рижского архитектора эпохи модерна. Докладчик отметил, что Михаил Эйзенштейн – отец известного кинорежиссера Сергея Эйзенштейна – по профессии был гражданским инженером, однако также

прославился своими поражающими воображение украшающими Ригу архитектурными шедеврами, в которых античная тематика занимает видное место.

Заключительное пленарное заседание конференции состоялось 29 октября. На нем было представлено три доклада. *А.А. Трофимова* (Санкт-Петербург) посвятила свое выступление теме «Исследование коллекции Дж.П. Кампана (Франция, Италия, Россия, 2014–2021 гг.): основные итоги». Автором доклада было отмечено, что результаты исследований крупнейшей частной коллекции античных археологических памятников Италии, принадлежавшей Дж.П. Кампана, были представлены в двух каталогах, опубликованных на русском и французском языках. Эти издания включили в себя статьи по истории коллекции, развитию и строительству европейских музеев, истории археологических раскопок, проводившихся в Италии в XIX в., экономическим, юридическим и политическим аспектам формирования коллекции. Консолидация усилий представителей разных дисциплин, возможность одновременного сопоставления архивных документов и артефактов, хранящихся во Франции, Великобритании, Италии, России, комплексное изучение собрания и музея Кампана позволили сделать целый ряд важных открытий. Доклад *С.Ю. Сапрыкина* (Москва) был посвящен теме «Фракийская когорта на Боспоре». По мнению докладчика, упоминаемые источниками в городах Боспора фракийские подразделения (тагма и спейра) были разными формированиями, скомплектованными на этнической, племенной основе, не входившими в состав регулярных войск. После реформы, проведенной в армии на Боспоре, эти подразделения были включены в состав регулярной армии. *Р.В. Светлов* (Санкт-Петербург) в своем докладе раскрыл тему «Религиозная утопия и политическая прагматика в попытке союза Юлиана Отступника с общиной иудеев». Докладчик предпринял попытку заново рассмотреть стратегии Юлиана Отступника в отношении иудеев как религиозной и общественной группы, в частности проанализировал понимание Юлианом Яхве иудейской религии в рамках его трактовки платоновской теологии. По мнению Светлова, главным вопросом здесь является возможность сущностного соотнесения бога-этнарха и Гелиоса, трактуемого Юлианом как демиурга чувственного мира.

Завершая конференцию, председатель программного комитета О.Ю. Климов подвел ее итоги, отметил высокий научный уровень представленных докладов и разнообразие их тематики. Он также выразил уверенность в дальнейшем развитии традиции «Жебелёвских чтений», которые стимулируют исследователей к творческому поиску, объединяют их усилия, способствуют обмену идеями и тем самым служат цели дальнейшего развития российского антиковедения.

Oleg Yu. Klimov,
E-mail: o.klimov@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-8379-5456
Oksana V. Kulishova,
E-mail: o.kulishova@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-7892-0083
Aleksei D. Panteleev,
E-mail: a.panteleev@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-3333-7980
Sergei M. Zhestokanov,
E-mail: s.zhestokanov@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-9793-3891
St. Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

О.Ю. Климов,
д.и.н., профессор кафедры истории древней Греции и Рима
О.В. Кулишова,
д.и.н., профессор кафедры истории древней Греции и Рима
А.Д. Пантелеев,
к.и.н., доцент кафедры истории древней Греции и Рима
С.М. Жестоканов,
к.и.н., доцент кафедры истории древней Греции и Рима,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ПРИЛОЖЕНИЕ

Vestnik drevney istorii
82/2 (2022), 512–533
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/2 (2022), 512–533
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S013038640020352-5

ΕΛΛΑΝΙΚΟΥ ΤΟΥ ΛΕΣΒΙΟΥ ΑΠΟΣΠΑΣΜΑΤΑ

ГЕЛЛАНИК ЛЕСБОССКИЙ ФРАГМЕНТЫ

(Перевод с древнегреческого и комментарий И.Е. Сурикова)

«АТТИДА» В 2 КНИГАХ[1]

1-я книга

F38 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. F1): «Суда», статья «Ареопаг»[2]. Ареопаг: судилище в Афинах... А назван он Ареопагом (Аресовым холмом) или потому, что это судилище находится на холме (πάγος), на вершине, Аресовым же – поскольку оно судит дела об убийствах, а Арес имеет отношение к убийствам. Или же назван он так потому, что Арес вонзил[3] там копье во время суда с Посейдоном из-за Галиррофия[4], так как тот был убит им, совершив насилие над Алкиппой, дочерью Ареса от Аглавры, дочери Кекропа[5], как говорит Гелланик в 1-й книге.

Продолжение. Начало см. ВДИ 82/1. 2022. С. 231–251. Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-00022а «“Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки».

[1] Этот труд у Гелланика (кстати, последний, написанный им) – один из самых важных и значительных. Он представлял собой историю Афин и Аттики от времен незапамятных до современной историку эпохи. Его написание положило начало аттидографическому жанру, в рамках которого позже, в IV–III вв. до н.э., работал целый ряд авторов, коренных афинян (а основоположником жанра стал, как видим, пришлец).

[2] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: *Etym. Magn*. 139, 12; *Bekk. Anecd*. 444, 5 (имеются в виду византийский лексикон «Большой Этимологик» и известное издание малоизвестных позднеантичных текстов «Анекдоты Беккера»).

[3] Форма от глагола πήγνυμι, от которого можно произвести существительное πάγος.

[4] Галиррофий – сын Посейдона, убитый Аресом.

[5] Кекроп – в аттической мифологии первый царь Афин, автохтон, родившийся из земли. Изображался со змеиной нижней частью тела.

F39 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. F2): Гарпократион, статья «Панафинеи». Демосфен в «Филиппиках». В Афинах справлялись два вида Панафиней: одни – каждый год, а другие – раз в пятилетие[6], которые и называли Великими: Исократ в «Панафинейской речи»... Учредил же этот праздник впервые Эрихтоний[7], сын Гефеста, как говорят и Гелланик, и Андротион, каждый – в 1-й книге «Аттиды». А до того он назывался Афинеями[8], как показал Истр[9] в 3-й книге «Аттических дел».

F40 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. F3): Гарпократион, статья «Форбантий»[10]. Гиперид[11] в речи «Против Патрокла». Что Форбантий в Афинах назван в честь Форбанта, царствовавшего над куретами[12] и убитого Эрехтеем[13], показал Андрон[14] в 8-й книге «Родственников». А был Форбант сыном Посейдона, как говорит Гелланик в 1-й книге «Аттиды».

F41 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. F4): Фотий, «Лексикон», p. 53, 21 Reitz[15]. Гем: гора[16], слово среднего рода[17]. Гекатей – постоянно, а также Дионисий[18], Гелланик в 1-й книге «Аттиды», Тимей и Евдокс.

2-я книга

F42. a) (= *FGrHist*. IIIB. 323a. F5a): Гарпократион и «Суда», статья «Мунихия»[19]. Демосфен в речи «За Ктесифонта». Приморская местность в Аттике. А Гелланик во 2-й книге «Аттиды» говорит, что она была названа в честь некоего царя Муниха, сына Пантакла.

b) (= *FGrHist*. IIIB. 323a. F5b): Схолии к Демосфену, XVIII. 107b. Мунихия – местность близ Пирея, там есть святилище Мунихийской Артемиды... А названа она была Мунихией, как говорит Диодор[20], приводя свидетельство Гелланика и утверждая, будто бы потому, что однажды фракийцы, пойдя войной на живущих в Минийском Орхомене, что в Беотии, выгнали их оттуда[21]. А те, выселившись, пришли в Афины при царе Мунихе; он же предоставил им для поселения это место, Мунихию, которое, таким образом, было ими названо в честь царя.

---

[6] По привычному для нас счету – раз в четыре года.

[7] В мифологии – один из первых афинских царей; автохтон, рожден Геей (землей) от семени Гефеста.

[8] Насколько можно судить, переименование праздника из Афиней в Панафинеи произошло после синойкизма Аттики, ее объединения в один полис с центром в Афинах.

[9] Историк III в. до н.э., подведший итог аттидографической традиции.

[10] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: *Suid*. s.v. Φορβαντεῖον; *Etym. Magn*. 798, 26 (лексиконы «Суда» и «Большой Этимологик»).

[11] Один из известнейших афинских ораторов второй половины IV в. до н.э.

[12] Куреты – демонические существа, ассоциировавшиеся то с Критом, то с островами северо-востока Эгейского моря – Самофракией и Лемносом.

[13] Эрехтей (Эрехфей) – один из древнейших мифических царей Афин.

[14] Андрон Галикарнасский, историк и генеалог IV в. до н.э. (его главный труд назывался «Родственники»).

[15] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку на «Анекдоты Беккера» (Bekk. Anecd. 362, 24).

[16] Это тот самый хребет, который позже получил тюркское имя «Балкан» и дал название всему Балканскому п-ву. Ныне Стара-Планина в Болгарии. Крупнейшая горная цепь региона, простирающаяся в широтном направлении от Черного почти до Адриатического моря.

[17] Поскольку в оригинале – τὸ Αἷμον.

[18] Не вполне ясно, кто из многочисленных авторов этого имени имеется в виду (Дионисий Периегет? Дионисий Скитобрахион? Дионисий Милетский?).

[19] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку на схолии к Демосфену (XVIII. 107a).

[20] Диодор Сицилийский, виднейший историк рубежа эллинистической и римской эпох, автор огромной (в основном компилятивной) «Исторической библиотеки».

[21] В оригинале фраза представляет собой анаколуф, что передано и в переводе.

F43 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. F6): Гарпократион и «Суда», статья «Алопа». Ликург[22] в речи «О жрице». Дочь Керкиона; от нее и Посейдона – Гиппофоонт, эпоним филы Гиппофоонтиды[23], как пишут и Гелланик во 2-й книге «Аттиды», и Еврипид в одноименной драме[24], и Динарх[25] в судебной речи о фалерейцах[26].

F44 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. F7): Гарпократион, статья «Пеги». Андокид[27] в речи «О мире», если она подлинна. Пеги – место в Мегарах[28], как во второй[29] книге «Аттиды» говорит Гелланик.

F45 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. F8): Гарпократион, статья «Иерофант»[30]. Гиперид где-то говорит: «А у меня в женах нет ни дочери факелоносца[31], ни дочери иерофанта». Динарх в судебной речи о Кроконидах[32] говорит, что первым иерофантом был назван тот, кто показал святыни, возвращенные с войны. А относительно рода иерофантов[33] разъяснил Гелланик во 2-й книге «Аттиды».

F46 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. F9): Гарпократион, статья «Венценосец (стефанефор)». Антифонт[34] в речи «Против Никокла». Святилище героя Стефанефора, как кажется, было в Афинах. А этот Стефанефор, возможно, был или одним из сыновей Геракла, родившихся от дочерей Фестия (о нем упоминает Гелланик во второй[35] книге «Форониды»), или, может быть, это было святилище аттического героя Стефанефора, о котором опять же упоминает тот же Гелланик во 2-й книге «Аттиды».

Фрагменты без указания номера книги

F47. a) (= *FGrHist*. IIIB. 323a. F10a): Африкан[36] у Евсевия, «Приготовление к Евангелию», X. 10, p. 488d. А события, случившиеся до того[37], аттическая хронография считает таким вот образом: от Огига, который, как они верят, был автохтоном,– при нем случился великий и первый в Аттике потоп, в царствование Форонея у аргосцев, как повествует Акусилай,– до первой олимпиады, начиная с которой эллины решили тщательно относиться к датам, в совокупности тысяча двадцать лет... Эти дела более

---

[22] Один из известнейших афинских ораторов второй половины IV в. до н.э., а также видный государственный деятель.

[23] Чаще встречаются написания «Гиппофонт» и «Гиппофонтида».

[24] Т.е. в драме «Алопа» (не сохранилась).

[25] Видный афинский оратор второй половины IV в. и начала III до н.э. (но уроженец Коринфа, в Афинах метэк). Работал в основном как логограф, составляя судебные речи за плату для других лиц.

[26] Речь идет о жителях аттического дема Фалер.

[27] Видный афинский оратор рубежа V–IV вв. до н.э., а также политический деятель.

[28] Собственно, гавань Мегар в Коринфском заливе.

[29] Поправка Якоби из явно неверного рукописного «4-й». Однако в *EGM* сохранено чтение «4-й», исходящее из того, что «Аттида» включала четыре, а не две книги (хотя на самом деле это крайне маловероятно). Соответственно, в этом издании номер фрагмента изменен на F46A.

[30] Иерофант («показывающий святыни») – титул верховного жреца элевсинских мистерий Деметры.

[31] Факелоносец (дадух) – другой видный жрец элевсинских мистерий.

[32] Крокониды – элевсинский жреческий род.

[33] Иерофант назначался всегда из аристократического рода Евмолпидов.

[34] Антифонт (около 480–411 до н.э.) – самый древний в каноне десяти лучших аттических ораторов; политический деятель олигархической ориентации. Один из руководителей олигархического режима Четырехсот; после его свержения казнен.

[35] В рукописной традиции ошибочно «в 10-й» (в «Форониде» не было десяти книг). Некоторые издатели поправляют не на «во второй», как здесь, а на «в первой».

[36] Юлий Африкан (III в. н.э.) – христианский писатель, известный хронист. Его главный труд «Хронографии» до нас непосредственно не дошел, но им очень активно пользовался Евсевий Кесарийский.

[37] До введения олимпиад.

точно помнят те, кто излагает дела афинян[38], – и Гелланик, и Филохор, написавшие «Аттиды», – а также те, кто излагает сирийские дела, – и Кастор[39], и Фалл[40], – а также и Диодор, в «Библиотеках» излагающий всеобщую историю, и Александр Полиистор[41], и некоторые из писателей нашего времени и из всех жителей Аттики... А после Огига из-за большого опустошения, нанесенного потопом, нынешняя Аттика оставалась без царей до Кекропа, 189 лет; ведь Филохор называет после Огига Актея[42] или вымышленные имена никогда не существовавших людей.

b) (= *FGrHist.* IIIB. 323a. F10b): Юстин[43], «Увещательное слово к эллинам», 9. И те, кто излагает дела афинян[44], – и Гелланик, и Филохор, написавший «Аттиды», – а также Кастор, Фалл и Александр Полиистор, да еще и мудрейшие Филон[45] и Иосип[46], изложившие дела у иудеев, упоминают Моисея как весьма древнего и старинного правителя иудеев.

F48: Гарпократион, статья «Эрифрейцы» (= *FGrHist.* IIIB. 323a. F11). Демосфен в 8-й «Филиппике». Город в Ионии Эрифра[47] – один из основанных Нелеем, сыном Кодра[48], как говорит Гелланик в «Аттиде».

F49: Фукидид, I. 97 (= *FGrHist.* IIIB. 323a. F12). Вот чего они[49] достигли в войне и в управлении делами между этой войной[50] и мидийской, что у них было в отношениях и с варварами, и с собственными бунтовавшими союзниками, и с теми пелопоннесцами, которые постоянно участвовали во всех этих делах. А написал я это и сделал такое отступление потому, что у всех моих предшественников это место было оставлено без внимания и они описывали или эллинские дела до мидийских войн, или сами мидийские войны. А тот из них, кто все-таки коснулся его в сочинении об Аттике – Гелланик,– упомянул о нем лишь кратко и без аккуратности в хронологии. Также мой труд содержит описание державы афинян – каким образом она возникла.

К тому же труду могут относиться фрагменты F125, F134, F143, F163–F172.

«БЕОТИЙСКИЕ ДЕЛА»

F50: Схолии к Аристофану, «Лисистрата», 36. Ведь в Копаидском озере[51] водятся самые большие угри; и Беотию также населяли так называемые энхелеи («угри»), о которых говорит и Гелланик в «Беотийских делах».

---

[38] Поправка издателей из рукописного «так утверждают из числа афинян». Гелланик не был афинянином.

[39] Кастор Родосский (первая половина I в. до н.э.) – историк, один из видных представителей древнегреческой хронографии.

[40] Фалл (Талл) – историк I–II вв.н.э., родом, возможно, из Самарии.

[41] Александр Полиистор (Полигистор), родом из Милета – греческий автор эпохи позднего эллинизма, прославленный своей многосторонней ученостью (отсюда и прозвище).

[42] Явно персонаж эпонимного характера. Одним из названий Аттики в глубокой древности было «Акта» («побережье»).

[43] Юстин (Иустин) Мученик – раннехристианский (II в.) автор, апологет.

[44] В *EGM* перед словами «и те, кто излагает дела афинян»: «Всех, что у вас... намного старше был... Моисей... как показывают нам истории эллинов. Ведь во времена и Огига, и Инаха... они упоминают о Моисее... Ведь так о нем упоминают Полемон в 1-й книге “Эллинских историй”, и Апион, сын Посейдония... и Птолемей Мендесский, повествуя о делах египтян с самого начала, согласен с ними всеми».

[45] Филон Александрийский – иудейско-эллинистический философ рубежа н.э.

[46] Так здесь назван Иосиф Флавий.

[47] Так в тексте. Правильнее – Эрифры.

[48] Сыновей афинского царя Кодра – Нелея и Андрокла – считали вождями ионийской миграции из Балканской Греции в Малую Азию.

[49] Афиняне.

[50] Пелопоннесской.

[51] Находилось в Беотии, было в античности самым большим из озер Греции. Ныне не существует (со временем заболотилось и в XIX в. было осушено).

F51: Схолии к Гомеру, «Илиада», II. 494. Беотия раньше называлась Аонией из-за живших в ней аонов, а в Беотию была переименована, по мнению одних, в честь Беота, сына Посейдона и Арны, а по мнению других – в честь коровы (βοῦς), пригнанной туда Кадмом по пифийскому вещанию. Ведь когда Европа, дочь Феника[52], была похищена из Сидона Зевсом, Кадм, ее брат, посланный отцом на поиски, поскольку не нашел ее, пришел в Дельфы, дабы вопросить бога. Бог же велел ему не заботиться о Европе, а взять в проводники корову и основать город там, где она, устав, припадет на правый бок. Приняв это прорицание, Кадм двигался через страну фокидян. Затем, встретив корову в стадах Пелагона, он последовал за ней – туда, куда она шла. А она, пройдя всю Беотию и остановившись, легла там, где теперь находятся Фивы. Кадм же, желая принести корову в жертву Афине, посылает некоторых из своих людей взять воды для омовения из источника Аретиады. А охранявший источник змей, про которого говорили, что он Аресов, погубил бóльшую часть посланных. Кадм же, вознегодовав, убивает змея и по совету Афины сеет в землю его зубы; а из них выросли землерожденные[53]. А когда Арес разгневался и собирался убить Кадма, Зевс воспрепятствовал этому и дал Кадму в жены Гармонию, дочь Ареса и Афродиты. Но прежде он приказал ему год батрачить за убийство змея. А на свадьбе их пели музы и каждый из богов вручил дар Гармонии. Так повествуют Гелланик в «Беотийских делах» и Аполлодор в 3-й книге[54].

«ФЕССАЛИЙСКИЕ ДЕЛА»

F52: Гарпократион и «Суда», статья «Тетрархия». ...Фессалия[55] состоит[56] из четырех частей, и каждая часть называлась тетрадой, как говорит Гелланик в «Фессалийских делах». А названия тетрад, как он говорит, таковы – Фессалиотида, Фтиотида, Пеласгиотида, Гестиеотида[57]. И Аристотель в «Общей политии фессалийцев»[58] говорит, что Фессалия была разделена на 4 части при Алеве Рыжем[59].

К тому же труду может относиться фрагмент F201.

«ЕГИПЕТСКИЕ ДЕЛА»

F53: Афиней, XI. 470d. Цедилочка. Гелланик в «Египетских делах» пишет так: «В домах египтян лежат медная фиала, медный киаф и медная цедилочка».

F54: Афиней, XV. 579f. А о вечноцветущих венках в Египте Гелланик в «Египетских делах» пишет так[60]: «Город у реки, Тиндий ему название, богов там сонм; и большое, чистое святилище в середине города, каменное, и ворота каменные. Внутри

---

[52] Это, как считается, древнейшая версия. Впоследствии Европу чаще называли дочерью Агенора, отца Феника (мифологического эпонима финикийцев).

[53] Это те, кого называли спартами («посеянными»).

[54] Имеется в виду дошедший до нас трактат «Мифологическая библиотека». Его принадлежность выдающемуся эллинистическому ученому II в. до н.э. Аполлодору Афинскому часто оспаривается (в частности, и в издании Якоби повсюду этот труд фигурирует как сочинение Псевдо-Аполлодора).

[55] В оригинале «Фетталия».

[56] В *EGM* перед словами «Фессалия состоит»: «Демосфен в “Филиппиках”».

[57] «Гестиеотида» – эмендация издателей, рукописное чтение испорчено.

[58] Одна из недошедших «Политий», составленных в перипатетической школе под общим руководством Аристотеля и изданных под его именем.

[59] Полулегендарный родоначальник знатнейшего фессалийского рода Алевадов. Нет единого мнения, был ли этот Алев реальной исторической личностью. В случае, если был, его следует датировать раннеархаическим временем.

[60] Следующая далее дословная цитата представляет собой интересное свидетельство о стиле Гелланика, довольно своеобразном.

святилища растут аканфы[61], белые и черные. На них сверху надеты венки из цветов аканфа, и увиты гранатовыми яблоками[62] и виноградной лозой; и они вечно цветут; эти венки положили на хранение в Египте боги, узнав, что царствует Бабис, который есть Тифон[63]». А Деметрий[64] в сочинении «О том, что есть в Египте» говорит, что эти аканфы находятся вокруг города Абидоса...

F55: Афиней, XV. 680bc. А вышеупомянутый Гелланик говорит, что и Амасис[65], хотя и был в начале своей жизни частным лицом и вполне обыкновенным человеком, воцарился в Египте благодаря преподнесенному в дар венку, который он послал, сплетя из прекраснейших весенних цветов, Патармиду, царствовавшему тогда в Египте, когда тот справлял день рождения. А тот-де восхитился красотой венка, пригласил Амасиса на обед и после этого однажды отправил его как одного из своих друзей полководцем, когда египтяне воевали с ним. И они объявили его царем, поскольку Патармида ненавидели[66].

К тому же труду могут относиться фрагменты F173–F176.

«ВОСХОЖДЕНИЕ К СВЯТИЛИЩУ АММОНА»

F56: Афиней, XIV. 652a. Этот плод называет фиником и Гелланик в «Восхождении к святилищу Аммона»[67], если это сочинение действительно ему принадлежит.

«КИПРСКИЕ ДЕЛА»

F57: Стефан Византийский, статья «Карпасия». Город на Кипре, который основал Пигмалион[68], как пишет Гелланик в «Кипрских делах».

«ЛИДИЙСКИЕ ДЕЛА» (?)

F58: Стефан Византийский, статья «Адзиоты». Племя в Троаде, как говорит Гелланик в книгах о Лидии...[69] Оно называется также адзиями.

К тому же труду могут относиться фрагменты F112, F191.

---

[61] Аканф – колючий кустарник, родственный знакомой нам акации. Собственно, два этих слова родственны.

[62] Здесь издателями удаляется лишнее слово «цветок».

[63] Со своим Тифоном греки отождествляли египетского бога Сета.

[64] Деметрий Саламинский – историк, видимо, эллинистического времени.

[65] Амасис (Яхмос) II – один из последних фараонов Саисской династии (VI в. до н.э.).

[66] Тут перед нами жанр восточных новелл, очень широко представленный у Геродота. И у последнего, кстати, их особенно много в «египетском логосе». Но вот как раз конкретно эта не находит абсолютно никакого соответствия в труде галикарнасца, который излагает историю прихода Амасиса к власти полностью иначе (Herod. II. 162–169). Никакой египетский царь Патармид в геродотовском изложении не фигурирует, а предшественником Амасиса, свергнутым им, оказывается Априй. В какой-то момент появляется персонаж по имени Патарбемис (т.е. с именем, похожим на «Патармид»), но у Геродота это отнюдь не фараон, а вельможа, посланный Априем для ареста мятежного Амасиса, не справившийся с этой задачей и в наказание изувеченный царем.

[67] Это знаменитое святилище Зевса Аммона с оракулом находилось к западу от Египта, в оазисе Сива ливийской пустыни. Слово «анабасис» («восхождение») означало не только движение вверх, но и движение от побережья в глубь материка. Иногда считается, что «Восхождение к святилищу Амона» – не отдельный трактат Гелланика, а часть «Египетских дел».

[68] Тот самый Пигмалион, который в известном мифе создал статую Галатеи.

[69] Не исключено, что «Лидийские дела», от которых дошел всего один фрагмент (да и тот, как видим, сомнительный) – не отдельное произведение, а часть «Персидских дел».

«ПЕРСИДСКИЕ ДЕЛА» В 2 КНИГАХ

1-я книга

F59: Стефан Византийский, статья «Халдеи»[70]. Прежде они назывались кефенами – по Кефею, отцу Андромеды[71], у которой от Персея, сына Данаи и Зевса, родился Перс[72]; в его честь народ, прежде звавшийся кефенами и халдеями, стал именоваться персами[73], как сказано в статье о Кефении. А Гелланик в 1-й книге «Персидских дел» говорит так: «Когда Кефея уже не было в живых, они[74], пойдя походом из Вавилона, покинули свою страну и овладели Артеей[75]; а вавилонская[76] страна больше не называется Кефенией, и живущие в ней люди – уже не кефены, а халдеи. И вся эта страна[77] ныне называется халдейской».

F60: Стефан Византийский, статья «Артея». Персидская область, в которой построил город Перс[78], сын Персея и Андромеды. Гелланик в 1-й книге «Персидских дел». Название обитателей – артеи. А артеями персы, подобно эллинам, называют древних людей-героев[79]. Может быть, отсюда, как мне кажется, Артаксерксы и Артабазы[80], как у египтян – Ниламмоны[81] и Панаполлоны[82]. Геродот же называет их артеатами, через *эпсилон*[83].

2-я книга

F61: Гарпократион, статья «Стрепса». ...Это город во Фракии, как намекает Гелланик во 2-й книге «Персидских дел».

F62: Стефан Византийский, статья «Тиродиза»[84]. Город во Фракии за Серрием. А Гелланик во 2-й книге «Персидских дел» называет его Тироризой.

Фрагменты без указания номера книги

F63. а): Схолии к Аристофану, «Птицы», 1021. А Гелланик в «Персидских делах» говорит, что было двое Сарданапалов[85].

---

[70] В изначальном понимании – племя в Южной Месопотамии в 1-й половине I тыс. до н.э. Именно выходцами из этого племени было основано Нововавилонское царство. Позже в греческой традиции термин «халдеи» приобрел весьма расплывчатые очертания, стал пониматься широко, как видно и из этого фрагмента.

[71] Чаще царь Кефей, его жена Кассиопея и его дочь Андромеда ассоциировались в древности не с Месопотамией, а с Эфиопией.

[72] Исправление издателей из неверного «Персей».

[73] Эмендация Якоби (текст несколько испорчен). Греки, старавшиеся для каждого «варварского» народа подыскать эллинскую генеалогию, считали персов потомками Персея (так же, как, например, скифов они считали потомками Геракла, египтян – потомками аргосской царевны Ио и т.п.).

[74] Пресловутые кефены, или халдеи.

[75] Эмендация Якоби (топоним испорчен).

[76] Вновь эмендация Якоби.

[77] Вавилония (Месопотамия).

[78] Исправление издателей из неверного «Персей».

[79] Слово «героев» Якоби предлагает удалить.

[80] Аристократические персидские имена.

[81] Исправление издателей из рукописного «Милламоны».

[82] Греко-египетские композитные теофорные имена. Первое – от «Нил» и «Аммон», второе – от «Пан» и «Аполлон» (имеются в виду эллинизованные египетские боги).

[83] В то время как у самого Стефана (и, видимо, у Гелланика) данный этноним пишется через дифтонг αι (Ἀρταῖοι).

[84] Исправление издателей из рукописного «Тирредиза».

[85] Сарданапал – в греческой традиции легендарный ассирийский правитель. Очевидно, в его фигуре отразились воспоминания об Ашшурбанипале.

b): Фотий, «Лексикон», и «Суда», статья «Сарданапалов». О том, что их было двое, говорит во 2-й книге «Персидских дел» [Гелланик, равным образом как и (?)][86] Каллисфен: один-де был деятельным и благородным, другой же – изнеженным. А в Нине[87] на его надгробии написано следующее: «Сын Анакиндаракса, в один день воздвиг и Тарс, и Анхиал. Ешь, пей, совокупляйся, так как всё остальное не стоит этого», то есть щелчка пальцами. Ведь стоящая при надгробии статуя сработана так, что она, держа руки над головой, как будто щелкает пальцами. То же самое написано и в Анхиале близ Тарса, который ныне называется Зефирием.

К тому же труду могут относиться фрагменты F132, F177–F184.

«СКИФСКИЕ ДЕЛА»

F64: Стефан Византийский, статья «Амадоки». Скифское племя. Гелланик в «Скифских делах». А страна их называется Амадокием.

F65: Стефан Византийский, статья «Амиргий». Равнина у саков. Гелланик в «Скифских делах»[88]. Название обитателя – амиргиец, как он говорит.

К тому же труду могут относиться фрагменты F185–187, F189.

«ОСНОВАНИЯ ПЛЕМЕН И ГОРОДОВ», ИЛИ «О ПЛЕМЕНАХ», ИЛИ «НАЗВАНИЯ ПЛЕМЕН»[89]

F66: Афиней, X. 447c. А Гелланик в «Основаниях» говорит, что и из корней готовится пиво. Он пишет так: «Пьют же пиво из каких-то корней, подобно тому как фракийцы – из ячменя».

F67: Афиней, XI. 462ab[90]. А как я знаю, и Гелланик в «Названиях племен» говорит, что у некоторых из ливийцев-кочевников нет ничего, кроме килика, кинжала и гидрии. И что жилища у них, сделанные из стеблей асфоделя, так малы, что только дают тень; они их возят с собой, куда бы ни отправлялись.

F68: Оксиринхские папирусы, XIII. 511, фрагмент 8, столбец II, 208. Гелланик же в «Основаниях племен»... же[91]...

F69: Схолии к Аполлонию Родосскому, IV. 321 (к словам: «Ни синдов народы, / Ибо они проживают среди Лаврийской равнины, / Очень пустынной»). Лаврийская равнина в Скифии. А 55 племен Скифии перечисляет Тимонакт[92] в первой книге сочинения «О скифах». А на равнине синдов река Истр разделяется, и один ее рукав впадает в Адриатическое море, другое же – в Евксинский Понт...[93] А Гелланик

---

[86] Слова в квадратных скобках со знаком вопроса – дополнение Якоби, предлагаемое им, как видим, сугубо гипотетично.

[87] Т.е. в Ниневии, столице Ассирии.

[88] Поправка издателей; у Стефана здесь этот труд неверно назван «Скифы». Таким образом, в «Скифских делах» Гелланика шла речь и о саках – среднеазиатском этносе скифской группы.

[89] Строго говоря, нет полной уверенности, что это разные названия одного и того же сочинения.

[90] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: Eustath. Il. XIII. 6 (комментарий Евстафия к Гомеру).

[91] Папирусный текст в очень плохой сохранности и в результате совершенно неинформативен.

[92] Малоизвестный историк рубежа эпох классики и эллинизма.

[93] Здесь перед нами распространенное заблуждение о наличии у Истра (Дуная) второго, адриатического рукава. Но почему здесь оно странным образом связано с землей синдов, которая весьма далека от Дуная, как бы ни представлять себе его течение? Полагаем, что Дунай здесь смешан с Кубанью (у которой в древности тоже насчитывали, как минимум, два рукава), действительно протекавшей в стране синдов. В любом случае эта ошибка в схолиях, как видим, не из Гелланика: принадлежащая ему информация появляется лишь далее.

в сочинении «О племенах» говорит: «Когда пройдешь Боспор[94] – синды, а выше их скифы-меоты[95]».

F70: Стефан Византийский, статья «Хариматы». Племя у Понта. Палефат[96] в 7-й книге «Троянских дел»: «Из керкетов имеются мосхи и хариматы, которые владеют Парфением в Евксинском Понте»[97]. И Гелланик в «Основаниях племен и городов»: «Из керкетов же выше живут мосхи и хариматы, а ниже – гениохи, а выше – кораксы»[98].

К тому же труду может относиться фрагмент F197.

«ОБ ОСНОВАНИИ ХИОСА»

F71. a): Схолии к Гомеру, «Одиссея», VIII. 294 (к словам: «Он[99] на остров Лемнос удалился, / Верно, к суровым синтийцам, наречия грубого людям»). Синтиями назывались лемносцы, как повествует Гелланик в сочинении «Об основании Хиоса», говоря следующим образом: «С Тенедоса они[100] отправились в Меланский залив и вначале прибыли на Лемнос. А там были обитатели – некие фракийцы, люди немногочисленные. Они уже стали наполовину эллинами. Соседи называли их синтиями, потому что у них были какие-то ремесленники, изготовлявшие боевое оружие[101]. С ними они поселились, смешавшись, когда пришли туда и оставили пять кораблей».

b): Цец, схолии к Ликофрону, «Александра», 227 (и 462) (к словам: «В огонь лемнийский»). На Лемносе впервые были изобретены и огонь, и оружейное дело, как повествует в сочинении «Об основании Хиоса» Гелланик.

c): Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 608 (к словам: «К острову Синтеиде герои на веслах приплыли»). Синтеида – эпитет Лемноса: ведь первыми его населяли тирсены[102], народ вреднейший. Или это от того, что он был населен варварами. И Гомер говорит: «Он на остров Лемнос удалился, / Верно, к суровым синтийцам, наречия грубого людям». А Гелланик утверждает, что лемносцы были названы синтиями, так как они первыми стали делать боевое оружие, чтобы наносить вред и ущерб соседям.

К тому же труду может относиться фрагмент F200.

«ВАРВАРСКИЕ ОБЫЧАИ»

F72: Порфирий, у Евсевия, «Приготовление к Евангелию», X. 3, p. 466b. И зачем мне вам говорить, будто «Варварские обычаи» Гелланика составлены из сочинений Геродота и Дамаста[103]?

---

[94] Боспор Киммерийский.

[95] А вот тут действительно ошибка Гелланика, отнесшего меотов к скифам. «Выше» здесь в смысле «дальше от моря». Не очень ясно, почему синды в трактате локализуются после Боспора. Так получается только в том случае, если плыть с севера, из Меотиды.

[96] Палефат – древнегреческий мифограф, время жизни которого с точностью не датируется (чаще его относят к IV в. до н.э.). Довел до логического предела методику рационалистической интерпретации мифов.

[97] Эта цитата испорчена, поправки не дают совершенно удовлетворительного смысла.

[98] Эти этносы Восточного Причерноморья известны и из других источников.

[99] Гефест, божественный покровитель Лемноса.

[100] О ком идет речь – не вполне ясно. Ф. Якоби полагал, что имеются в виду пеласги, изгнанные из Греции. Но Р. Фаулер возражает, указывая, что тогда возникает противоречие: почему пеласги, двигавшиеся с запада, оказались на Лемносе позже, чем на Тенедосе, расположенном восточнее?

[101] Здесь слово «синтии» этимологизируется от σίνομαι («вредить»).

[102] Т.е. тиррены (этруски), которых одна из традиций (пожалуй, наиболее близкая к истине) выводила именно из этого региона.

[103] Поправка издателей, у Евсевия неверное «Дамаса».

F73: Фотий, «Лексикон», и «Суда», статья «Замолксис»[104]. Скиф, бывший в рабстве у Пифагора (как пишет Геродот в четвертой книге[105]), который, вернувшись на родину, учил, что душа бессмертна. А Мнасей[106] пишет, что у гетов почитается Крон, которого там называют Замолксисом. Гелланик же в «Варварских обычаях» говорит, что Замолксис, будучи эллинского происхождения, научил таинствам гетов, что во Фракии; он-де говорил, что ни сам не умрет, ни его последователи, но получат все блага. Так-то говоря, он одновременно сооружал подземное жилище. Затем, внезапно скрывшись от фракийцев, он в нем пребывал. А геты тосковали по нему. На четвертый же год он вновь появляется; и фракийцы ему во всем поверили. А некоторые говорят, будто Замолксис был рабом у самосца Пифагора, сына Мнесарха, и когда его отпустили на волю, занялся такими мудрствованиями. Но, мне кажется, Замолксис был гораздо раньше Пифагора. Бессмертными себя считают также теризы и кробизы[107], и говорят, что те, кто умер, ушли подобно Замолксису и снова придут; и считают, что об этом он всегда говорил правду. Они совершают ему жертвоприношения, на которых пируют, как будто умерший снова придет[108].

«ЖРИЦЫ ГЕРЫ, ЧТО В АРГОСЕ» В 3 КНИГАХ

1-я книга

F74: Стефан Византийский, статья «Македония»[109]. Страна, названная по Македону[110], сыну Зевса и Фии, дочери Девкалиона, как говорит Гесиод...[111] Другие же – что по Македону, сыну Эола[112], как Гелланик в первой книге «Жриц Геры, что в Аргосе»[113]: «И Македона, сына Эола, по которому[114] ныне называются македоняне – единственные, жившие тогда с мисийцами».

---

[104] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: *Etym. Magn.* 407, 45 («Большой Этимологик»).

[105] Что касается Геродота – Фотий здесь допускает ошибку: у того Салмоксис (так он именуется в «Истории») нигде не назван скифом, он назван фракийцем.

[106] Писатель III в. до н.э., периегет.

[107] Фракийские племена.

[108] Как видим, уже византийцы подметили, что в данном месте у Гелланика речь идет ровно о том же самом, что и в известном геродотовском пассаже (Herod. IV. 95–96), который признается одним из самых ранних и ценных свидетельств о Пифагоре. Налицо самое полное сходство, однако установить, кто кем пользовался – Геродот Геллаником или Гелланик Геродотом, – не представляется возможным. Но то, что имело место заимствование (а не независимое друг от друга появление двух текстов), для нас практически несомненно.

[109] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: Constant. Porph. *De them.* II p. 48 Bonn. (сочинение «О фемах» византийского императора Константина VII Багрянородного).

[110] Поправка издателей; в рукописи явно ошибочное «по Македонии».

[111] В *EGM* после слов «говорит Гесиод»: «поэт».

[112] В данном случае не бог ветров, а одноименный ему мифический эпоним эолийцев.

[113] Это главный хронологический труд Гелланика (на его название позднейшие авторы нередко ссылаются в сокращенной форме – «Жрицы Геры» или просто «Жрицы»), в котором он разработал основы эпонимной хронологии (взамен практиковавшейся ранее генеалогической хронологии со счетом поколений, дававшей крайне грубые результаты). Новшество историка в «Жрицах» заключалось в том, что он начал проводить синхронизацию эпонимных магистратов различных государств греческого мира, а в качестве «камертона» для такой синхронизации выбрал список верховных жриц аргосского Герайона, ведшийся со времен незапамятных (в ранней своей части, естественно, полулегендарный). Эпонимную хронологию Гелланика впоследствии критиковал Фукидид, противопоставляя ей собственное изобретение – сезонную хронологию.

[114] Начало цитаты в рукописи несколько испорчено, но смысл ясен.

F75: Стефан Византийский, статья «Нисея». Гавань в Мегариде; и сама[115] Мегарида. Название – от Ниса, сына Пандиона[116]. Гелланик в 1-й книге «Жриц»; и во 2-й...[117]

F76: Стефан Византийский, статья «Сипил». Город во Фригии[118]. Гелланик в 1-й книге «Жриц».

F77: Стефан Византийский, статья «Феак и Феакия». От Феака. Гелланик в 1-й книге «Жриц»: «Феак, сын Посейдона и Керкиры, Асопиды[119], в честь которой назван остров Керкира, ранее именовавшийся и Дрепаной, и Схерией[120]».

2-я книга

F78: Стефан Византийский, статья «Нисея»[121]. ...И во 2-й: «И Нисею он взял, и Ниса, сына Пандиона, и Мегарея из Онхеста...[122]».

F79. а): Стефан Византийский, статья «Сицилия»[123]. Страна и остров. Раньше она именовалась Сиканией[124], потом была названа Сицилией, как говорит Гелланик во 2-й книге «Жриц Геры»: «В то же время и авсоны[125], которыми правил Сикел, были изгнаны япигами[126] из Италии и, переправившись на остров, который тогда[127] назывался Сиканией, жили, разместившись вокруг Этны,– и сами, и царь их Сикел, учредивший царскую власть. И, устремившись оттуда, этот Сикел овладел уже всем этим островом, тогда[128] названным Сицилией[129] в честь этого Сикела, который и на нем стал царем». И Менипп[130] говорит то же самое[131], а Фукидид – следующее[132]: «Придя на Сицилию из Италии большим войском и одолев в битве сиканов, они оттеснили их в ее[133] южные и западные части, сделали так, что остров стал называться вместо Сикании Сицилией, и поселились на лучшей земле, заняв ее». Из островитян же одни – туземцы; это лигии[134], в старину пришедшие из Италии, что называются сикелами. А другие – пришлые эллины; это – сикелиоты[135].

---

[115] Исправление издателей вместо неверного рукописного «эта».

[116] Пандион – один из мифических афинских царей. Нис, правивший Мегарами, считался его братом наряду с Эгеем (отцом Тесея). Полагают, что этот миф, включающий Мегариду в состав Афинского царства, отразил претензии Афин на контроль над Мегарами.

[117] Цитата из второй книги – фрагмент F78 ниже. А здесь, как предполагается, у Стефана была цитата из первой книги трактата, но эпитоматор ее не сохранил.

[118] Обычно Сипил – гора.

[119] Т.е. дочери беотийского речного бога Асопа.

[120] Именно с Керкирой в античности обычно отождествлялась гомеровская Схерия, которая здесь названа также Феакией, по имени населявших ее феаков. Во фрагменте речь идет об их мифическом эпониме.

[121] Прямое продолжение фрагмента F75.

[122] Предполагается дополнение «убил» (речь идет о Миносе Критском). Онхест – местечко в Беотии.

[123] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: Constant. Porph. *De them.* II p. 58 Bonn. («О фемах» Константина Багрянородного).

[124] От сиканов, древнейших обитателей Сицилии.

[125] Авсоны – греческое название аврунков, народа из группы италиков.

[126] Обитатели Япигии – области на крайнем юго-востоке Италии.

[127] «Тогда» – поправка издателей (в рукописи бессмысленное «и»).

[128] Переводим по тексту, исправленному Якоби (в рукописи некоторая порча).

[129] Собственно, «Сикелией».

[130] Менипп Пергамский, географ I в. до н.э.

[131] Поправка Якоби из рукописного «это».

[132] Эти слова – вставка издателей, поскольку далее идет цитата именно из Фукидида (Thuc. VI. 2. 5), правда, не во всем точная.

[133] Сицилии.

[134] Лигуры. Греческие авторы, естественно, именовали италийские этносы на свой лад (это и в дальнейшем будет оговариваться). Так, сикулов греки называли сикелами (во фрагменте речь идет об их мифическом эпониме); соответственно, именно от них – «Сикелия».

[135] Чтобы отличать от туземцев-сикулов.

b): Дионисий Галикарнасский, «Римские древности», I. 22. А сикелы (ведь они уже не способны были держаться, подвергаясь нападениям и пеласгов[136], и аборигенов[137]), взяв детей, жен, а из имущества – золото и серебро, оставляют врагам всю эту землю. Направившись через гористую местность на юг и пройдя всю нижнюю Италию[138], причем отовсюду их прогоняли, они со временем соорудили себе плоты на переправе и, выследив течение, направляющееся от Италии, переправились на ближайший остров. А владели им сиканы, иберийский род[139], которые незадолго до того поселились там, убежав от лигиев; они сделали так, что остров стал называться по ним – Сиканией, а раньше именовался Тринакрией из-за треугольной формы. Они были немногочисленными поселенцами в этой большой стране, а бóльшая ее часть была еще пустынной. Итак, прибыв в нее, сикелы вначале жили в ее западных частях, а затем и во многих других, и от того остров начал называться именем Сицилии. А сикелийский род вот так покинул Италию, как говорит Гелланик Лесбосский,– в третьем поколении до троянских событий[140], когда Алкиона была жрицей в Аргосе двадцать шестой год. Он утверждает, что на Сицилию переправились два италийских флота: вначале туда прибыли элимы, которые, как он говорит, были изгнаны энотрами[141], а на пятый год после них – авсоны, убегая от япигов. Царем же их он объявляет Сикела, в честь которого-де было дано название и людям, и острову. А согласно тому, что написал Филист Сиракузский, временем переселения был восьмидесятый год до Троянской войны. Племенем же, переправившимся из Италии, были не авсоны[142] и не элимы, а лигии, которых вел Сикел. А был он, по словам Филиста, сыном Итала[143], и люди, над которыми он властвовал, были названы сикелами. Изгнаны же эти лигии из своих мест были омбриками[144] и пеласгами. А Антиох Сиракузский[145] времени переселения не определяет, переселенцами же объявляет сикелов, которых теснили энотры и опики[146]; вождем колонии он делает Стратона[147]. А Фукидид пишет, что переселенцами были сикелы, изгнавшими их – опики, а по времени это было на много лет позже троянских событий. Вот что говорится людьми, достойными упоминания, о сикелах, перенесших место своего жительства из Италии на Сицилию.

F80: Стефан Византийский, статья «Фрикий». Локрская гора над Фермопилами, от которой названия «фриканы» и «фриканцы»; это поселившиеся там эолийцы, как пишет Гелланик во 2-й книге «Жриц Геры».

F81: Стефан Византийский, статья «Херонея». Город у границ Фокиды[148]. Гекатей в «Европе»... Назван в честь Херона. Аристофан[149] во второй книге «Беотийских

---

[136] Под пеласгами здесь имеются в виду тиррены-этруски.
[137] Так называли древнейшее население Лация.
[138] Т.е. южную Италию.
[139] Происхождение сиканов из Иберии (Испании) и ныне считается наиболее вероятным.
[140] Т.е. до Троянской войны.
[141] Считалось, что аркадянин Энотр, прибыв в Италию еще до Троянской войны, основал первое греческое поселение в этой стране. Оно называлось Энотрией, а его жители – энотриями (энотрами). Энотры, согласно одной из ветвей традиции, являлись предками италийских аборигенов. Однозначное соотнесение энотров с каким-то из реальных этносов группы италиков затруднительно. Иногда Италию (или ее часть) даже называли Энотрией.
[142] Некоторые издатели предлагают тут добавить еще «не сикелы».
[143] Мифический эпоним Италии.
[144] Омбрики – греческое название умбров, древнего народа из группы италиков, обитавшего к востоку от этрусков (до побережья Адриатического моря).
[145] Антиох Сиракузский – историк V в. до н.э., один из наиболее видных представителей раннего греческого историописания, основоположник его сицилийской ветви.
[146] Опики – греческое название осков, одного из важнейших народов группы италиков. Оски обитали преимущественно в Кампании.
[147] Имя испорчено, «Стратон» – один из возможных вариантов восстановления (предлагалось также «Патрон», «Сиракон»).
[148] Но уже в Беотии.
[149] Беотийский историк IV в. до н.э.

дел»: «Говорят, что основателем этого городка стал Херон». А его мифы именуют сыном Аполлона и Феро[150], как пишет Гелланик во 2-й книге «Жриц Геры»[151]: «Афиняне и их сторонники, выступив на тех из беотийцев, что были на стороне Орхомена, взяли и Херонею, город орхоменцев». А город этот изначально назывался и Арной.

F82: Стефан Византийский, статья «Халкида». Город на Евбее. Гекатей в «Европе»... Назван же город был в честь Комбы, которую прозвали Халкидой,– она была дочерью Асопа[152]... Название жительницы совпадает с названием города, как «Фокида», «Локрида» – и область, и женщина[153]. Гелланик во 2-й книге «Жриц Геры»: «Феокл[154] из Халкиды с халкидянами и наксосцами основал город[155] на Сицилии».

3-я книга

F83: Стефан Византийский, статья «Хаония». Средняя часть Эпира. Жители – хаоны. Гелланик в 3-й книге «Жриц Геры»: «Амбракиоты[156] и те, что с ними, хаоны и эпироты».

Фрагменты без указания номера книги

F84: Дионисий Галикарнасский, «Римские древности», I. 72[157]. Поскольку имеются большие разногласия и относительно времени основания, и относительно основателей города, я и сам посчитал, что не следует подходить ко всему этому без подготовки, как к чему-то бесспорному. Ведь Кефалон...[158] говорит, что город был основан во втором поколении после илионской войны людьми, спасшимися из Илиона с Энеем, а основателем его объявляет возглавившего колонию Рома, а он, дескать, был одним из сыновей Энея... И у Демагора[159], и у Агафилла[160], и у многих других указаны и то же время, и тот же предводитель колонии. Но тот, кто написал «Жриц, что в Аргосе»[161] и собрал события, происшедшие при каждой, говорит, что Эней, придя от мо-

---

[150] Видимо, правильно – Фуро.

[151] Здесь предполагается лакуна, поскольку в цитате речь идет совсем о другом. Есть даже мнение, что эта цитата – вообще не из Гелланика, а из Феопомпа.

[152] Асоп – главная река Беотии. Как известно, все реки в Греции персонифицировались и воспринимались как боги (именно боги, а не богини, поскольку «река» в древнегреческом – мужского рода). Асоп впадал в море близ Евбеи.

[153] На русском языке эта особенность непередаваема: у нас будет «халкидянка», «фокидянка», «локридянка».

[154] Имя этого ойкиста в ряде источников передается в слитной форме «Фукл».

[155] Якоби предлагает добавить здесь «Наксос». Речь действительно идет о городе Наксосе, древнейшей греческой колонии на Сицилии.

[156] Т.е. жители Амбракии – крупнейшего греческого центра в этом регионе.

[157] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: Euseb. *Arm*. P. 131, 33 K.; Syncell. P. 361, 16 Bonn. (армянская версия «Хроники» Евсевия и византийская хроника Георгия Синкелла).

[158] В *EGM* после слов «ведь Кефалон»: «Гергифский, весьма древний историк». После слов «одним из сыновей Энея»: «он утверждает, что у Энея родились четыре сына: Асканий, Еврилеонт, Ромил, Ром».

[159] Демагор Самосский – малоизвестный историк эллинистического времени.

[160] Агафилл из Аркадии – поэт-элегик, видимо, периода позднего эллинизма.

[161] Имеется в виду, естественно, Гелланик, хотя и не названный прямо по имени. Таким образом, получается, что в «Жрицах» он вернулся к истории странствий Энея, начало которой нам известно из его «Троянских дел» (пространный фрагмент F31). Но у нас есть подозрение, что и данный фрагмент на самом деле происходит из того же трактата, а не из «Жриц». Речь не идет об ошибке Дионисия Галикарнасского, но, если внимательно вчитаться в его текст, можно заметить: он, строго говоря, не указывает, что почерпнул эту информацию именно из «Жриц».

лоссов[162] в Италию, вместе с Одиссеем[163] стал основателем города и назвал его в честь одной из илионянок, Ромы. Он утверждает, что она, утомившись от странствий, посоветовала другим троянкам сообща с ней поджечь корабли. С ним соглашаются и Дамаст Сигейский, и некоторые другие[164].

К тому же труду могут относиться фрагменты F101, F115–F116, F152, F199.

«КАРНЕОНИКИ В ПРОЗЕ»

F85. a): Афиней, XIV. 635e. А что Терпандр[165] старше Анакреонта, ясно из следующего: на Карнейских играх первым из всех побеждает Терпандр, как повествует Гелланик и в стихотворных «Карнеониках», и в тех, что в прозе. Учреждение же Карнейских игр произошло в двадцать шестую олимпиаду[166], как говорит Сосибий в сочинении «О временах»[167].

b): Климент Александрийский, «Строматы», I. 21. 131. 6, p. 81, 14 Stäh. Да ведь и Терпандра некоторые удревняют: по крайней мере, Гелланик повествует, что он был при Мидасе[168]. А Фаний[169], ставя перед Терпандром Лесха Лесбосского[170], считает Терпандра моложе, чем Архилоха.

F86: Схолии к Аристофану, «Птицы», 1403. А Антипатр и Евфроний[171] в своих заметках говорят, что киклические хоры первым учредил Лас Гермионский[172]; но более древние авторы Гелланик и Дикеарх утверждают, что это сделал Арион Мефимнский[173], – Дикеарх в сочинении «О дионисийских состязаниях», а Гелланик – в «Карнеониках».

---

[162] Племя в Эпире.

[163] В некоторых вариантах фрагмента имя Одиссея после предлога μετά стоит не в родительном, а в винительном падеже. Тогда это означало бы, что Эней основал Рим *после* Одиссея. Впрочем, подобное чтение куда более проблематично, ибо порождает какую-то совсем уж экзотическую версию с двумя основаниями Рима. В любом случае, как видим, Гелланик и Дамаст еще ничего не знают о Ромуле, возникновение Рима связывают непосредственно с Энеем, причем дают иную этимологию названия города.

[164] Гелланик – вообще самый ранний автор, упоминающий Рим, и данный его фрагмент является первым по времени упоминанием этого города. К тому же тут перед нами редкая и интереснейшая версия основания Города, решительно расходящаяся с той, которая потом возобладала в Риме и стала основной. Похоже, именно версию Гелланика и следует признавать древнейшей.

[165] Поэт из Антиссы на Лесбосе, основоположник лесбосской школы мелики. Бывал в Спарте, где улаживал междоусобную смуту, а также, как здесь сказано, стал победителем на первых Карнейских играх. Это спартанское празднество и дало название данному трактату Гелланика, хотя он был посвящен, собственно, не ему, а проблемам хронологии. Датировка же Терпандра является дискуссионной. Если принять ту, которая дается здесь, он оказывается даже старше Архилоха, традиционно признающегося первым лириком. Ныне Терпандра чаще датируют временем ближе к концу VII в. до н.э. (впрочем, может быть, это и не имеет достаточных оснований).

[166] 677/676–673/672 гг. до н.э.

[167] Сосибий Лакедемонский – грамматик и историк III в. до н.э., работал в Александрии. Точное название этого его трактата по спартанской хронографии – «Перечень времен» (Χρόνων ἀναγραφή).

[168] Ссылка на фригийского царя Мидаса как раз хорошо коррелирует с победой на первых Карнейских играх. Таким образом, Гелланик последовательно отстаивал раннюю датировку Терпандра.

[169] Фаний Эресский (вторая половина IV в. до н.э.) – историк перипатетической школы.

[170] Эпический поэт, автор киклической поэмы «Малая Илиада». Работал скорее всего в первой половине VII в. до н.э.

[171] Не уточняется, кто имеется в виду. Каждое из этих двух имен носили несколько древнегреческих авторов.

[172] Лирик второй половины VI в. до н.э.

[173] Знаменитый Арион, как известно, жил во времена коринфского тирана Периандра, т.е. на рубеже VII–VI вв. до н.э.

«КАРНЕОНИКИ СТИХОТВОРНЫЕ»

Фрагментов, безусловно взятых из этого труда, нет. Он упоминается во фрагменте F85a.

Фрагменты без указания на сочинение

Из космогонии и теогонии («Форонида», 1-я книга?)

F87: Дамаский[174], «О началах», 123 bis (I. 317 Ruelle). А то[175], что передается у Иеронима[176] и Гелланика, даже если не он[177] является автором, имеет следующий вид: «Вода была,– говорит он,– сначала и вещество, из которого получилась земля»; так он ставит в основу эти два начала, воду и землю... А после этих двух из них[178], по его словам, родилось третье начало... Это – змей, имеющий приросшие головы быка и льва, а в середине – лицо бога; он-де имел также крылья на плечах, а назывался нестареющим Временем, и он же – Гераклом. С ним были Необходимость, имеющая ту же природу, и Неизбежность, бестелесная и распростертая по всему миру, прикасающаяся к его пределам. Таким, я думаю, он описывает третье начало по его сущности,– разве что он предположил его мужеженским, показывая, что оно – порождающая причина всего. И я имею в виду богословие, что в песнях рапсодов... Время, этот змей, рождается тройным рождением: «Эфир,– говорит он,– влажный, и Хаос беспредельный, и третий с ними – Эреб мглистый... Но в них-то Время породило яйцо... И третьего с ними бога бестелесного[179], крылья на плечах имеющего золотые, который по бокам имеет приросшие головы быков, а на голове – змея исполинского, принимающего всяческие формы зверей». Итак, его следует понимать как ум этой троицы... И это «Богословие» воспевает Протогона[180] и называет Зевса устроителем всех вещей и целого мира; поэтому, дескать, и называют его Паном[181]. Вот что сообщает и эта родословная об умопостигаемых началах[182].

F88: Схолии к Гесиоду, «Теогония», 139 (к словам: «Также киклопов с душою надменною Гея родила – / Счетом троих, а по имени – Бронта, Стеропа и Арга»[183]): Кругообразные[184] силы. А Гелланик говорит, что киклопы так называются по Киклопу, сыну Урана...[185] Ведь есть три рода киклопов: киклопы, укрепившие стеной Микены; те, один из которых Полифем; и сами эти боги[186].

---

[174] Философ-неоплатоник V–VI вв.н.э.

[175] «Богословие», приписываемое Орфею.

[176] Видимо, Иероним Родосский, философ III в. до н.э.

[177] Т.е. не Орфей.

[178] В *EGM* (где это фрагмент F202A) после слов «из них»: «я имею в виду воду и землю». После слов «Время породило яйцо»: «как говорит это предание, делая его плодом времени, рожденным при таких обстоятельствах, что и от этих начал выходит третья умопостигаемая триада. Итак, что она такое? Яйцо: диада двух содержащихся в ней природ, мужской и женской, и множество находящихся в середине всяческих семян». Перед словами «и это “Богословие”»: «А в качестве третьего бога третьей триады».

[179] В *EGM* принимается чтение «двухтелесного».

[180] Протогон («перворожденный») – одна из важнейших фигур орфической теологии.

[181] Как нередко в поздней античности, применена народная этимология имени Пана от πᾶν – «всё».

[182] Если этот фрагмент достоверен (в чем, впрочем, у нас полной уверенности нет), Гелланик всерьез интересовался учением орфиков. Кстати, в таком случае получается, что ему принадлежит одно из самых ранних сторонних свидетельств об орфизме.

[183] «Теогония» Гесиода цитируется в переводе В.В. Вересаева.

[184] Можно понять также как «обычные, хорошо известные».

[185] В *EGM* после слов «сыну Урана»: «речь идет не о тех киклопах, что у Гомера».

[186] Т.е. упомянутые Гесиодом три киклопа, рожденные Ураном и Геей. Киклоп Полифем действительно никакого отношения к ним не имеет: он – сын Посейдона. Киклопов же, возводивших «киклопические» стены Микен, редко выделяют в отдельный класс этих существ.

F89: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 1129 (к словам: «Дактили идейские»[187]). Говорят, что их было шесть и пять: правые – мужчины, а левые – женщины[188]. Ферекид же говорит, что правых было двадцать, а левых – тридцать два. Были же они колдунами, знахарями, и, говорят, они стали первыми мастерами по железу и горняками. А имя свое они получили от матери Иды[189]; как говорит Ферекид, левые из них – колдуны, а правые уничтожают их чары. Как говорит Гелланик, идейские дактили получили такое имя потому, что, встретившись на Иде с Реей, приветствовали богиню и коснулись ее пальцев. По словам же Мнасея в 1-й книге сочинения «Об Азии», идейские дактили произошли от отца Дактиля и матери Иды. А тот, кто составил «Форониду», пишет следующее: «Там чародеи / Мужи Идейцы Фригийские в горных домах обитали – / Келмий и Дамнеменей, и огромный Акмон многомощный, / В деле проворные слуги владычицы гор Адрастеи, / Первыми кои искусства обильного мыслью Гефеста / В рощах измыслили горных: фиалково-темные руды / В огнь погрузили они и свершили прекрасное дело»[190].

F90: Фульгенций[191], «Мифологиарий», I. 3, p. 19, 1 Helm: Ведь и Феопомп в «Кипрской песне», и Гелланик в «Государстве Зевса» (?)[192], которое он описал, говорят, что Юпитер сковал Юнону золотыми цепями и повесил на нее железные наковальни[193].

История пеласгов («Форонида», 1-я книга)

F91: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 40 (к словам: «Следом шел Полифем Илатид, покинув Ларису»). Поэт говорит о фессалийской Ларисе, которую основал Акрисий. Она называлась в честь Ларисы, дочери Пеласга, как говорит Гелланик. Есть три Ларисы: древнейшая – аргосская (это сам акрополь[194]), вторая же – в пеласгической части Фессалии[195], и Лариса Гиртонская, которую здесь упоминает Аполлоний.

F92: Стефан Византийский, статья «Метаон». Город на Лесбосе, который основал тиррен Метас, как пишет Гелланик.

F93: Фотий, «Лексикон», и «Суда», статья «Я Питана»[196]. Это содержится у Алкея. А говорится так о тех, кто испытывал сразу и горестные беды, и счастье, поскольку и с Питаной[197] случилось именно так, о чем упоминает и Гелланик. Ведь он говорит, что она была порабощена пеласгами и вновь освобождена эрифрейцами.

---

[187] В данном случае не пользуемся переводом Н.А. Чистяковой, передающей сие выражение лишь описательно. О таких интересных и отчасти загадочных мифологических персонажах, как дактили, здесь, конечно, говорить подробно не приходится.

[188] Здесь нужно оговорить, что вообще-то «дактиль» по-древнегречески – это просто «палец». Отсюда и вся сия числовая казуистика.

[189] Ида – гора на северо-западе Малой Азии, близ Трои. В «Илиаде» Зевс часто сидит на Иде. Связь мифических идейских дактилей с обработкой железа, полагаем, восходит к воспоминаниям о заимствовании техники добычи и обработки железа в Эгейский бассейн из хеттской Анатолии на рубеже II–I тыс. до н.э.

[190] Фрагмент из киклической поэмы «Форонида» (не путать с одноименным трактатом Гелланика) цитируется в переводе О.П. Цыбенко.

[191] Фабий Планциад Фульгенций – грамматик начала VI в.н.э.

[192] Это место очень испорчено; предлагались различные поправки, но ни одна не выглядит достаточно убедительной.

[193] В *EGM* (где это фрагмент F202B) после слов «железные наковальни»: «тем не менее, желая сказать то, что воздух, более близкий к небесному огню, смешивается с двумя нижними элементами, то есть водой и землей, каковые элементы тяжелее двух верхних».

[194] Имеется в виду, что акрополь Аргоса носил название Лариса (Ларисса).

[195] В *EGM* часть фрагмента после слов «в пеласгической части Фессалии» имеет вид: «которую Гомер называет Аргиссой – она близ Гиртоны и которую здесь упоминает Аполлоний; а есть и Лариса под Троей, о которой упоминает Гомер: “племена копьеборных пеласгов, / Тех, что в Ларисе”» (Il. II. 841).

[196] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: Zenob. *Prov*. V. 61 (трактат «Пословицы» Зенобия, II в. до н.э.).

[197] Питана – город в Троаде.

Агенориды и фиванские сказания («Форонида», 1-я книга)

F94: Схолии к Еврипиду, «Рес», 29 (к словам: «Славной Европы сын / Пусть нам бойцов ведет»[198]). Автор, вопреки Гомеру[199], повествует[200], что Сарпедон – сын Европы. Гесиод же говорит, что он – сын Европы...[201] как Гелланик. А есть и такие, кто производит его (а с ним – Миноса и Радаманфа) от Ликаста и Иды, дочери Корибанта, как, например, Сократ[202] в «Арголидских делах». Имеется и иное сказание – что был один Сарпедон, пришедший с войском к Илиону, и другой – некий фракиец, в честь которого, как они говорят, была названа скала Сарпедония. А некоторые пишут, что было и две Европы: одна – Океанида[203], в честь которой[204] и была названа одна часть ойкумены, как пишут Апион[205] в книгах «Об эпонимах» и Аристокл[206] в первой книге «Теогонии», другая же – дочь Феника, сына Агенора[207]... у которой, как говорят, родились Минос и его братья. А есть и некоторые утверждающие, что это в ее честь был назван материк, как Каллимах[208] и взявший это из него Зенодот[209]. Но есть и те, кто пишет о третьей Европе...[210] как Гегесипп[211] в «Палленских делах»...

F95: Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 178 (к словам: «Сын Агенора Финей владел...»). Ибо он[212] был сыном Агенора, как пишет Гелланик; по словам же Гесиода, он был сыном Феника, сына Агенора, и Кассиэпеи[213]. Так же говорят Асклепиад[214] и Антимах[215]. А Ферекид утверждает... Иначе: не в той Вифинии, что на противоположном берегу, а во фракийской, которая находится в Европе... А некоторые повествуют, что он царствовал в Пафлагонии, которая находится в Азии, как говорит Гелланик. Агеноридом же он назвал Финея потому, что он – сын Агенора. А Гесиод называет его сыном Феника, сына Агенора. Изувечен же Финей был, как говорят, Гелиосом, потому что предпочел быть долговечным, нежели зрячим. А некоторые считают невероятным, чтобы он прожил столько человеческих поколений, и говорят, что был другой Финей, седьмой потомок Феника, с которым-де и повстречались герои.

---

[198] Еврипид цитируется в переводе Инн. Анненского, хотя не можем не отметить, что этот переводчик порой отходит от оригинала. Так, здесь в оригинале говорится не о «бойцах», а конкретно о «ликийских мужах».

[199] У Гомера Сарпедон, участник Троянской войны, действительно не тождествен Сарпедону, сыну Зевса и Европы, брату Миноса и Радаманфа. Первый в «Илиаде» фигурирует как сын Зевса и Лаодамии.

[200] Исправление издателей из бессмысленного рукописного «двум заложникам у гор».

[201] Лакуна в тексте.

[202] Сократ Аргосский, малоизвестный историк I в. до н.э.

[203] Т.е. дочь титана Океана.

[204] Поправка издателей (в схолиях явно ошибочное «которого»).

[205] Филолог I в. н.э., работал в Александрии.

[206] Автор неясного времени (период эллинизма или Ранней Империи).

[207] Поправка издателей; в схолиях «Феника и Агенора». Якоби допускает, что правильным чтением может быть «Феника или Агенора». Относительно отца Европы и вправду высказывались эти две версии (см. выше F51).

[208] Знаменитый ученый поэт III в. до н.э.

[209] Зенодот Эфесский – эллинистический филолог.

[210] Лакуна в тексте.

[211] Историк, как обычно считается, IV в. до н.э. Был уроженцем Халкидики и писал в основном об этом регионе; так, и упомянутый здесь его трактат посвящен Паллене – одному из «зубцов» Халкидики.

[212] Финей.

[213] В оригинале именно так. Не путать с Кассиопеей, легендарной эфиопской царицей, в честь которой даже было названо созвездие.

[214] Мифограф IV в. до н.э.

[215] В античности было несколько поэтов этого имени.

F96: Схолии к Еврипиду, «Финикиянки», 662 (к словам: «Камнем тириец[216] убил / У водопоя / В кисти могучей...». Итак, Гелланик говорит, что змей был убит камнем, а Ферекид[217] – что мечом.

F97: Схолии к Еврипиду, «Финикиянки», 61 (к словам: «Когда в жене своей Эдип узнал / Родную мать, он, ужасом сознанья / И муками истерзанный, казнил / Свои глаза, и золотые пряжки / Вмиг кровью глаз потухших облились»). Подобное пишет и Гелланик. А в «Эдипе» его ослепили слуги Лая[218].

F98: Схолии к Еврипиду, «Финикиянки», 71. Итак, следует знать, что отбытие Полиника в Аргос не у всех излагается одинаково. Ведь Ферекид говорит, что Полиник был изгнан с применением силы; Гелланик же повествует, что он удалился по договору, уступив царскую власть Этеоклу. Он говорит, что Этеокл предложил ему выбор: хочет ли он иметь царскую власть или получить часть имущества и жить в другом городе. А тот, взяв хитон и ожерелье Гармонии, удалился в Аргос, предпочтя уступить за них царство Этеоклу[219]. Ожерелье подарила Гармонии Афродита, а хитон – Афина[220], а он дал их дочери Адраста Аргии. В результате Еврипид пользуется обеими историями: здесь – Ферекидовой, а позже – Геллаииковой[221].

F99: Схолии к Еврипиду, «Финикиянки», 150 (к слову «Парфенопей»). По словам Антимаха, он[222] – сын Талая, сына Бианта, сына Амифаона, сына Кретея, сына Эола, сына Эллина, сына Зевса; а мать его – Лисимаха, дочь Керкиона, сына Посейдона. Гелланик же пишет, что он – сын Меланиона, сына Амфидаманта, сына Эпоха, сына Аргепа[223], сына Кефея, сына Посейдона; а мать его – Аталанта, дочь Иаса[224].

F100: Схолии к Пиндару, «Пифийские оды», VIII. 68a[225] (к словам: «Вижу: от тягот прежней страды / К выше окрыленному воспрянул знаменью / Доблестный Адраст, / Но недоброе ждет его в доме: / Единый он из воинства данаев / Согнется над костями павшего сына»[226]). Ведь перед этим он один спасся. А во время второго похода, хотя все спаслись, он один потерял сына Эгиалея, как говорит Гелланик, утверждая, что битва произошла при Глисанте[227].

---

[216] В оригинале просто Кадм (речь идет о знаменитом убийстве им дракона). Вообще перевод этого фрагмента Анненским довольно далеко отходит от оригинала, хотя, впрочем, искажений по релевантным для нас вопросам не содержит, почему мы его и приводим.

[217] Поправка издателей вместо стоящего в рукописи неверного «Ферекрат» (Ферекрат – афинский комедиограф V в. до н.э.).

[218] В *EGM* далее цитата из несохранившегося «Эдипа» Еврипида: «А мы, прижавши отпрыска Полибова / К земле, лишаем зрения, губя зрачки» (перевод наш).

[219] Исправление Якоби; в тексте схолий – «Эдипу». Впрочем, это очень нелегкая эмендация, и есть также другая возможность: оставить имя Эдипа, но заменить дательный падеж родительным. Тогда получится вполне удовлетворительный смысл: Полиник уступил (Этеоклу) царство Эдипа, их отца.

[220] Ср. выше F51, где говорится о свадебных дарах богов Гармонии.

[221] Из этого следует, что «Форонида» Гелланика (из которой с наибольшей вероятностью происходит данный фрагмент) была уже написана на момент создания «Финикиянок» Еврипида (эта трагедия датируется временем около 410 г. до н.э., Гелланик был тогда еще жив).

[222] Парфенопей – прекрасный юноша, участник похода «Семерых против Фив», погибший при штурме города.

[223] Имя испорчено, восстановлению не поддается.

[224] Вариант, в котором Парфенопей – сын Аталанты, являлся в античности преобладающим. Этот фрагмент – типичный образчик генеалогической мифографии.

[225] Это номер схолия; соответствующее место в самой оде – Pind. *Pyth*. VIII. 49 sqq.

[226] Пиндар цитируется в переводе М.Л. Гаспарова.

[227] Сам Адраст в основной ветви традиции выступает одним из участников похода «Семерых против Фив» (хотя в трагедии Эсхила, посвященной этому сюжету, он заменен неким аргосцем Этеоклом, чье имя характерным образом совпадает с именем фиванского царя, против которого был направлен поход). При этом Адраст – единственный из «Семерых», кто остался в живых. А сын его Эгиалей участвовал в походе «Эпигонов» и оказался, наоборот, единственным погибшим из семи вождей. Об этом и идет речь во фрагменте.

F101: Гесихий[228], статья «Кадмии». Приенцы[229], как пишет Гелланик[230]. Или фиванцы – по Кадму.

Геракл («Форонида», 2-я книга)

F102: Стефан Византийский, статья «Бембина». Деревня в области Немеи. А Гелланик называет ее Бембином и городом... Паниасид в 1-й книге «Гераклии»: «Шкуру звериную льва, что в окрестностях рыщет Бембины»[231].

F103: Схолии к Платону, «Федон», 89c (к словам: «Против двоих даже Гераклу не выстоять»[232]). ... А Геродор и Гелланик говорят, что, когда Геракл убивал Гидру, Гера наслала на него рака, и он, не способный сражаться с двумя существами сразу, позвал на помощь Иолая. И отсюда, говорят они, пошла эта пословица.

F104. a): Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 1052. А Ферекид[233] говорит, что они[234] – не женщины, а птицы и убиты Гераклом: ему была дана[235] трещотка, чтобы шумом пугать их. То же самое говорит и Гелланик.

b): Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 1055. ...Гремушку[236]. Говорят, что она была изготовлена Гефестом и дана Гераклу Афиной. А Гелланик говорит, что он сам ее себе сделал.

F105: Стефан Византийский, статья «Абдеры». Два города. Один – во Фракии, названный в честь Абдера, сына Гермеса[237] и возлюбленного Геракла; его разорвали кобылицы Диомеда, как говорят Гелланик и другие.

F106: Схолии к Пиндару, «Немейские оды», III. 64. О том, что и в походе на амазонок[238] участвовал «Теламон, вечно жаждущий битвы... / Что Меланиппу поверг, безупречную мужеубийцу[239]...»[240]. А некоторые говорят, что и Пелей участвовал с ним в этом походе. Гелланик же говорит, что в походе Геракла участвовали все, кто плавал на «Арго».

F107 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. F16b)[241]: Схолии к Цецу, «Догомерика»[242], 23, p. 8 Schirach. А почему амазонки? Потому, что они отрезали правую грудь (μαζός), дабы она не мешала при стрельбе из лука. Но это ложь: они бы от этого умирали. А Гелланик и Диодор говорят, что они, прежде чем повзрослеть, прижигали это место железом, чтобы оно не росло.

---

[228] Известный лексикограф VI в.н.э.

[229] Т.е. жители ионийской Приены.

[230] Поправка издателей из искаженного рукописного «Геманик».

[231] В *EGM* после этой цитаты: «И в другом месте: “Шкуру огромного льва, что рыщет вблизи у Бембины ”». Паниасид (Паниассид) Галикарнасский – знаменитый эпический поэт V в. до н.э., близкий родственник (видимо, дядя) «отца истории» Геродота. Фрагменты Паниасида цитируются в переводе О.П. Цыбенко.

[232] «Федон» Платона цитируется в переводе С.П. Маркиша. В данном случае перед нами распространенная у греков пословица.

[233] В *EGM* перед словами «а Ферекид»: «Мнасей же высказывает особое мнение – что у некоего героя Стимфала и женщины Орниты родились дочери Стимфалиды, которых убил Геракл, потому что они не приняли его и оказали гостеприимство Молионам».

[234] Стимфалиды.

[235] Якоби допускает, что здесь выпало «Афиной».

[236] В *EGM* перед словом «гремушку»: «Трещотку (πλαταγήν) – это слово имеет острое ударение на последнем слоге, как говорит Геродиан в 12-й книге “Общей просодии”». А означает оно...». Элий Геродиан – крупный александрийский грамматик и ритор II в.н.э., автор многочисленных сочинений.

[237] Поправка издателей из рукописного «Эрима».

[238] Речь идет о походе Геракла на амазонок.

[239] Амазонки убивали всех мужчин вообще и своих временных «мужей» в частности. Поэтому Меланиппа, знатная амазонка (по одному из вариантов мифа – царица амазонок), упомянута здесь с таким эпитетом.

[240] Цитата из гекзаметрического стихотворения неизвестного автора.

[241] Во время работы над томом IIIB *FGrHist* Якоби уже считал, что фрагмент происходит из «Аттиды» Гелланика.

[242] «Догомерика» и «Послегомерика», которая встретится нам ниже,– ученые поэмы Иоанна Цеца.

F108: Стефан Византийский, статья «Агаммия». Мыс и гавань близ Трои, как пишет Гелланик во 2-й книге[243]. Название – от того, что Гесиона незамужней (ἄγαμος) была отдана им[244] киту. Называют эту местность также и Агаммой.

F109: Схолии (Цеца) к Ликофрону, «Александра», 469. «Тем, кто башни брал» называет автор Теламона, разрушившего Трою[245]. Ведь Гелланик повествует, что Теламон, вступив в Трою даже раньше Геракла и ниспровергнув некую часть стены, затем осмотревшись и узнав, что Геракл этим недоволен, воздвиг алтарь Геракла Алексикака (защищающего от зол) и таким образом смягчил его гнев из-за содеянного.

F110: Схолии к Гесиоду, «Теогония», 293 (к словам: «Орфа убивши и стража коровьего Евритиона»[246]). Гелланик говорит, что Евритион родился от Ареса и Эрифии[247].

F111: Дионисий Галикарнасский, «Римские древности», I. 35. А Италия в свое время была названа в честь некоего правителя по имени Итал. Антиох[248] же говорит, что он...[249] подчинил себе всю землю... а родом он был энотр. А вот рассказ Гелланика Лесбосского: когда Геракл гнал коров Гериона в Аргос и был уже в Италии, один бычок у него отбился от стада и убежал. Геракл в его поисках обошел побережье и, переплыв морской пролив, прибыл на Сицилию. Преследуя бычка, он всякий раз, когда встречал местных жителей, спрашивал, не видели ли они его где-нибудь. Тамошние люди эллинскую речь понимали плохо, а на своем отечественном языке, давая объяснения об этом животном, называли бычка «витулом», как и теперь говорят. И так-де по этому животному всю страну, через которую прошел бычок, Геракл назвал Витулией[250]. А в том, что со временем название изменилось и приобрело нынешний вид, нет ничего удивительного, поскольку многие и из эллинских названий претерпели схожие изменения. Впрочем, была ли Италия так названа в честь некоего правителя, как говорит Антиох (это, может быть, и более вероятно), или же, как считает Гелланик, из-за быка, в обоих случаях ясно, что она получила это название во времена Геракла или немного раньше. А до того эллины называли ее Гесперией и Авсонией, а туземцы – Саторнией[251].

F112: Стефан Византийский, статья «Акела». Город в Лидии... Похоже, что он называется в честь Акела, сына Геракла и Малиды, рабыни Омфалиды[252], как пишет Гелланик[253]. А Геродиан[254] говорит «акелесиец» по образцу «мендесийца», так что название города должно быть «Акелес», как «Мендес». Этому соответствует употребление слова остальными писателями. Но Гелланик сказал «в город Акелу»; а должно было быть – «в Акелес».

---

[243] Очевидно, во 2-й книге «Форониды».

[244] Кем «им»? Налицо неясность, порожденная, очевидно, порчей текста. Якоби предполагает, что выпало τοῦ πατρός; соответственно, переводить нужно «самим отцом» (Лаомедонтом).

[245] В ходе так называемой «первой Троянской войны», когда Троя была взята Гераклом. Друг Геракла Теламон, царь острова Саламина, сын Эака Эгинского и отец Аякса Большего, участвовал в этом походе (см. также выше фрагмент F106).

[246] Речь идет о Геракле, о событиях, связанных с его походом за коровами Гериона. Евритион – пастух Гериона, Орф – его пес.

[247] Вообще говоря, Эрифия – название острова, на котором, согласно мифу, жил Герион. Видимо, здесь имеется в виду эпонимная героиня этого острова.

[248] Антиох Сиракузский.

[249] В *EGM* после слов «что он»: «являясь добрым и мудрым и из своих соседей одних убедив словами, а других принудив силой». После слов «всю землю»: «которая находилась в пределах Напетийского и Скиллетийского заливов и которая первой стала называться Италией в честь Итала. Когда же он стал в ней могучим и имел многих подвластных ему людей, он тотчас возжелал больше того, что имел, и собрал много городов».

[250] Этимология Italia < vitulus в целом принимается лингвистами, хотя, разумеется, безотносительно к Гераклу.

[251] Несомненно, от бога Сатурна. Перед нами очередной италийский пассаж Гелланика, и вновь весьма информативный.

[252] Правильнее – Омфалы. Омфала – лидийская царица, которой служил Геракл.

[253] В *EGM* этот фрагмент разделен на две части: до этого места F112a, далее до конца F112b.

[254] Элий Геродиан.

F113: Схолии к Пиндару, «Олимпийские оды», III. 22a. А о числе элланодиков Гелланик и Аристодем говорят, что вначале их было 12[255], а в конце концов – 10: ведь столько фил у элидян, и от каждой был один элланодик.

F114: Схолии к Аполлонию Родосскому, III. 1087. От какой женщины у Прометея родился Девкалион[256] – умалчивается. Но был и другой Девкалион, о котором повествует Гелланик[257]. И третий – сын Миноса, о котором рассказывает Ферекид[258]. И четвертый – сын Абанта[259], которого упоминает Аристипп[260] в «Аркадских событиях».

F115: Схолии к Элию Аристиду[261], «Панафинейская речь», III. 257 Dind. А автор говорит, что лакедемоняне пришли из другого места и что они намного моложе: ведь они, в старину будучи дорийцами, позже стали пелопоннесцами[262], как говорят и Гелланик, и многие другие из историков, которые писали об этом.

F116: Страбон, VIII. 5. 5. Итак, Гелланик говорит, что Еврисфен и Прокл[263] создали государство; а Эфор порицает Гелланика, указав, что тот нигде не упоминает Ликурга, а дела его приписывает людям, не имеющим к ним отношения[264].

Девкалион. Потомство Амфиктиона («Девкалиония», 2-я книга)

F117: Схолии к Пиндару, «Олимпийские оды», IX. 62a[265] (к словам: «Обратись, мой язык, / К городу Протогении, / Куда рок Зевса, быстрого в громах, / Низвел с Парнаса Девкалиона и Пирру / Выстроить первый дом»). Сын Протогении и Локра по прозванию Опунт[266]. А Пирра и Девкалион, прибыв с Парнаса в ящике, вначале поселились в Опунте близ Парнаса. А некоторые говорят, что Пирра поселилась не в Опунте. Ведь Аполлодор пишет так: «Рассказывают же, что Девкалион поселился в Кине[267], и говорят, что Пирра похоронена там». Об этом повествует и Гелланик. Но кому-то может не понравиться, как это некоторые называют Протогению дочерью Пирры и Девкалиона, в то время как Пиндар утверждает, что она родилась от некоего элидянина Опунта. А Гелланик говорит, что и ящик принесло не к Парнасу, а к местам у фессалийского Офриса[268].

F118: Страбон, X. 2. 6. Поэт[269] называет и Олен, и Пилену этолийскими городами; из них Олен, одноименный с ахейским, разрушили эолийцы (а находился он вблизи более молодого города Плеврона), а за землю его спорили акарнаняне. А Пилене, перенеся

---

[255] Предполагается, что число здесь испорчено, и предлагались различные эмендации: вряд ли можно допустить, что элланодиков (судей на Олимпийских играх) вначале было больше, а потом стало меньше.

[256] Это тот носитель данного имени, который спасся с Пиррой от всемирного потопа и затем возобновил человеческий род.

[257] К сожалению, не приводятся подробности.

[258] Идоменей, один из важнейших участников Троянской войны, постоянно фигурирует в «Илиаде» как сын этого Девкалиона.

[259] Эпоним абантов, которых обычно помещали на Евбее.

[260] Историк II в. до н.э.

[261] Элий Аристид – знаменитый ритор II в. н.э., крупнейший представитель «Второй софистики», автор множества речей.

[262] Т.е. пришли из Дориды в Средней Греции на Пелопоннес (что соответствует действительности).

[263] Древнейшие, полулегендарные спартанские цари, родоначальники династий Агиадов и Еврипонтидов.

[264] Уникальная, ценнейшая информация. Как видим, ко времени Гелланика легенда о Ликурге или еще не сложилась, или, по меньшей мере, не стала еще общепринятой, так что он мог ею пренебречь. Ко времени же Эфора она была уже канонизирована; отсюда и упреки последнего по адресу Гелланика.

[265] Это номер схолия; соответствующее место в самой оде – Pind. *Ol.* IX. 42 sqq.

[266] Мифологический эпоним города Опунта, главного центра области Опунтской Локриды.

[267] Кин – город в Опунтской Локриде.

[268] Офрис – гора в Фессалии.

[269] Гомер.

ее в более высокие места, изменили и название, наименовав Просхием. Гелланик же не знает эту историю о них, но упоминает о них как еще существующих в прежнем положении; а города, основанные даже позже возвращения Гераклидов, Макинию и Моликрию, перечисляет среди древнейших, показывая величайшую небрежность почти во всём им написанном.

F119: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 146 (к словам: «А этолиянка Леда отправила к ним Полидевка / С мощной десницей»). Похоже, поэт[270] назвал ее этолиянкой потому, что Фестий[271] – этолиец... А Ивик[272] называет ее плевронянкой, Гелланик же – калидонянкой[273]. А была Леда дочерью Фестия, царя Этолии, сына Ареса и Демодики, матерью же Леды называют Деидамию. А Евмел[274] в «Коринфских песнях» говорит, что отец Леды – Главк, сын Сизифа, а мать – Пантидия, повествуя, как Главк, потеряв коней, пришел в их поисках в Лакедемон и там совокупился с Пантидией. Потом, утверждает он, ее отдали в жены Фестию, и она родила[275] Леду, которую, хоть она родом от Главка, называли дочерью Фестия... Ферекид же во 2-й книге говорит, что Леда и Алфея родились у Фестия от Лаофонты, дочери Плеврона.

F120: Стефан Византийский, статья «Эанфа». Город у локров. Гекатей в «Европе»[276]. А Гелланик называет его Эанфией.

F121: Схолии к Гомеру, «Илиада», XV. 336 (к словам: «...Мачехи брата убив Эриопы, жены Оилея»[277]). Подобно поэту, и Гелланик называет Эриопу матерью Аякса[278], а Ферекид в 5-й книге[279] и Мнасей в 8-й книге – Алкимаху. А автор «Навпактских песен»[280] говорит, что у нее было два имени: «Самой же младшей из дев наречение дал Эриопа, / Звали, однако, ее Алкимахой Адмет[281] и родитель»[282].

(Окончание следует)

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research project no. 19-19-00022a

И.Е. Суриков,

д.и.н., г.н.с. отдела сравнительного изучения древних цивилизаций,
Институт всеобщей истории РАН,

Москва, Россия

---

[270] Аполлоний.
[271] Поправка издателей из неверного рукописного «Феспий».
[272] Один из крупнейших архаических лириков.
[273] Калидон, как и Плеврон,– один из крупнейших городов Этолии.
[274] Евмел Коринфский, эпический поэт раннеархаического времени. Его поэма носила название «Коринфские песни» именно потому, что автор был коринфянином, а не потому, что речь в ней шла только о событиях, происходивших в Коринфе.
[275] Поправка Якоби (текст испорчен).
[276] Поправка издателей (у Стефана явно ошибочное «Азия»), но поправка, согласимся, очень уж тяжелая. Поэтому Мюллер в свое время предлагал такую конъектуру: «Гекатей в [“Европе”. Есть и другая Эанфа, близ Кавказа, как пишет Гекатей в] “Азии”».
[277] Необходимо оговорить, что в оригинале у Гомера – не «Эриопа», а «Эриопида»; а вот в цитируемом пассаже из схолий – действительно повсюду «Эриопа».
[278] Речь идет об Аяксе Меньшем (Аяксе, сыне Оилея).
[279] Восстанавливается из испорченного чтения рукописи.
[280] Киклическая поэма, созданная в архаический период Каркином Навпактским или Керкопом Милетским.
[281] Адмет – царь Фер в Фессалии, главный герой одного из самых колоритных мифов (главные моменты которого – служба Аполлона у Адмета, достигнутая этим богом отсрочка смерти Адмету, самоотверженность его супруги Алкестиды, ее спасение от смерти Гераклом).
[282] Carmen Naupactium fr. 1 Bernabé (перевод О.П. Цыбенко).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	–	*Вестник древней истории*. Москва
ГИМ	–	Государственный исторический музей, Москва, Россия
ИАК	–	*Известия Императорской Археологической комиссии*. Санкт-Петербург, 1901–1918
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
НМРБ	–	Национальный музей Республики Башкортостан, Уфа, Россия
ОГИКМ	–	Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей, Оренбург, Россия
РА	–	*Российская археология*. Москва
СА	–	*Советская археология*. Москва, 1957–1992
AVN	–	Beazley, J.D. (ed.), *Attic Red-Figure Vase-Painters*. Oxford, 1963
BÉ	–	*Bulletin épigraphique*. (Suppl. Revue des études grecques). Paris
CE	–	D'Ors, A. (ed.*), El Código de Eurico. Edición, palingenesia e índices*. Roma–Madrid, 1960
CIL	–	*Corpus inscriptionum latinarum*. Berolini
EKM	–	*Επιγραφές Κάτω Μακεδονίας*. Τ. Α΄–Β΄. Αθήνα, 1998–2015
FD	–	*Fouilles de Delphes*. Paris
FGrHist	–	Jacoby, F. (Hrsg.), *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Bd. I–III. Berlin–Leiden, 1923–1958
IG	–	*Inscriptiones Graecae*. Berolini
IOSPE	–	Latyschev, B. *et. al.* (ed.), *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Ed. 1. Vol. I, II, IV. Petropoli, 1885–1901. Ed. 2. Vol. I. Petropoli, 1916. Ed. 3. Vol. I, III, V. Digital ed., 2015–2017. URL: https://iospe.kcl.ac.uk/index.html; дата обращения: 24.02.2022
LÄ	–	Helck, W., Otto, E. (Hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd.I. Wiesbaden, 1975
LGPN	–	*A Lexicon of Greek Personal Names*. Oxford
LIMC	–	*Lexicon iconographicum mythologiae classicae*. Vol. I–VIII. Zürich–München–Düsseldorf, 1981–1999
LV	–	Zeumer, K. (ed.), *Leges Visigothorum*. (Monumenta Germaniae Historica, Legum sectio I; Legum nationum Germanicarum, I). Hannoverae–Lispiae, 1902
RE	–	Pauly, A., Wissowa, G., Kroll, W., Witte, K., Mittelhaus, K., Ziegler, K. (Hrsg.), *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1894–1980
SEG	–	*Supplementum epigraphicum graecum*. Leiden–Boston
$Syll^3$	–	Dittenberger, W. *et al.* (eds.), *Sylloge inscriptionum Graecarum*. Ed. 3. Vol. I–IV. Leipzig, 1915–1924
TLL	–	*Thesaurus Linguae Latinae*. Lipsiae, 1934–1964

СОДЕРЖАНИЕ

Маркина Е.В. (Москва) – Саргоновские письма из Гасура 261
Малых С.Е. (Москва) – «Тайники бальзамировщиков» в Восточной Гизе: к истории вторичного использования древнеегипетских гробничных комплексов эпохи Древнего царства в I тыс. до н.э. 281
Суриков И.Е. (Москва) – Гелланик и Андокид 303
Никольский Б.М. (Москва) – Амфитей в «Ахарнянах» Аристофана 319
Тейтельбаум Е.Г. (Казань) – Взгляды Полибия на тактику: проблема традиций и инноваций 329
Дымская Д.Д. (Санкт-Петербург) – Антоний Гибрида: политическая карьера до заговора Катилины 346
Короленков А.В. (Москва), *Хрусталёв В.К.* (Санкт-Петербург) – Консульские выборы 82 г. до н.э. .. 360
Воронятов С.В. (Санкт-Петербург) – Сарматская жизнь греческой фиалы с посвящением Аполлону Предводителю 369
Velázquez I. (Madrid, Spain) – Personal Names on Visigothic Slate Tablets 392

ПУБЛИКАЦИИ

Сиротин С.В. (Москва) – Кочевническое погребение с вьючной флягой из Южного Приуралья 411
Трейстер М.Ю. (Бонн, ФРГ) – Керамическая вьючная фляга из раннекочевнического погребения в кургане Темир в Южном Зауралье 419
Лурье П.Б. (Санкт-Петербург) – Надпись на фляге из кургана Темир 440

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Васильева О.А., Малых С.Е., Томашевич О.В. (Москва) – Бэс-воин. Египетские терракотовые статуэтки из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина 446

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Кириллова М.Н. (Москва) – История самой известной статьи С.А. Жебелёва, рассказанная ее автором. Послесловие к статье «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» 473

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Кузьмин Ю.Н. (Самара) – M. B. Hatzopoulos. Ancient Macedonia. Berlin–Boston, 2020 485
Ковалев А.С. (Москва) – K. Sessa. Daily Life in Late Antiquity. Cambridge, 2018 491

PERSONALIA

Безруков А.В., Попов М.В. (Магнитогорск) – К юбилею Михаила Григорьевича Абрамзона 496

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Синицын А.А. (Санкт-Петербург), *Светлов Р.В.* (Калининград) – Антиковедческие концепции и рецепции античности. Научный семинар памяти профессора Е.А. Чиглинцева (Санкт-Петербург, 29 мая 2021 г.) 498
Карпюк С.Г. (Москва) – Международный круглый стол «Рецепция античности, но не только» (Москва, 29 июня 2021 г.) 502
Климов О.Ю., Кулишова О.В., Пантелеев А.Д., Жестоканов С.М. (Санкт-Петербург) – XXIII Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 27–29 октября 2021 г.) 504

ПРИЛОЖЕНИЕ

Гелланик Лесбосский. Фрагменты. Перевод с древнегреческого и комментарий *И.Е. Сурикова* (Москва) (*продолжение*) 512

CONTENTS

E.V. Markina (Moscow) – Sargonic Letters from Gasur 261
S.E. Malykh (Moscow) – "Embalming Caches" in Eastern Giza: Towards the History of Secondary Use of Ancient Egyptian Old Kingdom Burial Complexes in the First Millennium B.C 281
I.E. Surikov (Moscow) – Hellanicus and Andocides 303
B.M. Nikolsky (Moscow) – Amphitheos in Aristophanes' *Acharnians* 319
E.G. Teitelbaum (Kazan) – Polybian Views on Tactics: The Problem of Traditions and Innovations 329
D.D. Dymskaya (Saint Petersburg) – Antonius Hybrida: Political Career Before the Catilinarian Conspiracy 346
A.V. Korolenkov (Moscow), *W.K. Chrustaljow* (Saint Petersburg) – The Consular Elections of 82 B.C. 360
S.V. Voroniatov (Saint Petersburg) – Sarmatian Life of a Greek Phiale with a Dedication to Apollo Hegemon 369
I. Velázquez (Madrid, Spain) – Personal Names on Visigothic Slate Tablets 392

PUBLICATIONS

S.V. Sirotin (Moscow) – Nomadic Burial with a Pack Flask from South Urals 411
M.Yu. Treister (Bonn, Germany) – Ceramic Transport Flask from the Early Nomadic Burial in the Temir Mound in South Trans-Urals 419
P.B. Lurje (Saint Petersburg) – Inscription on the Flask from the Temir Mound 440

IN WORLD MUSEUMS

O.A. Vassilieva, S.E. Malykh, O.V. Tomashevich (Moscow) – Bes-Warrior. Egyptian Terracotta Figurines from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts 446

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

M.N. Kirillova (Moscow) – The Story of Zhebelev's Best Known Article as Told by Its Author. A Postscript to 'The Last Paerisades and the Scythian Revolt in the Bosporan Kingdom' 473

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

Yu.N. Kuzmin (Samara) – M. B. Hatzopoulos. Ancient Macedonia. Berlin–Boston, 2020 485
A.S. Kovalev (Moscow) – K. Sessa. Daily Life in Late Antiquity. Cambridge, 2018 491

PERSONALIA,

A.V. Bezrukov, *M.V. Popov* (Magnitogorsk) – Anniversary of Mikhail G. Abramzon 496

NEWS AND EVENTS

A.A. Sinitsyn (Saint Petersburg), *R.V. Svetlov* (Kaliningrad) – Conceptions and Receptions of Antiquity in Classical Studies. Academic Workshop in Memory of Professor E.A. Chiglintsev (Saint Petersburg, May 29, 2021) 498
S.G. Karpyuk (Moscow) – International Round Table 'Reception of Antiquity and Beyond' (Moscow, June 29, 2021) 502
O.Yu. Klimov, O.V. Kulishova, A.D. Panteleev, S.M. Zhestokanov (Saint Petersburg) – The XXIII Zhebelev Conference at the St. Petersburg State University (Saint Petersburg, October 27–29, 2021) 504

SUPPLEMENT

Hellanicus of Lesbos. Fragments. Translation from Ancient Greek and Commentary by *I.E. Surikov* (Moscow) (*continued*) 512

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

press.gaugn.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История

Культурология

Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории

Культура массовых коммуникаций

Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки и археология

Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).